

ПАНТЕОНЪ.

III

САНКТПЕТВРБУРГЪ.

1856.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ТРИ СТИХОТВОРЕНІЯ П. Д. ХВОЩИНСКОЙ. 1) Былъ онъ давно здѣсь. 2) Тѣни. 3) Слово	1—4
II. ЛИЛОВАЯ КОМНАТА. М. И. Воскреснскаго.	5—46
III. ГРУСТНАЯ ПѢСНЯ. В. Бенедиктова. ИЗЪ В. ГЮГО. Л. Мел. ЗАВѢЩАНІЕ. Н. Грекова.	47—52
IV. ШКОЛЬНЫЕ ДРУЗЬЯ. Разсказъ П. И. Дементьева	53—78
V. РУССКОМУ ПИСАТЕЛЮ. В. Зотова. СОМНѢНІЕ. Н. Кролл. Л.—Б.—Я. — Фрейрейса.	79—82
VI. ЛѢСНУХА. Разсказъ Н. Затмилова. (Изъ Сурскаго народнаго преданія)	83—104
VII. ЖИТЕЙСКІЯ ТРЕВОЛНЕНІЯ ЗНАМЕНИТАГО КОМЕДІАНТА. Соч. Ал. Дюма.	1—80
VIII. БѢЛОРУССІЯ, въ характеристическихъ описаніяхъ и фантастическихъ повѣрьяхъ. Волоочобники. Глѣбушкины слезки. Статья П. М. Шпилевскаго	1—28
IX. НА БАЛѢ И ВЪ ОПЕРѢ. (Изъ разсказовъ Свѣтскаго Человѣка). Н. М.	29—36
X. СКАЗАНІЕ О ПТИЦАХЪ. А. Н—ъ.	37—62

XI. СОВРЕМЕННОЕ.

I. ЛИТЕРАТУРА: Литература и общественная жизнь въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ.—Голландская литература.—Романы въ Португаліи.	
II. ИСКУССТВА: Новости парижскихъ театровъ.—Поликратовъ перстень.	
III. НОВОСТИ НАУКЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ: Свѣтъ, производимый свѣтлицами червячками.—Статистика желѣзныхъ дорогъ въ Англіи.—Большая каучуковая фабрика въ Нью-Йоркѣ.	
IV. ПУТЕШЕСТВІЯ И ОЧЕРКИ ПРАВОВЪ: Индѣйцы Гуатузосы въ Никарагуа.—Путешествіе Мальера Лацло въ Центральную Африку.—Триполійское регентство.—Восхождение на гору Попокатепетль.	
V. МЕЛКІЯ ИЗВѢСТІЯ И РАЗСКАЗЫ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ: Смерть Шенке и Гейне.—Написалъ ли актеръ Вильямъ Шекспиръ всѣ драмы, которыя извѣстны подъ его именемъ?—Общество истребленія тигровъ.—Скоростная смерть скраги.—Желѣзная мостовая въ Лондонѣ.—Свѣтъ въ Сѣверной Америкѣ.—Невольники на Бразильскомъ берегу.—Лавина въ Швейцаріи.—Телеграфъ въ Австраліи.—Испанскіе разбойники.—Праздникъ Рождества въ Австраліи.—Королевская охота въ день святаго Губерта	1—58

XII. ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

I. ЛИТЕРАТУРА.

Дѣятельность русской журналистики въ первую треть 1856 года.—Новые журналы и толки по случаю ихъ появленія. — Возраженія противъ увеличенія числа журналовъ.—Отсутствіе литературныхъ партій.—Первыя книжки.—«Собраніе иностранныхъ романовъ». — «Музыкально-Теа-

тральный Вѣстникъ.»—«Живописная Русская Библіотека».—Измѣненія въ старыхъ журналахъ.—Лирическій безпорядокъ статей.—Необходимость рубрикъ.—Общій видъ журналовъ.—Первыя четыре книжки «Отечественныхъ Записокъ».—«Рыбная ловля» г. *Майкова*.—Г. *Фетъ* и его переводъ одъ Горациа.—«Яибы» г. *Щербини*.—«Переписка» г. *Тургенева*.—«Послѣднее дѣйствіе Комедіи» г-жи *Крестовской*.—«Шлѣнь у Шамиля» г. *Вердеревскаго*.—Серьезныя статьи «Отечественныхъ Записокъ».—Отсутствіе въ нихъ журналистики и недостаточность литературной критики.—«Современникъ» въ первой трети года.—Разказы графа *А. Толстаго*.—«Рудинъ» повѣсть г. *Тургенева*.—Беллетристика и стихотворенія.—Статьи серьезныя и критическія.—Біографія Мартынова, написанная г. *Колбасинымъ*.—«Библіотека для Чтенія» въ первые четыре мѣсяца.—Бѣдность замѣчательныхъ статей.—Стихотворенія—«Софья» г. *Мел* 1—22

II. ИСКУССТВА.

До какой степени достовѣрна статистика въ произведеніяхъ искусства.—Значеніе прошлаго театральнаго сезона.—ИТАЛЬЯНСКАЯ ОПЕРА: Г-жа *Бозіо* и *Трубадуръ*.—Мейерберъ и *Съверная Звѣзда*.—Г-жи *Лотти* и *Марай*.—Составъ итальянской труппы.—РУССКАЯ ОПЕРА: Г. *Сетовъ*.—Оперный репертуаръ.—Г-жи *Леонова* и *Булохова*.—БАЛЕТЪ: Черито и *Армида*.—*Маркитантка* и *Мраморная красавица*.—*Жизель* и г-жа *Богданова*.—Возобновленные балеты.—Корифейки и кор-де-балетъ.—ФРАНЦУЗСКАЯ ТРУППА: Статистика спектаклей.—*Что такое любовь?*—*Полусвѣтъ*.—Драмы и комедіи прошлаго сезона.—Псевдо-историческія произведенія.—Водевиль.—*Я объдаю у моей матушки*.—Значеніе французскихъ артистовъ.—НѢМЕЦКІЙ ТЕАТРЪ: Старыя піесы.—Дѣятельность нѣмецкой труппы.—РУССКІЙ ТЕАТРЪ: Дебюты.—Піесы гг. *Исемскаго*, графа *Сологуба*, *Островскаго*, *Потѣхина* и *Тургенева*.—Разбойничьи и фантастическія драмы.—Плохіе водевилы.—Піесы, не имѣвшія успѣха.—Молодые актеры и надежды въ будущемъ. 23—48

XIII. НАСТАВНИЦА, или пансіонъ въ Брюсселѣ. Англійскій романъ.

Соч. г-жи *Корреръ-Белль* (*Шарлоты Бронти*.) *Часть первая* . 43—74

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ № 3.

НЕСЧАСТЬЕ ОСОБАГО РОДА. Комедія въ одномъ дѣйствіи. *В. С.*

Пенкова. 1—30

ПРИЛОЖЕНІЯ: ~~Отсутствуют~~

1. ПАМЯТНИКЪ ВЛАДИМИРУ СВЯТОМУ, работы Барона *Клода*, воздвигнутый въ Кіевѣ, въ 1855 г.

2. МУЗЫКА: Двѣ Мазурки. Соч. Графа *Г. А. Куислева-Безбородко*.

О П

ПАМТЕОНЪ.

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

О. А. Конон.

ТОМЪ XXVI.

КНИЖКА ТРЕТЬЯ.

1856.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Библиотечка
А. В. ЛУНАЧАРСКОГО

1871
18268

ПАМЯТНИКЪ

ЖИЗНИ

ИЗЪЖИЗНИ И ДѢЛЪ

ИЗЪЖИЗНИ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 15 Мая 1856 года.

Ценсоръ *И. Гончаровъ.*

1180
8000
1180

ТОМЪ VII.

КНИЖКА ПЕРВАЯ

1856

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. ДМИТРІЕВА.

ТРИ СТИХОТВОРЕНІЯ Н. Д. ХВОЩИНСКОЙ.

I.

БЫЛЪ ОНЪ ДАВНО ЗДѢСЬ.

Быль онъ давно здѣсь. Его поученія
Снятся мнѣ; — дѣтскіе свѣи
Громкія рѣчи, рѣзкость сужденія
Многимъ казались смѣшны.
«Какъ, говорили, глупость неважную
Словно порокъ осуждать!
Трусость позорную, доблесть отважную —
Также равно осмѣять;
Въ свѣтѣ отыскивать сторону черную,
Счастье разборомъ убить,
Радость — презрѣнъемъ, а горечь упорную
Словомъ прогнать: «такъ и быть!»
Гнать изъ души своей воспоминанія:
«Лишнее мѣсто займутъ!»
Дружба, любовь, и мечты, и желанія —
«Скучный, безцѣльный лишь трудъ!»
Что, если ихъ вдругъ судьба шаловливая
Бросить ему, такъ—шутя?...
Дружба къ нему должна быть терпѣливая,
Любовь — безъ понятій дтя.

Все вокругъ него—какъ равнина пустынная.
 Гордъ, недоволенъ онъ всѣмъ...
 Требуешь, учить — замашка старинная!
 Вѣрите, самъ кончить ничѣмъ.»
 Такъ толковали они. Я боялася,
 Думая все въ тишинѣ:
 Много разбилъ онъ того, что казалось
 Прежде возвышеннымъ мнѣ;
 Много убавилъ во мнѣ удивленія,
 Много сомнѣнья вложилъ,
 Много печали — затѣмъ, что забвеніе
 Счастьемъ назвалъ и хвалилъ.
 Только звучало все скорбью глубокою
 Въ желчныхъ сужденьяхъ и злыхъ,
 Смертныхъ ли помня призванье высокое
 Лучшаго ждалъ онъ отъ нихъ,
 Мстя ли за чувство святое, убитое.
 Чувство онъ сталъ убивать,
 Изъ самолюбя ль печаль, дурно скрытую,
 Злостью онъ сталъ прикрывать, —
 Сердце въ немъ, мнилось, въ тоскѣ забывалось,
 Тайнымъ сгарая огнемъ...
 Можетъ-быть что-то благое мечталось,
 Сгинувъ бесплодно потомъ...
 Кто его знаетъ?.. Теперь, въ отдаленіи,
 Розно свершая свой путь,
 Мнѣ не узнать, что въ безсильномъ стремленіи
 Кончилъ ли онъ чѣмъ-нибудь...

 II.

Т Ъ Н И.

Все въ даль летить, послѣдней красотою,
 Прощальною, здѣсь въ мірѣ отблестѣвъ,
 И облака туманною грядою,
 И стаи птицъ, и блеклый листь деревь.

Земля свой видъ мѣняетъ; небо тмится,
И пасмурно, какъ бурная волна
Колелетъ вихрь покровъ его, и мнится,
Что въ даль бѣжитъ чуть видная луна.

О, вспомнимъ тѣхъ, что отжили ихъ тѣни
Теперь предъ нами изъ гробовъ встають.
Природы смерть, людей печаль и пени
Понятны имъ, на землю ихъ зовуть.

Онѣ встають, какъ тучи листьевъ блѣдныхъ,
Оторванныхъ отъ высохшихъ стеблей,
Онѣ летять, какъ стаи птичекъ блѣдныхъ,
На дальній югъ, гдѣ лучше и теплей.

Какъ облака, кружась на просторѣ,
Онѣ свѣщать въ далекій край унести
Свою печаль и выплакать то горе,
Тѣ слезы, что не выплакали здѣсь...

Не скажемъ мы: насъ тоже ожидаетъ...
Ужель всегда къ печали и мольбѣ,
Къ любви, душа трусливо примѣшаетъ
Мысль жалкую, мысль о самой себѣ?

Нѣтъ, вспомнимъ ихъ безъ слезъ, безъ сожалѣнья.
Вѣдь, можетъ-быть, для многихъ были — какъ знать! —
Отраденъ часъ съ землею разлученья,
И имъ легко кружиться и летать.

А мы свободны... Имя, что скрывали,
Окованы приличіемъ земнымъ,
И лишь слезамъ и ночи повѣряли —
Теперь въ мольбѣ мы громко повторимъ.

III.

С Л О В О.

О, если бы изъ словъ, и лишнихъ, и напрасныхъ,
 Что даромъ тратятся, изъ шутокъ вздорныхъ, праздныхъ,
 Изъ лицемѣрныхъ клятвъ, клеветъ, обмановъ злыхъ,
 Корыстныхъ, ропота, ничтожныхъ сожалѣній,
 Изъ всѣхъ безжалостныхъ, разсчетливыхъ суждений
 Холодной мудрости, забывшей о другихъ, —
 Избрать слова — и въ пѣснь сложить ихъ, чтобъ предстали
 Пустые люди въ ней живыми и узнали
 Себя, какъ въ зеркалѣ, и чтобы образъ свой
 Возненавидѣли и, отвращая взоры,
 Постигли правоту и гнѣва, и укора
 Тѣхъ, что съ презрѣнiемъ зовутъ они *толпой*.

Пусть будетъ эта пѣснь не пѣснью примиренья;
 Но слову на землѣ есть также назначенье,
 И пусть хоть разъ одинъ оно его свершить,
 И если не за мiръ, неправдою несчастный,
 Такъ за себя, сто разъ звучавшее напрасно —
 Пускай торжественно то слово отомститъ!

ЛИЛОВАЯ КОМНАТА.

М. И. ВОСКРЕСЕНСКАГО.

I.

ПРІЯТНЫЕ ХЛОПОТЫ.

Какъ у меня весело на душѣ! Какъ хорошъ мнѣ кажется весь Божій міръ! Даже самая зима нынѣшняго года мнѣ кажется лучше и пріятнѣе, нежели всѣ прошлыя весны и лѣтнія поры! Самый морозъ... Да что же такое за бѣда, морозъ? Морозъ еще лучше, чѣмъ тепло: онъ живить, бодрить какъ-то человѣка! Закутаешься въ шубу, летишь на санкахъ, какъ по желѣзной дорогѣ.... носъ только немножко озябаетъ... впрочемъ и за дѣло ему; не суйся впередъ всего организма человѣческаго! Ну, право, мнѣ такъ весело, что я готовъ почти пѣть, танцовать, обнять не только извозчика, который везетъ меня теперь, но, пожалуй, и все человѣчество разомъ, если только удастся обхватить его моими объятіями! Трала-ла! Трала-ла! Трала-ла! Дери-ли-ри-ла! (Тутъ слѣдовало бы приложить строку нотъ, чтобы читатель зналъ мотивъ моего: «трала-ла» но представьте, какая жалость! Наборныхъ нотъ нѣтъ въ типографіи, а гравировать долго... Такъ и быть; оставимъ пока до времени, хоть и досадно, тѣмъ болѣе, что мотивъ-то прекрасный.)

Но, ба! К чему же я так много разболтался и разпѣлся,—прежде всего всякій вправѣ спросить меня,—чему я так радуюсь и что за счастье послалъ мнѣ вдругъ Господь въ жизни? Именно, вопросъ резонный, и я съ новымъ удовольствіемъ, или лучше сказать, съ восторгомъ спѣшу удовлетворить справедливое любопытство.

Поздравьте меня, милостивые государи и милостивыя государыни, я—женихъ! Что за чудное, что за милое, что за волшебное слово: женихъ! Какъ весело, носить на себѣ это заманчивое имя! Жаль только, что срокъ коротокъ: въ первыхъ числахъ слѣдующаго мѣсяца у насъ назначена свадьба... Впрочемъ, одно другаго стоитъ. Свадьба! Это тоже не дурное слово... Да да, еще разъ повторю: я женихъ, скоро моя свадьба и вы конечно поняли теперь вполне, отчего мнѣ такъ весело смотреть въ настоящую минуту на свѣтъ Божій?

Славное состояніе и настроеніе духа! Я даже не понимаю, почему я не женился раньше и цѣлыя двадцать восемь лѣтъ прожилъ на свѣтѣ такъ, ни для чего почти... оно правда, я учился въ это время кое-чему и жилъ не совсѣмъ скучно, особенно въ послѣдніе годъ, но все же это не то, что моя милая, обворожительная Соничка! Я забылъ отрекомендовать вамъ мою невѣсту и извѣстить, что ее зовутъ Софьей Павловной. Имя-то немножко грибоѣдовское, да ничего, просто милушка, такая прелесть, что дай Богъ всякому!

Да-съ! Такъ вотъ я—женихъ! Невѣста молода, красавица собой, не бѣдна, а это тоже не послѣднее качество; бѣдная невѣста—плохая вещь; въ этомъ согласится со мною всякій порядочно-разсуждающій человѣкъ; а что бѣдность не порокъ—тоже пустячки! Не добродѣтель же вѣдь она въ самомъ дѣлѣ? Да и всѣ русскія поговорки, они умны, слова нѣтъ, да какъ приспособляютъ-то ихъ у насъ не кстатѣ, такъ и выходитъ глупо.

Но я зарепортовался, а у меня еще куча дѣла, или такъ называемыхъ въ жизни «приятныхъ хлопотъ». Повторимъ все въ памяти, чтобы не забыть. Во-первыхъ, заѣхать къ мебельщику, къ ювелиру, къ мадамъ Сихлеръ, справиться, будетъ ли готова завтра къ двѣнадцати часамъ новая Соничкина шляпка; къ моему портному—примѣрить новое пла-

тье, — вотъ кажется, и все на выпѣшнее утро? Анъ не все, двѣ вещи забылъ, какъ забылъ! А два-то новые романа Булохова для Сонички? А лиловыя-то обои для будущаго Соничкина будуара? Надобно поторопиться. Дѣла не мало. А главное, не опоздать бы къ дялюшкѣ. Онъ, какъ симбирскій житель, выписанный только на мою свадьбу въ Москву, имѣеть обыкновеніе обѣдать не позже двухъ часовъ... *Лети мой конь! Лети стрѣлю!*... Виновать, съ радости чуть не принялся за стихосложеніе, а въдь изъ этого тоже бы вышла задержка. Скажемъ смиренной прозой: — Захаръ! да погоняй, братецъ! Благо хороша дорога и ухабовъ еще мало по улицамъ.

Захаръ сдѣлалъ ко мнѣ полуоборотъ лицомъ, причемъ показалъ, какъ бы не красиво было, еслибъ у кучеровъ вмѣсто обыкновенныхъ черныхъ бородъ, висѣли нескладные комки снѣгу, прикрѣпляясь ледяными веревочками, образующимися изъ усовъ, что было съ нимъ въ настоящую минуту по милости двадцати-шести градусовъ мороза, и сказалъ довольно равнодушно для изыбшаго чело-вѣка: «— Чего еще погонять? И то какъ на пожаръ скачемъ!.. Извѣстно, въдь: супротивъ питерской чугулки не уѣдешь!»

Чугункой Захаръ обыкновенно титуловалъ, и не извѣстно почему еще всегда съ какимъ-то досаднымъ пренебреженіемъ, нашу С.-Петербургскую желѣзную дорогу.

Оказалось, что мы дѣйствительно ѣхали хорошо. Всѣ мои дѣла и пріятные хлопоты успѣлъ я покончить гораздо скорѣе, нежели предполагалъ, и слѣдовательно явился къ дялюшкѣ чуть-ли не за часъ до его ранняго обѣда.

Но такъ какъ мой дялюшка главный герой моего настоящаго разсказа, то не лишнимъ считаю предвари-тельно познакомить съ нимъ читателя, если не вполне, то по-крайней-мѣрѣ такъ, знаете, легкимъ, фельетоннымъ очеркомъ.

II.

Дялюшка-ворчунъ.

Дялюшка мой, Матвій Моисеевичъ Тигорскій, родной братъ покойнаго моего отца, былъ старикъ шестидесяти-

пяти лѣтъ, но еще такой бодрый и свѣжій, что могъ легко заткнуть за поясъ любаго изъ нашихъ сороколѣтнихъ молодящихся волокитъ московскихъ; родомъ былъ онъ коренной москвичъ; — въ свое время считался не только ученымъ, но и умнымъ человѣкомъ. Обѣхалъ не только всю Россію по дѣламъ службы, но едвали и не всю Европу. Былъ даже порядочный кутило во время оно, потомъ остепенился, женился, разбогатѣлъ, нажилъ себѣ тысячу душъ въ Симбирской губерніи и цѣлыя двадцать пять лѣтъ до настоящаго времени проживалъ тамъ уже старымъ вдовцемъ, велюдимомъ, занимаясь отчасти сельскимъ хозяйствомъ, отчасти чтеніемъ иностранныхъ книгъ, до которыхъ онъ былъ смертельный охотникъ, потому-что зналъ въ совершенствѣ чуть ли не всѣ новѣйшіе современные языки, хотя упрямо не говорилъ ни съ кѣмъ ни на какомъ, кромѣ роднаго русскаго, да и на томъ всегда почти бранился со всѣми, или, правильнѣе сказать, ворчалъ на всѣхъ и на все; почему я и прозвалъ его дялюшкой-ворчуномъ. Сказывали мнѣ, что съ-молоду дялюшка былъ веселаго характера, который исчезъ у него совершенно, не столько отъ лѣтъ, сколько отъ потери жены: онъ ее любилъ такъ сильно и горячо, какъ въ наше время уже не любятъ господа мужья, и какъ развѣ только я буду любить, для примѣра другимъ, мою безподобную Соничку! Дялюшка былъ бездѣтенъ; изъ всѣхъ его родственниковъ самый ближайшій; я былъ родной его племянникъ, слѣдовательно... понимаете?... Давай Богъ и вамъ побольше такихъ дялюшекъ съ тысячами душъ въ Симбирской или тамъ въ какихъ бы то ни было губерніяхъ; много разбирать нечего; все хорошо. Да и самое ворчанье такого стараго дялюшки почему не снести? И молодость имѣть свои слабости, а старости ихъ и подавно простить можно.

Главную чертою характера моего старика-дялюшки было какое-то безотчетное упрямство въ однажды-принятомъ имъ мнѣніи. Ужъ если онъ сталъ на чемъ, такъ его ничемъ не собьете съ толку. Онъ въ этомъ отношеніи былъ, такъ сказать, старовѣръ, хотя впрочемъ и очень не глупый. Я замѣтилъ выше, что онъ больше всего любилъ чтеніе. Чтѣ же вы думаете? вѣдь и въ этомъ онъ по какому-то непостижимому упрямству не хотѣлъ сознаться.

Я зналъ, напримѣръ, что онъ выписываетъ себѣ въ Симбирскую губернію всѣ существующія на Руси толстыя и тощенькіе журналы, всѣ возможные газеты и читаетъ ихъ, что называется, отъ доски до доски, равно, какъ и вновь выходящія книги, какого бы содержанія онѣ ни были; а между-тѣмъ онъ прикидывался ничегъ не знающимъ и не читающимъ, кромѣ книгъ иностранныхъ.

— Развѣ русское можно что-нибудь читать? говорилъ онъ мнѣ, повидимому съ сердцемъ: пишутъ все одни пошлости.

Я, разумѣется, спорилъ, онъ ничего не хотѣлъ слушать.

И театръ любилъ дядюшка, съ-молоду былъ даже, что называется, записнымъ театраломъ, и теперь въ послѣдній прїездъ свой, послѣ двадцатилѣтняго отсутствія изъ Москвы, онъ не пропускалъ ни одного спектакля, а каждый разъ, воротясь домой, на вопросъ мой, понравился ли ему сегодняшній спектакль, отвѣчалъ обыкновенно: «Не знаю. Я продремалъ тамъ преспокойно весь вечеръ. Какъ-будто въ настоящее время есть порядочныя пьесы и порядочные актеры?»

— Зачѣмъ же вы ѣздите каждый вечеръ въ театръ, дядюшка? спрашивалъ я.

— Куда же дѣвать длинный вечеръ. Въ карты не играю, сметничать не люблю, а до свадьбы твоей остается еще недѣли три времени; куда же я его дѣну?

Но чтобы лучше и вѣрнѣе опредѣлить характеръ и образъ мыслей моего ворчуна-дядюшки, Матвѣя Моисеевича Тигорскаго, я введу читателя къ нему въ номеръ. Дядюшка остановился у Шевалье, и несмотря ни на какія мои просьбы переѣхать ко мнѣ, жилъ-себѣ тутъ, не любя никого женировать, какъ говорилъ онъ, да не позволяя стѣсняться ничѣмъ и самому себѣ въ однажды-принятыхъ привычкахъ.

Окончивъ мои прїятные хлопоты, какъ знаетъ читатель, часомъ ранѣе, нежели я предполагалъ, и проѣзжая мимо книжной лавки, я захватилъ себѣ только-что высланные изъ Петербурга «Отечественныя Записки», «Современникъ» и «Пантеонъ» и съ этимъ довольно толстымъ узелкомъ въ рукахъ вошелъ къ дядюшкѣ. Съ этого литературнаго узла завязался и разговоръ нашъ.

Привожу его въ подробности для того, чтобы вполнѣ обрисовать странный характеръ моего дядюшки-ворчуна.

— Здравствуйте, дядюшка!

— Доброе утро!

— Какъ ваше здоровье?

— Скверно. Все кашляю. Какая у васъ глупая погода въ Москвѣ.

— Ужели же глупѣ вашей, Симбирской, дядюшка?

— Разумѣется. Гдѣ рыскалъ? Что это у тебя за огромный узище?

— Ъздилъ кой по какимъ дѣламъ и комиссіямъ. У жениховъ, дядюшка, всегда куча хлопотъ. Огромный узище, какъ называете вы его, съ новыми петербургскими журналами за прошлый мѣсяцъ.

— Съ какими журналами?

— «Отечественныя Записки», «Современникъ», «Паутевъ».

— А они развѣ еще выходятъ?

— Будто бы не знаете, дядюшка?

— Почему же мнѣ знать: я не читаю ничего русскаго.

— Полноте притворяться, дядюшка, сказалъ я со смѣхомъ и закуривая мою сигару въ ожиданіи обѣда. Какъ будто я не знаю, что выписываете себѣ и московскіе и петербургскіе журналы въ свою симбирскую берлогу! Самъ, помнится, еще и подписывался для васъ на получение ихъ.

— Съ чего ты взять? это для моего сосѣда, старика Тукмакова. Онъ не знаетъ языковъ и поневолѣ читаетъ по-русски.

— Положимъ что такъ; но отчего же вы-то сами, дядюшка, такой записной врагъ отечественной словесности?

— Нечего и некого читать у насъ.

— Помилуйте, дядюшка. Ужъ это вопіющая несправедливость! У насъ, особенно въ послѣднее время, появилось столько поэтовъ замѣчательныхъ и романистовъ талантливыхъ....

— Поэтомъ на Руси я признаю одного Пушкина; а все новѣйшіе романы самыхъ талантливыхъ романистовъ я читаю въ подлинникахъ.

— То есть?.. что вы хотите сказать этимъ словомъ, дядюшка? я не совсѣмъ понимаю васъ.

— А оно очень просто. Все ваши новые романы — слабая подражанія или французскому, или английскому; а я знаю хорошо эти два языка и аборированъ постоянно въ иностранныхъ библиотекахъ для чтенія.

— Ну, дядюшка, какъ хотите, а ужъ это изъ-рукъ-вонъ! почти съ досадою вскринулъ я. Какъ? наши новѣйшіе русскіе романы и повѣсти, по вашему мнѣнію, не болѣе, какъ передѣлки съ чужихъ языковъ?

— Разумѣется.

— Какъ? такъ по вашему все, что доселѣ читали мы съ такимъ удовольствіемъ, чтобы не сказать съ наслажденіемъ...

— Довольствуйтесь и наслаждайтесь, я не мѣшаю вамъ, только оставьте меня въ покоѣ!

— Но, дядюшка, имѣйте же терпѣніе выслушать отъ меня нѣсколько словъ въ защиту родной словесности и позвольте высказать вамъ...

— Позволю, высказывай.. До обѣда еще остается добрыхъ три четверти часа.

Я собрался съ духомъ, снова закурилъ погасшую во время нашего горячаго диспута сигару и, обращаясь къ дядюшкѣ, который курилъ трубку по старой привычкѣ, а наль сигарками смѣялся упрямо, точно также, какъ и надъ всѣми нововведеніями, началъ:

— Вотъ видите что, дядюшка... Мудрено мнѣ будетъ убѣдить васъ въ вашемъ ошибочномъ мнѣніи насчетъ новой отечественной литературы, потому-что вы давно ничего не читаете русскаго...

— Все равно; говори такъ, какъ-будто этого препятствія и не было.

Я улыбнулся; дядюшка смѣкнулъ чему и прибавилъ скороговоркой:

— Самъ я не читаю, но сосѣдь мой Тукмаковъ часто многое рассказываетъ мнѣ.

— Хорошо. И такъ, дядюшка, неужели вы назовете передѣлками съ французскаго или англійскаго языка, напри- мѣръ, романы: *Рыбаки*, *Плотничья артель*, *Переселенцы*...

— Остановись, племянникъ! съ сердцемъ вскричалъ мой дядюшка и пустилъ въ меня такое густое облако табачнаго дыма изъ своей огромной трубки, что я поневолѣ

закашлялся: — остановись! Я знаю, что ты хочешь говорить. Все эти три названія, которыя упомянулъ ты, относятся къ вашей новѣйшей школѣ, — какъ рассказывалъ мнѣ сосѣдъ Тукмаковъ, — а я ничего не хочу и слышать объ нихъ, воля твоя. Эту вашу новую школу я прохожу каждый день съ моими мужиками: плотничья артель у меня постоянно на заднемъ дворѣ, гдѣ я строю новыя конюшни. Чѣмъ писать на бумагѣ о кабакахъ, о дракахъ, о кулачномъ боѣ, или о пляскѣ въ присядку съ полустофомъ пѣннаго въ рукахъ, по-мнѣ ужъ лучше перекрещивай Адольфовъ, да Артуровъ въ Петровъ-Иванычей, да въ Антоновъ-Прохорычей, а Амалій и Христинъ, въ Авдотьи-Савишны или тамъ въ Прасковьи-Борисовны какія-нибудь и перешивай французскіе кафтаны на русскій ладъ, лишь бы только изъ этого выходило что-нибудь порядочное. Спору нѣтъ, что хорошо свое родное, кровное: да коли его нѣтъ еще, какъ слѣдуетъ, не брезгай и чужимъ, если оно толковито, да полезно. Конечно, въ произведеніяхъ словесности весьма важно, чтобы люди походили на людей, то есть, чтобы они были вѣрны натурѣ, но я отнюдь не вижу причины выбирать въ натурѣ одни отребія человѣчества, однѣ подонки общества, чтобы, размазавъ ихъ яркими красками, — плѣнять этимъ читателя. Это одностороннее направленіе литературы указываетъ только на крайнюю испорченность, или вѣрнѣе, на рѣшительный недостатокъ — какъ вы это тамъ называете — эстетическаго вкуса. А новая ваша мужицкая литература чистая нелѣпность: или мнѣ русскаго мужика рисуютъ въ идеализированномъ видѣ, чуть не аркадскимъ урожденцемъ, или ужъ представляютъ его гадкимъ до-вельзя, безъ всякихъ человѣческихъ побужденій, кромѣ аппетита къ пѣннику, или къ деньгамъ. И то и другое ложь, стало быть, не можетъ быть основой художественнаго произведенія. Пора вамъ очнуться, господа! Пора поискать въ русской натурѣ чистыхъ началъ, можетъ-быть затертыхъ необразованностію, невѣжествомъ, но все-таки ей прирожденныхъ; развивайте ихъ, научайте, представляйте доблестные примѣры, — это будетъ служба отечеству и служеніе искусству; тогда я поклонюсь передъ геніями, которыхъ ваши журналы создаютъ изъ своихъ сотрудниковъ, и общаюсь читать всѣ

ваши прославляемые произведения. Однимъ словомъ, любезный племянникъ, если ты не хочешь меня разсердить не на шутку, а главное—испортить мой аппетитъ къ обѣду, то ни слова болѣе объ этомъ; начнемъ что-нибудь другое, прошу тебя покорнѣйше! Я ужъ давно не говаривалъ такъ много и не горячился изъ пустяковъ; побереги мою стариковскую грудь. У васъ, въ Москвѣ, того и жди, что надсадишь ее ни за что, ни прочто.

И дядюшка, вставши съ своего мѣста, началъ, довольно-шибко для его лѣтъ, бѣгать по своей комнатѣ, пуская такіе густые клубы дыму изъ своей трубки, что онъ на эту минуту былъ почти похожъ на разгнѣваннаго Юпитера, движущагося грозно въ туманныхъ тучахъ.

Мнѣ стало ужъ не въ шутку досадно на такое настойчивое и несправедливое мнѣніе старовѣра-дядюшки, но, не желая снова вступать въ бесполезный споръ, я замолчалъ и даже съ несдержанною досадою швырнулъ сердито въ уголь мою не совѣмъ докуренную сигарку—и, взявъ мой узелъ, схватился за шляпу.

Дядюшка всталъ съ своего мѣста, пошелъ въ уголь и очень хладнокровно погасилъ ее, придавя ногой и примолвя:— не бросай съ огнемъ; пожалуй, этакъ еще пожаръ сдѣлаешь!

Потомъ онъ сѣлъ опять на свое мѣсто, и видя, что я все молчу, спросилъ отрывисто:

— Чтò ты, осердился, что ли на меня?

— Нѣтъ, дядюшка.

— Отчего же ты замолчалъ?

— Да чтò же мнѣ остается говорить? Мы какъ-то все не сходимся въ нашихъ мнѣніяхъ.

Дядюшка улыбнулся и улыбнулся такъ добродушно и хладнокровно, что мнѣ, право, въ эту минуту хотѣлось бы съ-досады щипнуть его изо всѣхъ силъ.

— Такъ чтò же? у каждого свое мнѣніе. Высказать его добросовѣстно обязанъ всякой. Тотъ не понимаетъ дѣла, кто на это сердится. У тебя, а можетъ-быть и у болѣе части публики, одно мнѣніе на-счетъ этой захваленной литературы, а у меня другое. Чтò же изъ этого? И ты и я можемъ ошибаться; а ссориться намъ изъ-за этого все-таки нѣтъ никакого резона; братья за шляпу, когда хлѣбъ-соль на столѣ, тоже неприлично.

Хладнокровный ли тонъ дядюшки, мысль ли о томъ, что изъ-за чужихъ твореній, пожалуй можетъ разстроиться, моя свадьба, ибо безъ содѣйствія богатаго дядюшки-ворчуна, котораго я считался ближайшимъ и единственнымъ наследникомъ, дѣла мои могли взять совершенно другой, весьма неприятный для меня оборотъ,—какъ бы то ни было, только я положилъ опять на старое мѣсто шляпу и узелъ съ журналами, рѣшился остаться и хладнокровно дослушать его старовѣрческія разсужденія.

Между-тѣмъ подали обѣдать и остальной нашъ разговоръ продолжался уже во время стола, къ концу котораго явилась и официальная за мужскимъ обѣдомъ бутылка шампанскаго.

Я старался по-возможности отклонить разговоръ о спорномъ предметѣ, чтобы опять не выдти изъ себя, но дядюшка-ворчунъ завелъ рѣчь о театрѣ и пошелъ разбирать артистовъ на свой ладъ.

— Нѣкоторыхъ изъ нихъ я зналъ и за двадцать пять лѣтъ, съ разстановкою сказалъ онъ:—Стружкинъ вашъ все такой же, какъ и прежде...

— Какой Стружкинъ, дядюшка? Такого артиста и нѣтъ у насъ въ Москвѣ?

— Ну какъ же, этотъ... Ну, еще которому бычка-то подарили?

— Щепкинъ, хотѣли вы сказать, дядюшка.

— Ну, Щепкинъ, Стружкинъ, разница не большая...

Дядюшка имѣлъ особенный даръ перемѣнять чужія и въ особенности весьма извѣстныя фамиліи, а можетъ-быть онъ только прикидывался такимъ, по своей всегдашней системѣ,—ко всему показывать пренебреженіе.

— Щепкина я зналъ еще и за 25 лѣтъ, онъ все такой же, какимъ я видѣлъ его въ первый его дебютъ на московской сценѣ, въ комедіи «Ботъ или англійскій купецъ», продолжалъ дядюшка.

— Слѣдовательно, онъ одинаково хорошъ всегда, дядюшка, замѣтилъ я.

— Ты сказалъ правду. Онъ одинаково хорошъ всегда; только по моему крайнему разумѣнію, артистъ долженъ быть всегда не одинаково, а разнообразно хорошъ. Что же

касается до молодого артиста, вашего хваленого Крикуновского...

— Да откуда выкапываете вы такія фамиліи, дядюшка Крикуновскаго у насъ и не бывало на сценѣ. Не Шумскій ли, хотите вы сказать...

— Ну да, шумъ, крикъ, какъ-будто это не все одно и то же. Этотъ артистъ, по-моему, уменъ, да холоденъ. Хорошъ онъ только, когда гримируется въ роляхъ стариковъ.

— Ну, а про Садовскаго что вы скажете? Вотъ вамъ самый отличный и разнообразный талантъ. Онъ разъ въ свой бенефисъ давалъ даже шекспировскую пьесу и игралъ «Лира»...

— А Живокини «Отелло» не игралъ у васъ? вмѣсто отвѣта спросилъ меня дядюшка.

— Нѣтъ, не игралъ.

— Напрасно. Ему, бы попробовать; можетъ и хорошо бы вышло. Рыкалова больше всѣхъ мнѣ понравилась въ этой пьесѣ.

Поздравляю Надежду Васильевну съ огромнымъ успѣхомъ. Заслужить слово «мнѣ понравилась больше всѣхъ» отъ такого человѣка, какъ мой дядюшка-ворчунъ — это признакъ несомнѣннаго таланта.

За бутылкою шампанскаго, когда мы снова закурили, я сигару, а дядюшка трубку, разговоръ еще болѣе оживился, мы выпили первый бакаль за здоровье моей невѣсты, а второй...

Но что же это я? Вѣдь я началъ рассказъ мой подъ заглавіемъ: «Лиловая комната», а до сихъ поръ толкую только объ моемъ дядюшкѣ-ворчунѣ. Не вправѣ ли всякій мнѣ сказать: да что же это за Лиловая комната? Гдѣ она? Почему мы до сихъ поръ въ ней не были. А вотъ сейчасъ!

Только-что мы съ дядюшкой успѣли выпить по второму бокалу шампанскаго, на стѣнныхъ часахъ въ номерѣ пробило три. Дядюшка стремительно выскочилъ изъ-за стола, подбѣжалъ къ письменному столу и снялъ со стѣны свои большіе карманные часы, висѣвшіе у него въ башмачкѣ, но не такомъ, какой обыкновенно бываетъ для этого употребленія, а хотя и въ маленькомъ, но имѣвшемъ форму и видъ настоящей женской туфли, фиолетоваго бархата,

отороченной горностаемъ. У дядюшки во всемъ оригинальность!

Нѣсколько удивленный тѣмъ, что старикъ выскочилъ такъ стремительно изъ-за стола, гдѣ еще стояла недопитая бутылка вина, и выскочилъ именно за тѣмъ, чтобы завести свои часы, я разумѣется сдѣлалъ ему вопросъ на-счетъ этого обстоятельства.

— Я уже тридцать лѣтъ имѣю обыкновеніе ровно въ это время заводить часы мои, точно также, какъ и они ровно тридцать лѣтъ не висятъ иначе, какъ въ этомъ бархатномъ башмачкѣ; отвѣчалъ дядюшка, садясь опять за столъ.

— Скажите лучше въ туфлѣ, дядюшка! со смѣхомъ возразилъ я.

— Пожалуй, хоть въ туфлѣ, если хочешь.

— И вѣрно у васъ, дядюшка, связано съ этимъ какое-нибудь важное и, еще скорѣе, пріятное воспоминаніе вашей молодости?

— Ты угадалъ. И эта женская туфля и то, что я всегда завожу ровно въ три часа мои, имѣетъ для меня весьма достаточное основаніе... Но что это такое ты выронилъ на полъ, вынимая изъ кармана платокъ? спросилъ дядюшка, увидя, что я нагибался поднять небольшой свертокъ, дѣйствительно выпавшій случайно изъ моего кармана.

— Это образчики обоевъ, которые покупаю я для обивки комнатъ къ моей свадьбѣ. Я захватилъ ихъ съ собою для того, чтобы уже вечеромъ показать моей Соничкѣ.

— Покажи прежде мнѣ, сказалъ дядюшка.

— Съ удовольствіемъ.

И я развернулъ передъ нимъ образики обоевъ. Онъ началъ внимательно разсматривать.

— Хороши ли, дядюшка? спросилъ я.

— Не всѣ...

— Которыя же вамъ не нравятся?

— Лиловыя.

— Право? жаль. Другія я могъ бы перемѣнить, а эти непременно должны пойти въ дѣло.

— Почему?

— Потому, что Соничка именно меня просила, чтобъ одна изъ нашихъ комнатъ была лиловая.

— А какая же будетъ это комната, то есть, для какого употребленія она назначается твоей невѣстой?

— Это будетъ нѣчто въ родѣ ея домашняго кабинета. Знаете, гдѣ бы ей иногда можно было и отдохнуть одной и заняться чѣмъ-нибудь, не бывши еще одѣтой, какъ слѣдуетъ; однимъ словомъ, дядюшка, лиловая комната будетъ принадлежать собственно ей одной. Я нарочно выбралъ эту комнату окнами въ садъ, чтобы Соничкѣ было веселѣе уединеніе, когда она вздумаетъ ему предаться, что, впрочемъ, будетъ не часто, за это я вамъ ручаюсь, дядюшка!

— Ручаться ни за что нельзя въ жизни, любезный мой племянникъ, мрачно и съ небольшою разстановкою сказалъ дядюшка: — а что касается до лиловыхъ обоевъ, я бы на твоёмъ мѣстѣ никакъ не выбралъ этого колера.

— Почему такъ, дядюшка?

— Такъ... не выбралъ бы, да и все тутъ!

— Не можетъ быть, дядюшка; у васъ вѣрно есть въ головѣ что-нибудь...

— Въ головѣ у всякаго чловѣка есть одно: именно мозгъ; только у одного больше, у другаго меньше, — вотъ и вся разница. Что же касается до лиловыхъ обоевъ... Я, признаюсь тебѣ, страхъ не люблю этого цвѣта, по одному происшествію, по одному воспоминанію тоже лиловой комнаты... Хочешь, я расскажу тебѣ?

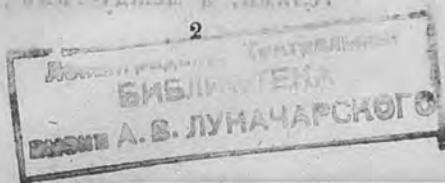
— Сдѣлайте одолженіе, дядюшка!

— Оно, коли ты хочешь, и вздоръ, да вѣдь у насъ стариковъ такая ужъ упрямая натура, что разъ зашло въ голову, коломъ не выбьешь, по русской поговоркѣ.

— Ничего, дядюшка; все-таки расскажите. Старческая опытность — лучшая школа для молодости.

— Оно, пожалуй, что и такъ, — сказалъ дядюшка, доливая въ бокалы оставшее вино и закуривая свою трубку: — а ужъ къ этому кстати, прибавилъ онъ, я объясню тебѣ и то, что тебя такъ удивило недавно, то есть, мою непрѣмьную аккуратность заводить часы всегда ровно въ три по полудни... Можетъ-быть и это тебѣ пригодится, не меньше рассказа о лиловой комнатѣ.

Отд. I.

Шиб 10462. 9871

— Съ нетерпѣніемъ жду разсказа, дядюшка.

Мы оба сѣли на мягкихъ креслахъ у затопленнаго камина, со всевозможнымъ комфортомъ, и дядюшка, помолчавъ нѣсколько минутъ, какъ-бы собиравшись съ мыслями и припоминая давнопрошедшее, началъ разсказъ свой.

III.

Ч А С Ы.

«Отецъ мой, а твой дѣдъ, былъ человѣкъ, какихъ въ настоящее время, что называется, и со свѣчей не сыщешь. Мало того, что онъ былъ полезенъ Царю и Отечеству своею службой, онъ и какъ семьянинъ, и какъ сосѣдъ, и какъ дѣловой совѣтникъ во всякомъ случаѣ, пользовался отличнымъ уваженіемъ отъ всѣхъ, кто только зналъ его. Последніе преклонные годы своей жизни онъ провелъ въ деревнѣ, слѣдовательно, ты понимаешь, что мы были врознь съ нимъ, потому-что я это время былъ ужъ на службѣ въ Москвѣ. Последнее мое свиданіе съ отцемъ было наканунѣ его смерти, въ нашей Симбирской деревнѣ, куда на почтовыхъ прискакалъ я, будучи извѣщенъ объ опасности его положенія... Да! Этого дня я не забуду до самой последней минуты моей жизни. Это послѣднее свиданіе я часто вижу еще и теперь, въ тревожныхъ снахъ моихъ, несмотря на то, что между-тѣмъ днемъ, въ который это было, и этимъ, въ который я разсказываю тебѣ, легло много времени.»

Тутъ дядюшка остановился на минуту и поникъ головою, какъ-будто вызывая далекое прошедшее, потомъ вздохнулъ тяжело, прихлебнулъ вина изъ бокала, затянулся табакомъ и продолжалъ:

«Ужъ коли говорить, такъ говорить все. Передъ другимъ бы немножко совѣстно, а ты свой человѣкъ, къ тому же я и разсказываю тебѣ всѣ эти вещи не для удовлетворенія одного твоего любопытства, а вмѣстѣ и въ назиданіе.»

«Былъ тогда въ ходу и въ модѣ переводный романъ Кюцебу, подъ названіемъ: «Отъ дурнаго корня добрыя отрасли». Правился онъ и мнѣ на ряду съ другими читателями, а между-тѣмъ, странное дѣло! всѣми моими по-

ступками и всё въ образъ моей жизни я какъ-будто старался сочинить романъ совершенно подь противоположнымъ названіемъ и доказать свѣту, что наоборотъ, бывають и отъ добраго корня отрасли дурныя... Однимъ словомъ, я былъ совершенною противоположностью моему отцу и ровно столько же имѣлъ недостатковъ, сколько тотъ достоинствъ.

«Жилъ я, или лучше сказать, жуировалъ въ Москвѣ-бѣлокаменной, тогда какъ отецъ мой однихонекъ жилъ въ своей дальней деревнѣ. Слухомъ земля полнится. Онъ и вдалекѣ зналъ о моихъ молодецкихъ похожденияхъ, много разъ писалъ мнѣ умныя, увѣщательныя письма, всегда почти со вложеніемъ довольно толстой пачки ассигнацій. Но мнѣ было, по русской пословицѣ, все «какъ къ стѣнѣ горохъ». Письма читались безъ вниманія, деньги тратились безъ расчета и такимъ-то глупымъ образомъ дѣла мои шли до тѣхъ самыхъ поръ, пока я получалъ письмо изъ села, отъ управляющаго, который извѣщалъ меня о внезапной болѣзни моего старика-отца и просилъ, не медля ни минуты, скакать туда, если я хочу застать его въ-живыхъ и принять послѣднее благословеніе.

«Сколько я ни былъ повѣсою, но, разумѣется, все же не камень вмѣсто сердца у меня въ груди. Я поскакалъ и, дѣйствительно, пріѣхалъ только за два дня до отцовою смерти, за что и до сихъ поръ благодарю и благословляю Провидѣніе. Безъ этого послѣдняго родительскаго благословенія и предсмертныхъ его совѣтовъ я непременно пропалъ-бы окончательно.

«Страшное дѣло, какъ ивогда вещь, повидимому, ничего не значущая, сильно дѣйствуетъ на наше воображеніе, или правильнѣе сказать, на нашу душу!

«Между многими совѣтами, увѣщаніями и распоряженіями, которыя передалъ мнѣ умирающій отецъ, было вотъ какое обстоятельство: На столикѣ, стоявшемъ подлѣ его кровати — были карманные, старинные золотые часы — тѣ самые, которые я завелъ сейчасъ. Послѣдняя наша бесѣда происходила послѣ обѣда. Ровно въ три часа, отецъ мой, несмотря на свою слабость, дрожащею рукою взялъ эти часы и завелъ ихъ съ тяжелымъ вздохомъ, какъ-будто чувствуя, что это уже въ послѣдній разъ въ его жизни.

— «Сынъ мой, сказалъ онъ мнѣ, подавая эти часы и маленькій золотой ключикъ: — возьми эти часы и носи ихъ всегда съ собою. Мой покойный отецъ также на смертномъ одрѣ отдалъ мнѣ ихъ, какъ свою любимѣйшую вещь и заповѣдалъ беречь ихъ и заводить всегда въ три часа. Впродолженіи всей моей жизни, я ни разу не забылъ завести ихъ въ урочное время, за то и они съ незапамятнаго времени ходятъ вѣрно... Препоручаю ихъ тебѣ съ такимъ же зарокѣмъ. Никогда не забывай ихъ завести во-время. Это приучитъ тебя къ аккуратности и въ то же время каждый день напомнитъ тебѣ отца, съ которымъ ты увидишься не ранѣе, какъ въ вѣчности. Не смѣйся надъ этимъ приказаніемъ, сколько оно повидимому ни ничтожно; мнѣ оно послужило въ большую пользу; пусть и тебѣ послужитъ также; стыдно тебѣ будетъ, если отъ твоей нерадивости или разсѣянности, эти вѣрные родовые часы останутся когда-нибудь...

«Я взялъ часы и вотъ они до сихъ поръ ходятъ такъ же вѣрно и исправно, какъ и при покойномъ отцѣ. Гдѣ бы я ни былъ, чѣмъ бы я ни былъ занятъ, я никогда не забывалъ завести ихъ въ урочное время и, сказать ли тебѣ правду, племянникъ: эта повидимому ничтожная и для многихъ, пожалуй, смѣшная аккуратность, послужила мнѣ въ большую пользу и въ другихъ дѣлахъ моихъ. Можно сказать, съ этого самаго дня, какъ я получилъ эти часы, я сдѣлался порядочнымъ человѣкомъ. Они напоминали мнѣ ежедневно и совѣты умирающаго отца и то, что я самъ смертенъ и многое другое, чего я не въ состоянн и передать тебѣ, но что узнаешь ты на себѣ самомъ, когда я отдамъ ихъ тебѣ съ такимъ же наказомъ, какъ ближайшему наслѣднику моему передъ моею кончиною...»

Дядюшка протянулъ мнѣ при этихъ словахъ руку — я крѣпко пожалъ ее и, безъ стыда скажу, что у меня въ эту минуту на глазахъ показались слезы, также, какъ и у него... Дядюшка-ворчунъ исчезъ для меня; въ это время я видѣлъ въ немъ почти отца, ласкающаго свое единственное любимое дѣтище.

— «Теперь ты понимаешь, для чего я какъ безумный выско-чилъ изъ-за стола, чтобы завести часы мои ровно въ три? спросилъ меня дядя.

— Очень понимаю, милый дядюшка? отвѣчалъ я.

— «Ну, и ладно. Послѣ разказа о часахъ приступимъ къ разказу о башмачкѣ, въ которомъ висятъ они у меня тоже съ давняго времени...»

— И вѣрно также не даромъ?

— «А вотъ увидишь.»

Прихлебнувъ еще изъ недопитаго бокала и снова набивъ трубку свѣжимъ табакомъ, дядюшка усѣлся на своихъ креслахъ и началъ продолжать разказъ:

IV.

Русская Сандрильона.

«Была у меня тетка-старуха, проживавшая остальной своей вѣкъ въ степной деревнѣ въ ...ой губерніи. Я зналъ ее болѣе по письмамъ, которыя писывалъ къ ней аккуратно въ годовые праздники и въ день ея именинъ и взамѣтъ того изрѣдка получалъ отъ нея посланія, писанныя старинными каракулями и состоявшія по бѣльшей части въ комиссіяхъ и препорученіяхъ съѣздить туда-то, справиться о томъ-то, купить то-то и проч. Видѣлъ я ее одинъ только разъ въ жизни и то еще бывши почти ребенкомъ. Зналъ, впрочемъ, я, что она была очень богата, непомярно скупа и, кромѣ нашего дома, не имѣла никого родныхъ.»

«Вотъ однажды получаю я отъ нея письмо, — я тогда проживалъ еще въ Москвѣ, — въ которомъ любезная тетушка препоручаетъ мнѣ, между прочими комиссіями, закупить ей фортепьянныхъ нотъ, которымъ прилагаетъ и реэстръ. Изъ этого реэстра я увидѣлъ, что требовались все современныя новѣйшія ноты, извѣстные романсы и даже модныя тогдшняго времени танцы... Странно мнѣ стало, для чего тетушкѣ понадобились такія ноты? Не сама же она на старости лѣтъ вздумала играть на фортепьяно, распѣвать чувствительные романсы и вытанцовывать модныя мазурки? За ней и съ-молоду не важивалось такихъ грѣховъ по разсказамъ родныхъ, а теперь вдругъ... Что бы это такое было?»

«Надобно тебѣ сказать, что это странное и мудреное для меня письмо тетушка прислала ко мнѣ въ то самое

время, когда я не зналъ, что съ собою дѣлать и какъ провести лѣто попорядочнѣе и повеселѣе. Своя деревня мнѣ уже немножко надоѣла. Изъ знакомыхъ звали меня къ себѣ то тотъ, то другой, но я все какъ-то не рѣшился... Письмо тетюшки порѣшило все. Баста! ѣду къ ней! сказала я самому себѣ. Я слыхалъ еще отъ покойнаго отца, что деревня тетюшки просто земной рай, и что она, несмотря на то, что живеть совершенно одна, имѣеть и отличнаго повара, и кучу дворни, и славный погребъ. Однимъ словомъ, живеть вполне по-барски. По воспоминаніямъ, которыя имѣлъ о ней, и по тѣмъ письмамъ, которыя я хоть не часто, да получалъ отъ нея, тетюшку можно было называть весьма доброю и ласковою ко мнѣ. Она же какъ-то раза два-три и упоминала о томъ, что, дескать, вѣтрогону-племянничку не дурно бы когда-нибудь вздумать навѣстить старуху-тетку, у которой съ смертію моего отца и роднаго-то кромѣ меня никого на лицо не состояло и все прочее, въ такомъ родѣ; слѣдовательно, мнѣ и резонъ былъ отправиться къ ней, къ тому же и это послѣднее письмо ея съ просьбою купить ей кучу нотъ новѣйшей современной музыки... однимъ словомъ, я на другой же день по полученіи этого письма, закупа все требуемое, скакалъ уже на почтовыхъ въ деревню моей тетюшки!

«Говорили правду: деревня тетюшки была какъ земной рай. Чего тамъ не было? Будь я мастеръ говорить, на полдня хватило бы одного описанія то того, то другаго, то третьяго.

«Пріѣздъ мой почему-то какъ-будто не совсѣмъ обрадовалъ мою тетюшку; по-крайней-мѣрѣ, мнѣ такъ показалось съ перваго раза: она даже будто немножко сконфузилась, увидя меня, потомъ и ничего; оглядѣвъ меня съ ногъ до головы, назвала молодцомъ и даже поцѣловала въ лобъ, еще помнится два раза: однимъ словомъ, обласкала, какъ слѣдуетъ обласкать племянника; хоть по правдѣ сказать я ей былъ на столько же племянникъ, какъ ты мнѣ правнучекъ, то-есть, ровно ничего. Десятая вода на кисель! какъ говорятъ у насъ въ деревнѣ. Эта тетюшка доводилась мнѣ чуть-ли не въ сельмомъ колѣнѣ!

«Надобно тебѣ, впрочемъ, сказать нѣсколько словъ о ней, чтобы лучше понять дѣло. Въ мы привыкли называть тету-

шку — старую-тетушкою; между-тѣмъ, какъ она вовсе не была еще старухой. Въ то время, о которомъ я рассказываю тебѣ, ей было никакъ не болѣе пятидесяти лѣтъ. Возрастъ, оно конечно, резонный, но все же еще не старость. Однимъ словомъ, наша старая тетушка, какъ бывало принарядится хорошенько, да примаслитъ головку искусно, такъ вовсе и не смотреть старухой! Не помню, сказывалъ ли я тебѣ, что она была давнымъ-давно вдова и бездѣтна. Много, говорятъ, сваталось къ ней жениховъ, да все приходились ей не по-сердцу, да и первый-то мужъ ее напугалъ; былъ, говорятъ, такой, что упаси Господи! Ну, известное дѣло, что ожогшись на молокъ, будешь и на воду дуть, по русской пословицѣ. Къ тому же тетушка была богата, слѣдовательно, что ей? Живеть-себѣ на свободѣ, припѣваючи! Она такъ и слѣлала: жила, да даже можетъ быть и дѣйствительно припѣвала, какъ я вправѣ былъ думать, привезя ей изъ Москвы огромную пачку нотъ.

«Домъ былъ у тетушки большой и смотрѣлъ вовсе не деревенскимъ; да и вообще все имѣніе такъ хорошо и роскошно устроено, что въ немъ не было развѣ только одного птичьяго молока, какъ выражается у насъ простой народъ. Жила тетушка совершенной аристократкой: лакеи за столомъ служили у ней въ бѣлыхъ перчаткахъ; письма подавали ей не иначе, какъ на серебряномъ подносѣ.

— Отчего же я у васъ не вижу фортепянь? спросилъ я за первымъ обѣдомъ тетушку.

«Она взглянула на меня какъ-то странно.. А что еще страннѣе, старый метръ-д'отель ея, Егоръ Егоровъ, особа весьма важная въ домѣ—ибо онъ всегда имѣлъ честь стоять во время обѣдовъ за кресломъ барыни—тоже взглянулъ на меня какъ-то странно и почти съ испугомъ.

— Что за странный вопросъ ты мнѣ сдѣлалъ, любезный племянникъ? послѣ небольшого молчанія, сопровождаемаго какимъ-то испытующимъ взоромъ, сказала тетушка.

— Почему же странный?

— Какъ-будто во всякомъ домѣ непременно должно быть фортепяно?

— По-крайней-мѣрѣ я полагалъ, что у васъ непременно найду ихъ, тетушка...

— Почему такъ, племянничекъ?

— Вы выписали себѣ такую кучу современныхъ нотъ романсовъ, что я предполагаю...

— Предположенія не всегда бываютъ справедливы,—довольно холоднымъ тономъ отвѣчала тетушка:—О выпискѣ этихъ нотъ просила меня сосѣдка Долинская, для своей дочери.

«Разговоръ принялъ другое направленіе. Я бы даже не обратилъ на него больше вниманія, еслибъ меня не заинтересовала въ немъ изумленная или, правильнѣе сказать, испуганная фигура старика Егорыча, при этомъ простомъ и очень естественномъ съ моей стороны вопросѣ.

«Я рѣшился во что бы то ни стало найти случай переговорить сегодня же вечеромъ со старымъ служителемъ, который зналъ меня еще ребенкомъ, потому-что нѣкогда служилъ моему покойному отцу.

«Мнѣ отвели комнаты внизу двухъ-этажнаго флигеля, выходившаго въ садъ и сообщавшагося съ главнымъ флигелемъ снизу галлереею, а сверху красивымъ полукруглымъ балкономъ, примыкавшимъ какъ-разъ къ внутреннимъ комнатамъ, занимаемымъ тетушкою.

«Въ эти комнаты на мое счастье старикъ Егорычъ и назначенъ былъ проводить меня, и присмотрѣть, кстати, по приказанію тетушки, чтобы тамъ все было въ порядкѣ для нежданнаго гостя.

«Комнаты были устроены со всевозможнымъ комфортомъ. Чтобы освѣжить воздухъ, въ спальнѣ моей, несмотря на лѣтнее время, даже затопленъ былъ каминъ.

«Разошлись мы съ тетушкой чуть не за полночь.

«Такъ какъ мнѣ отчасти не хотѣлось спать, а отчасти и любопытство меня мучило, я постарался какъ-можно подольше удержать у себя стараго тетушкина метръ-д'отеля, отъ чего повидимому старикъ былъ и самъ никакъ не прочь.

«Чтобы дойти незамѣтнымъ образомъ до разспросовъ, интересовавшихъ меня, я началъ, разумѣется, издалека и совершенно, что называется, стороною.

— Эти комнаты вѣрно всегда стоятъ пустыми? спросилъ я старика Егорыча, между прочимъ.

— Да; отвѣчалъ онъ. Про гостей только берегутся, да

и гости-то у насъ развѣ изъ году въ годъ однажды случаются.

— А верхній этажъ также пустой?

— Ужь конечно всегда пустой, отвѣчалъ съ небольшою запинкою старикъ.

На словъ *конечно* сдѣлалъ онъ особенное удареніе.

— Почему же тетушка не приказала помѣстить меня тамъ, продолжалъ я:—верхнія комнаты вѣроятно лучше и помѣстительнѣе этихъ. Да и видъ оттуда долженъ быть прекрасный.

— А кто ихъ знаетъ! Я ужъ въ нихъ и самъ года четыре ногою не ступалъ, вполголоса и какъ-бы нѣ-хотя отвѣчалъ старикъ,

— Отчего же такъ?

— Да такъ... Барыня не приказываетъ. Они вѣчно на замкъ, и ключъ отъ нихъ у себя держитъ.

— Значить, у ней тамъ стоятъ какія-нибудь вещи? продолжалъ я разспрашивать, стараясь придать видъ беззаботности моимъ вопросамъ.

— Ужь не знаю, какія тамъ у ней вещи стоятъ, сударь; отвѣчалъ мнѣ опять вполголоса и озираясь старикъ Егорычъ:—знаю только, что фортепяны тамъ должны быть...

— Фортепяно? спросилъ я съ изумленіемъ вспомнивъ, давшиною сцену за обѣдомъ.

— Да, сударь, фортепяны.

— Почему же ты знаешь, Егорычъ, что тамъ стоятъ фортепяны?

— Потому-что я не безъ ушей, и слышу каждую ночь, какъ на нихъ играютъ.

— Кто?

— Вотъ въ томъ-то и штука, что этого ни я, да и никто въ цѣлой дворнѣ не знаетъ! Домовой должно быть тѣшится по ночамъ, какъ болтаютъ у насъ на деревнѣ... Чай вы замѣтили, сударь, давеча за обѣдомъ, какъ покосилась на васъ барыня, когда вы заговорили съ нею объ этихъ фортепянахъ. Они, должно-быть, знаютъ покороче насъ этого домового, и хоть вѣроятно каждую ночь слышитъ его игру, также какъ и всѣ мы, а притворяется, что нѣтъ, да и насъ еще называетъ дураками и суевѣрами, го-

воря, что все это намъ съ просонковъ мерещится... А какое мерещится; вотъ поживете здѣсь, такъ и сами все услышите. Я еще удивляюсь, какъ барыня помѣстила васъ въ этотъ флигелъ; отсюда слышнѣе домоваго, чемъ изъ главнаго корпуса... Да воишь, легокъ на поминъ; онъ кажется ужь и начинается.....

«Въ эту самую минуту нашего разговора дѣйствительно вверху надо мною раздались звуки фортепьяно... Послышалось нѣсколько аккордовъ, взятыхъ по-видимому искусною рукою, и наконецъ все смолкло опять, и не возобновлялось, сколько мы ни прислушивались. Я выглянулъ въ угловое окно вверху, и увидѣлъ, что по верхнему балкону мелькнула чья-то бѣлая фигура и вошла тихо въ дверь, ведущую во внутреннія тетушкины комнаты...

«Моженъ себѣ представить, любезный племянникъ, какъ велико было мое удивленіе и вмѣстѣ любопытство. Разумѣется, я началъ еще подробнѣе спрашивать обо всемъ старика Егорыча, но все, что могъ узнать отъ него на этотъ разъ, состояло въ слѣдующемъ: Игра домоваго въ верхнемъ этажѣ всегда пустаго флигеля, отъ комнатъ котораго ключъ постоянно держала у себя въ карманѣ тетушка, слышалась дворнею не круглый годъ, а только дѣтотомъ, по ночамъ, или поздно вечеромъ. Сквозь не совсѣмъ плотно затворенныя зеленныя ставни оконъ видали иногда по ночамъ, какъ-будто прорѣзывающійся тонкій лучъ свѣта; по балкону, сообщавшемся съ барынинными комнатами, мелькала въ инныя темныя ночи, точно такая же какъ случайно подсмотрѣнная мною нынче бѣлая тѣнь... Обстоятельства эти всегда совпадали еще вотъ съ какимъ обстоятельствомъ, — тетушка моя, постоянная домосѣдка, въ половинѣ юля мѣсяца ежегодно отправлялась въ сосѣдній губерскій городъ въ сопровожденіи одной своей довѣренной особы, экономки Григорьевны, которая послѣ барыни играла первую роль въ домѣ, и дня черезъ два возвращалась домой, что обыкновенно случалось въ ночное время, и, что всего мудренѣе, по словамъ старика Егорыча, никогда не выходила изъ кареты, какъ слѣдуетъ, у параднаго подъѣзда, а проходила садомъ, чрезъ заднюю калитку, прямо въ свои комнаты...

«Больше этого старикъ Егорычъ ничего не зналъ, сколько

я его ни расспрашивалъ и не наводилъ на различныя догадки.

«Оставшияся одинъ въ своей комнатѣ, я долго не могъ заснуть и съ напряженнымъ вниманіемъ безпрестанно прислушивался, не раздастся ли опять надо мной звучный аккордъ таинственнаго фортепьяно; но на эту ночь домоваго не оказалось въ наличности, и ночь прошла очень спокойно; впрочемъ, я далъ себѣ слово употребить все зависящія отъ меня способы, чтобы въ послѣдующіе дни или, прѣвильнѣе сказать, ночи, разъяснить себѣ по-возможности эту мудреную и слишкомъ интересовавшую меня загадку.

«Тетюшка уговорила меня прогостить у ней послѣдній дѣтскій мѣсяць. Я любилъ охотиться, около ея имѣнія было раздолье для каждаго любителя охоты, и я остался.

«Домоваго какъ рукой сняло съ тѣхъ поръ, какъ я поселился въ нижнемъ этажѣ таинственнаго флигеля. Я уже было начиналъ считать за сказку весь разговоръ старика Егорыча, какъ случилось вдругъ вотъ какое обстоятельство:

«Захотѣлось мнѣ какъ-то съѣздить въ сосѣдній городъ, гдѣ я и ночевалъ. По возвращеніи оттуда въ первый же вечеръ, раздѣвая меня, старикъ Егорычъ, ухмыляясь и зорко осматриваясь по сторонамъ, сказалъ мнѣ вполголоса:

— А вѣдь домовою-то, сударь, опять появился!

— Какъ-такъ?

— Да такъ. Прошлую ночь такъ себѣ задувалъ на проклятыхъ фортепьясахъ, что не только въ саду, чай въ деревнѣ слышишьхонько всеъ было.

— Пустяки, Егорычъ...

— Какіе пустяки, сударь; не пересказанныя рѣчи передаю вамъ, а самъ своими ушами слышалъ.

«Меня опять заколотила лихорадка нетерпѣнія и любопытства. Опять я не спалъ цѣлую ночь и прислушивался: фортепьяно молчало. Показалось мнѣ только, что будто надъ моею головою слышались чьи-то легкіе шаги...

«Я рѣшился дѣйствовать теперь положительно и даже употребить хитрость, принявши въ заговоръ и приверженнаго ко мнѣ старика Егорыча. Отъ него узналъ я, что изъ моихъ комнатъ была темная лѣстница вверхъ, съ запертою наглухо дверью; надъ этой дверью былъ небольшой про-

свѣтъ въ корридоръ и, вставши на стулъ, легко было тихонько заглянуть и во внутренность таинственныхъ комнатъ. У Егорыча, какъ у стариннаго управителя дома, нашелся даже въ старой связкѣ ключей и такой, которымъ въ случаѣ надобности можно было отпереть въ-тихомолку давно неотворявшуюся дверь наверхъ изъ темнаго корридора... Чего же лучше? Ужъ если съ этими средствами мнѣ не удастся открыть того, что такъ хотѣлось знать, поневолѣ придется вѣрить существованію домоваго!

«Явно было, что таинственной игры на заколдованномъ фортепяно мнѣ не удастся подслушать, ибо смѣтливый домовой игралъ только безъ меня — и вотъ въ-слѣдствіе этого я рѣшился сказать тетушкѣ, что ѣду на три дня опять въ городъ, гдѣ отыскалъ одного стараго павсіонскаго товарища, а самъ между-тѣмъ вечеркомъ воротился заднею калиткою въ мои комнаты, и, разумѣется, тихо и безъ огня, засѣлъ съ моимъ сообщникомъ Егорычемъ, выжидая концерта хитреца домоваго.

«Ждать пришлось намъ на этотъ разъ очень недолго. Волшебные звуки таинственныхъ фортепіанъ не замедлили разлиться надъ нашими головами. Играла чья-то весьма искусная рука и играла, какъ замѣтно было, *con amore!* Мнѣ показалось даже, что наигрывался одинъ изъ тѣхъ аккомпаниментовъ новаго моднаго романса, который я такъ недавно привезъ съ собою изъ Москвы моей тетушкѣ...

«Само-собою разумѣется, что мы съ Егорычемъ отправились, чуть переводя дыханіе, по давно забытой лѣстницѣ, въ таинственный верхній этажъ. Сквозь стекла надъ запертою дверью прорѣзывался слабый лучъ свѣта; но когда я влѣзъ на стулъ, чтобы заглянуть во внутренность комнатъ, то увидѣлъ, что этотъ свѣтъ выходилъ изъ весьма отдаленной отъ насъ комнаты и виднѣлся только сквозь не плотно затворенныя двери. Надобно было приняться за ключъ, напередъ еще смазанный масломъ, чтобы онъ не щелкнулъ. Эта послѣдняя предосторожность была придумана не мною, а старикомъ Егорычемъ, который въ свое время вѣроятно былъ ходокъ на эти дѣла. Сдѣлалось все, какъ мы ожидали. Замокъ отперся и дверь отворилась безъ малѣйшаго препятствія; мы вошли на цыпочкахъ въ первую полутемную комнату, потомъ во вторую, нѣсколько уже свѣтлѣе.

нежеди первая, потому-что она была ближе къ той, гдѣ домовой разыгрывалъ ночной концертъ свой. Правду сказать, у меня довольно шибко билось въ эту минуту сердце отъ нетерпѣливаго любопытства и близкой развязки, какъ-вдругъ... О, ужась! О, досада невыразимая! Старикъ Егорычъ въ потьмахъ, а можетъ-быть и съ трусости, наткнулся на какой-то худой стулъ, тотъ полетѣлъ на полъ, застучалъ, и... волшебная музыка въ одну минуту замерла въ воздухѣ. Я побѣжалъ впрочемъ впередъ и увидѣлъ только, что опять какая-то бѣлая фигура мелькнула, какъ тѣнь, въ дверяхъ, ведущихъ на балконъ и исчезла. Я стоялъ въ комнатѣ, очень мило и комфортабельно прибранной. На открытомъ большомъ роялѣ стояли двѣ зажженные восковыя свѣчи. На пюпитрѣ лежали ноты и—только! Впрочемъ, не совѣмъ только: подойдя къ раскрытому роялю, нога моя наступила на что-то мягкое; я взглянулъ, это была...»

— Ужъ не та-ли самая туфля, дядюшка, въ которой у васъ висятъ теперь часы ваши? сказалъ я.

— Именно такъ. Ты угадалъ, племянникъ.»

— Но чья же была она?

— Чья была она? Въ томъ-то и дѣло, что и я самъ себя задавъ въ то время этотъ же вопросъ; только отвѣтить-то на него никакъ не умѣлъ ни я, ни старикъ Егорычъ. Очевидно было только то, что ночные концерты на фортепьяно задавалъ не домовой, потому-что у него, сколько извѣстно, вмѣсто ногъ копыта, а прелестная бархатная туфелька такъ и обличала женскую и, въ-добавокъ, необыкновенно маленькую и складную ножку.»

— Вы, разумѣется, прибрали до времени эту маленькую туфлю, дядюшка? сказалъ я.

— Не до времени, а ровно до завтрашняго дня. Я рѣшился на-бѣло объясниться съ тетушкой и рассказать ей все дѣло, потому-что, правду тебѣ сказать, мнѣ тогда приходило на мысль и то, ужъ не сама ли старушка, по старой памяти, изволить заниматься по ночамъ музыкой. Хоть и мудрено было объяснить такую таинственность, и ужъ на бѣду не ея ли это была спальная туфля?

— Какъ это можно, дядюшка?

— Что невозможно на бѣломъ свѣтѣ! На другое утро при первомъ же свиданіи съ тетушкой, которая сидѣла на своемъ

широкомъ вольтеровскомъ креслѣ за кофеемъ, я прямо и бракъ ей съ-онику:

«— Любезная тетушка! а позвольте взглянуть на ваши ножки!...

«Тетушка очень хладнокровно, и не спрашивая о причинѣ такой странной выходки, вытянула изъ-подъ длиннаго платья обѣ свои ноги, въ туфляхъ же, правда, только довольно крупнаго размѣра».

Я почти обрадовался величинѣ ея ногъ. Значить ночной концертъ давала не она!

— Еще бы! вскрикнулъ я почти невольно. Но, ради Бога, дядюшка, не мучьте меня дольше и объясните поскорѣе, чьей прелестной ножкѣ принадлежала найденная вами бархатная туфля? Какая новая Сандрильона потеряла ее?

— Глупъ же ты, племянникъ, возразилъ довольно хладнокровно мой дядюшка, если до сихъ поръ не могъ догадаться, что эта новая Сандрильона была никто другая, какъ покойная жена моя, а твоя тетка!

— Какъ, дядюшка? Такъ это была...?

— Ну, да; еще разъ повторяю тебѣ, что это была покойница жена моя, которую впрочемъ ты вѣроятно не помнишь.

— Но какъ же все это случилось, дядюшка? Чѣмъ и какимъ образомъ объяснилась для васъ ночная игра на фортепьянахъ? Кто такая была эта артистка и зачѣмъ она пряталась отъ всѣхъ? Однимъ словомъ, дядюшка, вы очень хорошо понимаете, что въ этомъ разказѣ за вами остается еще куча неразрѣшенныхъ вопросовъ?

— На которые я также не могу вполне отвѣтить тебѣ, — прервалъ меня дядюшка—какъ и мнѣ не могла моя покойная тетушка, несмотря на то, что ровно черезъ мѣсяцъ она ужъ женила меня на таинственной артисткѣ и подписала намъ все свое имѣніе!

— Но наконецъ все-таки можно же было догадаться, кто такая была эта таинственная дѣвушка!...

— Догадывайся себя сколько хочешь. Это не было запрещено и мнѣ. Для окончанія или, лучше сказать, для маленькаго поясненія тебѣ этого довольно-длиннаго моего разказа, я прибавлю еще нѣсколько подробностей. Когда я признался тетускѣ во всемъ, что было въ прош-

дую ночь и когда, наконецъ, показалъ ей завѣтную туфлю, найденную мною около рояля въ верхнихъ комнатахъ таинственнаго флигеля, тетушка расхохоталась и увела меня на свою половину, куда по обыкновенію она не принимала никого. Тамъ въ самой отдаленной комнатѣ, куда имѣла доступъ только она сама, да ея повѣренчая, Григорьевна, нашли мы прелестнѣйшую дѣвушку, лѣтъ восемнадцати... Эту дѣвушку тетушка назвала Анетою и отрекомендовала мнѣ, какъ сиротку, дочь одной изъ умершихъ ея пріятельницъ, которая жила въ пансіонѣ въ ближнемъ губернскомъ городѣ и которую она брала къ себѣ въ деревню погостить вакаціонное время каждое лѣто.

— Но къ чему же эта таинственность, всѣ эти предосторожности, дядюшка?

— Я былъ въ то время не столько любопытенъ, какъ ты на этотъ счетъ и не спрашивалъ больше ни о чемъ; я только любовался на прелестную дѣвушку и когда мы вышли отъ нея и вошли въ кабинетъ тетушки, гдѣ я также никогда не бывалъ и гдѣ надъ диваномъ увидалъ я прелестной работы миниатюрный портретъ очаровательной дѣвушки, я не утерпѣлъ, чтобы не вскрикнуть радостно:

— Тетушка! въ ожиданіи того времени пока я буду владѣть подлинникомъ, позвольте мнѣ пока восхищаться этимъ дивнымъ изображеніемъ!

— Сумасшедшій повѣса! воскликнула тетушка, видя, что я бросился къ дивану и схватила меня за руку:— Что ты, близорукъ, что-ли? Не умѣешь различить Анетина личика съ моимъ собственнымъ портретомъ, который я еще въ невестахъ подарила покойному моему мужу.

— Вотъ тебѣ и конецъ моего разсказа о бархатной туфлѣ. Чего не понялъ—пеняй на себя самого!

— Понять-то я понялъ все и благодарю васъ, дядюшка, за разсказъ; только вотъ что...

— Ну, что такое еще?

— Все вѣдь это еще не лиловая комната, о которой вы хотѣли разсказать мнѣ.

— А тебѣ очень хочется услышать о ней?

— Очень, дядюшка!

— Моя стариковская болтовня значить еще тебѣ не надобна?

— Вы шутите!

— Въ такомъ случаѣ слушай. Только не жди чего-нибудь слишкомъ романческаго, чрезвычайнаго. Это очень простая исторія.

И дядюшка, снова занявшись табакомъ, началъ продолжать разсказъ.

V.

Простая исторія.

«Это было не дальше, какъ черезъ годъ послѣ моей женитьбы на Анетъ. Ты вѣроятно поминишь, что я пріѣхалъ къ ней въ деревню такъ, что называется отъ нечего дѣлать, и располагалъ пробыть тамъ недѣлю, много двѣ. Маленькая бархатная туфля измѣнила всѣ мои планы. Женившись на милой дѣвушкѣ, въ которую я былъ влюбленъ безъ памяти, я забылъ и Москву, да чего Москву — забылъ и все на свѣтѣ! Счастливое время! Дай Богъ и тебѣ испытать его, племянникъ. Настоящая жизнь только тогда и начинается для человѣка, когда онъ женится... Я, разумѣется, женился по любви, а не изъ какихъ-нибудь расчетовъ, иначе это будетъ простая сдѣлка, гдѣ и въ выгодныхъ послѣдствіяхъ иногда ошибешься, да и домашняго счастья мало впереди заготовишь себѣ. Да; и такъ я поселился навсегда въ деревнѣ.

«Ваши модные современные писатели ни надъ чѣмъ столько не тупятъ своихъ перьевъ, какъ надъ провинціальною жизнью и провинціалами. Легкомысленный читатель вѣритъ имъ на-слово и смѣется надъ карикатурными портретами, которыхъ ни авторъ, ни онъ самъ не видывали въ натурѣ. Въ добрый часъ! А между тѣмъ провинціальная жизнь много лучше и веселѣе порой, нежели столичная, или правильнѣе выразиться: веселье-то провинціальное много истиннѣе и выше, нежели здѣшнее. ваше, изъ-за котораго хлопотете вы, выбиваясь изъ-всѣхъ силъ, тогда какъ тамъ приходитъ оно даромъ и само къ человѣку... Но это восторону... И такъ я сдѣлался вполне провинціаломъ.

«Не хочу лгать. Были минуты, въ которыя тянуло меня

и въ Москву, не на житье, конечно, а такъ, знаешь, взглянулъ бы на нее, да и назадъ. Особенно былъ у меня тамъ человѣкъ, котораго я любилъ больше другихъ, потому можетъ-быть, что мы и росли, и воспитывались, и учились, и даже дурачились вмѣстѣ съ нимъ съ самаго дѣтскаго возраста. Этого человѣка звали Иванъ Григорьевичъ Накатовъ. Переписывался я съ нимъ постоянно въ каждыя двѣ недѣли одинъ разъ. Его хотѣлось мнѣ всегда видѣть больше, нежели самую Москву, тѣмъ болѣе, что и онъ въ это время, какъ зналъ я по письмамъ, женился на богачкѣ и былъ столько счастливъ, по его словамъ, что не зналъ чего-бы ему еще можно было желать въ жизни.—чему, между нами сказать, я не совѣмъ вѣрилъ, потому-что зналъ хорошо и слишкомъ твердо характеръ его. Накатовъ былъ добрый малой, но вѣтренъ и легковѣренъ до крайности. Взгляды его на жизнь и на все его окружающее, были всегда какъ-то не глубоки, можно-сказать даже поверхностны. Онъ больше всего любилъ блистать въ свѣтѣ и, что называется, жуировать на-пропалую; между-тѣмъ я очень любилъ этого человѣка; онъ меня и подавно.

«Разъ какъ-то, разговорясь съ женою о Москвѣ и, кстати, о моемъ пріятелѣ Накатовѣ, я изъявилъ ей желаніе взглянуть на этого человѣка и настоящее его житье-бытье.

— Зачѣмъ же дѣло стало? сказала Анета:—почему тебѣ не съѣздить на-время въ Москву? Ужъ ты очень круто поворотилъ: послѣ разсѣянной столичной жизни вдругъ закупорился навсегда, съ этихъ лѣтъ еще, въ деревню!

— За то я закупорился не одинъ, а съ тобою, мой другъ; мнѣ и степная деревня веселѣе Италіи! отвѣчалъ я.

— Все такъ; но почему же для разнообразія не прокатиться на-время въ Москву? Твоя Италія еще никогда не уйдетъ отъ тебя!

— Другое дѣло, еслибъ вмѣстѣ съ тобою...

— Ты знаешь, что этого нельзя.

«Анета моя въ это время была въ томъ положеніи, въ которомъ излишній моціонъ дамамъ не совѣмъ полезенъ.

— А мнѣ привези въ гостинецъ хорошенькой модной матеріи на платье, а пожалуй и на два, на три, коли разохотишься! повершила Анета, со смѣхомъ обнимая меня.

«И въ-слѣдствіе этого разговора, черезъ недѣлю я отправился въ Москву, какъ для свиданія съ моимъ пріятелемъ, Иваномъ Григорьевичемъ Накатовымъ, такъ и для кой-какихъ дѣлишекъ, которыя мнѣ нужно было устроить.

«Полтора года отлучки моей изъ Москвы не измѣнили ее ни на крошку. Въѣхавши въ заставу, мнѣ показалось, что я не дальше, какъ вчера выѣхалъ отсюда. Наша бѣлокаменная старушка не большал охотница до перемѣнъ, и это-то можетъ-быть именно и составляетъ главную ея прелесть и вмѣстѣ оригинальность. Въ нее всегда пріѣзжаешь — какъ бы ты долго не былъ въ отлучкѣ — какъ-будто домой, въ давно наизусть извѣстную тебѣ квартиру, гдѣ все постоянно въ томъ же самомъ знакомомъ тебѣ порядкѣ, какъ было передъ отъѣздомъ.

«Я остановился въ номерахъ, какъ и теперь же, и первое же утро отправился бродить пѣшкомъ и здороваться съ Москвою. День былъ прекрасный, солнечный. Проходя театральною площадью, я чуть-было не попалъ прямехонько подъ колеса одной модной коляски, лошади которой скакали, что называется, сломя голову. Но не успѣлъ я откачнуться въ сторону и взглянуть, кто такъ борзко скакалъ, какъ кучеръ чуть не на всемъ скаку осадилъ лошадей, и какой-то маленькой и толстенной господинѣ, въ бѣломъ пальтѣ и соломенной шляпѣ, выскакивая изъ коляски, кричалъ уже мнѣ:

— Господи ты, Боже мой! Да ужъ вѣрить ли глазамъ моимъ? Ты ли это, мой добрый, старый дружище?

— Разумѣется я! отвѣтилъ я, узнавши не безъ удовольствія въ разтолстѣвшемъ господинѣ моего стараго пріятеля, Накатова.

— Давно ли въ Москвѣ?

— Сегодня въ ночь пріѣхалъ.

— Съ семействомъ?

— Нѣтъ, одинъ.

— Гдѣ остановился?

— На Тверской въ номерахъ.

— И не стыдно? Почему же не прямо ко мнѣ?

— Но ты писалъ мнѣ, что лѣто живешь на дачѣ, въ Сокольникахъ.

— Что же изъ этого? Развѣ ты забылъ дорогу въ Сокольники.

— Но я боялся тебя обезпокоить....

— Какой вздоръ! Садись со мною; возьмемъ сейчасъ же твои вещи и маршь ко мнѣ!

— Но, вѣдь, ты вѣрно прѣхалъ съ утра въ городъ по какимъ-нибудь дѣламъ; я не хочу мѣшать тебѣ; займай за мной послѣ...

— Какія дѣла, братецъ! я просто прогуливаюсь.

— Какъ? Прогуливаешься по Москвѣ, живя въ Сокольникахъ?

— Ну, да; для разнообразія, братецъ; тамъ ужь надоѣло; все одно, да одно.

— Да вѣдь это, Жанъ, совсѣмъ навыворотъ по-моему, сказалъ я съ улыбкою:—Въ хорошіе дни обыкновенно изъ города съ утра уѣзжаютъ въ лѣсъ....

— Ну, а я изъ лѣсу въ городъ. Что же изъ этого? У всякого барона своя фантазія... Ты забылъ, что я былъ всегда чудакомъ, эксцентрическимъ человѣкомъ?

— Я думалъ, что, женившись, ты перемѣнился.

— Не по себѣ ли судишь.

— А развѣ во мнѣ замѣчаешь перемѣну?

— Нѣтъ, ты все такой же ворчунъ.

— Слѣдовательно...

— Слѣдовательно, глупо стоять на припекѣ солнца и толковать пустяки, тогда, какъ мы можемъ гораздо спокойнѣе и комфортабельнѣе дѣлать это, сидя въ коляскѣ.

«Забывъ на минутку въ гостиницу, гдѣ я остановился, и отдавши нужныя приказанія моему человѣку, мы поскакали въ Сокольники.

«О Сокольникахъ много распространяться не стану. Ты самъ коренный москвичъ и, слѣдовательно, знаешь ихъ тверже меня. Скажу только одно, что такого исключительно оригинальнаго мѣста, какъ эта роща съ ея лѣтними дачами и московскими дачниками, едва-ли сыщешь еще гдѣ. Будь я романистомъ московскимъ, я бы не выбралъ кромѣ Сокольниковъ мѣста для сцены моего романа.

«У Накатова была своя прелестная дача съ огромнымъ садомъ, бесѣдками, оранжереею и кучею различныхъ загнѣй. Домъ былъ не великъ, но очень удобенъ и меблиро-

ванъ въ хорошемъ стилѣ. Видно было, что здѣсь живутъ на богатую руку. Прислуга, лошади, экипажи, все это было почти роскошно и между-тѣмъ нисколько не утрировано, какъ это зачастую случается у разбогатѣвшихъ выскочекъ.

«Накатовъ ввелъ меня прямо въ свой кабинетъ, въ которомъ не стыдно было помѣститься не только ему, да даже кому-нибудь и гораздо почище. Все было богато и изящно. Модныхъ дорогихъ бездѣлушекъ куча. Письменный столъ—какъ магазинная выставка рѣдкостей. Была даже въ одномъ углу библіотека французскихъ романовъ современныхъ знаменитостей, что меня очень удивило.

— Ба! Да ты, значитъ, читаешь, Жанъ? спросилъ я.

— Нѣтъ.

— Для чего же эта библіотека?

— Жена охотница.

«Подали завтракъ и неизбежную въ Москвѣ бутылку шампанскаго при каждомъ свиданіи съ давно невиданнымъ пріателемъ. Мы закурили сигары и начали вести дружескій, откровенный разговоръ. Изъ него узналъ я, что Накатовъ взялъ за женою слишкомъ миллионъ денегъ и богатѣйшее приданое; что жена его была красавица въ полномъ смыслѣ этого слова; что ее звали Надиною, и что въ настоящую минуту ее не было на дачѣ, потому что она отправилась въ Паркъ, навѣстить свою больную пріятельницу, и воротится не раньше, какъ завтра къ обѣду.

«Я съ своей стороны рассказалъ ему про себя все, что онъ не зналъ и чѣмъ интересовался.

— Ну, скажи же мнѣ по совѣсти, Жанъ, спросилъ я Накатова:—счастливъ ты въ своемъ семейномъ быту?

— Купаюсь, какъ сыръ въ маслѣ! съ громкимъ смѣхомъ отвѣчалъ онъ:—Да развѣ ты не видишь, дружище! прибавилъ онъ, разводя руками и какъ-будто заставляя меня попристальнѣе взглянуть въ окружающій насъ, дѣйствительно довольно пышный, комфортъ.

— То есть, ты хочешь сказать, Жанъ, что ты очень богатъ, не такъ ли? спросилъ я.

— Ну, да!

— А я тебя спрашивалъ, счастливъ ли ты?

— Какъ-будто богатые могутъ быть несчастливъ? По одному этому вопросу ужъ и видно провинціала!.. Вотъ что значитъ прожить полтора года въ деревнѣ! съ новымъ громкимъ смѣхомъ прибавилъ Накатовъ.

Изъ этого отвѣта, а еще больше изъ тона, какимъ онъ былъ сдѣланъ, я увидѣлъ, что пріятель мой Накатовъ и женясь, остался все такимъ же пустымъ малымъ, какъ былъ прежде. Мнѣ стало почему-то очень жаль его... Ужъ не на томъ ли основаніи, на которомъ мать любитъ больного ребенка гораздо горячѣе, нежели тогда, когда онъ здоровъ?

— Скажи, пожалуйста, почему ты, напримѣръ, нигдѣ не служишь? спросилъ я.

— А ты самъ служишь развѣ? возразилъ онъ.

— Я по-крайней-мѣрѣ служилъ, и если теперь вышелъ въ отставку, такъ потому только, что женившись, необходимо самому заняться деревенскимъ хозяйствомъ.

— Да для чего же мнѣ служить? Я и безъ того богатъ.

— Развѣ служить для богатства?

— На этотъ счетъ всякой разсуждаетъ по-своему. Впрочемъ, вѣдь и я не совѣмъ безъ службы, дружще, прибавилъ Накатовъ полусерьезнымъ тономъ.

— Какъ такъ?

— Во-первыхъ, я членъ Англійскаго клуба, во-вторыхъ, служу по части граненія мостовой въ экипажѣ, и утапыванія тротуаровъ пѣшковымъ ходомъ!

«И мой Накатовъ снова залился такимъ громкимъ и добродушнымъ хохотомъ, что и я самъ поневолѣ принялся вторить ему.

— Надобно сказать тебѣ, дружще, продолжалъ онъ нахохотавшись до-сыта:— что человѣку съ такой прекрасной обстановкой, какъ моя, смѣшно и думать о чемъ-нибудь, кромѣ удовольствій. Я молодъ, богатъ, женатъ на красавицѣ, имѣю славный домъ въ Москвѣ, не дурную, какъ видишь, дачу въ Сокольникахъ, годовую ложу въ театрѣ, француза повара...

— Все это хорошо, но...

— Знакомство у меня прекрасное. Въ друзьяхъ я особенно счастливъ; не считая тебя, съ которымъ мы по несчастію живемъ въ разныхъ краяхъ вселенной, у меня вотъ, напримѣръ, есть другъ Федоръ Петровичъ Масленниковъ... Ты никогда не зналъ Федора Петровича Масленникова, дружище.

— Не знавалъ.

— Жалко. Дивный человекъ. Я сведу тебя съ нимъ и не дальше, какъ завтра. Мы здѣсь въ Сокольникахъ живемъ съ нимъ чуть не въ одномъ домѣ... Вотъ видишь калитку въ концѣ аллеи нашего сада?

«Накатовъ указалъ при этомъ рукою въ окно, выходящее въ садъ.

— Вижу, отвѣчалъ я.

— Ну, вотъ въ этомъ сосѣднемъ домѣ Федоръ Петровичъ и занимаетъ себѣ три комнатки, чтобъ жить поближе къ намъ. Ему стоитъ отворить калитку и онъ у насъ. Чудный, братецъ, человекъ, я тебѣ говорю, этотъ Федя Масленниковъ! Мы съ нимъ на ты и я безъ церемоніи зову его всегда Федей. Что за забавникъ! всегда веселъ, и знаетъ кучу уморительныхъ анекдотовъ. Онъ постоянный кавалеръ моей Надвы въ ея Сокольницкихъ прогулкахъ. Я, вѣдь, не большой охотникъ таскаться по лѣсу, и предпочитаю лучше прокатиться въ Москву въ хорошее время...

— Да что же онъ такое, этотъ новый другъ твой Масленниковъ? спросилъ я.

— То есть, какъ, что такое?

— Очень просто: что онъ дѣлаетъ на этомъ Божьемъ свѣтѣ?

— Да то же, что и я, и многіе другіе...

— То есть—ничего?

— Да, по твоимъ понятіямъ оно, пожалуй, что выходитъ и такъ. Впрочемъ, Федя Масленниковъ человекъ необыкновеннаго ума и способностей. Собирается служить... Его и въ Петербургъ зовутъ. Хотѣлъ даже ѣхать, Надивька отговорила. Безъ него скучно будетъ — въ этомъ и я съ ней согласенъ, тѣмъ болѣе, что...

«Въ эту самую минуту нашего откровеннаго разговора, въ кабинетъ вошелъ небольшого роста толстенькій чело-вѣкъ, одѣтый очень опрятно, но съ такой неблагопристой-ной физиономіей, что я не рѣшился бы пойти съ нимъ рядомъ поздно вечеромъ по глухому переулку, и, отозвавши въ сторону Накатова, минуты двѣ поговорилъ съ нимъ о чемъ-то вполголоса, потомъ раскланялся почтительно и вышелъ.

— Вотъ ты господинъ умникъ и физиономистъ, что, на-примѣръ, думаешь ты объ этомъ чело-вѣкѣ, который сей-часъ входилъ сюда? спросилъ меня, съ полусмѣхомъ, На-катовъ, садясь снова на диванъ около меня и закуривая новую сигару.

— Не много хорошаго, отвѣчалъ я съ моею обычною откровенностью.

— Тѣмъ хуже. Значитъ ты плохой физиономистъ, а я этого чело-вѣка не уступлю никому на вѣсь золота; вотъ оно что!

— Да кто же и что такое онъ?

— Мой главный управляющій въ домѣ, Семень Дани-лычъ Ершовъ. Правда, что я плачу ему тысячу цѣлко-выхъ въ годъ, зато ужъ и живу за нимъ, что называется, спустя рукава.

— Да что же онъ у тебя дѣлаетъ въ домѣ?

— Все!

— Да что же все-то?

— Управляетъ, братецъ.

— А самъ-то ты что?

— Да что я понимаю и на что способенъ съ моею лѣнью. У него на рукахъ все: и приходы, и расходы, и бу-мажныя дѣла... однимъ словомъ, безъ Ершова я бы какъ безъ рукъ. Вотъ и теперь досадно до смерти, — нужно отпу-стить его въ Рязань на двѣ недѣли. Братъ, вишь, у него очень боленъ... Кажется и не дождешься когда онъ воро-тится!

— Что же, онъ приходилъ прощаться съ тобою, что ли, теперь?

— Да, въ ночь онъ отправится.

«Первый день моего свиданія съ Накатовымъ прошелъ незамѣтно въ этихъ дружескихъ откровенныхъ разговорахъ. Вечеромъ я даже уговорилъ его прогуляться со мной по рощѣ, на что онъ, хотя съ трудомъ, согласился, но послѣ нашелъ, что это недурно, если только изрѣдка.

«Ужинали мы въ садовой бесѣдкѣ опять вдвоемъ. Посылали-было за Федей Масленниковымъ, — его не оказалось дома. За ужиномъ опять появилось шампанское, и сколько я не отговаривался и не доказывалъ, что на ночь пить мнѣ не хорошо, и что отъ этого у меня бываетъ бессонница, никакъ не могъ отговориться отъ двухъ довольно большихъ стакановъ.

— Вздоръ, дружище! Пей; еще крѣпче уснешь, особенно послѣ дороги. Да я же тебя положу въ такой комнатѣ и на такой кровати, какихъ ты и во снѣ не видывалъ въ твоёмъ провинціальномъ захолустьѣ! говорилъ Накатовъ.

— Въ какой же комнатѣ, и на какой кровати? спросилъ я, не совсѣмъ понимая, что онъ хотѣлъ сказать этими словами.

— Я велѣлъ приготовить для тебя *Лиловую комнату*, дружище!

— Что это такое: лиловая комната?

— Лиловая комната?

— Да.

— Лиловая комната, какъ бы тебѣ сказать это, братецъ... есть нѣкоторымъ образомъ таинственная комната, будоаръ, или нѣчто въ родѣ домашняго кабинета жены моей, куда даже и самъ я рѣдко имѣю доступъ, не только что кто изъ постороннихъ. Понимаешь? Надина сама себя устроила эту обворожительную, какъ ты увидишь самъ, комнату на концѣ флигеля, съ выходною дверью въ садъ. Когда она бываетъ или нездорова немножко, или раскапризничается этакъ на меня, однимъ словомъ, когда она хочетъ провести весь вечеръ, а иногда и цѣлую ночь одна, она уходитъ и запирается въ Лиловую комнату; и ужъ это значить ее какъ-будто и нѣтъ въ домѣ. Хотя прѣзжай гости, хоть я стучись, она ужъ ни за что не покажется. Эта Лиловая комната, такъ сказать, ея временная пустынька, гдѣ она уединяется сама съ собою...

— Прекрасно, хоть немножко и странно... сказалъ я Накатову: — но зачѣмъ же ты мнѣ назначаешь именно эту Лиловую комнату? Женѣ твоей это можетъ показаться очень неприятнымъ, тѣмъ болѣе, что, какъ говоришь ты, и тебѣ самому доступъ туда почти не позволенъ?

— Да это при ней: а теперь мы одни. Ктому же отъ верхнихъ комнатъ ключи у ней гдѣ-то и я тебѣ предлагаю гостепрѣимство только на эту ночь. Завтра, когда воротится Надина, мы помѣстимъ тебя въ антресоляхъ.

— Но развѣ я не могу ночевать у тебя въ кабинетѣ?

— Я привыкъ спать долго, ты любишь вставать рано; зачѣмъ намъ женировать другъ друга. Ктому же я ужъ такъ распорядился, нечего толковать много; пора спать; допьемъ эту бутылку на сонъ грядущій и пойдемъ. Я провожу тебя.

«И заставивъ меня выпить еще стаканъ вина, Накатовъ отправился вмѣстѣ со мною во внутренность дома.

«Лиловая комната была, дѣйствительно, не комната, а затѣйливая игрушка и игрушка ребенка богатаго и слишкомъ избалованнаго. Чего въ ней не было? И зелень, и цвѣты, и арфа, и мягкая богатая мебель, и куча различныхъ модныхъ бездѣлушекъ, и уютненькія шифоньерки изъ палисандроваго дерева съ позолотой... Указывая на одну изъ этихъ шифоньерокъ, Накатовъ сказалъ мнѣ:

— А кабы ты зналъ, что тутъ спрятано?

— А что такое? спросилъ я.

— Да такія штуки, на которыя можно купить еще десять такихъ дачъ, на какой мы теперь съ тобою; однимъ словомъ, тутъ лежатъ всѣ бриліанты жены моей. А кровать-то? Какова Надинкина кровать, въ которую ты заляжешь сейчасъ, счастличикъ... То-то славно уснешь съ дороги! Но прощай, пора; я не хочу мѣшать тебѣ дольше! Доброй ночи.

Накатовъ ушелъ.

«Сказать тебѣ по правдѣ, сначала мнѣ очень не понравилось, что Накатовъ положилъ меня спать именно въ этой лиловой комнатѣ, исключительно занимаемой всегда его женою. По-крайней-мѣрѣ я самъ никогда бы этого не сдѣлалъ по какому-то безотчетному, впрочемъ, чувству...

«Спать мнѣ еще никакъ не хотѣлось, вѣроятно въ-слѣдствіе трехъ стакановъ выпитаго шампанскаго. Я долго ходилъ взадъ и впередъ, рассматривая убранство моей временной спальни. Стѣны ея были оклеены точно такими же лиловыми обоями, какими ты собираешься оклеить кабинетъ будущей твоей супруги; на этихъ стѣнахъ висѣли прекрасныя картины, разставлены были въ разныхъ мѣстахъ статуэтки, и все это такъ хорошо и съ такимъ вкусомъ, что часа на два стало бы одного подробнаго описанія, будь только я мастеръ этого дѣла.

«Но какъ въ природѣ всему есть конецъ, то и я окончилъ, наконецъ, мою полночную прогулку по Лиловой комнатѣ, загасилъ свѣчу и утонулъ въ мягкомъ пухѣ роскошной кровати, задернутой со всѣхъ сторонъ малиновымъ штофнымъ пологомъ.

«Не знаю, или, лучше сказать, не помню, долго ли я лежалъ, и заснулъ ли хоть слегка или нѣтъ, только вдругъ мнѣ послышался какой-то шумъ, или правильнѣе шелестъ въ моей таинственной Лиловой комнатѣ... Я началъ вслушиваться внимательнѣе, подумавъ сначала, что шумъ померещился мнѣ въ просонкахъ... Ничуть не бывало; шумъ слышался дѣйствительно и минута отъ минуты явственнѣе. Чуть переводя дыханіе, я приподнялъ съ подушки голову, раздвинулъ рукою пологъ, но ночь на этотъ разъ была такъ темна, что я ничего не могъ видѣть. Показалось мнѣ только, что будто тихонько шелкнули ключемъ и что до меня даже дошелъ нѣсколько свѣжій воздухъ отъ отворенной въ садъ двери. Вслѣдъ за тѣмъ слышались чьи-то очень бережно скрадываемые шаги, направляющіеся прямо ко мнѣ. За ними даже послышался чей-то голосъ, или лучше сказать, шопотъ, изъ котораго я могъ разслушать только отрывчатая слова:— «Надина!... Какъ это? Я думалъ нѣтъ... свѣча на окнѣ... нашъ сигналъ...» и еще что-то въ этомъ родѣ.

«Можешь себѣ представить мое странное положеніе, любезный племянникъ! Я не зналъ, что мнѣ дѣлать; подать голосъ или нѣтъ? Таинственный полночный гость между-тѣмъ подошелъ къ моей кровати и раскрылъ пологъ... Я протянулъ машинально руки мои впередъ, схватилъ кого-то за платье, вскрикнулъ моимъ густымъ басомъ:— «кто

туть? чего надобно?» Отъ меня рванулись шибко, также вскрикнули... Опять шелестъ, опять шелкнулъ замокъ и снова мертвое молчаніе, какъ-будто ничего не было!

« Въ первую минуту я готовъ былъ даже подумать, ужъ не былъ ли это безпокойный сонъ; но въ рукѣ у меня осталась не подверженная никакому сомнѣнію улика, доказывавшая противное: это была шелковая, довольно богатая кисть, какія обыкновенно носятъ на концѣ шнурковъ, опоясывающихъ женскія спальныя платья, а иногда и мужскіе утренніе плафроки... Эту шелковую кисть я спрятавъ пока подъ подушку.

« Проворочившись довольно долго на постели и стараясь приблизительно объяснить себѣ это таинственное посѣщеніе полночнаго гостя, я наконецъ все-таки рѣшился постараться заснуть, говоря себѣ, что утро вечера мудренѣе, и что завтра я вѣроятно буду въ состояніи объяснить себѣ эту мудреную загадку..... Но лишь только я закрылъ глаза, какъ шумъ въ этой проклятой Лиловой комнатѣ послышался мнѣ снова и на этотъ разъ явственнѣе прежняго....

« Опять я осторожно поднялся съ подушки, опять началъ прислушиваться внимательно... На этотъ разъ шумъ былъ не съ той стороны, гдѣ садовая дверь, а изъ внутреннихъ комнатъ, изъ которыхъ и былъ только одинъ входъ. Дверь мною самимъ была заперта и ключъ даже лежалъ на столикѣ передъ кроватью; что же бы это такое было?... Продолжаю прислушиваться, и отвѣдя нѣсколько пологъ кровати, вглядываться въ темноту, меня окружающую и вотъ опять тихо шелкнулъ замокъ, опять послышался шорохъ и чьи-то чуть слышныя осторожныя шаги, только направляющіеся не къ моей кровати, а именно къ той шифоньеркѣ изъ палисандроваго дерева съ позолотой, на которую такъ недавно указывалъ мнѣ Накатовъ, говоря, что тутъ хранятся все брилліанты жены его.... — А! подумалъ я самъ съ собою: дѣло беретъ совсѣмъ другой оборотъ. Эта исторія совершенно инаго рода. Снова я притаилъ дыханіе.. Тръ! Опять шелкнулъ замокъ — только теперь уже не у дверей, а у шифоньерки.... кто-то началъ шарить, и немножко загремѣлъ, какъ-будто серебромъ.... Ясное дѣло! Теперь уже не было сомнѣнія. Это былъ

воръ и мнѣ не приходилось лежать спокойно на моей кровати и хладнокровно смотрѣть, какъ обкрадываютъ моего безпечнаго пріятеля, Накатова!

«Вскочить съ постели, схватить за-воротъ незваннаго гостя и закричать что было мочи:— Сюда! огня! Я поймалъ вора!— для меня было дѣломъ одной минуты.

«Прибѣжали люди, вздули огня; явился самъ полусонный и испуганный Накатовъ, — и что же мы увидѣли. Воръ, успѣвшій уже набить себѣ всѣ карманы бриліантами богатой хозяйки, былъ никто иной, какъ этотъ рѣдкій, безподобный и ни съ чѣмъ несравненный, по словамъ Накатова, его управляющій, Ершовъ, который, выпросясь въ отлучку для свиданія съ родными и собравшись уѣхать въ ночь, заблагоразсудилъ захватить съ собою на дорогу и барынины бриліанты! Вотъ она какова была эта Лиловая комната; вотъ почему съ тѣхъ поръ я ненавижу этотъ цвѣтъ, да и тебѣ не совѣтую покупать такихъ обоевъ для комнаты будущей твоей супруги!»

Тутъ дялюшка замолчалъ и принялся очень хладнокровно набивать себѣ новую трубку табаку.

— Ну, что же потомъ, дялюшка? спросилъ я.

— Ничего! довольно отрывисто отвѣчалъ дялюшка.

— Какъ? такъ рассказъ вашъ этимъ и оканчивается?

— Чего же тебѣ больше?

— А первый-то ночной посѣтитель? А шелковая кисть, оставленная у васъ въ рукахъ?

— А тебѣ хочется знать и это!

— Разумѣется!

— Глупая, скандалезная исторія, ничего больше; ее, по настоящему, не слѣдовало бы и рассказывать, но такъ какъ этому прошло много лѣтъ и моего пріятеля Накатова нѣтъ уже на свѣтѣ, то я коротенько, для твоего назиданія, доскажу и остальное... Да не пора-ли тебѣ къ невѣстѣ, племянникъ? Мы заболтались слишкомъ долго...

— Успѣю еще, дялюшка!

Дялюшка улыбнулся.

— Ну, что много толковать. Развязка извѣстная, сказалъ онъ:— мошенника Ершова отправили въ полицію. Накатовъ не столько бѣсился, сколько сожалѣлъ, что онъ обманулся въ этомъ человѣкѣ... Утромъ воротилась жена Накатова.

дѣйствительно прехорошенькая и премолоденькая барынька. Накатовъ познакомиль насъ, разсказаль, разумѣется, и исторію прошедшей ночи, причемъ Надина его видимо сконфузилась, узнавши, что я провелъ ночь въ ея завѣтной Лиловой комнатѣ.... Мнѣ стало жаль и ее, и Накатова; я рѣшилъся умолчать о первомъ ночномъ гостѣ, только вполголоса, впрочемъ довольно выразительно, посоветоваль ей, никогда не оставаться ночевать въ этой опасной комнатѣ, особливо одной, да кстати передѣлать окошко и дверь, выходящія въ садъ, говоря, что *мало ли что можетъ случиться ночью.*

« Она покраснѣла, какъ роза; одинъ Накатовъ былъ очень спокоенъ и только примолвилъ: — По-крайней-мѣрѣ бриліантовъ-то не держи въ этой Лиловой комнатѣ, Надина!

« Надина смолчала.

« Въ это же самое утро Накатовъ потащилъ меня почти насильно знакомиться съ своимъ ближайшимъ соседомъ и закадычнымъ другомъ, Федею Маслениковымъ. Тотъ принялъ насъ у себя въ кабинетѣ, еще не одѣтый. На немъ былъ зеленый матеревый халатъ. Когда онъ, засуетясь при встрѣчѣ насъ, началъ запахивать и подпоясывать его шелковымъ шнуркомъ, я замѣтилъ, что на одномъ концѣ не доставало кисти. Отворотясь въ сторонку, я бережно взглянулъ на ту, которая вчера такъ странно попала въ мои руки: она была также зеленая....

«И больно и досадно мнѣ было смотрѣть, какъ простакъ Накатовъ обнималъ и цѣловалъ своего неизмѣннаго Феду Масленикова, рекомендуя его мнѣ. ... но я опять-таки смолчалъ и на этотъ разъ.

«Между разговорами о томъ и семъ, Маслениковъ показаль Накатову письмо изъ Петербурга, гдѣ приглашаютъ его въ управляющіе, не помню на какой-то богатый заводъ и предлагаютъ огромное для его состоянія жалованье. Накатовъ и руками, и ногами.

— Куда? говорить. Да ты думаешь, что мы тебя такъ и пустимъ отсюда? Да одна моя Надина подниметъ такой бунтъ, что Боже упаси!

« Я чуть не вышелъ изъ себя. На мое счастье за Накатовымъ въ эту минуту явился чловѣкъ, позвать его за чѣмъ-

то не надолго домой. Онъ отправился черезъ садовую калитку, примолвя: — «Я сейчасъ ворочусь къ вамъ, господа!»

«Оставшись наединѣ съ Маслениковымъ, я очень серьезнымъ тономъ посоветовалъ ему не пренебрегать предлагаемымъ въ Петербургъ выгоднымъ мѣстомъ. Онъ было вздумалъ возражать что-то. Я притворилъ поплотибѣ входную дверь, подошелъ къ нему молча и показалъ ему зеленую кисть, безъ спросу отлучившуюся въ прошлую ночь отъ мѣста ея назначенія.

«Маслениковъ поблѣднѣлъ и понялъ все. Черезъ три дня онъ уѣхалъ въ Петербургъ, а черезъ двѣ недѣли и я воротился въ мое провинціальное захолустье, гдѣ ждала меня моя добрая Анега. Вотъ тебѣ и все!»

Черезъ три недѣли была моя свадьба съ обворожительной Соничкой. Отправя всѣ должные обряды, а вмѣстѣ съ ними всѣхъ церемонныхъ гостей и оставшись ужинать втроемъ, считая тутъ моего добраго дялюшку-ворчуна, я повелъ мою молодую осматривать вновь отдѣланныя наши комнаты.

— Вотъ твой будоаръ! сказалъ я Соничкѣ.

— Очень милъ! Но зачѣмъ же онъ не лиловый? я просила тебя объ этомъ цвѣтѣ...

— А развѣ голубой тебѣ не нравится? Лилловыхъ порядочныхъ обоевъ не нашелъ я ни въ одномъ магазинѣ, жизнь моя, съ небольшимъ смущеніемъ отвѣчалъ я.

Дялюшка отвернулся въ сторону; но я замѣтилъ, что старый ворчунъ смѣялся втихомолку.... а чему, кажется!..

ГРУСТНАЯ ПѢСНЯ.

Плохо! Чѣмъ живется долѣ,
Тѣмъ живется хуже.
Приютился-бъ въ горькой долѣ
Сердцемъ... да къ кому же?

* * *

Бродишь старымъ сиротою;
Всѣ мнѣ какъ-то чужды;
Какъ живу и что со мною —
Никому нѣтъ нужды.

* * *

Есть у Божьей церкви съ краю
Тихая могила.
Тамъ лежитъ одна — я знаю:
Та меня любила.

* * *

Не за то, чтобъ точно было
Все во мнѣ такъ мило,
А за то меня любила,
Что меня родила.

* * *

Изнуренная, больная,
 Дряхлая, бывало,
 Тужишь, ищешь ты, родная:
 «Гдѣ дитя пропало?»

* *

А сынокъ твой одурѣлый
 Рыскалъ всё по свѣту;
 Смотришь: нѣтъ его день цѣлый,
 Да и къ ночи нѣту.

* *

Бѣдной матери не спится;
 Слезь полна подушка —
 «Мало ль можетъ что случиться?»
 Думаетъ старушка.

* *

«Страшенъ воровъ неключимый
 Въ такую пору.
 Не попался ли, родимый,
 Лиходѣю-вору?»

* *

«Не ограбили ли сына?
 Живъ ли онъ, желанный?» —
 Чу! Идетъ домой дѣтина,
 Словно окаянный —

* *

Встрепанъ, блѣденъ, смотритъ дико,
 Волосъ въ беспорядкѣ, —
 Самъ трясется весь... поди-ка —
 Вѣрно въ лихорадкѣ.

* *

Да, онъ боленъ, онъ ослабленъ,
Онъ ужаленъ змѣемъ,
А пожалуй и ограбленъ —
Только не злодѣемъ,

* *
.

А разбойницей-злодѣйкой,
Рѣзвою дѣвчонкой,
Съ черной бровью, съ бѣлой шейкой,
Съ трелью рѣчи звонкой.

* *
.

Лишь закинула словечко —
И поддѣла разомъ
Изъ груди его—сердечко,
Изъ-подъ шапки—разумъ;

* *
.

Всю въ немъ душу возмутила
Дьявольскимъ соблазномъ,
И домой его пустила
Въ видѣ безобразномъ.

* *
.

А сама... и горя мало!
Жалости ни крошки!
Такъ и пляшетъ съ кѣмъ попало,
Только брызжутъ ножки.

* *
.

Я жъ лежу, горю и таю,
Думаю: кончина!
И за грудь себя хватаю —
То-то дурачина!

* *
.

Мать горюетъ; слезы сжаты;
 Смотритъ на больнаго,
 Говоритъ: «Напейся мяты
 Иль чайку груднаго!»

••

Эхъ, родная! — отвѣчаю:
 Что тутъ чай и мята,
 Гдѣ отрады я не чаю,
 Гдѣ душа измята? —

••

Чу! звонятъ. Гляжу: могла!
 И мой жребій понять:
 Лишь одна меня любила,
 Да и ту хоронятъ.

••

И замкнулася тоскою
 Жизнь моя блажная.
 Ты зовешь меня къ покою:
 Положди, родная!

В. ВЕНЕДИКТОВЪ.

ИЗЪ В. ГЮГО.

Самка?—попалася въ сѣтку;
Хитрая кошка самца унесла;
Буря охранную вѣтку
Вмѣстѣ съ покойнымъ гнѣздомъ сорвала.
Кто же укроетъ васъ, пташки?
Горе вамъ, горе, бѣдняжки!

Пастырь? — въ отлучкѣ, сердечный.
Песъ его вѣрный на-вѣки замолкъ;
Жадно къ овчарнѣ безпечной
Крадется изъ лѣсу темнаго волкъ.
Нѣкому гнать супостата...
Горе вамъ, горе, ягнята!

Мать? — на больничной подушкѣ;
Въ ухахъ отецъ на галерахъ гнѣтъ;
Холодъ и голодъ въ лачужкѣ;
Вѣтеръ баюкаетъ въ люлкѣ сироть...
Кто жъ имъ остался на свѣтъ?...
Горе вамъ, бѣдныя дѣти!

Л. МЕЙ.

ЗАВѢЩАНЬЕ.

Когда пробьетъ мой часъ и прахъ могильной ночи,
Ложась мнѣ на чело, сомкнетъ уста и очи
И буду истлѣвать я въ мертвой тишинѣ, —
О, не грусти тогда, мой ангелъ! Не хочу я,
Чтобы душа твоя, здѣсь каждый мигъ тоскуя,
Воспоминаньями жалѣла обо мнѣ.
Я не хочу, чтобъ вздохъ изъ этой бѣлой груди
Подслушалъ кто-нибудь: о, ты не знаешь, люди
Любовь дѣвичю всегда клеймятъ стыдомъ.
Нѣтъ, страсть моя сильнѣй ихъ злобы ненавистной,
Мой ангелъ! Я люблю такъ свято, безкорыстно,
Что смерти я хотѣлъ и въ сердцѣ бы твоемъ.
Клянись же все забыть! все, все: и эту руку,
Чертившую въ тоскѣ на вѣчную разлуку
Последнее прости, последнюю мольбу,
И имя милое душѣ твоей когда-то,
И пусть забвеніе твоею будетъ платой
Мнѣ за безумную любовь мою въ гробу!

Н. ГРЕКОВЪ.

ШКОЛЬНЫЕ ДРУЗЬЯ.

РАЗСКАЗЪ Я. И. ДЕМЕНТЬЕВА.

Ваня Рыбкинъ и Петя Журавличъ были ровесники, учились въ одной школѣ и даже сидѣли на одной скамьѣ. А учились они что называется на-славу, только различнымъ образомъ. Журавличъ бралъ прилежаніемъ и трудомъ; Рыбкинъ хваталъ все на-лету; первый, бывало, ужъ зубрить-зубрить и, разумеется, напослѣдокъ, вызубрить, а потомъ и отвѣтить учителю, какъ по книгѣ; Рыбкинъ, напротивъ, не любилъ долго сидѣть за книгой, а такъ-себѣ, пробѣжить по уроку разъ, другой, третій, да и махнеть рукой: «знаю»—говорить. Посмотришь, вѣдь и въ-самомъ-дѣлѣ знаетъ, да и какъ еще!—Характеристическія наклонности были у нихъ въ высшей степени не одинаковыя. Журавличъ, напримѣръ, былъ тихъ, послушенъ и съ виду робковатъ. Чтобы заставить его что-либо сдѣлать, подать, принести—скажите ему одно слово—и довольно: онъ исполнить ваше приказаніе, какъ бы оно въ сущности ни противурѣчало его желанію, непрекословно, хотя и холодно, не съ внутреннимъ побужденіемъ къ услужливости, а скорѣе изъ боязни заслужить прозваніе непокорнаго, лѣтняя, словомъ, какъ-то по-рабски; если же случилось ему въ чемъ-либо провиниться—что, впрочемъ, бывало съ нимъ очень рѣдко, потому-что онъ всячески старался изъ-

бѣгать подобныхъ случаевъ,—то ужъ тутъ робость его доходила до трусости, и все-таки не потому, чтобы онъ въ самомъ-дѣлѣ пугался выговора, упрека, а собственно оттого, что чувствовалъ при этомъ какой-то стыдъ, досаду на себя, а можетъ-быть и на другихъ; при чемъ однакожь не обнаруживалъ своей досады какимъ-либо видимымъ признакомъ; такъ напр., онъ не блѣднѣлъ, не краснѣлъ, не дѣлалъ никакого рѣзкаго движенія, а оставался какъ есть, потупляя лишь глаза болѣе обыкновеннаго: такъ еще рано онъ умѣлъ уже сдерживать свои страстишки. Къ нему удобно прилагалась поговорка: «ниже травы, тише воды».—Но Рыбкинъ, совершенно наоборотъ, былъ величайшій крикунъ, забіяка, заноза, нѣслухъ и ужъ несколько не трусливаго десятка. За все это вмѣстѣ онъ чаще своихъ товарищей подвергался штрафу и карцерному аресту, но наказаніе ему было ни почему: его оставлять безъ обѣда, зато онъ вознаградитъ себя ужиномъ; его запруть въ карцеръ, а онъ катаетъ себѣ въ двери кулакомъ, напѣвая что-то своимъ звончайшимъ аальтомъ. Несмотря однакожь на забіячество, товарищи его непритворно любили, да и онъ любилъ ихъ отъ всего сердца, за исключеніемъ тѣхъ, которые считались наушниками; съ этими онъ развѣдывался вотъ какъ: уличивъ переносчика, онъ тотчасъ линейку въ руки—и пошла писать, не разбирая, почему попадетъ: «вотъ,—говоритъ,—тебѣ, шпионъ; впередъ будешь знать, какъ передавать!..» При ссорахъ между собою, школьники зачастую выбирали его въ судьи и онъ мирилъ ихъ найсправедливѣйшимъ образомъ; за что и получилъ отъ нихъ прозваніе нѣкоего грека Аристиды; а если иногда этому молокососу-Аристиду приходилось самому оправдаться противъ обвиненія, то онъ оправдается такъ доказательно и красно, какъ, бывало, въ давнопрошедшее время, дѣлывалъ это господинъ Цицеронъ. За исключеніемъ цицеронизма, къ Рыбкину весьма можно было примѣнить слова: «вся душа—какъ на ладони».

Журавличъ былъ бережливъ, даже скупенекъ, не подѣлится ни съ кѣмъ ни пряникомъ, ни яблокомъ; а Рыбкинъ, рѣшительно напротивъ, никогда ничего не могъ сберечь и дѣлился чѣмъ могъ со всякимъ. Если, напримѣръ, отецъ Журавлича, отпуская его въ школу, дастъ ему на

булку какой-нибудь заваливающейся грошъ, то онъ истратитъ только копейку, а остальную половину аккуратно завернетъ въ бумажку, да и припрячетъ въ карманъ: тотчасъ видно, что мальчикъ былъ себѣ-на-умъ. Когда же Рыбкина матушка отпуститъ сынку своему на школьный завтракъ такой же, положимъ, грошъ (хотя онъ получалъ гораздо больше: добрая матушка баловала его), то онъ прежде всего начнетъ вертѣть его между пальцами—такое верченіе доставляло ему большое удовольствіе—и вертитъ до-тѣхъ-поръ, пока не представится удобный случай швырнуть монету куда-нибудь подальше, да вѣдь и швырнетъ же, фокусникъ, съ такой ловкостью, что даже самъ себѣ удивляется, а тамъ, смотришь, или окно чужое въ дребезги разлетѣлось, или у проходящей вдали грязной старухи въ ухахъ зазвенѣло.... Вотъ тутъ и поди, справляйся съ нимъ!

Какъ различны были ощущенія этихъ дѣтей при взглядѣ на предметы, возбуждающіе, особенно въ дѣтяхъ, чувствительность, это мы сейчасъ увидимъ изъ двухъ примѣровъ. Какой-то запачканный лакеишка тащилъ изо-всѣхъ-силъ на веревкѣ собаченку, намѣреваясь, безъ сомнѣнія, утопить её; собаченка визжала и рвалась во всѣ стороны. Видя это, Рыбкинъ побѣжалъ къ мальчишкѣ со всѣхъ ногъ, крича, чтобы онъ оставилъ *варварское* покушеніе; но какъ тотъ продолжалъ по-прежнему терзать собаченку, не обращая никакого вниманія на маленькаго защитника, то этотъ маленькій защитникъ, истощившій всѣ усилія вырвать изъ рукъ *душегубца* веревку, придумалъ наконецъ остроумное средство избавить *жертву* отъ смерти: онъ взялъ, да и перерѣзалъ веревку перочиннымъ ножичкомъ, а затѣмъ и собаченка была—такова. Довольный такой замысловатой продѣлкой, Рыбкинъ догнавъ своего товарища и съ радостнымъ смѣхомъ рассказалъ ему о своей побѣдѣ, то есть, какъ-де онъ, Иванъ Рыбкинъ, защитилъ *невинность* отъ преслѣдованій *злобы* и *коварства*; но товарищъ не только не думалъ раздѣлять его радости, но еще не одобрилъ и самаго поступка Вани, говоря очень серьезно, что эта мерзкая собаченка, по-видимому, заслуживала наказанія.... Въ другой разъ случилось нашимъ школьникамъ повстрѣчать нищаго, настоящаго нищаго, въ лохмотьяхъ,

безобразнаго, дрожащаго отъ холоду—дѣло происходило зимой—и вмѣстѣ, конечно, отъ голоду. Рыбкинъ пошарилъ—пошарилъ въ карманѣ и вынулъ оттуда.... ровно ничего не вынулъ, потому—что тамъ ровнѣхонько ничего не оказалось: вотъ по этой-то причинѣ онъ и попросилъ своего товарища одолжить ему какую-нибудь бездѣлицу; но тотъ, угадывая цѣль просимаго одолженія, вмѣсто отвѣта, сказалъ:—«пойдемъ, Ваня, скорѣй по домамъ; мнѣ ужасно холодно, да притомъ я проголодался». — «А развѣ нищему не холодно и не хочется ѣсть?»—замѣтилъ Рыбкинъ и, вспомнивъ тогда же про остатокъ своего завтрака, про булку, находившуюся въ другомъ его карманѣ, тотчасъ же подаль ее оборванному нищему, за чтò и былъ награжденъ слезой благодарности, хотя, разумѣется, не рассчитывалъ на благодарность. Затѣмъ онъ сказалъ товарищу:—«Ахъ, Журавличъ, Журавличъ, какой ты, право!.. Не подать бѣднягѣ, когда имѣешь лишнюю копейку!.. Вѣдь, у тебя, я знаю, всегда есть запасецъ.» — «Эхъ, ты, Рыбушка, отвѣчалъ тотъ, ты ужъ черезъ-чуръ милостивъ; съ твоей щедростью ты никогда ничего не накопишь, да еще, пожалуй, и самъ будешь попрошайкой, какъ вотъ этотъ нищій... Отецъ мой говоритъ: «береги денежку на черный день...»

Наконецъ, къ довершенію столь рѣзкой противоположности обоихъ мальчиковъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, они были рѣшительно не похожи другъ на друга и лицомъ, какъ по очертанію, такъ и по выраженію.— Журавличъ былъ бѣлокуръ, даже до нѣкоторой степени рыжеватъ; Рыбкинъ же былъ мальчикъ смуглый; волосы у перваго были всегда ровно острижены и тщательно приглажены; послѣдній носилъ свои кудри въ томъ пріятномъ безпорядкѣ, въ какомъ природа разсыпала ихъ, ни мало не заботясь о правильномъ размѣщеніи своихъ вьюнчиковъ. У Журавлича носъ прямой, будто линейкой размѣренный, глаза цвѣта неопредѣленнаго, смѣшаннаго и притомъ безъ всякаго блеска, брови едва замѣтныя и, однакъ, замѣтно-опущенныя на глаза, лобъ угловатый, съ углубленіемъ по срединѣ, губы тонкія, ровныя, безцвѣтныя, подбородокъ удлиненный; вообще онъ имѣлъ лицо худощавое не по лѣтамъ (нашимъ друзьямъ было тогда не болѣе какъ по 12 лѣтъ), во всей его наружности доволь-

но-явственно отпечатывалась хитрость съ скромностью, скрытность съ внимательностью и кажущееся простодушіе съ видимымъ лукавствомъ: таковъ былъ Петя Журавличъ, и вы, читатель, конечно согласитесь, что особенной красоты въ немъ не замѣчалось...

Съ своей стороны и Рыбкинъ также не могъ назваться красавцемъ, потому-что вздернутый носикъ и толстыя, хотя и малиновыя, губы не давали ему право на это названіе, но зато выпукло-обозначенный лобъ, черныя свѣтлыя глазки и надъ ними высоко-округленныя брови, потомъ—круглый, легкій подбородокъ придавали общему выраженію его лица что-то игривое и впечатлительное въ выгодномъ для него смыслѣ; откровенность съ добродушіемъ, смѣлость съ безпечностью, веселость съ насмѣшливостью ярко высказывались черезъ всѣ линіи его разсѣянной физиономіи.— Взглянувъ на этого ребенка по-пристальнѣе, Лафатеръ сказалъ бы, можетъ-быть: «ну, голубчикъ, берегись; пожалуй станется, что твоя довѣрчивость и сочувствіе къ другимъ, твоя беззаботность и равнодушіе въ отношеніи самого себя—не принесутъ тебѣ большой пользы, не поведутъ къ хорошей жизни; ты, пожалуй, останешься вѣчнымъ школьникомъ, растратишь свои силы раньше времени, на мелочи и побрякушки, прихоти и удовольствія; положимъ, что ты, по безпечному характеру, не дойдешь до того, чтобы обманывать ближняго,—ну, такъ зато самъ будешь обманутъ ближнимъ, а вѣдь это плохонько; потомъ можетъ случиться съ тобой еще хуже; такъ напримѣръ: если ты, отъ преждевременныхъ удовольствій не умрешь на 20-мъ году, то непременно на 40-мъ уберешь до послѣдней полушки матушкино добро, а затѣмъ, какъ ротозѣй, разумѣется, покончишь съ собой самымъ наипошлѣйшимъ образомъ». . . . Зато, всмотрѣвшись хорошенько въ другаго ребенка, тотъ же Лафатеръ, можетъ-быть, подумалъ бы: «ну, вотъ тутъ такъ ужъ совѣмъ не то. Тутъ жизнь и дѣла, силы и поступки пойдутъ чертовски-правильно и благоразумно, безъ скачковъ, съ оглядкою; здѣсь будетъ строгій расчетъ и великое терпѣніе; безстрастіе и безучастіе къ другимъ и неограниченная привязанность къ собственнымъ выгодамъ, довольству, къ такъ-называемому благополучію; этотъ ребенокъ бу-

деть человекомъ солиднымъ, непременно чѣмъ-нибудь въ родѣ ростовщика, срывщика, приобретателя... и пойдетъ этотъ новый Чичиковъ гладко и далеко, и если не умретъ отъ натуги на 40-мъ году; то на 50-мъ навѣрное будетъ имѣть золотой кусокъ хлѣба»...

Но я не Лафатеръ, я не принимаю на себя права ни думать, ни говорить такимъ рѣшительнымъ тономъ; будущаго предвидѣть нельзя, по-крайней-мѣрѣ трудно; выводить же общее правило изъ какого-нибудь частнаго случая было бы, просто, нелѣпостью; а я именно рассказываю случай съ двумя ребятами-друзьями.

Оба наши молодца, шагъ за шагомъ, добрались до высшихъ классовъ пансіона, гдѣ, естественно, требовалась отъ нихъ гораздо-большая дѣятельность, а для наблюдений открывался большій кругъ зрѣнія. Несмотря на то, несмотря, что эти дѣти сдѣлались уже юношами, — они остались тѣмъ же, чѣмъ были прежде; характеръ ихъ нисколько не измѣнился: Журавличъ всё также тихъ и скромнень, водой не замутить; Рыбкинъ тотъ же крикунъ и повѣса. Я забылъ сказать, что наши герои—какъ ни различны были ихъ умъ, чувства, воля и проч. и проч.—оставались, по прежнему, друзьями; этого мало: дружба ихъ по времени сильнѣе и сильнѣе укрѣплялась, потому ли, что здѣсь они встрѣтили новыхъ сотоварищей, и, слѣдовательно, по необходимости должны были держаться другъ за друга крѣпче, или по той причинѣ, что съ большимъ развитіемъ образованія въ той же мѣрѣ развивалась и самая потребность взаимнаго довѣрія и обмѣна мыслей—дѣло закрытое; но темнѣе-то всего прочаго былъ вопросъ: кто изъ нашихъ друзей былъ безкорыстнѣе и честнѣе расположенъ къ другому?... Если взять, напримѣръ, въ соображеніе, что Журавличъ, сверхъ частыхъ предостереженій своего друга отъ разныхъ шалостей и вѣтренности, жертвовалъ еще для него своимъ временемъ, переписывая ему лекціи и всегда своей рукой, а не наемной,—то нельзя не сознаться, что такихъ безкорыстныхъ порывовъ дружбы—хотя въ тоже время и не очень дорогихъ—не слишкомъ часто встрѣтишь между соучениками... Но при этомъ надо замѣтить, что и Рыбкинъ съ своей стороны не оставался въ долгу передъ своимъ другомъ. Имѣя бога-

тыхъ родителей, которыхъ онъ былъ единственнымъ наследникомъ и которые порядкомъ—таки баловали любезнаго сына, наполняя бумажникъ его иногда безъ счету,—Рыбкинъ, по природѣ добрый до излишества, никогда не могъ равнодушно смотрѣть на пустые карманы своего товарища, родители котораго были люди недостаточные. Вслѣдствіе этой разницы въ матеріальныхъ средствахъ, Рыбкинъ не только запретилъ своему другу издерживать на себя бережливо-накопленные имъ копейки, но еще шумѣлъ, сердился и обижался, когда тотъ, по чувству ли деликатности, или по какому другому тонкому умовиушенію, не вполне объяснялъ ему свои надобности. Рыбкинъ, просто, не хотѣлъ знать, чтобы у друзей было что-либо не общее. — «Что имѣю я, то долженъ имѣть и ты,—говаривалъ онъ:—я богатъ, слѣдовательно, обязанъ хлопотать о всемъ для тебя нужномъ; ты бѣденъ—слѣдственно, не имѣешь права презирать моихъ о тебѣ попеченій. Положимъ, что бѣдность имѣетъ свои права, но она имѣетъ и свои обязанности, а первая обязанность и бѣднаго и всякаго есть—любить своего друга и не отказываться раздѣлять съ нимъ и пріятное, и полезное, и необходимое... Если тебѣ не нравятся мои, какъ ты называешь, пожертвованія, а по-моему, пріятельскій дѣлѣжъ,—то разойдемся, вотъ и все...» На основаніи такихъ-то разсужденій, сопровождавшихся обыкновенно неподдѣльнымъ дружескимъ гнѣвомъ, Журавличъ былъ обезпеченъ съ головы до ногъ и жилъ не унывая...

У насъ, на Руси, ходятъ въ народѣ, между-прочимъ, двѣ преумныя пословицы; одна говоритъ: «въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходи», а другая—«съ волками жить, по волчьи выть». — Внутренній смыслъ этихъ пословицъ всякій, конечно, понимаетъ такъ: попавъ въ какое-либо общество, должно подчиняться принятымъ въ немъ правиламъ, если не хочешь прослыть оригиналомъ, что не всегда лестно. Хотя пансіонъ не монастырь и воспитанники не волки, тѣмъ не менѣе, однакожъ, это молодое, учащееся, общество имѣетъ свои порядки, требованія, обычаи, привычки, отъ которыхъ отступить—тоже значитъ прослыть оригиналомъ, или смѣшнымъ, или нестерпимымъ. Вслѣдствіе этой простой причины, Рыбкинъ, оставаясь

другомъ Журавлича, крѣпко, однакожь, сошелся съ большинствомъ школьной молодежи, такими же весельчаками, какъ и самъ. По ихъ примѣру и онъ франтилъ, гулялъ по Невскому, ходилъ въ театры. Устраивался ли у нихъ концертъ—Рыбкинъ непременно въ немъ участвовалъ; назначалась ли веселая поѣздка за-городъ—Рыбкинъ здѣсь изъ первыхъ; предполагалось ли какое пособіе бѣднымъ—ужь его не кличь: онъ явится на сходку, какъ снѣгъ на-голову... Однимъ словомъ, гдѣ большинство, тамъ и Рыбкинъ; онъ даже не отказывался отъ удовольствій преферанса и другихъ больше или меньше искусительныхъ забавъ... За свой живой, впечатлительный характеръ, Рыбкинъ былъ признанъ прекраснымъ сотоварищемъ, и потому сдѣлался необходимымъ участникомъ во всѣхъ затѣяхъ этой затѣливой молодежи. Онъ сто разъ приглашалъ своего друга въ веселый кругъ товарищей, но вѣчно-размышляющей Журавличъ всегда умѣлъ найти причину къ отказу, и опять-таки не потому, чтобы онъ положительно чуждался удовольствій, свойственныхъ его возрасту, нѣтъ, это не то; онъ рассуждалъ такимъ образомъ: «отказавшись отъ прихоти, я ровно ничего не теряю, напротивъ—выигрываю; къ прихотямъ можно, пожалуй, привыкнуть, а это вредно и для здоровья и для кармана; притомъ же учителя и начальникъ... я прежде всего долженъ быть у нихъ на хорошемъ замѣчаніи...» Вы видите, читатель, что рассужденіе хоть куда: да лишь та бѣда, что Журавличъ пошелъ у нѣкоторыхъ изъ товарищей за чудака, за оригинала; другіе—эти, видно, были посмышленѣе — говорили, что онъ ходитъ въ маскѣ, что онъ просто-на-просто Тартюфъ... Богъ знаетъ, кто правъ, кто виноватъ.

Между добрыми товарищами не бываетъ сплетней, зато бываютъ веселыя бесѣды, откровенные разговоры, на которыхъ иногда иному Пети приходится больно-жутко, такъ-что держись!... Такъ вотъ, въ какой-то праздничный вечеръ, пять-шесть востроглазыхъ юношей напросились въ гости къ Ванѣ Рыбкину. Само-собою разумѣется, что онъ встрѣтилъ ихъ съ распростертыми объятіями. Сперва, какъ водится, *прошлись по чаю*; затѣмъ явилось что-то другое—и пошла потѣха, не выходящая, однакожь, за предѣлы умѣренности, порядка и приличія. Собравшееся къ Рыбкину

общество состояло изъ 8-ми или 9-ти молодчиковъ; въ числѣ ихъ находился и Журавличъ. Какъ это случилось, мы не беремся разрѣшить... Гоголь въ этихъ случаяхъ всегда такъ разсуждалъ: «А чортъ его знаетъ! можетъ-быть оно тамъ такъ и надобно...»—Вѣдь, кажется, что такое 9-ть человѣкъ? А посмотрѣли бы вы, что тутъ происходило! Шумъ, крикъ, споръ, табачное куреніе, о всякихъ вещахъ окончательное сужденіе, ну, словомъ, такой лирической безпорядокъ, что Боже упаси!... Журавличъ, вѣрный своему правилу, держался чинно, скромно, говорилъ последовательно, а больше молчалъ, и при первыхъ вспышкахъ не въ его духъ исчезъ изъ собранія. Сначала это не было замѣчено ни кѣмъ, но когда говоръ, по какому-то законному поводу, мало-по-малу стихъ, собесѣдники тотчасъ же обратили на это обстоятельство вниманіе.

— Не усидѣлъ-таки!—сказалъ одинъ.

— Улизнулъ!—сказалъ другой.

— Улизнулъ! Не усидѣлъ! Чтожъ тутъ удивительнаго? Наше общество не по его натурѣ,—сказалъ третій.

— Да оно и лучше, что онъ не нашей партіи,—сказалъ четвертый.

— Разумбется. Однакожъ и онъ не безъ партіи. Известно, что онъ подобралъ для себя троихъ-четверыхъ такихъ же, какъ и самъ, резонёровъ,—сказалъ пятый.

— Хороши резонёры!—сказалъ шестой:—лазутчики! переметчики! вывѣдыватели чужихъ мыслей!..

— Господа!—сказалъ тогда Рыбкинъ:—прошу васъ отзывать по-снисходительнѣе о моемъ другѣ.

— Полно, любезный Ваня!—сказалъ седьмой:—ты ошибаешься.

— Я знаю его съ десяти лѣтъ, сказалъ Рыбкинъ.

— Это ничего не доказываетъ.

— Это доказываетъ, что я испыталъ его въ продолженіе почти десяти лѣтъ, и...

— И чтожъ ты открылъ? — перебилъ Рыбкина осмой изъ собесѣдниковъ, ужаснѣйшій крикунъ и спорщикъ самый неугомонный, готовый въ одну минуту отвѣчать десятнымъ; юноша вовсе не злой, но не умѣющій удерживать себя отъ высказанія правды, и притомъ запальчиво, въ самыхъ злѣйшихъ сарказмахъ, которыми онъ не щадилъ ни-

кого, понадишь ему хоть отецъ родной въ горячую мину-ту:—Ну, и чтожь ты открылъ? ну?..

— То, что онъ не похожъ на насъ, а мы на него...

— Ха, ха, ха.. Вотъ по-крайней-мѣрѣ важное открытіе въ десять лѣтъ!—закричалъ крикунъ...

— А между-тѣмъ,—продолжалъ Рыбкинъ,—онъ всё-таки прекрасный малый; ведетъ себя такъ, что рѣшительно не въ чемъ его упрекнуть; всегда исправенъ, аккуратенъ, ни о комъ не скажетъ лишняго, дурнаго слова; а это, какъ хотите, господа, тоже своего рода добродѣтель....

— Да, добродѣтель паука, утвердившагося въ центрѣ паутины!—снова перебилъ спорщикъ:—Полно тебѣ, любезный Ванюша; у тебя умъ не въ головѣ, а въ сердцѣ, вотъ отътого-то ты и видишь все въ розовомъ цвѣтѣ; вотъ потому-то ты и разсуждаешь не головой, а сердцемъ; твой силлогизмъ таковъ: «я человѣкъ—и онъ человекъ; я люблю добро—слѣдовательно и онъ любитъ добро.»—Какъ бы не такъ! Изъ того, что ты благороденъ, никакъ не слѣдуетъ, что и другъ твой благороденъ—повѣрь мнѣ; я, братъ, старше тебя по лѣтамъ, родился и качался въ жесткой люлькѣ, воспитанъ не отцомъ и не матерью, а такъ, знаешь, родственными щелчками; ѣдалъ хлѣбъ изъ семи печей, потерялъ около разныхъ добродѣтелей,—такъ ужъ, сдѣлай одолженіе, меня не одурачишь... Добродѣтель!... знаю я эту добродѣтель!... сунься къ этой добродѣтели, въ крутой часъ, за мѣднымъ рублемъ—она покажетъ себя какъ-разъ съ изнанки... Исправенъ! аккуратенъ! скромнень! непересудливъ!... Да господи Боже мой,—все это перелъ нимъ!... Но сердце? гдѣ же сердце?... Сдѣлай милость, подай мнѣ сердце!... Слушай, Ванюша! твой другъ дѣйствительно не безъ достоинствъ, и главное изъ нихъ, быть-можетъ, то, что онъ умѣетъ держать себя такъ гладко и ровно, такъ чисто и опрятно, какъ мы не съумѣемъ; но онъ—эгоистъ, себялюбецъ, человекъ, рожденный не для взаимности, не для истинной дружбы и любви: эти чувства не имѣютъ для него никакого смысла; такіе люди, правда, и *друзей* имѣютъ; да кто эти друзья? или черствыя чучелы, или дураки, попавшіеся на крючекъ себялюбца по его видамъ... Ты, Рыбкинъ, не при-ми, пожалуйста, моихъ словъ на свой счетъ, — это бу-

деть несправедливо, я говорю вообще; я говорю только, что *приобрѣсть* друга и *быть* другомъ — вещи совершенно розныя... Ты его знаешь съ десяти лѣтъ, любишь давно, увѣрился въ немъ посредствомъ той или другой услуги, того или другаго одолженія—все это прекрасно; но это же все—я говорю о немъ—встрѣчается и въ эгоистахъ и въ лице-мѣрахъ!.. Вотъ, наконецъ, настоящее слово, какое нужно было мнѣ для наименованія твоего дражайшаго Пети Журавлича. Дѣ, онъ *лицемѣръ*, *проныра*, *пройдоха*!.. Ты испыталъ его, говоришь?... Неправда, не вѣрю: у тебя не хватитъ для этого наблюдательности и еще кое-чего другаго; тебѣ, братъ, всего-то осмнадцать отъ роду!.. ты перешелъ только поле, а жизнь, а опытность еще впереди... Какъ у тебя съ нимъ пойдѣтъ дальше—это предугадать трудно; во всякомъ случаѣ, дай Богъ, чтобы хорошо; но — извини, Рыбкинъ — мнѣ почему-то кажется, что ваше *колесо не дойдетъ до Казани* и разъ когда-нибудь онъ такъ лихо жигнетъ тебя, что ты, того и смотри, не скажешься дома... За это мнѣ ругаются его стойкость и твоя вѣтренность!..

Вся эта сердитая аппологія 22-хъ лѣтняго аппологиста была—какъ читатель можетъ догадаться — ни что иное, какъ слѣдствіе сильно-разыгравшагося воображенія, хотя крикунъ отчасти былъ и правъ, а потому-то нашъ мягко-сердый и веселый Ваня Рыбкинъ, нисколько не обижаясь этой выходкой и не придавая ей никакой важности, остался при своемъ убѣжденіи на счетъ своего друга, Журавлича. Друзья остались по-прежнему друзьями. Привычка съ-дѣтства—дѣло великое!..

Между-тѣмъ, въ то самое время, какъ восьмеро товарищей пировали, Журавличъ, запершись въ своей тѣсной комнаткѣ, разсуждалъ про себя такимъ образомъ: «Черезъ мѣсяць я кончу ученіе, выдержу экзамень, получу обѣщанное мѣсто—и уѣду; дѣ, уѣду, потому-что, оставаясь здѣсь, я долженъ буду, по необходимости, пособлять отцу и матери; они, я знаю, рассчитываютъ на это... Правда и то, что наша бѣдность... мой долгъ пособлять... Но, смотря съ другой стороны—надо же и о себѣ позаботиться, надо и о будущности подумать и распорядиться заранѣе такъ, чтобъ впослѣдствіи не нуждаться въ чужой помощи; вѣдь и отецъ мой всякій разъ то же самое говорить: тру-

дись—онъ говоритъ—пріобрѣтай, береги денежку на черный день!.. Вотъ, я и тружусь, и пріобрѣтаю, и коплю на черный день!.. Оно, пожалуй, и остаться можно бы: у Рыбкина денегъ въ волю—не откажетъ, если понадобятся; да нѣтъ, все не то: это можетъ избаловать меня. Да и къ чему же просить?.. я хочу пріобрѣтать самъ, другими путями, путями вѣрными, чтобъ не лежало на совѣсти, что я просилъ... Я хочу не просить, а требовать; я хочу, чтобъ мнѣ давали по *обязанности*; я долженъ устроить такъ, чтобъ ни одинъ мой шагъ не пропалъ даромъ, иначе самъ пропадешь!.. Вотъ, наприимѣръ, Рыбкинъ!.. Ну, что онъ? что изъ него выйдетъ?.. Пока живы отецъ, да матушка—онъ, конечно, будетъ существовать, а умри они—такъ и пойдетъ ко дну, куда затащутъ его гуляки-пріатели!.. Конечно, у него мягкое, доброе сердце!.. Сердце?.. Ахъ, ты Господи! да и у кролика есть сердце и у теленка есть сердце, а человѣкъ не кроликъ и не тѣленокъ; человѣкъ—существо разумное; человѣку преимущественно нужны характеръ и сила воли; онъ долженъ *дѣйствовать*, а не бобы разводить!.. Вотъ тогда онъ и достигнетъ своего назначенія, своей цѣли, обезпеченія!.. Главное въ жизни—это *обезпеченіе*!.. Боже мой! развѣ не каждый день видишь этихъ людей, что развѣзжаютъ въ пышныхъ каретахъ? Не всѣ же они родились богачами!.. А вотъ тѣ, что строятъ 8-миэтажные дома?.. Какъ же они строятъ? Разумѣется, накопивши сперва деньги!.. А какъ они ихъ накопили? Трудомъ, бережливостію, оборотами, предпріятіями,—выходитъ, они дѣйствовали!.. Я буду тоже дѣйствовать и дѣйствовать широко; у меня, на первый разъ, есть выгодный планъ!.. нужны только деньги, хоть небольшія!.. моихъ недостаточно!.. Ну, чтожъ? Я займу, возьму въ долгъ!.. у Рыбкина же и возьму!.. у кого же больше! кто нынче даетъ!.. Въ долгъ!?!.. Гадкое это слово!.. Конечно, я дамъ ему вексель!.. ну, да все же это долгъ, обязательство; я ему обязанъ, а онъ!.. онъ меня одолжилъ, услужилъ!.. Услуга!.. Тяжело!.. За услугу надобно тоже услужить; тогда только будешь спокоенъ; тогда только не будетъ на душѣ тяжести, которая говоритъ: «ты долженъ».—Да, чортъ возьми, скверно!.. А деньги все-таки нужны; занять все-таки необходимо, и я займу—во что бы то ни стало!..

Въ этихъ мысляхъ Журавличъ заснулъ. Ему снилось, будто онъ ужъ дѣйствуетъ и дѣйствуетъ широко; ему помогаютъ покровители, протекціи; онъ начинаетъ приобрѣтать; ему вездѣ везетъ; правда и то, что онъ иногда колеблется, спрашиваетъ самъ себя: «хорошо ли я тутъ поступилъ? честно ли я тамъ приобрѣлъ? по совѣсти ли я съ этого взялъ?..» Но онъ скоро успокоивается, видя, что и другіе совершенно также дѣйствуютъ; притомъ же, если на него и ропщутъ, то ропщутъ издали; за дальностью всего не разслышишь; а вблизи его чествуютъ, поздравляютъ съ выигрышемъ того или другаго дѣла... Да чтожь и въ-самомъ-дѣль? Онъ никого ни къ чему не принуждалъ; не тянулъ насильно въ яму никого; сами лѣзли по неосторожности, по необдуманности, по глупости, онъ только *дѣйствовалъ* шире обыкновеннаго; и зато,—вотъ у него теперь въ рукахъ большіе капиталы; съ помощію ихъ онъ дѣлается поставщикомъ, подрядчикомъ, откупщикомъ, даже золото-промышленникомъ!.. Помилуй, Господи, счастье какое!.. Золотопромышленникъ!.. Голова идетъ кругомъ!... Но ничего... онъ идетъ далѣе... онъ дѣлается банкиромъ; золото со всѣхъ концовъ такъ и льется въ его сундуки... Вотъ онъ появляется на какой-то широкой, блестящей отъ разноцветныхъ огней улицъ, въ золотой каретѣ, запряженной арабскими лошадьми; ему кажется, что онъ почти тоже, что графъ Монте-Кристо... Когда онъ ѣдетъ—ему всѣ кланяются, а самъ онъ—только киваетъ, и—странное дѣло—кланяющіеся остаются чрезвычайно довольны его киваньемъ... Но вотъ подходитъ къ нему какая-то страшная фигура, оборванная, дыравая, дрожащая отъ холоду и голоду, напоминаетъ ему о какой-то услугѣ, протягиваетъ къ нему грязную руку за подааніемъ... Журавличъ всматривается въ эту фигуру, всматривается долго, пристально... узнаетъ... узналъ... и съ крикомъ «Рыбкинь!»—просывается.

Передъ нимъ дѣйствительно стоялъ Ваня Рыбкинь, протягивая къ нему руку, но не грязную, а бѣлую, изящную, и не за подааніемъ, а для дружескаго пожатія.

— Что съ тобой, мой мудрый отшельникъ? спросилъ Рыбкинь:—Вотъ четверть часа стою здѣсь и наблюдаю:

ты или дурной сонъ видѣлъ, или въ лихорадкѣ; ты весь взволнованъ...

— Да, меня мучить лихорадка, — сказала Журавличъ, утирая на лбу и вискахъ крупный потъ, выступившій со-всѣмъ не отъ лихорадки: — я работала цѣлую ночь, форточка была отворена... Ну, да это все вздоръ... я поработала и зато, по-крайней-мѣрѣ, гора съ плечъ долой; вотъ и твои тетрадки — готовы и провѣрены.

— И тебѣ не совѣстно, любезный другъ, мучить себя по ночамъ? времени до экзамена еще довольно; успѣемъ отличиться.

— Времени всего мѣсяць; слѣдовательно надо спѣшить подготовиться. Когда же мы займемся? спросилъ Журавличъ.

— Когда угодно, только не теперь; у меня голова немножко... того... надо освѣжиться, да и твое здоровье требуетъ воздуха, такъ оно и кстати; одѣвайся и пойдемъ.

И друзья пошли освѣжаться.

Послѣ этого событія случились другія событія, нѣсколько поважнѣе, именно: экзамень, выпускъ, за тѣмъ опредѣленіе въ службу обоихъ школьныхъ друзей. Журавличъ ухалъ куда-то далеко-далеко, получивъ отъ Рыбкина, какъ желалъ, значительную сумму — *услугу*, которую, по его словамъ, онъ никогда не забудетъ. Рыбкинъ, напротивъ, (друзьямъ нашимъ, кажется, на-роду было написано дѣлать все напротивъ) остался въ родномъ городѣ и на первыхъ порахъ разорвалъ вексель Журавлича, сказавъ при этомъ, совершенно по-рыцарски, но совершенно неблагоразумно: «если онъ захочетъ заплатить, такъ заплатитъ и безъ векселя; если же нѣтъ, такъ я судиться съ нимъ не стану».

Что сталося съ ними впоследствии, и какъ, и гдѣ они снова сошлись, читатель сейчасъ узнаетъ.

Рыбкинъ, слѣвавшись чиновникомъ, измѣнился прежде всего во внѣшности: вмѣсто школьнаго костюма, надѣлъ форменное платье, остригъ свои слишкомъ-длинные локоны и началъ *выгнать* изъ дому въ 9-ть часовъ, а возвращаться въ три. Сначала все шло хорошо; но скоро однообразіе занятій, сухая, скучная и утомительная для его живаго ума и веселаго нрава переписка, ночное дежурство, интриги товарищей, холодный тонъ начальника, которому молодой человекъ успѣлъ очень-скоро насолить, поправляя, при

перепискѣ, какія-то будто бы неправильности въ слогѣ, тогда какъ его объ этомъ совсѣмъ не просили, а требовали только одной смиренной точности и неизмѣннаго порядка—а къ послѣднему-то Рыбкинъ менѣе всего былъ расположенъ—словомъ, все это вмѣстѣ скоро ему наскучило, надоѣло, опротивѣло. Служба, которой онъ сначала такъ обрадовался, которой онъ хотѣлъ посвятить себя всего, нераздѣльно, имѣя въ виду цѣль высокую и благородную, намѣренія добрыя и прекрасныя,—эта служба вдругъ, Богъ знаетъ почему, оттолкнула его отъ себя... Онъ видѣлъ, или ему только казалось, что добрыя начала, которыхъ въ службѣ такъ много и которыя такъ благотворны въ примѣненіи къ общественной жизни, нарушаются разными рутинными приемами, не идутъ рука объ руку и прямо къ своему предназначенію, къ осуществленію на землѣ вѣчнаго добра и любви,—а какъ-то расходятся, разбѣгаются врознь, оставляя послѣ себя жалкое воспоминаніе и досадную грусть... Говоря проще, Рыбкинъ, понавѣ на путь постоянной практики, оказался рѣшительно неспособнымъ къ практичности мысли; онъ бросился въ отвлеченность, сталъ идеализничать, уноситься мечтами, спорить съ людьми свѣдущими, постарше себя (очень нужно спорить съ такими почтенными людьми!), и даже—о молодость и неопытность!—доказывать имъ, какъ $2 \times 2 = 4$, нелогичность ихъ поступковъ, недоброкачественность ихъ дѣйствій.. Послѣ этого не удивительно, что Рыбкинъ—фантазеръ и враль—сталъ опаздывать къ должности, оставляя ее къ тому же ранѣе чѣмъ слѣдовало; прійдетъ въ 10-ть, выйдеть въ два; прійдетъ въ 11-ть, выйдеть въ часъ; прійдетъ въ 12-ть, выйдеть... Сказать по правдѣ, Рыбкинъ въ 12-ть приходилъ не къ должности, а на Невскій; и онъ такъ пристрастился къ Невскому, такъ отвыкъ отъ дѣла, что почти и не замѣтилъ, какъ въ одно прекрасное утро доложили ему объ его отставкѣ... Это обстоятельство, важное для всякаго другаго, ни мало не обезкуражило нашего вѣтрогона. Конечно, можно взять въ расчетъ и то, что онъ былъ молодъ, слѣдовательно, надѣялся и могъ поправить свою ошибку позднѣе; да притомъ еще онъ и не нуждался, ибо послѣ родителей своихъ, которые около того времени умерли, онъ остался полнымъ и единственнымъ хозяиномъ значительнаго недвижимаго

имѣнія и порядочнаго капитала. Слѣдовательно—такъ онъ думалъ—о чемъ же тужить! Вспомнивъ, отъ нечего дѣлать, сладенькое четверостишіе одного эротическаго поэта:

Юность, юность! веселися,
Веселись, пока цвѣтешь;
Пой, пляши, люби, рѣзвися,—
Ахъ, и ты какъ сонъ пройдешь!—

и раздумывая надъ этими заманчивыми, «пой, люби, веселись»: онъ вдругъ увидѣлъ себя окруженнымъ толпою любезныхъ друзей и пріятелей, которые тотчасъ же помогли ему привести въ буквальное исполненіе это четверостишіе. Эти друзья и пріятели, наперерывъ одинъ передъ другимъ, совѣтовали и предлагали ему разныя разности. Вотъ образчикъ того, что они ему говорили:

— Послушай, Ванюша, поѣдемъ сегодня къ N. N: общество отборное, игра благородная, удовольствія бездна!...

— Послушай, Рыбкинь,—видѣлъ ты у В. В. пару воронныхъ рысаковъ? Чудо, огнёвые, настоящіе заводскіе; самъ онъ ѣдетъ за границу, а ихъ продаетъ за безцѣнокъ; купи, братецъ, въ накладъ не будешь!...

— Послушай, Ваня, твоя мѣбель устарѣла, вышла изъ моды, заведи, милый, новую; на-дняхъ захожу я къ Туру и... нѣчего и говорить:—вкусъ, роскошь, изящество!...

— Послушай, душечка Рыбкинь, я въ ужасной конфузій: вчера, на вечерѣ у князя N N, я проигрался въ-пухъ... на честное слово.... до завтра; управляющій мой говоритъ, что деньги изъ деревни придутъ черезъ недѣлю. Сдѣлай дружбу, избавь меня отъ непріятнаго положенія!...

— Послушай, Ваня, я...

— Послушай, Ванчикъ, ты...

— Послушай, Ванюша, мы!...

И этимъ «*послушай!*» не было конца. И Ваня Рыбкинь— добрый, довѣрчивый, разсѣянный, оглушенный, ошеломленный, подавленный пріятельскими просьбами, совѣтами, предложеніями, требованіями, разбрасывалъ деньги на всѣ четыре стороны безповоротно!... Жаль, что не было подлѣ него друга его, Журавлича; тотъ, можетъ-быть, и остановилъ бы его на пути дурачества; а впрочемъ, Богъ вѣсть!...

Проживъ такимъ образомъ годъ, другой, третій, Ванюша почувствовалъ, что жизнь такая глупа и безтолкова и вздумалъ-было *попробовать остепениться*; но какъ остепениться значило *переродиться* или, по меньшей мѣрѣ, *перевоспитаться*, то, поэтому, задуманныя *пробы* и неудались ему; да притомъ же и у пріятелей его была остроумная на подобныя нечаянности тактика: они не давали ему покоя ни днемъ, ни ночью, ни въ будни, ни въ праздникъ.

Однажды пріѣзжаетъ къ нему деревенскій староста и говорить: «такъ и такъ, сударь ты нашъ; крестьяне очень жалуются: время-де голодное, неурожайное, а оброкъ давай, да подавай...»

— Да кто же требуетъ оброка, когда ты говоришь, что...

— А чѣмъ же вы, сударь ты нашъ, живете, какъ не оброками? А чѣмъ же вы, сударь, въ ломбардъ проценты платите, какъ не оброками?

— Да развѣ имѣніе заложено?

— А какъ же, сударь! Вамъ, сударь ты нашъ, понадобились вдругъ деньги... большія деньги... на колясочки, на ранжереи, на лошадокъ, ну, тамъ еще на... да мало ли на что!.. — вотъ мы и заложили деревеньку-то.

— Ну, такъ какъ же тутъ быть: скажи, научи... я готовъ помочь крестьянамъ.

— А вотъ какъ, сударь ты нашъ, надобно намъ перво-наперво посберечь маненечко...

Но не успѣлъ староста повести своей разумной рѣчи, какъ въ кабинетъ Ванюши влетѣли двое любезныхъ пріятелей, за ними третій, четвертый, пятый, двадцатый.... управитель оставленъ, крестьяне забыты— и начался пиръ на весь міръ!....

Между-тѣмъ время не стояло; дни проходили за днями, годы за годами. Рыбкинъ, по прежнему, угощалъ другихъ, угощался самъ, дарилъ, одолжалъ, помогалъ, прощалъ, игралъ, проигрывалъ, словомъ—жилъ на распашку, спустя рукава и заломивъ шапку, и разъ какъ-то случайно узналъ, что ему стукнуло ровнѣхонько 39-тъ лѣтъ и, слѣдовательно, пошелъ сороковой.... Сороковой?! Какъ это такъ скоро?... Да вѣдь Ваня Рыбкинъ не начиналъ еще жить, какъ живутъ люди на свѣтѣ?.. Вѣдь жить по-людски—значить что-нибудь дѣлать; т. е. во всякомъ случаѣ,

что-либо умное, пригодное; заниматься чѣмъ-нибудь полезнымъ, а онъ еще ни чѣмъ не занимался, ничего не сдѣлалъ... Да, да, онъ еще ничего не сдѣлалъ... Но онъ еще, можетъ-быть, сдѣлаеть; погодите немного; вотъ сейчасъ, можетъ-быть, онъ станетъ трудиться, начнетъ работать... О, Рыбкинъ непремѣнно воротитъ глупо-прожитое время; онъ вознаградитъ потерянные въ бездѣльи годы трудомъ; съ его способностями, съ его образованіемъ это такъ легко; вѣдь не совсѣмъ же онъ потерялся, вѣдь не дошелъ еще онъ до апатическаго состоянія!.. Да, вправду, такълиэто?... Нѣтъ, не такъ, кажется. Рыбкинъ очень-очень измѣнился; трудъ—больше или меньше тягость для него; сороковой годъ входитъ въ свои права, напоминаетъ ему просто и ясно свою тяжеловѣсность, свою крутость и вмѣстѣ неповоротливость... Да, отжилъ онъ, окончательно отжилъ нашъ вѣтранный Ваня, и поздно, невозможно вернуться; дорога назадъ затѣрена: онъ... *промотался!*.. Нѣтъ теперь у него ни роскошнаго кабинета, ни гамбсовой, ни туровой, почти ни какой мебели, ни заводскихъ рысаковъ, и нѣтъ, давно ужъ нѣтъ ни единого изъ *пріятелей!*.. До него ли имъ теперь, когда онъ самъ не знаетъ, не можетъ, *не имѣть чѣмъ жить.* Друзья убѣжали отъ него, оставили его, разлетѣлись, какъ разлетаются вороны, пожравшіе до-глы свою добычу. И Рыбкинъ сидитъ теперь, печальный и убитый, въ той самой бѣдной комнаткѣ, въ которой нѣкогда трудился другъ его, Петя, и дожидается, когда послѣдняя деревня его—остатокъ отцовскаго наслѣдія—назначенная уже въ продажѣ, перейдетъ въ чужія руки посредствомъ аукціоннаго молотка...

Но какъ же не совѣстно Рыбкину? какъ онъ смѣлъ довести себя до такого безвыходнаго положенія?.. Развѣ онъ забылъ, что не одинъ онъ долженъ будетъ переносить подобное положеніе? вѣдь онъ—женатъ. Жена у него—добрѣйшее созданіе, существо кроткое и довѣрчивое. Она вышла за него съ полною преданностью и любовью, точно также, какъ и онъ женился на ней *по любви.* Впрочемъ иначе и быть не могло, потому-что въ день свадьбы ему было никакъ не болѣе 25 лѣтъ. А кто не знаетъ, какія бываютъ послѣдствія женитьбы *по любви, въ 25-ть лѣтъ!*.. Известно уже, что послѣ первыхъ восторговъ и

блаженства наступает маленькая, чуть-замѣтная холодность; эта крохотная холодность мало-по-малу округляется, идетъ дальше, принимаетъ размѣры шире, растетъ, растетъ, и обращается потомъ во что-то очень непохожее не только на прежнюю любовь, но на любовь вообще; а тутъ кстаги съ-боку подойдутъ друзья—и вотъ вамъ женитьба *по любви!*. Охъ, знаю я эти женитьбы очень-хорошо!.. По своему тихому характеру, жена Рыбкина не могла имѣть, и дѣйствительно не имѣла, никакого вліянія на своего мужа; вся власть ея въ быту семейномъ ограничивалась внутренними распоряженіями по хозяйству и за предѣлы дома не заходила. И потому, если случалось ей когда-нибудь замѣчать мужу безалаберность его поведенія, разумѣется, въ самыхъ мягкихъ, теплыхъ выраженіяхъ: если приходилось ей иногда указывать на лицемеріе его друзей,—всѣ ея замѣчанія, указанія, совѣты, разлетались въ пухъ и прахъ... Но Рыбкинъ не подлець, онъ только пустой, слабый человекъ, однакожъ человекъ съ добрымъ сердцемъ.—Вотъ, посмотрите: теперь, когда грустный опытъ разоблачилъ передъ нимъ сущность его бесплодной жизни, когда онъ увидѣлъ вокругъ себя рѣшительную пустоту, когда, лишенный собственныхъ способствъ, онъ не только не могъ добиться какого-нибудь копеечнаго одолженія отъ своихъ пріятелей, но даже возврата долговъ, даже добраго слова, ничего не стѣющаго,—ему, оставленному, брошенному, пре небрежному всѣми, осталась въ утѣшеніе одна только чистая, безкорыстная привязанность его жены,—о, теперь онъ снова полюбилъ ее прежнюю, юношескою, горячею любовью, и полюбивъ, т. е. возвратясь къ долгу чести и совѣсти, онъ, естественно, не могъ отвергнуть ни ея ласковаго совѣта, ни личнаго своего убѣжденія—не горевать о прошломъ, а скорѣй заняться дѣломъ, работать, трудиться—иначе пропадешь, погибнешь самъ и погубишь вмѣстѣ съ собой невинное, любящее и любимое существо... Онъ такъ и сдѣлалъ. Безъ протекцій и покровительства, которыхъ онъ никогда не терпѣлъ, стыдась *клясться*—чему остался вѣренъ и теперь—онъ получилъ въ какой-то частной конторѣ, съ управляющимъ которой переговорилъ откровенно, начистоту, что тому очень понравилось (добрые люди, слава-Богу, еще не перевелись), получилъ мѣсто, не то переписчика,

не то писмоводителя. Здѣсь онъ трудился какъ волъ, изо всѣхъ силъ, день и ночь, и такимъ-образомъ ѣлъ, хоть не сытнѣй, по-крайней-мѣрѣ свой собственный, трудовой кусокъ хлѣба.—Все это прекрасно и похвально, скажетъ читатель; то же скажу и я; но, вѣрный истинѣ, долженъ прибавить, къ душевному сожалѣнію, что обращеніемъ своимъ къ обязанностямъ челоуѣка и мужа, безхарактерный Рыбкинъ обязанъ былъ не себѣ, а единственно женѣ, да. Пока она жила, онъ работалъ; умерла—отъ бросилъ занятія, сталъ хандрить, впалъ опять въ апатію, и этого мало, онъ началъ...пить.—Досадно, ужасно досадно!..

За нѣсколько дней до продажи съ аукціона имѣнія, бѣдняга Рыбкинъ сидѣлъ въ своей единственной комнаткѣ, понутивъ голову, раздумывая о своемъ жалчайшемъ положеніи. Вдругъ, откуда ни возмись, входитъ къ нему какой-то толстый баринъ; останавливается передъ самымъ носомъ Рыбкина, осматриваетъ его наилюбопытнѣйшимъ окомъ; Рыбкинъ, въ свою очередь, осматриваетъ точно также барина и не прошло минуты, какъ оба они разомъ вскрикнули:

«Ванюша!»

«Петруша!»

Но позвольте... я долженъ на минуту прервать это неожиданное свиданіе двухъ школьныхъ друзей, чтобъ рассказать про жизнь Журавлича съ того дня, какъ онъ уѣхалъ куда-то далеко, получивъ отъ друга своего *услугу*. Итакъ...

Журавличъ, пріѣхавъ на мѣсто, распорядился прежде всего лично представить всѣмъ надлежащимъ властямъ и многимъ почетнымъ въ городѣ лицамъ рекомендательныя о себѣ письма, которыми онъ запасся въ-волю, какъ говорится; потомъ онъ отправился ко всѣмъ будущимъ своимъ сослуживцамъ съ собственною о себѣ рекомендаціею и затѣмъ, на другой же день, вступилъ въ самое ревностное отправленіе своей должности. Скромностью въ сношеніи съ наибольшими, трудомъ и прилежаніемъ, онъ не замедлил поселить въ понятіяхъ начальства и сослуживцевъ выгодное о себѣ мнѣніе и съ перваго, такъ сказать, присѣста

составилъ себѣ хорошую репутацію.—«Начало сдѣлано ладно, будемъ трудиться, хлопотать; трудиться и хлопотать все равно, что идти по лѣстницѣ; пойдемъ же по ней твердо, не спотыкаясь»—сказалъ самъ себѣ Журавличъ, и пошелъ по этой лѣстницѣ, какъ сказалъ. — Коль скоро очищалась новая ступенька вверхъ, онъ усиливалъ свою заботливость, запасался съ-боку прочнымъ покровительствомъ—и получалъ желаемое мѣстечко. Будучи по природѣ лисой и по наружности ягненкомъ, онъ хитрилъ со всѣми также тонко, какъ въ былое время въ школѣ. Шагъ за шагомъ, гдѣ ползкомъ, гдѣ ничкомъ, гдѣ бочкомъ, онъ добрался наконецъ до высокой ступеньки. Нѣкоторые рѣшались-было, подумавши не много, провозгласить его, кто выскочкой, кто пролазомъ, кто пройдохой; но онъ всѣ эти возгласы пропускалъ въ одно ухо и выпускалъ въ другое; умѣлъ кстати и во-время, одному поклониться, другаго приласкать, третьему пригрозить, и такимъ образомъ уживался со всѣми. Обезпечивъ себя со стороны блага невещественнаго, ему оставалось обезпечить пріобрѣтенія матеріальныя благовидною законностію, чего онъ вскорѣ, посредствомъ неусыпности своей, и достигъ, женися на богатой.

Нельзя не восхищаться, съ какою ловкостію г. Журавличъ пріобрѣлъ себѣ въ жѣны богачиху. Это была не очень молодая, но и не старая вдовушка какого-то откупщика, который оставилъ ей въ наслѣдство двухъ дѣвочекъ, да полмиліона чистоганомъ, да два дома, да мало ли еще что!.. Очень пріятное наслѣдство—согласитесь сами. Журавличъ началъ ухаживать за вдовой, т. е. за полмиліономъ, самымъ дѣятельнымъ образомъ. Хлопоталъ по доставшимся ей отъ покойнаго мужа дѣламъ безъ малѣйшаго возмездія, изъ одного, какъ говорилъ онъ, участія, только изъ участія, ни какъ иначе; доставлялъ ей разнаго рода развлеченія, удовольствія; а дѣтей баловалъ во вкусѣ матушки: дарилъ ихъ всякими бездѣлушками, нѣжничалъ съ ними, цѣловалъ ихъ и кстати, и не кстати. Зрѣлище было очень умильное, особенно для тѣхъ, кто хорошо постигъ волколисичныя свойства г. Журавлича. Вотъ-съ, такими-то безгрѣшными путями онъ довелъ вдову до сознанія, до полной увѣренности въ томъ, что онъ человѣкъ

прелюбезнѣйшій и столько же полезный для нея и для сиротъ. Увидавъ, что рыбка наклѣвывается и отгадавъ заднюю мысль вдовы, онъ въ одинъ неподобный вечеръ протягиваетъ ей обѣ жирныя ладони свои съ наиблужайшимъ почтеніемъ и съ невозмутимымъ завѣреніемъ въ своей преданности, дружбѣ и любви, и получаетъ отъ вдовы совершенное согласіе на свое предложеніе; а вслѣдъ затѣмъ и ни мало не медля, Журавличъ торжественно вступаетъ со вдовой въ законный бракъ. Само собою разумѣется, что любовь — чувство совершенно несподручное въ такихъ матеріальныхъ натурахъ, какою природа надѣлила г. Журавлича, не могла имѣть здѣсь никакого мѣста. Но какъ же быть съ полмиліономъ? А вотъ какъ. Въ какое-то пасмурное утро онъ докладываетъ бывшей вдовѣ, а нынѣ женѣ его, что на покойномъ ея муженькѣ числится по счетамъ правительства какая-то огромная недоимка, за которую будто бы правительство распорядилось уже наложить запрещеніе на все, какъ водится, имѣніе и капиталы умершаго откупщика. Такъ для отбытія отъ этой очень-чувствительной непріятности, для спасенія имѣнія, столь необходимаго бѣднымъ малюткамъ, имѣлось, изволите видѣть, единственное, остроумное средство, это — переводъ домовъ и денегъ на его, Журавлича, имя. Не спорить же противъ такихъ очевидныхъ доказательствъ, напротивъ, надо еще нижайше благодарить за такое удивительное вниманіе мужа и вотчима къ интересамъ жены и падчерицъ. И г. Журавличъ дождался наконецъ давно-разсчитаннаго событія: имѣніе жены и сиротъ сдѣлалось неотъемлемою его собственностію!.. Bravo, брависсимо, г. Журавличъ!.. Кто не скажетъ послѣ этого, что вы примѣрный мужъ и образцовый отецъ!..

Съ этой минуты начались сбываться его задушевные желанія, мечты и тотъ фантастическій сонъ, который онъ видѣлъ нѣкогда передъ приходомъ къ нему — тогда еще бѣдному школяру — богатаго его друга, Ваши. Съ этой минуты началъ онъ рядъ приобрѣтеній, рядъ, постепенно увеличивающійся, сообразно съ пословицей: «чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ». Говорили, конечно, и при этомъ случаѣ, что «вотъ-де господинъ Петруша скупаетъ вексель по пятаку, а взыскиваетъ по полтинѣ; что въ его до-

мѣ какъ-то всегда больше проигрывается, нежели, напримеръ, въ другомъ; что будто тѣ только дѣла и оканчиваются скороспѣшно и справедливо, по которымъ просители на лицо...» и пр. тому подобное; да вѣдь мало ли что говорятъ люди, когда попадешься имъ на зубокъ, особенно въ далекой сторонѣ... И вотъ, наконецъ, когда Журавличъ освѣдомился, что въ его сундукѣ золотомъ помѣщается несмѣтное количество тысячъ, и что ужъ нѣтъ болѣе мѣста ни для одного шелеха,—онъ тотчасъ же привелъ себѣ на память басню Ив. Андреевича Крылова «Фортуна и нищій», и чтобъ не сдѣлаться такимъ же простакомъ, какъ этотъ нищій и не разобидѣть фортуны, немедленно захлопнулъ крышку и отиравился во-свои, а отправляясь во-свои, Журавличъ захохоталъ громкимъ хохотомъ, относя этотъ хохотъ по вѣтру въ оставленную имъ далекую сторону, а изъ этой далекой стороны, какъ-бы въ отвѣтъ на его хохотъ, слышались плачь, стонъ и рыданіе...

Разсказавъ эту трогательную исторію, мы можемъ возвратиться къ прерванному свиданію двухъ школьныхъ друзей.

— Петруша!—повторилъ Рыбкинъ.

— Ванюша!—повторилъ Журавличъ.

И они начали обниматься очень крѣпко, какъ и слѣдуетъ друзьямъ послѣ 20-ти-лѣтней разлуки.

— Ну, что, какъ ты, Ванюша? началъ Журавличъ.

— Какъ видишь, Петруша, отвѣчалъ Рыбкинъ.

— Э, эхъ! скверно, Рыбкинъ; этому надо помочь.

При словѣ «помочь» Рыбкинъ гордо поднялъ голову и смѣло посмотрѣлъ въ лицо другу. Была ли то вспышка негодованія, являющагося во взорѣ благороднаго человека, когда ему предлагаютъ помощь не совсѣмъ приличнымъ тономъ, или воспоминаніе о прежнихъ безпечныхъ дняхъ, когда онъ самъ такъ безкорыстно помогалъ многимъ, или, наконецъ, въ душѣ его возникла въ эту минуту надежда на возможность воротить утраченное,—я не берусь разрѣшить, но не могу умолчать, что взоръ Рыбкина, исполненный достоинства, на мгновение смутилъ его друга.

— Помнишь ли, Ваня,—сказалъ нѣсколько мягче Журавличъ,—услугу, которую оказалъ ты мнѣ 20-тъ лѣтъ назадъ?

— Нѣтъ.

— А заемное письмо въ 20 т., когда я отъѣзжалъ къ далекому мѣсту?... Я получилъ отъ тебя деньги и выдалъ заемное письмо.

— А!... да... вексель... ну, такъ чтожь?

— Онъ при тебѣ еще?

— Я тогда же его изорвалъ и сжегъ.

— Изорвалъ и сжегъ!—сказалъ Журавличъ съ удивленіемъ, похожимъ на удовольствіе, хотя, конечно, зналъ, что обязательство, неоглашенное втеченіе десяти лѣтъ, теряетъ свою силу.

— Какъ же это такъ... какъ же это случилось съ тобой?

— Не спрашивай меня ни о чемъ.... я боленъ, я не могу... у меня болитъ здѣсь, здѣсь—говорилъ Рыбкинъ, ударяя себя кулакомъ въ грудь:—приди завтра, когда-нибудь... тогда поговоримъ.

— Но я слышалъ ..

— Что ты слышалъ.

— Я слышалъ—не знаю правда ли—что деревня твоя, Веселовка....

— Она послѣзавтра продается.

— Такъ почему же ты не похлопочешь о выкупѣ?

— За нее надо внести выкупу слишкомъ 80-ть тысячъ; а мнѣ никто не поверитъ и 80 коп. мѣдныхъ. Дѣ, Журавличъ, мнѣ никто теперь не повѣритъ и 80 коп. мѣдныхъ; и это нисколько меня не поражаетъ; я не зналъ людей до-тѣхъ-поръ, пока не промоталъ всего отцовскаго добра; теперь я ихъ знаю, но это бесполезно. Я не виню никого въ моемъ несчастіи; одинъ я во всемъ виноватъ: я былъ мотъ, расточитель, негодяй, воровалъ самъ у себя и воровалъ такъ же жадно, какъ настоящій воръ... у меня нѣтъ ничего, слышишь ли—ничего!... Вотъ этотъ перстень... перстень моей доброй матушки... О, матушка, матушка!.. Нѣтъ, хотя бы мнѣ довелось умереть съ голоду, и тогда...

Ваня заплакалъ, цѣлуя перстень.

Эти промотавшіеся дворянчики все на одинъ покрой: плачутъ по волосамъ, когда потеряютъ голову—подумалъ про себя Журавличъ и потомъ сказалъ:—однакожь надобно же что-нибудь предпринять?

— Я ужъ рѣшилъ.

— Что же такое?

— Я... застрѣлюсь.

— Э!.. Фи!.. какія глупости!.. Послушай, Ваня, что стоить Веселовка?

— Не знаю.

Рыбкинъ дѣйствительно не зналъ, что именно стоить его деревня, а другъ его *навѣрное* зналъ, что за нее можно дать 200 т. и остаться въ барышахъ.

— Послушай, Ваня, сказалъ ему Журавличъ наставительнымъ тономъ: стрѣляются только дѣти, да безумные, а мы съ тобой, слава Богу, имѣемъ по доброму клочку съдинъ и изъ ума еще не выжили. Благодарю Бога, что я скоро отыскалъ тебя... Знаешь, что я думаю?.. Я думаю, что дѣло-то твое можно еще какъ-нибудь поправить... Вотъ что я скажу тебѣ, слушай внимательно... Имѣніе,—я въ этомъ совершенно увѣренъ,—очень и очень разстроено; крестьяне, вѣрно, разорены, и проч. и проч... Охотниковъ покупать заложенныя имѣнія нынче не много, да и эти немногіе не удовольствуются одними бумагами, а захотятъ взглянуть на имѣніе-то въ натурѣ, своимъ глазомъ... Ну, а какъ посмотреть, такъ, пожалуй, на торгахъ-то не слишкомъ раздадутся... того и смотри, что покупать—если только купить—за долговую сумму, не болѣе... согласишься самъ, вѣдь это очень возможно... и тогда ты останешься рѣшительно на бобахъ: и безъ деревни, и безъ денегъ... Такъ вотъ я, любезный ты мой другъ, Ваня, помня твою услугу и нашу старую дружбу, хочу выручить тебя изъ бѣды во что бы ни стало; деревеньку твою не допустимъ мы до торговъ, выкупимъ хотъ сегодня же, да сегодня же и запроладимъ ее, благословясь: ты продавецъ, а я покупатель... Конечно, многого дать я не могу, да многого она и не стоить... ну, а всё же за сотнягой тысячь не постою... Такимъ-образомъ, тебѣ очистится около 20 тысячъ... ну, а вѣдь этакого куша на полу не поднимешь... Такъ говори проворнѣй, согласенъ?... Такъ по рукамъ, что ли?..

Рыбкинъ глядѣлъ на Журавлича, какъ помѣшанный; онъ не зналъ, радоваться ли столь неожиданному обороту дѣлъ, или ужъ поскорѣй застрѣлиться; но привязанность къ жизни, какъ бы жизнь ни тяготила насъ, а въ-особенности столь *великодушный* поступокъ друга, совершенно, такъ

сказать, отрезвили его. Онъ бросился обнимать Журавлича, произнося съ чувствомъ:—О, другъ мой, Петруша; спасибо, спасибо тебѣ; я на все согласенъ...»

— Ну, и прекрасно. Одѣвайся же и поѣдемъ куда слѣдуетъ.

И въ тотъ же день, или не далѣе какъ на другой, выкупленная Веселовка перешла, по законному акту, во владѣніе новаго помѣщика, г. Журавлича. А еще чрезъ день этотъ новый помѣщикъ распрощался съ прежнимъ чрезвычайно-нѣжно, извиняясь въ поспѣшности отъѣзда какими-то *важными дѣлами*. При чемъ онъ весьма наивно замѣтилъ ему о необходимости жить поскромнѣе и не водиться съ негодными людьми.

Скромно ли началъ жить послѣ этого совѣта Ваня Рыбкинъ или при первомъ же удобномъ случаѣ разсорилъ эти 20 т. — неизвѣстно; извѣстно только, что онъ тогда же узналъ изъ вѣрныхъ рукъ о мошеннической продѣлкѣ своего друга и со вздохомъ произнесъ:—«Правду же сказалъ покойный спорщикъ, что этотъ другъ когда-нибудь такъ меня лихо жигнетъ, что въ иной разъ не скажешься дома».

А Журавличъ, отъѣзжая въ свою новую деревню, Веселовку, которая стоитъ 200 т., а куплена имъ за половину, преспокойно разсуждалъ въ своей снокойной коляскѣ: «что жъ? на торгахъ, можетъ-быть, и этихъ денегъ не дали бы... сверхъ того я спасъ этого дурака отъ самоубійства, т. е. отъ смертнаго грѣха. Послѣ этого, я *по совѣсти* могу сказать, что оказалъ *услугу за услугу*».

Разсказавъ, какъ было дѣло, я спрашиваю васъ, благоклонные мои читатели, кто вамъ болѣе нравится изъ обоихъ школьныхъ друзей?

Но вы, не отвѣчая прямо на мой вопросъ, потому-что оба мои молодца требуютъ коренныхъ исправленій,—замѣчаете только: Рыбкина намъ *жаль*, а Журавлича мы *не навидимъ!*

Я вполне раздѣляю ваше мнѣніе, и затѣмъ къ разсказу моему не прибавляю болѣе ни единой буквы.

РУССКОМУ ПИСАТЕЛЮ.

Когда читаю я твои святыя строки,
Гдѣ ты казнишь, поэтъ, позоръ нашъ, наше зло,
Гдѣ въ страшной наготѣ являются пороки,
Гдѣ высказалась мысль такъ сильно и свѣтло,
Какъ въ оны дни, когда громили мѣръ пророки,
Гдѣ какъ набатъ звучать правдивыя упреки —
На сердцѣ, въ головѣ такъ станеть тяжело.

И безотраднo такъ все кажется—что было,
И безнадежно все—что будетъ впереди,
И мертво все, что въ насъ и мыслило, и жило,
И пусто, и темно, куда ни погляди,
Гдѣ прежде хоть вдали надежда намъ свѣтила, —
Но пробуждается зато такая сила,
Какой не ощущалъ и вѣкъ въ своей груди.

И такъ хотѣлось бы за правду и за дѣло
Подъ знаменемъ твоимъ вслѣдъ за тобой идти,
Карать и обличать безумье жизни смѣло,
Хотя бы пастъ пришлось безславно на пути,
Хотя бъ во слѣдъ толпа упрекомъ прогремѣла,
Хотя бъ въ тотъ мигъ, когда остынетъ это тѣло,
Участія слезы ни въ комъ здѣсь не найти.

В. ЗОТОВЪ.

СОМНѢНІЕ.

Въ минуты трудныя тяжелаго раздумья,
 Когда прожитое во всемя его безумья
 Въ туманныхъ образахъ проходитъ предо мной,
 Напоминая дней полузабытыхъ повѣсть, —
 Мнѣ неотвязчивый какой-то демонъ злой
 Смущаетъ шопотомъ докучливую совѣсть.
 «Растративъ,—шепчетъ,—жизнь въ игрѣ пустыхъ страстей,
 Въ борьбѣ съ заботами, ничтожной и бесплодной,
 На жизненномъ пиру природы и людей,
 Чтѣ на алтарь принесть общественныхъ ты нуждъ?
 Чѣмъ жертвовалъ? любилъ ли больно и глубоко?
 Безумный эгоистъ, бессмысленно былъ чуждъ
 Равно добра, равно порока.
 Межъ тѣмъ взгляни назадъ, — твой путь... но ты его
 Промель играючи, не слѣлавъ ничего.
 И вотъ окрестъ тебя кипятъ такъ мощно силы,
 Все дѣйствуетъ, — твоя-жъ чужда тревогъ душа.
 Тогда-то злость беретъ, что близокъ часъ могилы,
 А жизнь такъ хороша.
 Тогда-то, движимый укоромъ безпошадно,
 Возчувствовавъ въ себѣ порывы силы вновь,
 Я пищи требую дѣятельности жадно,
 Зову напрасную любовь.
 Стремленья юности, забытыя какъ сказки
 Прочтенныя давно, призвать бы вновь хотѣлъ, —
 И кажется, когда бъ сочувствіе, да ласки,
 О, какъ бы и теперь еще любить умѣлъ.
 О, какъ бы искренно дѣлился вновь мечтами,
 За сердцемъ любящимъ заботливо слѣдилъ;
 О, какъ бы и теперь, вновь жаркими устами
 Ласкалъ и цѣловалъ, — о, какъ бы я любилъ!
 А демонъ между-тѣмъ съ насмѣшливой улыбкой

Ужъ злобно шепчетъ вновь: — счетъ съ прожитымъ забывъ,
 За чувство принялъ ты ошибкой, —
 Досадою вызванный порывъ.
 Не воскресивъ въ душѣ угасшихъ впечатлѣній,
 Не въ силахъ опытность забвеньемъ обмануть,
 Среди пустыхъ надеждъ и позднихъ сожалѣній
 Пройдешь безцвѣтный путь.

Н. КРОЛЬ.

Л. — Б. — Я. —

Тебя ли вижу я, съ потухшими очами
 Съ безжизненнымъ румянцемъ на щекахъ,
 Подперши голову изсохшими руками,
 Въ невѣдомой тоскѣ, въ таинственныхъ слезахъ?..

Какъ измѣнилась ты!.. Съ печалію глубокой,
 Съ участіемъ гляжу я на тебя!..

Но не о той грущу теперь я свѣтлоокой,
 Такъ ослѣпительно сіявшей для меня;
 Нѣтъ, не о ней! — Не жаль мнѣ той царицы

Веселій, плясокъ и пировъ,
 Ни вкругъ ея летавшей вереницы
 Завѣтныхъ, лѣвственныхъ, безплотно-чистыхъ сновъ!
 Нѣтъ! мнѣ не жаль тебя за то, что ты увяла:
 Законъ — цвѣсти, законъ и увядать!
 Но страшно ты блѣдна; я вижу, ты страдала
 И много слезъ украдкой пролила..

О чёмъ онъ?... о чёмъ тебѣ страдать?..
Иль предъ твоей таинственной мечтою
Еще не смолкъ мнѣ жившихъ дней языкъ?
И до-сихъ-поръ мелькаетъ предъ тобою
Тебя любившаго печальный, грустный ликъ?..

ФРЕЙРЕЙСЪ.

ЛЪСНУХА.

РАЗСКАЗЪ Н. ЗАТМИЛОВА.

(Изъ Сурскаго народнаго преданія.)

Эхъ-ма! учитесь вотъ вы по книгамъ, а не знаете, что за Сурой-рѣкой жили дикіе люди. Вѣрно еще до этого не дочитались. Такъ слушайте, я вамъ поразскажу, какъ у насъ въ народѣ про то баятъ.

Въ старые годы любилъ я гульнуть въ заповѣдномъ Загурскомъ лѣсу. Тамъ обычай ходить гурьбами за ягодами и грибами. Лѣтомъ, бывало, день-день-

* Повѣрья русскаго народа въ разныхъ мѣстахъ нашего отечества чрезвычайно любопытны. Они имѣютъ свой особенный характеръ, совершенно отличный отъ повѣрій западныхъ и южныхъ народовъ, и, разумѣется, сами по себѣ ничто иное, какъ слабо сохранившіеся въ народной памяти остатки временъ языческихъ, до-Владимірской славящины. Но всѣ эти преданія о *льсовикахъ*, *русалкахъ* и тому подобныхъ стихійныхъ существахъ совершенно мѣняются, смотря по мѣсту, и каждое изъ нихъ имѣетъ свою особенную поэтическую сторону. Поэтому, мы полагаемъ, весьма любопытно было бы собрать нѣсколько преданій объ одномъ и томъ же предметѣ, съ разными вариантами, ибо въ нихъ-то именно и выражается характеръ и особенности разныхъ населеній. Предлагаемое здѣсь повѣрье донынѣ сохранилось въ Пензинской губерніи.

ской рвешь малину, а ночью разведешь огонь. Вокруг него усядутся молодицы и удалые ребята, затянутъ длинную пѣсню, — и поютъ ее, покуда не проголодаются.

— Стой, братцы, давай, дескать, ужинать! — И примется всякъ за свою ложку. Затихнетъ веселая бесѣда; только одинъ *дикій мужичекъ* кричитъ, да аукаетъ. Аукаетъ, пожалуй еще заржетъ, и на цѣлую версту дребезжитъ сырой лѣсъ. Мы, знаешь, крестимся и оплевываемся, а бабы да дѣвки дрожатъ со страху и озираются на всѣ стороны.

— Брысь! — закричитъ какой-нибудь хватъ-парень и схватитъ голой рукой шею трусливой дѣвчонки. — Брысь! — и всѣ подымутъ смѣхъ и хохотъ; затихнутъ, замолчатъ, а издалека опять подаетъ голосокъ дикій мужичокъ.

Нечего ггать, не случилось мнѣ видѣть дикаго мужичка. Слыхалъ я, что онъ ростомъ не великъ, мохнатъ и во лбу у него свѣтится одинъ зрачекъ. Бабы же дикія, говорятъ, правда ли, нѣтъ ли, куда какъ хороши, бѣлы, румяны. Тѣло у нихъ чистое, аккуратное, коса есть!..

— А чтó, чай и глаза у нихъ бываютъ?

— И глаза, говорятъ, бываютъ: ужъ такіе-то глаза, — масляные, — просто амуры!

— А не привораживаютъ онѣ, то есть, дикія-то бабы къ себѣ?

— Бываетъ, говорятъ.

— А какъ, молъ, это? — и спрашиваешь, знаешь: ну, вѣдь я молодъ былъ тогда, кровь кипѣла.

— А вотъ какъ... Да ты, дескать, лучше у дѣдушки своего спроси.

Я къ дѣдушкѣ.

— Рассказывай, дѣдушка!

Онъ бывало и начнетъ.

I.

Отъ своего дѣда, молъ, слышалъ. Былъ, говорить, у меня сосѣдъ, вдовецъ Илья Криворотый; дѣти у него росли: Ванюшка, да Варюшка. Отецъ радуется: пора-де сына женить, а дочь замужъ выдавать. Глядь, Ванюшка сталъ отъ рукъ отбиваться. Послалъ его отецъ луга косить, онъ взялъ косу и ушелъ въ лѣсъ. Прожилъ, проходилъ въ лѣсу дня три, проголодался и пришелъ къ обѣду домой.

— Гдѣ ты былъ? спросилъ его отецъ.

А тотъ хотъ бы слово...

— Я, говорить, тебя допрашиваю: говори!

Молчить.

— Я, говорить, тебѣ потасовку: скажешь.

Все-таки молчить.

— Поди, Варюшка, принеси хворостину.

Въ это время Ванюшка изъ избы да на дворъ... Илья пустился за сыномъ, растворилъ калитку — нѣтъ, ужъ поздно: онъ напропалую чесалъ у самого лѣса.

— Постой ты у меня, щенокъ! — погрозился ему вслѣдъ отецъ и пошелъ въ избу блѣдный, какъ яичный бѣлокъ. До самой темной ночи сидѣлъ онъ молча и думалъ думу: осудить, дескать, меня посторонній человѣкъ, супостатомъ назоветъ, — сынъ, скажетъ, убѣжалъ отъ него. А я только хотѣлъ пожурить озарника, чтобы не пилъ, не бродяжничалъ.

Совсѣмъ другое думала Варюшка, потому-что была молода. Ей казалось, отецъ хочетъ вовсе погубить сына. И свѣжіе глаза ея сверкали, какъ у блудливой кошки.

Но Илья былъ добрый родитель.

До глубокой полуночи сидѣлъ онъ и поджидалъ Ванюшку, чтобы вразумить его и тѣмъ успокоить

себя. Напрасно: мужикъ задремалъ и заснулъ безъ ужина.

На другой день всталъ онъ рано. Сына не было.

На третій день вышелъ онъ за ворота, — лѣсъ шумѣлъ, весь голый, какъ обхлыстанный вѣникъ. Вдоль по Сурѣ катились холодныя волны, а небо, какъ и должно быть осенью, — сѣрѣло точно дикій гусь. Взмолился отецъ о сынѣ и не утерпѣлъ въ этотъ разъ — заплакалъ.

Варюшка не видѣла отцовскаго горя и по-прежнему дула губы, да молчала. Молчалъ также Илья, только за недѣлю до Михайлова дня прохрипѣлъ два слова дочери:

— Дай пить!

Прохрипѣлъ онъ ихъ не потому, что хотѣлось пить, а потому, что хотѣлъ закинуть съ Варюшкою рѣчь.

— Слушай, дочка, — сказалъ онъ ей въ тѣ поры, когда она поднесла ему кувшинъ съ брагой, — тебѣ ужъ шестнадцать лѣтъ. Не пора ли замужъ?

И отдала ее въ чужіе люди.

Въ домѣ остался только старикъ. Страшно было одинокому, особенно въ длинныя зимнія ночи. То чудилось ему, что кто-то скребется въ окошко и вмѣстѣ со свистомъ вѣтра затягиваетъ окаянную пѣсню. «Это сынъ мой!» думаетъ Илья, «спился онъ съ кругу, умеръ!» и страшное мертвое лицо, зеленое, какъ вино, или почернѣлое, какъ брага, представляется полужаснувшему отцу.

— Иванъ! — говоритъ онъ въ просонкахъ...

Но Ивана нѣтъ; только одинъ вѣтеръ южить и прощитается въ теплую избу: поюжить, сердечный, у окошка и какъ лѣшій ударится къ двери.

То чудилось одинокому мужику, что разбойники грабятъ его и между ними атаманомъ знакомый человекъ. Кто бы это былъ? Узнаётъ Илья, да какъ закричитъ впревелики:

— Подайте мнѣ моего сына, это онъ!

— Так это ты, варваръ, Илья Криворотый! — говоритъ грозный разбойникъ и съ широкимъ ножомъ бросается на старца. Брызнула кровь, голова летитъ въ окошко. Мужикъ охаетъ, дрожитъ и просыпается. Прямо въ глаза ему смотритъ красный, курносый мѣсяцъ, недвижимый, съ закрытыми глазами.

Струсилъ старикъ и на другой же день послѣ зимняго Николы зазвалъ къ себѣ зятя съ дочерью своею, погостить до весны.

Живуть. Свѣтлаго дня дождались...

Варюшка, принарядившись, пошла съ мужемъ къ заутренѣ, а за ними и отецъ ея. Труситъ съ подождечкомъ...

— Стой, говоритъ, шапку забылъ!

Ну, знаешь, память стариковская.

Бредеть назадъ. Входитъ въ ворота, а навстрѣчу ему, сломя голову, бѣжитъ Ванюшка. Подъ мышкой у него сестринъ сарафанъ и ея же платокъ, а въ рукѣ пара котовъ. Какъ слѣпой, наткнулся онъ на отца, отскочилъ и непутнымъ голосомъ закричалъ во все горло. Одеревянѣлъ отецъ и дико посмотрѣлъ во слѣдъ убѣгающему сыну.

— Ванюшка, Ванюшка!..

Но сынъ уже былъ у самаго лѣса. Покуда всплеснулъ руками Илья, покуда что — и слѣдъ простылъ. Какъ одурѣлый, трухнулъ отецъ по слѣдамъ сына. Грязно было въ полѣ. Сура тронулась еще на страстной. Большія глыбы льда неслись вдоль по теченію. Широка бываетъ рѣка наша въ ту пору, когда только-что начинаютъ проглядывать теплые дни. Она разливается версты на полторы и въ ту и въ другую сторону. Ино время затопляетъ наши огороды, а лѣса, что въ лощинахъ стоятъ, сплошь да рядомъ купаются въ ней; только тѣ ништо, которые на горахъ растутъ, минуютъ водополье. Но не пришла Сурѣ пора разлиться широко по лугамъ и лопункамъ: Илья шагалъ вдоль мокраго ея берега — и дошелъ до лѣса,

оглянулся назадъ. «Пройду ли, дескать, тѣмъ же мѣстомъ къ дому?» Подумалъ, подумалъ... Небо было чистое, синее. Солнце морило. Рѣка шумѣла.

— Все равно, — сказалъ онъ, — воду не удержатъ! и махнувши рукой, притрухнулъ лѣсомъ.

Верстахъ въ двухъ отъ прилѣсья, слѣдъ повернулъ направо, потомъ налѣво, опять направо и опять налѣво. «Эге, кого-нибудь искалъ мой сынъ!» разсудилъ Илья и сталъ пробираться частымъ ельникомъ. Двѣ молодыя елки были сломлены и повалены на бѣлый снѣгъ. Отъ этихъ зеленыхъ елокъ вилась тропинка, проторенная подъ гору къ лошинѣ. Можно было догадаться, что и рѣка недалеко, потому-что шумъ воды заглушалъ шелестъ шаговъ. Мужикъ потерялъ терпѣнiе. А лѣсъ становился чаще и чаще, такъ, что наконецъ должно было ползти между мшистыми пеньками деревьевъ. Но вблизи раздался женскій крикъ, звонкiй, молодой. Илья остановился: послушалъ, послушалъ... и проползъ до самаго края лѣса въ лошину.

Крутая гора стоймя стояла. Рѣдкiй боръ уродился на ней, боръ высокой, старый соснякъ, нерубленный съ поконъ вѣку. По крутой горѣ сбѣгала къ лошинѣ женщина, стройная, молодая баба.

— Постой, постой! — кричалъ ей во слѣдъ блѣдный парень и пустился на переѣмъ.

«Онъ хочетъ рѣзать ее, подумалъ Илья. Сынъ мой разбойникъ!»

— Постой! закричалъ Ванюшка, ухвативши ее за шею. Женщина стала, какъ вкопаная. — Молись! — сказалъ онъ ей, снимая съ себя мѣдный крестъ и вѣшая его на сосну.

Рѣзать хочетъ ее! крестясь, прошепталъ Илья.

— Молись, окаянная! повторилъ Ванюшка, пригибая ее голову къ землѣ.

Баба закричала дикимъ голосомъ.

— Не кричи! сказалъ онъ ласково и началъ надѣ-

вать на нее сестринъ сарафанъ , обуль ноги въ башмаки и повязалъ голову платкомъ.

Въ это время съ той же крутой горы, съ которой сбѣжала дикая баба, сходилъ мохнатый человѣкъ съ однимъ зрачкомъ во лбу. Въ рукъ держалъ онъ толстую дубинку. Старъ былъ, какъ Илья, дикенскій мужичекъ: походка развалистая, шерсть съ просѣдью... Молча подошелъ онъ къ Ванюшкѣ и замахнулся на него.

— Не шали, батька! сказалъ Ванюшка.

«Это льсовикъ!» подумалъ Илья, творя молитву.

— Ты сердишься за то, батька, что я, для праздника, нарядилъ дочь твою. Посмотри, какова?

Ванюшка указалъ на нее пальцемъ.

Льсной старикъ какъ зазѣваетъ. «Не хочу, дескать, чтобы дочь моя носила вашу одежду!» и бросился рвать ее. Сперва стащилъ платокъ съ дочерней головы и разодралъ его на мелкія части. Потомъ, какъ палачъ, уцѣпилъ двумя руками за воротъ сарафана, дернулъ и снялъ его съ бабы, какъ кафтанъ. Безъ стыда и совѣсти стояла она, нагая, веселая, какъ кудрявая березка, руки опустивши по бокамъ. Отецъ посадилъ ее подъ сосной, снялъ башмаки и бросилъ ихъ въ рѣку.

Илья смотрѣлъ на все это, какъ одурѣлый: въ глазахъ его стало мутно, голова упала на грудь, изнеможенный, пошатнулся онъ на мшистый пенъ сосны. Что послѣ того случилось съ Ванюшкой, не знаю, потому-что, очнувшись, старикъ никого не нашелъ въ лощинѣ. Только Сура бушевала и разливалась шире, да шире. Солнце взошло на-полдень; жарко пекло оно сырую землю. Залезавшійся въ лощинахъ снѣгъ таялъ и мутными ручьями стекалъ по скату къ рѣкѣ, наполняя водою рытвины и овражки. Посмотрѣлъ Илья на присурскій берегъ, — берегъ весь заплылъ водою. Только и остался среди водополя одинъ островокъ, на которомъ прыгалъ и жался встрево-

женный заяцъ. Долго жался онъ и до-тѣхъ-поръ придвигалъ заднія ноги къ переднимъ, покуда островокъ не сдѣлался съ кулакъ. Тутъ же холодная волна подхватила легкаго русака и унесла его съ собою далеко, далеко... И не стало на широкомъ, синемъ водопольѣ ни зайца, ни острова.

II.

— «Батюшка послѣдніе дни доживаетъ,—говорила молодая баба, которую все-таки по старинному обычаю звали Варюшкой:—Умираетъ батюшка!» говорила она и горько плакала. Баба любитъ поплакать въ горѣ и нарочно припоминаетъ прошлую печаль, совсѣмъ не относящуюся къ настоящему горю. Припоминаетъ она ее, эту печаль, для того, чтобы больше да крупнѣе текли горячія слезы и облегчали бы взволнованное сердце. Такъ и Варюшка нарочно раздумалась про брата:—«Отець-де хотѣлъ пожурить его, да братъ-то принялъ эту журьбу горячо къ сердцу!» и оба они, какъ отецъ, такъ и братъ, сдѣлались ей равно любезны и жалки.—«Умираетъ старикъ, шестую недѣлю молчитъ, не потому, чтобы былъ сердитъ, а оттого, что слова выговорить не можетъ. Мыкаетъ, мыкаетъ... а все толку нѣтъ: не поймешь его.» Покосился Илья на молодую дочь и все силы собралъ, чтобы выговорить какое-нибудь слово:

— Дай пить! сказалъ онъ.

На умѣ у старика была холодная брага, которой онъ попросилъ когда-то у дочери, не потому, что хотѣлъ пить, а чтобы закинуть съ нею рѣчь. Но теперь именно хотѣлось ему хлебнуть бражки: окрѣпить и поставить себя на ноги. Выпилъ Илья съ ковшъ, крикнулъ и, перекрестившись, побрелъ сидѣть на завалину. Обрадовалась Варюшка и стала куда ка-

кая смѣлая и разбитная баба. Выбѣжала она за ворота и усѣлась возлѣ отца.

— Расскажи, говоритъ, батюшка, отчего это ты шесть недѣль былъ нѣмъ, только мякалъ, да мякалъ... Не отъ испуга ли, аль съ глазу?

— Нѣтъ, такъ! отвѣчалъ Илья и сотворилъ молитву.

Въ головѣ его лежала одна только дума о сынѣ. Въ глазахъ представлялся дикенкій мужичекъ, замахвающийся дубиной на оборваннаго парня.

— Приворожили его, бѣдняка! Нечистый попуталъ! пробормоталъ больной и забылся страшнымъ, мучительнымъ сномъ, бросающимъ челоуѣка въ холодный потъ и бредъ.

Долго еще хворалъ сосѣдъ моего покойнаго дѣда, и только ко ржаному жнитву посправился маленько. На самую Казанскую пошелъ онъ въ церковь, помолиться, и слезно просилъ Заступницу, пощадить погибающаго сына, а пришедши домой запрягъ въ телѣгу гнѣдую кобылу, взялъ веревку и поѣхалъ въ лѣсъ, не объдавши. Некошенными лугами ѣхалъ онъ въ ту самую лошину, гдѣ видѣлъ льснуху и верченаго парня. «Они будутъ тутъ, въ этомъ захолустьѣ!» подумалъ старикъ и, не доѣхавши до лошины, остановился. Въ густомъ лѣсу привязалъ онъ свою лошадь, взялъ веревку и пошелъ подстерегать Ванюшку. Не долго сидѣлъ Илья и поджидалъ его: изъ лѣсу вышелъ полунагой паренъ, здоровый, румяный. Дико озирался онъ на всѣ стороны и безпрестанно потряхивалъ длинными волосами. «Вѣрно по-сердцу пришла тебѣ льсная жизнь, — думалъ отецъ, — вишь какой ты сталъ румяный...» И началъ Илья осторожно заходить лѣсомъ, чтобы закинуть веревку на сына. Это легко можно было сдѣлать, оттого, что Ванюшка сѣлъ и началъ пристально смотрѣть на Суру. По рѣкѣ съ противоположнаго берега плыла его дикая хозяйка и несла на спинѣ маленькаго ребенка. Проворно плыла она, какъ утка, выставивши наружу бѣлую грудь. Въ то

время, когда вышла баба на берегъ, Илья былъ въ двухъ шагахъ отъ своего сына.

Сынъ не предчувствовалъ, что отецъ готовъ связать его и беззаботно посматривалъ на молодую жену; и та не замѣчала стоявшаго за деревомъ незнакомаго человѣка. Она посадила въ густую траву голаго ребенка и закрыла его широкими листьями лопуховъ. Ребенокъ молчалъ; даже со стороны нельзя было подумать, чтобы на лугу скрывалось живое рожденіе.

Илья не медлилъ: завязалъ одинъ конецъ веревки за дерево, а другой кинулъ на сына.

— Ай-ай! закричалъ Ванюшка и хотѣлъ-было вы-свободиться, но уже поздно: веревка обвилась вокругъ него три раза и не рвалась.— другой конецъ ея былъ крѣпкимъ узломъ затянутъ. Какъ смирно ни сидѣлъ ребенокъ, однако, когда услышалъ жалобный крикъ Ванюхи, звонко залился плачемъ. Испуганная баба не знала, броситься-ли къ Ваии, или къ дѣтищу.

— Бросайся къ кому хочешь, закричалъ Илья, а какъ силы у меня хватить, такъ я и тебя приберу къ рукамъ.

Баба не понимала и металась, какъ угорѣлая кошка. Но когда увидѣла, что взбѣшенный старикъ бросился къ ея ребенку, всплеснула руками и стала неподвижно, какъ статуя.

Старикъ кинулся къ кусту, подвѣлъ ребенка за ноженку, да хватъ его объ стволъ... крикнулъ только, да алымъ брызнуло во всѣ стороны... хватъ въ другой, и повисли рученки и ноженки, какъ мочалки.—«Погибни, говоритъ, нечистое семя!» да и швырнулъ въ сторону.

Не удалось ему только погубить бабу, потому что она бѣгала прытче зайца. Отбѣжить, говорятъ, всторонку, подгорюнится, да и заголосить. А что причитала она, одному Богу извѣстно. Ванюху, котораго окаянная приворожила, также было ей черезчуръ жалко: запрыгала, заскакала она къ нему и ну грызть

веревку, и ну кусать дерево, къ которому его привязали.

— Долой! крикнулъ Ванюшкинъ отецъ и погналъ ее кнутомъ прочь. Она же, бѣдняжка, бросилась отъ него къ ребенку, подняла, слышь, его и ну цѣловать и гулить: сердечный-де ты мой, размочалилъ тебя злодѣй, пополамъ съ пескомъ перемѣшалъ.

— Хоть грызи его, лѣшаянка! заревѣлъ Илья и пошелъ за лошадыю.

— Батюшка! кричалъ ему вслѣдъ Ванюшка, ты убилъ своего внука, пощади хоть сына.

Разжалобился отецъ и сказалъ ласковое слово:

— Ванюшка, сгубила насъ эта лѣсная баба. Вотъ я тебя, проклятую! — да какъ погрозить на нее кулакомъ... — Вишь расхныкалась; ступай въ лѣсъ, ступай! а то такъ въ воду полѣзай за своимъ исчадіемъ!

И съ этимъ словомъ онъ кинулъ на середину рѣки изуродованное тѣло младенца.

Поплыла, слышь, голубушка, поболтала ногами, да и воротилась: посмотрю, дескать, какъ Ваню будутъ усаживать на телѣгу.

Трудно было усадить его. Нейдетъ, да и только. Ужъ отецъ и такъ и сякъ упрасивалъ его, одѣть хотѣлъ въ свой кафтанъ, чтобы не стыдно было проѣхать деревней. — Не хочу, — говоритъ сынъ, — изгрызу, изорву твой кафтанъ. Пусти, говоритъ, меня въ лѣсъ; душно мнѣ, моготы нѣтъ! и густая пѣна хлынула у него изо рта, какъ у бѣшеной собаки. — Укушу, говоритъ, лучше отойди!

Не побоялся отецъ и насильно усадилъ его въ телѣгу.

— Пошелъ!

Лошадь тронулась. Дикая баба шла, уцѣпившись за задокъ телѣги.

— Прочь! закричалъ на нее Илья и ударилъ кнутомъ по головѣ. Баба не отставала и вплоть до зеленого поля проводила мужа съ горькимъ плачемъ. Дальше

же не пошла: вѣрно побоялась! Остановившись, страшнымъ голосомъ затанула она какую-то пѣсню, похоронную, что-ли, просто индо сердце надрывало. Громокъ былъ голосъ дикой бабы; переполошилъ онъ всю деревню отъ стараго до малаго. У мужьевъ волосы становились дыбомъ, а жены нехотя всхлипывали.

И трое сутокъ послѣ этого звенѣлъ отголосокъ по лѣсу.

Не на радость привезъ мужикъ своего сына; дордой парень жестоко перемѣнился. Глаза впали, зрачки закатились подъ лобъ; остались только одни бѣлки и тѣ подернулись черною кровью. Щеки помучивѣли, посѣдѣли волосы, какъ у старика. Народъ сбѣжался смотрѣть на Ванюшку, словно на диво.

— Не подходи, кричалъ онъ, нето укушу! и толпа съ шумомъ отхлынетъ отъ телѣги.

Илья вынесъ изъ избы образъ, старинный, мѣдный, створчатый, позеленѣлый. Съ этимъ образомъ обошелъ онъ вокругъ огрызающагося сына. Съ большимъ трудомъ ввели его на веревкѣ въ избу и хотѣли было развязывать ему руки. — «Не развязывай, батька, — предупреждалъ онъ отца: — худо будетъ!» Не послушался старикъ и началъ распутывать узлы. Ванюшка взбѣлевился. Какъ сѣрый волкъ бросился онъ, только не на отца, потому-что отецъ-то отскочилъ всторону, а на молодую солдатку. Надобно же было ей подвернуться подъ нелегкую руку. Изгрызъ сердечную одичалый парень, до крови руки и щеки попортилъ зубами, такъ, что мясо на ранахъ повисло лохмотьями. Схватили молодца; туго-на-туго стянули ему руки и привязали къ конику, а солдатку, какъ пьяную, вывели на дворъ. Тутъ же послали за ворожеей.

Пришелъ рыжій старичишка. Искося посмотрѣлъ онъ на Ванюшку и сказалъ:

— Дядя Ильюха, гдѣ это у тебя сынъ-то шатался?

— Чѣмъ спрашивать, ты лучше отвори его наговоромъ! отвѣчалъ Илья.

— Пожалуй!.. Узнаешь ли ты меня, Иванъ?

— Узнаю, дядя! дикимъ голосомъ крикнулъ онъ и залаялъ на него по-собачьи.

Въ это время мимо отцовской избы проходила Варюшка. Изумилась она, когда увидѣла, что дворъ биткомъ набитъ народомъ. Всякій проталкивался и лѣзъ въ избу, — въ избѣ же безпрестанно лаяла и завывала собака. Разсмѣялась Варюшка: экую, говорить, диковину глядятъ! иль отъ роду не видали собаки? Изъ любопытства пробралась она къ окошку. Внутренность избы показалась ей чернѣе берлоги, потому-что свѣжіе глаза ея притупились отъ солнечнаго свѣта. Но братъ увидѣлъ сестру свою:

— Кукареку! закричалъ онъ и началъ каркать поворонья.

Страхъ ошеломилъ Варюшку: затряслась она, какъ осина, и отшатнулась отъ окошка.

— Кто это? кто это? — обращалась съ вопросомъ къ народу молодая баба; но всѣ молчали, не потому, чтобы боялись отвѣтомъ испугать ее, а потому, что каждый смотрѣлъ на нее оробѣвши. Сердце ли ея предчувствовало кровную печаль, или страшно ей было видѣть каркающаго человѣка, не могу объяснить, но только скажу, что она поблѣднѣла и зашаталась. Выбѣжалъ Илья Криворотый на улицу и повелъ дочь свою въ избу.

— Не пугайся, Варюша, сказалъ онъ ей дребезжащимъ голосомъ, вѣрно Богу угодно, чтобы мы нынѣшній день тужили и крушились: братъ твой Иванъ здѣсь!..

Баба не слушала и была уже возлѣ брата.

— Отойди, сестрица, — сказалъ онъ жалобнымъ, голосомъ индо сердце сжималось: — я тебя загрызу, какъ бѣшеная собака.

И залаялъ, завылъ онъ словно настоящій песъ и слюна гужемъ потянулась изъ рта его. Народъ тво-

рилъ молитву. Послали за попомъ, но попа не было дома. Цѣлую ночь просидѣла въ избѣ непрошенная гурьба мужиковъ, бабъ и малыхъ ребятъ; всякій охалъ, всякій дивился и разсуждалъ о бѣшеномъ парнѣ по-своему.

На утренней зарѣ стало ему легче, словно началъ приходиться въ человѣческія чувства.

— Не хочешь ли испытать бражки? спросилъ его отецъ.

— Не хочу! отвѣчалъ онъ. — Воды бы мнѣ, воды!..

Подали воды, напоили его и развязали ему руки.

Понатужился парень, привсталъ, да ноги не держать. Сердечнаго подхватили и посадили на лавку. Подошла къ нему сестра и зарыдала, какъ надъ покойникомъ.

— Это сестра моя, Варвара,—сказалъ онъ, и поднялъ руки, чтобы обнять ее, но они опустились и упали, какъ плети. Вошелъ священникъ. — Исповѣдуй меня, батюшка,—сказалъ Иванъ попу:—недолго мнѣ остается пожить на вольномъ свѣтѣ!

— Кайся, въ чемъ грѣшенъ, отвѣчалъ отецъ духовникъ.

Страшно сдѣлалось мнѣ, когда тотъ сталъ разсказывать про лѣсныхъ людей, такъ, что всѣ предстоящіе слушали и дивились его разсказу.

— А чѣмъ ты кормился?

— У моего мохнатаго тестя всегда вдоволь: мы, примѣрно, держимъ для масла и молока коровъ, а онъ медвѣдей; мы — для шерсти овецъ, а онъ зайцевъ. Дикіе гуси и утки сами идутъ на ножъ, какъ ручные. Дворъ же его не собаки стерегутъ, а волки. «—Батюшка,—сказалъ Иванъ отцу тихо, однако внятно:—хоть жену-то мою не убей, ежели придетъ поплакать на мужнину могилу». Илья, вмѣсто отвѣта, уложилъ сына кверху лицомъ, не то онъ упалъ бы на бокъ и ударился объ стѣну. «—Не убивай жену мою!» — повторилъ онъ едва внятнѣмъ голосомъ, и

двѣ крупныя слезы, твердыя, какъ горошины, оставились у него на щекахъ. Лицо не измѣнилось, но глаза закрылись вѣчнымъ сномъ. Поднесли къ устамъ его зеркало: чистое стекло по-прежнему осталось чистымъ.

— Скончался! сказалъ священникъ и сотворилъ молитву.

— Царство ему... не договорилъ Илья: языкъ его прилипъ къ гортани, губы затряслись и онъ безъ чувства упалъ на трупъ сына. Варюшка завопила:

— Милый братецъ, на кого ты насъ покидаешь!

Обмыли покойника, одѣли его въ синюю, отцовскую рубашку, обули ноги въ его же сапоги и положили впередъ на лавку. Отслужили панихиду. Потомъ, какъ водится, подошелъ отецъ къ бездушному тѣлу сына, подошелъ онъ твердымъ шагомъ, съ суровымъ лицомъ, поцѣловалъ въ губы мертвеца и сказалъ хриплымъ отъ рыданья голосомъ:

— Не мнѣ бы провожать тебя въ могилу, а тебѣ бы меня!

Потомъ такимъ же твердымъ шагомъ отошелъ онъ въ уголъ и закрылъ горстью полныя слезъ глаза. Подошла проститься съ братомъ и Варюшка: помолилась она сначала объ усопшей душѣ его, помолвшись, поцѣловала холодныя губы и тонкимъ голосомъ завопила. Сторонніе также подходили и прощались.

Честъ честью отнесли покойника на кладбище, положили его въ могилу и засыпали землею. Много было народу на поминкахъ; всѣ вдоволь ѣли и пили, только не ѣлъ ничего Илья, да не думала объ ѣдѣннѣ Варюшка.

III.

Вскорѣ послѣ похоронъ Ивана пріѣхалъ въ деревню изъ Москвы молодой помѣщикъ: баринъ статный, высокій ростомъ, съ черными усами. Привезъ онъ съ собою изъ Питера молодую Нѣмку,—разливать чай. Старый господскій домъ покойницы-барыни ему не показался. Велѣлъ онъ его бѣлить, да красить, а самъ, покуда, сталъ жить въ столярной. Въ одинъ мѣсяць все поспѣло, что ему хотѣлось. Надѣлали новыхъ стульевъ и дивановъ, обили ихъ краснымъ дорогимъ бархатомъ; полы натерли воскомъ, разостлали ковры и развѣсили по окошкамъ кисеи. На мѣстѣ прежняго птичника явилась псарня; разведено было столько борзыхъ собакъ, сколько было при старой барынѣ гусей. Покойница любила держать ихъ въ-волю! Не въ нее пошелъ молодой сынокъ: никого изъ сосѣдей не звалъ къ себѣ и самъ ни къ кому не ѣздилъ, только не забылъ стараго попа. Разъ, какъ-то, разговорился онъ за чаемъ съ молодымъ-то бариномъ нашимъ (Кузьмой Сафронычемъ Похлебкинымъ): вотъ, дескать, какая диковина случилась, сударь мой, Кузьма Сафронычъ: — приворожила къ себѣ дикая баба молодого парня — сына Ильи Криворотого.

— Какъ! дикая баба? закричалъ баринъ и началъ спрашивать.

— А вотъ, дескать, такъ и такъ! и рассказалъ все, какъ слѣдуетъ.

— Разъярился господинъ помѣщикъ: ну, знаешь, вѣдь кровь горячая, молодая.

— Лошадей!

— Осѣдали лошадей и подвели къ крыльцу. Сѣлъ онъ на воронаго жеребца и поскакалъ къ мѣсу съ дворовыми людьми и собаками. Цѣлую недѣлю рыскали они, объ домѣ и не думали. Нѣмка-то, говорятъ,

безъ барина расхныкалась и поминутно спрашивала ключницу: «Не убилися ли, дескать, Кузьма Сафронычъ, и не скрываютъ ли отъ нея его кончину». Ключница успокоить, бывало, ее, уложить и тогда только пойдеть въ кладовую, вынуть, что нужно. Наконецъ по вечеру показался изъ лѣсу вороной жеребецъ, да двѣ гончія собаки.

— Баринъ ѣдетъ, баринъ ѣдетъ! закричали горничныя дѣвки.

Нѣмка не знала, что и дѣлать отъ радости: баринъ сказалъ что-то по-нѣмецки; самъ же пошелъ въ кабинетъ, затворился въ немъ и не попросилъ даже къ себѣ гувернантку разливать чай.

Сердечная позвала кучера, который также ѣздилъ съ бариномъ, и начала его разспрашивать: «куда вы ѣздили, да зачѣмъ?»

Спроста отвѣчалъ ей кучеръ:

— Ёздили мы, сударыня, за дикой бабой, а никакой дикой бабы не видали; баринъ же больно горячился: изволилъ онъ, сударыня, оставить въ лѣсу Савелья. Ищи, говорить, дикую бабу, зови ее ко мнѣ, а безъ нея и на глаза не кажись.

Нѣмка въ слезы, въ обмороки, да баринъ не посмотрѣлъ; все сидѣлъ въ кабинетѣ.

Черезъ мѣсяцъ прискакалъ и Савелій. Одинъ приѣхалъ онъ; пара борзыхъ, что съ нимъ была, подошли въ лѣсу.

— Отчего ты являешься ко мнѣ безъ дикой бабы! закричалъ баринъ.

— Батюшка, — отвѣчалъ Савелій: — извольте сами уговоривать ее, — она верстъ за шесть живетъ отъ насъ, а я отказываюсь.

— Такъ ты ее видѣлъ?

— Видѣлъ, сударь! отвѣчалъ Савелій смѣло и встряхнулъ волосами.

— Разсказывай же.

— Рыскалъ я, ваше благородіе, по лѣсу, рыскалъ

все, верстѣ за двадцать отсюда; сколько страстей наглядѣлся... нѣтъ дикой бабы; хоть лопни!

— Гдѣ же ты ее видѣлъ?—спросилъ баринъ:—скорѣй говори! — горячъ, знаешь, былъ.

— Да верстѣ за шесть, — я вамъ докладывалъ.

— Ну, что она?

— Лебедей кормить, а два волка лежатъ возлѣ, да пятки ея языками шекотать.

— Ты что-нибудь ей говорилъ?

— Какъ же, сударь! велѣлъ, молъ, доложить тебѣ Кузьма Сафронычъ, чтобы ты, таво...

— А она что?

— Глядитъ, какъ безпонятная!

— А ты что?

— Платокъ, молъ, тебѣ купить, въ шелку будешь ходить! Возьми, молъ, покуда два цѣлковыхъ... да хотѣлъ-было ей подать ихъ, а она какъ вскочить. Волки, что у ногъ ея лежали, бросились на меня. Насилу-то я отъ нихъ ускакалъ.

— Ну, какова она? спросилъ баринъ.

— Прытка больно, сударь! отвѣчалъ Савелій и отставилъ ногу.

— Хороша ли, то есть, дуракъ.

— Пребезподобная! Ужъ вотъ какая баба, сударь,— морозъ!

— На дворѣ холодно?

— Снѣгъ выпалъ, Кузьма Сафронычъ.

— Бекешку! закричалъ онъ.

Савелій подалъ бекешку.

— Вели сѣдлатъ лошадей!

Лошадей осѣдлали и поѣхали.

Савелій былъ передовымъ. Доѣхавши до лощины, передовой остановился.

— Слѣзайте, сударь! сказалъ онъ барину: дикая баба гдѣ-нибудь здѣсь притаилась... и длиннымъ хлыстомъ указалъ на человѣческой слѣдъ.

Баринъ слѣзъ съ лошади и пошелъ по слѣду. Слѣдъ

былъ средней величины и куда какъ красиво оттиснулся каждый пальчикъ, каждая морщинка на первомъ снѣгу. Люди гужомъ тянулись въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ барина; лошадей вели въ поводьяхъ, а борзыхъ на сворахъ.

— Лови!... лови! закричалъ Савелій, — вонъ она! — и поднялъ хлыстъ въ ту сторону, откуда выбѣжала дикая баба.

Но далеко уже была она отъ того мѣста: легкія ноги ея, почти до колѣнъ прикрытыя длинными прядями волосъ, куда какъ были проворны. Точно заяцъ скакала она вдоль по лощинѣ.

— Жеребца моего, ружье! закричалъ баринъ.

Все поспѣло разомъ.

Опрометью сѣлъ онъ въ сѣдло, повернулъ ученую лошадь въ ту сторону, гдѣ еще не совсѣмъ скрылась красивая женщина, и, опустивши поводья, полетѣлъ, какъ вихорь. Меньше чѣмъ на ружейный выстрѣлъ отъ убѣгающей дикарки, лошадь стала, какъ вкопаная.

— Остановись, баба! закричалъ баринъ.

Она оглянулась и хотѣла было сдѣлать прыжокъ къ частому ельнику. Но грянулъ залпъ.

— Наша! крикнулъ обрадованный охотникъ, — ранилъ ее въ руку! и опрометью соскочилъ съ лошади.

— Нѣтъ, въ грудь! сказалъ Савелій, который прежде барина успѣлъ подскочить къ добычѣ.

— Оставь ее, — закричалъ господинъ: — я самъ помогу ей.

Подложивши подъ ея шею руку и поднявъ ея истомленную голову, долго глядѣлъ онъ въ сѣрые, неподвижные глаза умирающей. Не вскрикнула она, не повернулась, только пристально посмотрѣла на его черные, густые усы, когда онъ поникъ надъ прострѣленной грудью. Кровь текла изъ раны, паръ дымился отъ алой струи. Бѣлымъ шелковымъ платкомъ пере-

взяли ей эту рану, а подъ голову подложили барское пуховое сѣдло.

— Ни пикнетъ, — началъ разсуждать Савелій: — только поглядываетъ, словно подстрѣленная утка, когда изъ густаго камыша вытащить ее охотникъ и положить на лугъ.

Но никто не слушалъ разсужденій Савелья; дворовые люди рубили сосны и дѣлали носилки, а баринъ сидѣлъ надъ раненой, да прикладывалъ холодный снѣгъ къ горячимъ вискамъ ея.

Понесли дикую бабу на барскій дворъ; дорогою прикрыли ее, чѣмъ попало: кто снялъ съ себя кафтанъ, а кто полушубокъ.

— Кого это несутъ? — дивовались крестьяне и дворовые, но не смѣли спросить носильщиковъ, потому что баринъ, примѣтно, былъ сердитъ и шагомъ ѣхалъ возлѣ носилокъ.

— Нести ее въ мой кабинетъ! сказалъ онъ, подѣхавши къ крыльцу.

Бабу понесли, куда было приказано.

Растворили настежъ двери, потѣснились и кое-какъ втащили носилки въ залу. Изъ залы былъ входъ въ горницу барина, но дверь кабинета его черезъ-чуръ узка была.

Носильщики остановились.

Подхватили подъ руки, люди повели ее и уложили на постель въ кабинетъ.

Она лежала неподвижно, только охала.

— Оживаетъ! замѣтилъ Савелій. — Не хочетъ ли она, ваше благородіе, чего-нибудь поѣсть.

— Не знаю. Впрочемъ вели поставить самоваръ.

Поставили самоваръ, сварили чай, налили его въ чашку, подсластили и подали дикой.

Она отвернулась.

— Подбавь въ него сливокъ!

Подбавили сливокъ, но по-прежнему отвернулась баба.

— Вѣрно у нихъ въ лѣсу чай-то не пьютъ, — сказалъ кто-то изъ предстоящихъ: — не прикажете ли, сударь, принести говядины?

— Пусть принесутъ! отвѣчалъ баринъ.

Принесли говядины, понюхала ее больная, протянула руку и отсторила тарелку.

— И этого не ѣсть!.. замѣтилъ Савелій:—еще по-пробовать, не будетъ ли она, сударь, ѣсть кошку!

— Попробуй!

Савелій пошелъ за кошкой и началъ манить ее; кисъ-кисъ-кисъ!.. а самъ думаетъ — эхъ, дай-то Богъ, чтобы красотка-то наша съѣла кошку, да выздоровѣла. Ужъ тогда-то почетъ мнѣ будетъ отъ барина, и Нѣмка ни почему.

Подбѣгла кошка, сѣрая, злая.

— Вотъ она! сказалъ Савелій, и мордой поднесъ ее къ самому рту дикой бабы. Кошка фыркнула и оцарапала ему руку.

— Ты бокомъ ее подноси, — замѣтилъ баринъ: — сбоку-то ловчѣе ухватить зубами

Онъ поднесъ ее бокомъ: дикая баба поморщилась.

«Мяу!» закричала кошка.

— Охъ!.. вздохнула этакъ дикая баба, приложивши правую руку къ раненой груди. — Охъ! вздохнула еще въ другой разъ и хотѣла-было привстать, но вмѣсто того упала головой на подушки. Потянулась, сжала плотно губы, да думала, вѣрно, взглянуть, но глаза заморгали, заморгали и закрылись.

— Уснула! — сказалъ баринъ, которому не хотѣлось, чтобы умерла она.

— Нѣтъ, умерла, сударь! проговорилъ Савелій и показалъ пальцемъ на ея губы.

Губы были блѣдны; синева выступала на нихъ, какъ на сандаленныхъ яйцахъ.

— Это такъ! разсѣянно говорилъ баринъ.

Всѣ молчали.

Наморщившись, подсунул онъ свою правую руку подъ спину дѣкой бабы. Какъ новая, только что отлитая статуя, лежала она — холоднѣе и бѣлѣе алебастра.

Вотъ оно, что значить дьявольское-то порождение: чуть подстрѣлили, ужъ и протянулась.

II.

ЖИТЕЙСКІЯ ТРЕВОЖЕНІЯ ЗНАМЕННАГО КОМЕДИАНТА.

Соч. Ал. Дюма.

IV.

Прибытіе въ Парижъ.—Театръ Сен-Мартенскихъ воротъ.—Нумера мадамъ Каррè.—Постояльцы.—Товарищество.—Ипполитъ.—Ваятели.—Пріятельскій спектакль.—Венгерки.—Приглашеніе въ провинцію.—Дюмануаръ.—Фердинандъ-казакъ.

Отецъ мой не осмѣлился возражать на совѣтъ Лера, который пользовался въ городѣ, какъ мы уже замѣтили, огромнымъ авторитетомъ. Онъ купилъ чемоданъ, заказалъ полную аммуницію— (мы употребили здѣсь его собственное выраженіе),— двѣ дюжины рубашекъ, составлявшихъ капитальную поклажу чемодана, къ шестидесяти франкамъ прибавилъ еще сорокъ, заплатилъ за мѣсто въ дилижансѣ и съ стоическимъ спокойствіемъ, которому позавидовалъ бы иной спартаецъ, проводилъ сына въ дорогу.

Этьенъ горько плакалъ. Въ минуту разлуки съ отцомъ онъ забылъ все, даже частые побои. Притомъ въ глубинѣ

души своей онъ безпристрастно сознавался, что его наказывали за дѣло.

Почтальонъ захопалъ бичомъ; тяжело нагруженная карета тронулась съ мѣста и довольно шибко покатила по дорогѣ. Молодаго человѣка попеременно волновали то грусть, то радостныя ощущенія; по обязанности историка не скроемъ, что послѣднія чувства брали въ немъ перевѣсъ надъ первыми; ему казалось, что путешествіе это было первый шагъ его къ потомству.

Почемъ знать, быть можетъ будущіе Тальмы, Гаррики и Росции въ этомъ разсказѣ о приключеніяхъ бродяжнической жизни, почерпнутъ нѣсколько поучительныхъ примѣровъ, которые откроютъ имъ что-нибудь новое въ области искусства или въ философскомъ отношеніи.

Герой нашъ пріѣхалъ въ Парижъ около пяти часовъ вечера; онъ вышелъ, оставилъ чемоданъ свой въ конторѣ дилижансовъ и въ нетерпѣннѣйшій поспѣхъ познакомиться съ Парижемъ, бросился бѣгать по улицамъ.

Минуть чрезъ десять, оглушенный громомъ экипажей, онъ остановился передъ какимъ-то зданіемъ.

— А! театр! сказалъ онъ самъ себѣ и рѣшился дальше не ходить. Онъ въ тотъ день еще не обѣдалъ, и потому купилъ себѣ большую сосиску, съѣлъ ее до послѣдней крошки и потомъ отправился въ театръ.

Можете представить себѣ восторгъ молодаго человѣка; наконецъ онъ былъ въ этомъ, давно желанномъ, Парижѣ; онъ важно сидѣлъ въ театрѣ, безъ малѣйшаго опасенія, что воротившись домой будетъ побитъ или крѣпко обруганъ. Увы! бѣдный мальчикъ—у него уже не было дома и въ карманѣ лежало всего только сто франковъ. Сто франковъ! Да въ этой суммѣ столько денегъ, что можно выстроить мельницу на Пактолѣ и дворецъ въ Эльдorado.

Спектакль кончился въ четверть перваго. Герой нашъ вышелъ вмѣстѣ съ другими зрителями; но только изъ всѣхъ ихъ быть можетъ одинъ не зналъ, гдѣ ему придется переночевать.

Онъ рѣшился поручить себя произволу случая; случай привелъ его къ Сен-Мартенскимъ воротамъ, случай же долженъ былъ привести его къ какому-нибудь трактиру. Онъ повернулъ въ первую попавшуюся улицу. Пройдя ка-

ких—нибудь триста шаговъ, онъ очутился въ концѣ переулка Сен-Жанъ, и замѣтилъ надъ головой своей транспарантную вывѣску, на которой написано было:

Гостинница Каррè.

Можно ночевать.

Этьенъ вошелъ и потребовалъ себѣ комнату съ постелью. По счастью, паспортъ былъ у него въ карманѣ; и онъ могъ разсѣять все подозрѣнія на свой счетъ, которыя неминуемо должны были возникнуть въ головѣ хозяевъ гостинницы при видѣ путешественника, явившагося почевать не только безъ чемодана, но даже безъ дорожнаго мѣшка. Паспортъ былъ признанъ не фальшивымъ; путешественникъ нашъ позвонилъ девятнадцатую пяти-франковыми монетами, бывшими у него въ карманѣ — двадцатая успѣла уже исчезнуть—и ему въ ту же минуту отвели самую лучшую комнату, съ отличной постелью и всевозможными удобствами.

Гостинница эта исключительно населена была ваятелями, лѣщниками и живописцами; вообще постояльцы г-жи Каррè—(собственно хозяиномъ считался г-нъ Каррè, но онъ ни во что не вмѣшивался, и бразды домашняго правленія находились въ рукахъ его супруги)—вообще постояльцы г-жи Каррè до такой степени были дружны между собою и безденежны, что подъ предлогомъ братства они по-двое спали на кровати. На другой день по водвореніи своемъ въ гостинницѣ, нашъ ваятель сталъ жаловаться, что съ него берутъ слишкомъ дорого, назначивъ по пятнадцати су за комнату, съ кроватью. Но ему объяснили, что онъ можетъ, по примѣру прочихъ постояльцевъ, отдать половину своей комнаты и кровати въ наемъ, и такимъ образомъ ему съ своей стороны придется платить по семи франковъ и десяти су въ мѣсяцъ.

Въ тотъ же день за обѣдомъ ему отрекомендовали молодого человѣка, находившагося совершенно въ одинаковомъ съ нимъ положеніи, то есть, искавшаго случая найти половину комнаты и пол-кровать.

Этотъ молодой человѣкъ назывался Ипполитъ и былъ живописецъ по фарфору. Они сошлись съ перваго свиданія,

и до-сихъ-поръ остались друзьями. Этьень далъ себѣ слово не терять даромъ времени; послалъ въ контору дилижансовъ за своимъ чемоданомъ, разодѣлся какъ могъ и отправился съ визитами къ разнымъ антрепренерамъ. Первый, къ которому онъ обратился, назывался Бошаръ. Этотъ Бошаръ снялъ подрядъ производства лѣпныхъ работъ для храма Св. Магдалины. Онъ поговорилъ немного съ молодымъ человѣкомъ; манеры и тонъ его очень ему понравились. — Изъ какой вы провинціи? спросилъ онъ.

— Я нормандецъ.

— А изъ какого именно мѣста?

— Изъ Кайѣна.

— Я такъ и думалъ.

— Почему это, смѣю спросить?

— Потому, что руки у васъ совершенно нормандскія, а нормандцы вообще очень ловкій народъ. Возьмите завтра поутру свои инструменты и явитесь къ постройкѣ; вы тамъ найдете много земляковъ.

На-завтра, въ восемь часовъ, молодой человѣкъ явился къ храму Магдалины. Лѣпщики были уже за работой.

— Э! сказалъ одинъ изъ нихъ — вотъ и пріятель мой!

— Какъ, пріятель?

— Ну, да; я этого молодца поощрялъ въ кайѣнскомъ театрѣ. Поди-ка сюда, Тальмá!

Подойдя поближе, Этьень въ этомъ весельчакѣ узналъ Обена-старшаго. Рядомъ съ нимъ стоялъ его братъ. Теперь оба Обены считаются въ числѣ первыхъ орнаментистовъ въ Парижѣ.

— Ну-ка, любезный, заговорили лѣпщики:—отхватай-ка намъ тираду!

Этьень положилъ къ сторонѣ свои инструменты, оперся одной рукой фертомъ, округливъ лѣвую руку и началъ. «Не сомнѣвайся, Бурръ, твоя несправедливость...»

Выходъ Нерона встрѣченъ былъ шумными рукоплесканіями. Тальмá въ то время только-что умеръ и преемникъ его подавалъ самыя блестящія надежды. Но между-тѣмъ нужно было принятыя за рѣзецъ и молотокъ. Будущій первый трагическій актеръ Французскаго театра надѣлъ маску съ очками, чтобы предохранить глаза отъ осколковъ камня и принялся отдѣлывать капитель.

Трудъ былъ здѣсь, а отдохновеніе у мадамъ Каррѣ. Всѣ постоянцы мадамъ Каррѣ заражены были страстью декламировать стихи: живописцы, ваятели, орнаментисты. Особое призваніе къ сценическому искусству имѣлъ Ипполитъ, новый товарищ Этьеня. Всѣ они согласились во что бы ни стало съиграть комедію. Немедленно было приступлено къ совѣщанію. Чтò же такое съиграть? Выборъ палъ на «*Простой случай*» Эженя Скриба.

Этьенъ взялъ себѣ главную роль; Ипполитъ обязался съиграть любовника.

Наступилъ день представленія: Этьенъ и Ипполитъ—были превознесены похвалами. Во всѣхъ представленіяхъ дающихся на частныхъ театрахъ, обыкновенно присутствуютъ такъ называемые: *собиратели партій*. Одинъ изъ этихъ собирателей предложилъ нашимъ любителямъ дать представленіе за деньги. Спектакли эти имѣютъ ту выгодную сторону, что послѣ двухъ-трехъ удачныхъ дебютовъ, актеровъ ангажируютъ на публичныя сцены, конечно, куда-нибудь въ провинцію; но надобно сказать, что чловѣкъ, ударяющій себя безпрестанно по карману, со словами: «Здѣсь мой ангажементъ!» приобретаетъ нѣкоторый вѣсъ и значеніе въ артистическомъ кругу. Всѣ эти ангажементы,—очень сильно препятствовали обоимъ друзьямъ внимательно заняться ваяніемъ и живописью на фарфорѣ; но зато на сценическомъ поприщѣ они дѣлали значительные успѣхи. Всѣ искусства не могутъ же процвѣтать въ одно и то же время. Въ 1827 году, пріѣзжіе изъ провинціи артисты собирались обыкновенно въ кофейнѣ «Комедіантовъ». Тамъ-то директоры комплектовали свои труппы. Въ то время въ большую моду у мужчинъ вошли венгерки. Это Сюртукъ, подаренный нашему герою отцомъ и надѣтый всего три-четыре раза, былъ отнесенъ къ ветошнику и вымѣненъ на венгерку, тоже бывшую въ употребленіи, по словамъ ветошника, разъ восемь или десять, не болѣе. Какъ бы то ни было, но венгерка эта изъ синяго сукна съ черными шнурками имѣла еще довольно пристойный видъ. Въ первый день она красовалась на плечахъ Этьеня, а во второй на Ипполитѣ, и произвела эффектъ весьма замѣчательный. Этому обстоятельству надобно приписать, что оба они заключили условіе съ Дюмануаромъ, директо-

ромъ труппы перваго театральнаго округа (считая въ томъ числѣ и французскую Фландрію).

Очень понятно, что работы въ храмѣ Св. Магдалины на это время пріостановились, или лучше — они были представлены судьбѣ. Директоръ труппы по разнымъ непредвидѣннымъ обстоятельствамъ позамѣшкался и потому очень торопилъ своихъ актеровъ.

Въ путь отправились они пѣшкомъ; впереди ѣхала тѣлежка съ багажемъ и ямщиками. Но остановимся на минуту и кинемъ взглядъ на караванъ странствующей труппы, который въ майскій солнечный день весело тянулся и извивался по аміеньской дорогѣ.

Настоящій, заправскій директоръ — мы умышленно говоримъ *заправскій* директоръ, потому-что будемъ имѣть случай говорить о злоупотребленіяхъ режиссёра, присвоившаго себѣ значительную часть власти директора, — настоящій директоръ былъ, какъ мы уже сказали — москѣ Дюмануаръ. Этотъ Дюмануаръ самъ былъ представителемъ театральнаго маркизова вѣка Людовика XV; во времена Директоріи онъ слылъ красавцемъ и верѣлко танцовывалъ въ Тюльери и Люксанбургскомъ дворцѣ въ нанковыхъ панталонахъ, украшенныхъ внизу пучками волнующихся лентъ, въ полосатыхъ чулкахъ, въ башмакахъ съ прижками, съ двумя часовыми цѣпочками, въ канифасномъ жилетѣ, въ зеленомъ кафтанѣ, высокомъ батистовомъ галетухѣ, съ великолѣпнѣйшимъ хохломъ, заткнутымъ гребенкой, со шляпой на затылкѣ и тросточкой въ рукѣ.

Въ то время, когда мы встрѣчаемъ его уже на степени директора странствующей труппы, совершающаго торжественный выѣздъ изъ Парижа, ему было подѣшестьдесятъ лѣтъ; онъ былъ высокъ, тощъ, угловатъ и, въ-добавокъ, носилъ долгополый сюртукъ. Отъ своего наряда 1798 года онъ сохранилъ только самую характеристическую часть, именно, — хохоль. Прическа его, возбуждавшая нѣкогда удивленіе дамъ, исчезла подѣ дуновеніемъ времени, такъ, что единственнымъ признакомъ величія прежняго *невпролтнаго**, остался только вѣнецъ или полуциклъ волосъ, довольно густыхъ на затылкѣ и очень рѣдкихъ на вискахъ. Но,

* Такъ назывались франты времени Директоріи.

вѣдь, извѣстно какую можетъ сдѣлать иллюзію одинъ клокъ волосъ, искусно расположенный на головѣ; пучокъ волосъ на затылкѣ былъ соединенъ въ одну прядь, въ родѣ раковаго хвоста, зачесывался ввѣрхъ, на темя, и плоско примасливался на лбу. Къ этой пряди присоединены были еще волосы, росшіе на вискахъ, но несмотря на такое, можно сказать, обиліе волосъ, сквозь нихъ мѣстами очень неграціозно проглядывала лысина. При всемъ этомъ Дюмануаръ былъ самый любезный и вѣжливый кавалеръ. Когда кто-нибудь алресовался къ нему по дѣламъ, онъ, несмотря на всѣ свои достоинства, снималъ шляпу и клалъ ее между колѣнъ; потомъ принимался приглаживать обѣими руками свои волосы и старался какъ-можно болѣе выпрямить свой станъ.

— Что вамъ угодно, мой любезнѣйшій другъ? спрашивалъ онъ обыкновенно.

Дорогой онъ непремѣнно останавливался передъ каждой лавочкой, гдѣ продавались ножи, и тому подобное, и долго, внимательно разсматривалъ выставленные на окнѣ вещи. Спутники его, каждый разъ съ безпокойствомъ оглядывались назадъ, думая, что онъ хочетъ ихъ оставить, и останавливаясь поджидали, чтобъ онъ ихъ нагналъ. Замѣтивъ это, онъ обыкновенно кидался вслѣдъ за ними, поднимая длинными ногами своими густую пыль. Замѣйте при этомъ, что онъ постоянно носилъ съ собою небольшую шкатулку, сдѣланную въ видѣ чемодана; онъ не разставался съ нею ни на минуту; можно было подумать, что у этой шкатулки, какъ у сундучка мольеровскаго скупцаго, были глаза и что папа Дюмануаръ былъ влюбленъ въ эти глаза.

Какъ-то разъ, онъ на нѣсколько минутъ, противъ обыкновенія оставилъ шкатулку на землѣ; одинъ изъ артистовъ съ нѣкоторымъ усиліемъ приподнялъ ее и, поставивъ опять на мѣсто, сдѣлалъ превеликолѣнное антраша, и сказалъ:

— Господа, здѣсь гораздо больше шестидесяти червонцевъ!

Все общество принялось рукоплескать этой радостной новости, и съ той минуты ощутило еще болѣе уваженіе къ безпримѣрнымъ достоинствамъ г. Дюмануара. Но что

же было причиной этой шумной радости и особеннаго почета къ директору?

Между всѣми членами труппы разнеслась молва, что въ шкатулкѣ папа Дюмануара хранилась касса и что онъ по этой самой причинѣ не разставался съ нею никогда. И такъ, если въ шкатулкѣ дѣйствительно находилась касса, и состояла, положимъ, хоть изъ шестидесяти ливровъ серебромъ, то это значило, что тамъ было: пять тысячъ девятьсотъ франковъ; но если тамъ лежало золото, такъ было девяносто двѣ тысячи франковъ! Вся труппа рѣшила, что Дюмануаръ просто Мидасъ, Крезъ, Ротшильдъ!

Послѣ Дюмануара (по настоящему слѣдовало бы сказать: прежде Дюмануара) — первымъ лицомъ въ труппѣ былъ главный режиссёръ — Фердинандъ. Онъ обыкновенно назывался Фердинандъ-казакъ, потому-что въ кампаніи 1814 года служилъ въ арміи и какъ-то былъ взятъ въ плѣнъ казаками, которыхъ очень полюбилъ и получивъ впоследствии свободу, за отличное мужество и неутомимость, прозванъ былъ товарищами казакомъ, что тогда, какъ и теперь, служило символомъ храбрости и быстроты. Но служилъ ли онъ точно когда-нибудь въ войскахъ, и былъ ли въ плѣну у казаковъ, все это подлежало крайнему сомнѣнію, потому-что никто не могъ подтвердить достоверности этого факта.

Этотъ Фердинандъ-казакъ, — за исключеніемъ шкатулки Дюмануара, подлинное содержаніе которой никому не было извѣстно — только одинъ изъ всей труппы имѣлъ, что называется: *багажъ*. Багажъ его состоялъ изъ гардероба, достаточно полнаго для провинціального комедіанта. На этомъ основаніи онъ въ дѣлѣжъ будущихъ сборовъ назначилъ себѣ, что называется, *львиную часть*.

Странствующая труппа, съ общаго рѣшенія, должна была обойти, въ полномъ составѣ своемъ, всю французскую Фландрію. И вотъ какія условія выговорилъ себѣ Фердинандъ-казакъ, при заключеніи контракта съ Дюмануаромъ: дѣлить сборъ на десять долей.

1. Полторы десятыхъ Казаку — собственно, за его дарованіе.

2. Одну десятую женѣ его.

3. Одну десятую его дочери.

4. Одну десятую ему же, за отправленіе должности режиссёра и, наконецъ—

5. Одну десятую тоже ему, за гардеробъ.

Такъ что, по расчисленію выходило, что самому Дюмануару придется получить съ каждаго сбора только одну десятую, а всѣмъ прочимъ членамъ труппы по полдесятой части, —

что вовсе не мѣшало лицамъ, осужденнымъ на эту го-
меопатическую часть, быть веселыми, какъ сапожникъ въ
баснѣ, до полученія богатства. Но, увы! не богатству на-
значено было прогнать отъ нихъ эту, можно сказать, доб-
рую, юношескую веселость, которая такъ шумно и безпеч-
но гремѣла съ обѣихъ сторонъ большой Сѣверной дороги,
подъ майскими лучами солнца. Труппа съ пѣснями и пляс-
ками подвигалась впередъ; одни кричали соей, другіе рас-
пѣвали ольшанкой, тѣ выступали горделивой пѣтушиной
походкой, другіе ворковали между собой голубкѣми.

VI.

Представленія труппы Дюмануара въ Валансьенѣ. — Труппа Бертрана,
извѣстнаго подъ именемъ Сѣвернаго Зозо. — Этъень подъ именемъ Гу-
става переходитъ въ эту труппу. — Мелкій банкъ и высокій банкъ. —
Быть комедіантовъ съ хозяйственной точки зрѣнія. — Возвращеніе Гу-
става въ труппу Дюмануара. — Странствованія въ Бельгii. — Возвратъ. —
Неудача.

Вся эта рѣзвая толпа шла такимъ образомъ до Валан-
сьена; все смѣялось и пѣло за исключеніемъ Дюмануара,
которому было шестьдесятъ лѣтъ и Фердинанда-казака,
которому перевалило за сорокъ. Все кипѣло жизнію и ве-
селиемъ весны.

Въ Валансьенѣ положено было остановиться. Хотѣли
попытать счастья; возвѣстили представленіе и на другой
же день дали его.

Однажды мадамъ Дорваль, дававшая представленія въ Антверпенѣ, чтобы дать мнѣ понятіе о впечатлѣніи, которое произвела ея игра прислала мнѣ рисунокъ, на которомъ представленъ былъ фасадъ театра и толпа крысъ, играющихъ у подъязда; она хотѣла выразить, что въ театрѣ не было ни кошки. Этьень, получившій когда-то первую премію за успѣхъ въ живописи и ваяніи, могъ бы послать отцу своему, который такъ усердно отблагодарилъ его, рисунокъ валансьенской театральной залы во время представленія, совершенно въ такомъ же родѣ, какой прислала мнѣ Дорваль изъ Антверпена. Сбору не было никакого.

Труппа отправилась далѣе въ ту же ночь. Она, не теряя времени, двинулась искать другой городъ, просвѣщеннѣе Валансьена. А между-тѣмъ, вѣдь, Валансьень родина мамоазель Дюшенуа. На слѣдующій день труппа прибыла въ Сен-Аманъ. Тамъ былъ церковный праздникъ и ярмарка, а это обстоятельство подавало нѣкоторую надежду на успѣхъ.

Сыиграли: *Пальмира или зольскій отшельникъ* — собрали сто пять франковъ. Фердинандъ-казакъ первый приступилъ къ дѣлежу: пять частей съ половиной доставили ему тридцать франковъ; на долю Дюмануара пришлось десять франковъ; прочимъ очистилось по пяти франковъ. Фердинандъ съ женою и дочерью — насытились по горло. Дюмануаръ покушалъ умѣренно, прочіе поѣли по-немножку. Такимъ образомъ всѣ терпѣли, въ ожиданіи лучшаго, между-тѣмъ въ будущемъ имъ представлялась пріятная перспектива, потому-что они надѣялись давать представленія каждый день.

И точно, въ первые три дня они могли жить, но на четвертый пріѣхала въ городъ труппа Бертрана, извѣстнаго подъ именемъ Сѣвернаго Зозо, — перваго французскаго акробата.

Труппа эта, значительно увеличившаяся присоединеніемъ къ ней труппы Колонбье, привела въ ужасъ нашихъ комедіантовъ. Дюмануаръ былъ не въ-силахъ съ нею состязаться. Сначала рѣшено было, что члены труппы разбредутся въ разныя стороны, и будутъ стараться извлечь изъ своихъ дарованій всяческую пользу, какую только можно

отъ нихъ получить. Но рѣшеніе это было съ перваго слова отвергнуто Фердинандомъ-казакомъ.

При представленіяхъ труппы въ полномъ ея составѣ, онъ имѣлъ пять частей съ половиной. Одинъ же, съ женой и дочерью, онъ получалъ только три части. И какія еще части! Онъ не на шутку разсердился; выхватилъ саблю и угрожалъ положить на мѣстѣ перваго, кто заговоритъ о раздробленіи труппы. Этьень, вопреки всѣмъ этимъ угрозамъ, громко объявилъ, что получивъ ангажементъ отъ Сѣвернаго Зозо, онъ, какъ новый Коріоланъ, передается неприятелю.

Въ тотъ же вечеръ Этьень сидѣлъ у очага вольсковъ, подъ славнымъ именемъ Густава. Всякому, послѣ комическаго романа Скаррона, должно быть извѣстно, что такое въ существѣ своемъ труппа комедіантовъ, ведущихъ болѣе или менѣе кочевую жизнь. Но живописная сторона быта мелкихъ служителей этого жалкаго искусства еще мало изслѣдована.

Вотъ каковъ былъ въ описываемую нами эпоху, составъ труппы Бернара, извѣстнаго подъ именемъ Сѣвернаго Зозо, перваго французскаго акробата, соединившейся съ труппой Колонбье.—Дѣдушка-Колонбье, капельмейстеръ, фейерверкеръ, режиссёръ, игравшій на кларнетѣ при обходѣ по городу и на скрипкѣ въ оркестрѣ; 2—Бертранъ, извѣстный подъ именемъ Сѣвернаго Зозо, первое лицо въ *парадахъ* (разъѣздахъ по городу) и Пьерро въ пантомимахъ; 3—мадамъ Бертранъ, обязана вертѣться внизъ головой на подсвѣчникѣ и держать контроль; 4—мамзель Бертранъ-старшая, играющая Коломбину и пляшущая гавоть и *pas de grâce* на канатѣ. 5—мамзель Бертранъ младшая, представляющая статую въ *Пигмалионѣ*; 6—г. Мустафа, прозванный чертѣнкомъ, великій мастеръ на всякія штуки на канатѣ. 7—г. Фляжоле, производящій тѣ же самыя упражненія, только *подъ канатомъ*.

И къ этому-то неизвѣстному обществу присоединился и г. Густавъ, вслѣдствіе ссоры своей съ Фердинандомъ-казакомъ. Ангажементъ—разумѣется словесный—*обезпечивалъ* ему пропитаніе и *объщала* пятьдесятъ франковъ въ мѣсяцъ.

Сѣверный-Зозо очень остроумно прибавилъ къ этому

условію, что, сверхъ того, онъ *получаетъ право путешествовать* пѣшкомъ.

Въ вознагражденіе за такія выгодныя условія, Густавъ, съ своей стороны, взялъ на себя обязательство писать выѣски, декорации и транспаранты, изображающіе главнѣйшія сцены и образцы ловкости. Также играть первыя роли въ водевиляхъ и мелодрамахъ; представлять волшебниковъ въ пантомимахъ; наконецъ, въ дни представленій, разѣзжать по городу верхомъ. Сѣверный-Зозо рѣшился немедленно употребить въ дѣло дарованія новаго персонажа.

Вечеромъ появилась афиша съ извѣщеніемъ, что на слѣдующій день дано будетъ чрезвычайное представленіе, о сущности котораго дастъ должное понятіе торжественная прогулка артистовъ труппы по городу. И точно, на-завтра, часовъ въ одиннадцать утра, Густавъ, въ маршальскомъ мундирѣ, верхомъ на лошади, сбруя которой была убрана раковинами, пустился разѣзжать по улицамъ. Впереди его шелъ хромой барабанщикъ и нѣсколько человѣкъ музыкантовъ. Они оставались на всѣхъ площадяхъ, перекресткахъ, посреди улицъ, и Густавъ во весь свой голосъ выкрикивалъ:

«Съ позволенія г. мера...

При этомъ онъ снималъ шляпу.

«Жители города Сен-Амана, мы имѣемъ честь извѣстить васъ, что многочисленная труппа г. Бертрана, извѣстнаго подъ именемъ Сѣвернаго-Зозо, соединившаяся нынѣ съ труппой г. Колонбье, будетъ имѣть честь дать, нынѣшнимъ вечеромъ, въ такомъ-то домѣ, на торговой площади,—чрезвычайное представленіе. Оно будетъ заключаться въ слѣдующемъ:—Мадамъ Бертранъ, пріобрѣтшая во Франціи громкую извѣстность, будетъ дѣлать пять минутъ вертѣться на желѣзномъ подсвѣчникѣ, не имѣя ни какой другой опоры, какъ только монету. — Дѣвицы Бертранъ будутъ танцовать на канатѣ; старшая—гавотъ: а младшая *pas de grâce*.—Г. Мустафа, прозванный чертѣнкомъ, будетъ упражняться на канатѣ, безъ шеста и окончить опаснымъ скачкомъ впередъ и назадъ.—Г. Фляжоле исполнитъ *подъ канатомъ* то же самое, что г. Мустафа на канатѣ.—Г. Густавъ исполнитъ «Пигмалиона», лирическую

сцену, сочиненія г. Жанъ-Жака Руссо.— Дѣвица Бертранъ-младшая, будетъ представлять статую.—Послѣ Пигмалиона мы будемъ имѣть честь представить «Арлекинъ-Бульдогъ, большую пантомиму, съ великолѣпнымъ спектаклемъ, костюмами и декораціями, приличными содержанію. Наконецъ представленіе завершится «венеціанскимъ карнаваломъ», который будетъ исполненъ всей труппой.

Объявленіе это имѣло главною цѣлію подстрекнуть любопытство. Оно удалось совершенно и сборъ былъ удовлетворительный; но предоставимъ любопытнымъ идти въ балаганъ Бертрана, прозваннаго Сѣвернымъ-Зозо и восхищаться всѣми чудесами великолѣпнаго спектакля, а между-тѣмъ скажемъ нѣсколько словъ о таинственномъ, высокомъ и низкомъ банкѣ, о которомъ мы уже имѣли случай упомянуть. *Банкомъ* называется вообще каждая странствующая труппа комедіантовъ, и банки эти бываютъ *высокіе и низкіе*. Наѣзники, канатные плясуны, балаганщики, словомъ, всѣ имѣющіе какое-нибудь дарованіе, составляютъ *высокій банкъ*.

Лица, показывающія разныхъ животныхъ, дѣтей съ двумя головами, осьминогихъ телятъ, тюленей, выговаривающихъ *папа* и *мама*, и т. п. всѣ принадлежатъ къ низкому банку. Высокій банкъ считается аристократіей. Низкій банкъ—чернь. Всякій членъ, одаренный какимъ бы то ни было дарованіемъ, пользуется особеннымъ почетомъ, низкій банкъ разговариваетъ съ высокимъ не иначе, какъ слявши шапку. Но между-тѣмъ директоръ, или содержатель труппы, всегда относится къ нимъ съ истинно-отеческой добротой, и бытъ этихъ кочевниковъ рѣшительно многимъ бы можно было взять за образецъ: никто не умѣетъ такъ умно и дѣльно употреблять время, которое протекаетъ между репетиціями и самыми представленіями. Женщины стираютъ бѣлье, красятъ матеріи, кроютъ и шьютъ костюмы. Мужчины занимаются дѣланіемъ разныхъ театральныхъ принадлежностей, составляютъ бенгальскій огонь, начиняютъ ракеты. Нѣкоторые занимаются также дѣланіемъ *иллюзій* или лучше—поддѣлокъ.

Что такое значить дѣлать иллюзій? спросить можетъ быть читатель. Мы объяснимъ это въ двухъ сло-

вахъ. Дѣлатели иллюзій расплавляютъ свинецъ по-поламъ съ оловомъ, берутъ палочку, съ утвержденнымъ на концѣ ея камешкомъ, величиною въ горошину и обмакиваютъ этотъ камешекъ въ расплавленный металлъ, части котораго пристають къ камню въ видѣ кружечковъ; эти кружечки сейчасъ же снимають, прокалываютъ посерединѣ и потомъ нашиваютъ на костюмы и шапки, вмѣсто блестокъ. Прочіе мужчины ходятъ за лошадьми, умѣющіе читать учатъ затверживать на память роли тѣхъ, которые не знаютъ грамоты. Наконецъ всѣ, безъ исключенія, учатся играть на какомъ-нибудь инструментѣ, и выучившись порядочно играть на одномъ, првнимаются за другой, потомъ за третій и такъ далѣе. При этомъ всѣ они непремѣнно умѣютъ бить въ барабанъ.

Въ критическихъ обстоятельствахъ, послѣ неудачнаго путешествія, когда нужда заставляетъ распродать телѣжки, лошадей и отпустить комедіантовъ, состоящихъ на жалованьи; когда, наконецъ, остается только такъ называемое семейство, то они *увеселяются*. Это особенный комедіантскій терминъ, означающій: разбрестись по окрестностямъ. Тогда каждый принимается за свой *трикъ*: одинъ начинаетъ дѣлать мыло для вывода пятенъ, другой—помаду для роженія волосъ, третій—порошокъ для бѣлизны зубовъ, четвертый—ваксу, придающую необыкновенный блескъ и мягкость кожѣ. Дѣти ходятъ съ ковриками по кофейнямъ, танцуютъ вверху ногами фрикассе, ломаются и т. п.; потомъ каждый день, иногда черезъ два дня, или даже и три, смотря по разстоянію, всякій членъ странствующей труппы относитъ отцу и матери что успѣетъ заработать.

Густавъ нашъ уже три мѣсяца велъ эту безлечную, богатую приключеніями, жизнь, всегда пользуясь порядочной пищей и ни разу не получивъ ни копейки изъ обѣщанныхъ пятидесяти франковъ жалованья, какъ-вдругъ, совершенно неожиданно, онъ получилъ записку отъ Ипполита, на которой было написано только: «Возвращеніе! Казака ужъ нѣтъ».

Густавъ не сказалъ ни слова; по чистой совѣсти онъ не считалъ себя связаннымъ съ Сѣвернымъ Зозо, который выполнилъ только половину заключенныхъ сл. нилъ

условіи, и, въ одинъ прекрасный вечеръ, послѣ представленія *Пигмалиона* и *Угольщиковъ чернаго лѣса*, онъ, налегкѣ, ни съ кѣмъ не простившись, отправился пѣшкомъ въ Оденордъ, гдѣ въ это время находился Дюмануаръ со своей труппой.

Читателямъ, вѣроятно, любопытно узнать, чтоъ случилось съ прочими членами труппы Бертрана, извѣстнаго подъ именемъ Сѣвернаго Зозо, съ которой мы здѣсь прощаемся навсегда.

Мамзель Бертранъ-старшая сдѣлалась мадамъ Томасенъ, и два года тому назадъ, въ Батиньоль, поднимаясь по канату, упала и убила до-смерти.

Г. Фляжолъ, бывшій первоначально студентомъ медицины, выдержалъ экзаменъ на лекаря и въ качествѣ зубнаго врача поселился въ одномъ большомъ французскомъ городѣ. Наконецъ, г. Мустафа, котораго товарищи называли по-просту Фабью, былъ братъ Бастіена Франкони и открылъ Циркъ-Франкони, въ компаніи съ знаменитымъ профессоромъ верховой ѣзды, Лаланомъ.

Густавъ засталъ труппу отца - Дюмануара въ самомъ бѣдственномъ положеніи и совершенномъ разстройствѣ, — она имѣла въ немъ бѣольшую нужду, нежели онъ въ ней. Въ тотъ же день происходило совѣщаніе наличныхъ членовъ труппы. Фердинандъ-казакъ увезъ съ собою гардеробъ и лишилъ труппу послѣднихъ средствъ ея. Дюмануаръ, повидимому, твердо рѣшился не открывать своей шкатулки до послѣдней крайности; слѣдственно, надобно было чтобъ труппа вывернулась изъ затруднительнаго положенія своими собственными средствами, а эти средства, надобно сказать правду, были совершенно ничтожны.

Густавъ и Ипполитъ принялись изобрѣтать репертуаръ пьесъ въ военныхъ нравахъ. Репертуаръ этотъ оказался не великъ, но рѣшено было давать только по два представленія въ каждомъ городѣ. Онъ заключался изъ *Мишеля и Христины*, *Замка моего дяди*, *Безъ барабанщика* и *трубача*, *Брака по разсудку* и *Адольфа и Клары*.

Всѣ эти пьесы разыгрывались въ мундирахъ войскъ, стоявшихъ гарнизономъ въ городахъ, гдѣ имъ случалось быть. Такимъ образомъ комедіанты выходили на сцену, то въ кирасирскихъ мундирахъ, то въ уланскихъ, то въ стрѣл-

ковыхъ. И какъ они странствовали въ то время по Бельгii, то и мундиры были бельгiйскихъ войскъ.

Черезъ четыре мѣсяца всѣ города были, говоря театральнымъ выраженiемъ—*сожжены*.

Труппа пустилась странствовать по деревнямъ, съ мужествомъ и терпѣнiемъ, которыя право стоили лучшей участи. Наконецъ можно было подумать объ отступленii. Наступившая уже въ это время довольно суровая зима, заставшая нашу труппу въ самый располхъ и отступленiе общества Дюмануара очень напоминало отступленiе французскихъ войскъ изъ Москвы. Платья, какъ самаго Дюмануара, такъ и прочихъ членовъ, были въ самомъ печальномъ положенii, но несмотря на это, старикъ, повидимому, вовсе и не воображалъ открыть свою шкатулку, съ которою онъ нянчился еще усердиѣе прежняго... У Густава осталась всего только худая рубашка, да и она въ одно прекрасное утро оказалась до того истертою, разорванною и запачканною, что онъ съ отвращенiемъ снялъ ее съ своихъ плечъ и выбросилъ въ окно.

Вмѣсто полотняныхъ воротничковъ, онъ надѣлъ вырѣзанные изъ бумаги; и застегнутый до-верху сюртукъ не позволялъ любопытному глазу замѣтить отсутствiе рубашки.

Нужда и голодъ дошли до такой степени, что разъ вся труппа цѣлый день продовольствовалась только нѣсколькими редисками, подобренными гдѣ-то мимоходомъ и украдкою на огородѣ.

Папá Дюмануаръ — постоянно съ шкатулкой подъ мышкою — голодалъ вмѣстѣ съ прочими и поднося ко рту полузамерзлую редиску, произнесъ надъ ней знаменитое изреченiе, которое нѣкогда сказалъ Карлъ XII по случаю совершенно испортившихся запасовъ:—«Это хоть и скверно, тѣмъ не менѣе — съѣдобно».

Труппа начинала вѣрить, что въ шкатулкѣ папá Дюмануара не было ни серебра, ни золота.

Но что же, наконецъ, въ ней было такое?

Разъ утромъ оказалось, что папá Дюмануаръ — исчезъ, оставивъ письмо. Онъ назначилъ всей своей труппѣ сборное мѣсто въ Армантьерѣ, лежащемъ за три мили, по ту сторону города Лиля. Извѣстiе это, сообщенное Густаву и

Ипполиту тотчасъ же какъ только они проснулись, поразило ихъ какъ громомъ: они со вчерашняго полудня ничего не ѣли.

Въ подобныхъ случаяхъ, когда бываетъ нужно какъ-можно скорѣе на что-нибудь рѣшиться, люди всегда страшно медлятъ, точно также и наши знакомцы цѣлые два часа удивлялись, спорили, доказывали, опровергали, предлагали разныя мѣры и все-таки не принимали никакого рѣшенія. Уже подъ вечеръ, послѣ продолжительныхъ разсужденій, положено было всей труппѣ отправиться въ разбродъ къ сборному мѣсту, назначенному Дюмануаромъ, съ предоставленіемъ права каждому члену достославнаго, но голоднаго общества изыскивать для продовольствія своего средства, какія ему заблагоразсудится. Густавъ и Ипполитъ, или, правильнѣе—Пиладъ и Орестъ, дали другъ другу слово — не разлучаться и дружно, по-ровну исчерпать всѣ радости или горе, которыя ожидали ихъ въ будущемъ. Друзья наши двинулись въ путь ровно въ полдень. Они уже цѣлыя сутки ничего не ѣли. Дорожа каждой минутой, они прямо пошли въ Лиль; тамъ надѣялись они продать послѣднюю вещь, которая еще у нихъ оставалась — читатели впоследствии удостовѣрятся, что мы не преувеличиваемъ ихъ крайняго положенія, эта послѣдняя вещь была пара шелковыхъ чулковъ. На вырученные за нихъ деньги они надѣялись исправно поужинать и заплатить за ночлегъ, чтобы поутру, какъ-можно-раньше, продолжать путь свой въ Армантьерь.

И такъ, въ половинѣ перваго часа, товарищи пустились въ дорогу. Комки мокраго снѣга прилипали къ подошвамъ ихъ обуви; океанъ снѣга сыпался имъ на голову, снѣговой горизонтъ разстилался передъ глазами, позади, справа и слѣва.

Прошу позволенія подробнымъ образомъ описать нарядъ Густава, ангажированнаго въ труппу Дюмануара на роли изящныхъ молодыхъ людей и водевильныхъ любовниковъ, и въ труппу Бертрана, на роль Пигмалиона.

На немъ былъ долгополый, помѣщичій сюртукъ (à la propriétaire), съ полами, хлеставшими его по пяткамъ и зашпиленными сзади черными булавками, чтобъ онѣ не расходились. На ногахъ башмаки, надѣтые на босую ногу.

У счастливца не было не только чулковъ, но даже и носковъ. Шляпа его была такъ истаскана и ветха, что когда ему приходилось раскланиваться, то онъ бралъ ее за тулью, изъ опасенія, чтобъ поля не остались въ рукахъ. Панталонъ съ обѣихъ сторонъ также были прикрѣплены черными булавками къ карманамъ сюртука. Жилета не было вовсе! Рубашки также давно уже не оставалось и слѣдовъ. Описавъ костюмъ Густава, полагаемъ, что будетъ совершенно лишнимъ рассказывать, какъ былъ одѣтъ Ипполитъ.

Оба они, съ поникшей головой, плелись по большой Лильской дорогѣ, какъ-вдругъ Густавъ, замѣтивъ, что дорога въ одномъ мѣстѣ круто поворачивала въ сторону, сказалъ:

— Миѣ кажется, здѣсь гдѣ-нибудь должна быть проселочная дорога въ Лиль, сокращающая путь, быть-можетъ, на часть или даже на два.

— Я и самъ такъ думаю, сказалъ Ипполитъ.

— Мы можемъ спросить объ этомъ у перваго встрѣчнаго.

Въ это самое время, какъ по щучьему велѣнью, на дорогѣ показался крестьянинъ, какъ вышло впоследствии — это былъ лѣшій. Когда онъ подошелъ къ нимъ, Густавъ остановилъ его и отсалютовавъ ему по-военному, чтобъ не трогать понапрасну своей шляпы, сказалъ:

— Послушайте, почтеннѣйшій: не знаете ли вы прямой, проселочной дороги въ Лиль?

— Какъ не знать, господа, — отвѣчалъ крестьянинъ: — здѣсь есть прямая дорога, по которой ближе слишкомъ на двѣ мили.

Густавъ посмотрѣлъ на Ипполита, какъ-бы желая сказать ему: — «Видишь ли, вѣдь мысль моя справедлива!»

— Какъ же намъ найти эту дорогу? спросилъ онъ, обратившись къ крестьянину.

— Вы ее сейчасъ увидите; ступайте по большой дорогѣ и на первомъ поворотѣ поверните направо.

— Да какъ бы намъ не просмотрѣть.

— Не просмотрите; дорога большая, широкая, по ней и въ повозкахъ ѣздить.

— Все это прекрасно, но теперь, я думаю, ее занесло снѣгомъ...

— Да чего же вамъ лучше: идите по моимъ слѣдамъ; я самъ сейчасъ прошелъ по ней изъ Дня.

— Это другое дѣло! Спасибо, любезнѣйшій.

И молодые люди продолжали свой путь, внимательно посматривая направо, чтобъ не пропустить поворота на проселочную дорогу. Они замѣтили ее, пройдя не больше пятидесяти шаговъ. Густавъ обернулся, чтобы движеніемъ руки поблагодарить крестьянина, но онъ уже исчезъ.

Человѣческіе слѣды были совершенно замѣтны; по дорогѣ даже можно было сосчитать число гвоздей, которыми были подбиты сапоги. Сбиться съ дороги было трудно. Они шли уже цѣлый часъ подъ самыми счастливыми предзнаменованіями; но почти въ ту минуту, какъ они своротили съ большой дороги, пошелъ сильный снѣгъ, такъ что скоро подъ его пуховымъ покровомъ уже трудно было различать слѣды. Было ясно, что не далеко то мгновеніе, когда исчезнутъ послѣдніе признаки дороги. Чтѣ за дѣло! Во всякомъ случаѣ они куда-нибудь да должны же наконецъ прійти, и потому по прежнему шли все впередъ, да впередъ. Наконецъ человѣческіе слѣды исчезли совершенно. Пройдя съ четверть мили, они по неровности почвы заключили, что потеряли дорогу и теперь шли по пашнѣ. Они сняли дырявые башмаки свои, которые болѣе утомляли ихъ, нежели защищали; но, вспомнивъ, что войти въ городъ босымъ не ловко, не бросили башмаковъ и спрятали ихъ въ карманъ. Молодые люди наконецъ начали приходить въ отчаяніе, потому что сумерки уже наступали, горизонтъ темнѣлъ и снѣгъ пошелъ еще сильнѣе.

Передъ ними — такъ далеко, какъ только можно было окинуть глазомъ — разстиралась пустынная снѣговая равнина, безъ малѣйшаго признака человѣческаго жилья; такъ, что имъ даже казалось: не очутились ли они какимъ-нибудь чудомъ въ сибирскихъ тундрахъ. Оба путники шли молча, повѣсивъ голову; голодъ терзалъ ихъ, и холодный, пронзительный вѣтеръ оледенялъ слезы, катившіяся по щекамъ. Они не смѣли взглянуть другъ другу въ глаза, боясь прочесть въ нихъ сознаніе полной безвыходности ихъ положенія. Они шли, поддерживая другъ друга... шли упрямо, хотя оба чувствовали, что достигли послѣдней степени усталости и изнеможенія... Они спотыкались на

каждомъ шагу, безпрестанно оступались въ снѣгъ, но продолжали итти по-прежнему. Наступила ночь. Пока было еще не совершенно темно, они шли по прямому направленію. Потомъ уже пустились шагать какъ ни попало. Скоро Ипполитъ остановился.

— Я не могу болѣе итти, сказалъ онъ, съ отчаяніемъ.

— Что съ тобой? спросилъ его Густавъ.

— Я умираю съ-голоду!

Было уже слишкомъ тридцать часовъ, какъ молодые люди ничего не ѣли.

— Возьми меня подъ руку, соберись съ силами и пойдемъ дальше. Ипполитъ взялъ его подъ руку, но скоро они почувствовали, что итти такимъ образомъ по неровной, изрытой плугомъ почвѣ, было еще утомительнѣе. Ипполитъ оставилъ руку Густава и продолжалъ свой путь, но они уже не шли, а тащились.

Снѣгъ пошелъ рѣже, но темнота сгустилась такъ, что хоть глазъ выколи. Вдругъ Густавъ радостно закричалъ:

— Я вижу свѣтъ!

— Господи! Неужели это правда! Или ты, можетъ-быть говоришь это, чтобы возбудить во мнѣ силы? спросилъ Ипполитъ.

— Смотри самъ!

— Гдѣ же?

— Тамъ.

— Я ничего не вижу.

— Боже мой! Тамъ! тамъ. Видишь?

— Да? Теперь мнѣ и самому кажется.

— Это точно огонѣкъ!

— Ахъ, пойдемъ же, пойдемъ же поскорѣе!

И бѣдные путники прямо направились къ тому мѣсту, откуда имъ брезжился огонѣкъ. Черезъ десять минутъ они остановились передъ дверями одинокой избушки.

— Слава Богу! сказалъ Ипполитъ...

— Наконецъ-то мы дошли!

— Да, но...

— Что еще такое?..

— Чего же мы здѣсь попросимъ? спросилъ Густавъ.

— Разумѣется, кусокъ хлѣба, отвѣчалъ Ипполитъ.

— Ты самъ будешь просить?

— Какъ, я?

— Ну, да!

— Нѣтъ, чортъ возьми, отвѣчалъ Ипполитъ.

— Какъ же такъ?

— Право я не могу себя представить, чтобъ такъ трудно было рѣшиться попросить себя кусокъ хлѣба.

— Трудно, трудно, — сказалъ Густавъ, дрожащимъ голосомъ: — вѣдь это первый разъ въ жизни.

— Что же касается до меня, — отвѣчалъ Ипполитъ: — если у тебя не достанетъ духу выпросить кусокъ хлѣба, то я лягу здѣсь у дверей, и завтра утромъ они найдутъ меня мертвымъ.

— О, чортъ возьми! это ужъ слишкомъ глупо! сказалъ Густавъ.

И онъ съ твердостью подошелъ къ двери. Дверь, какъ вообще во всѣхъ французскихъ крестьянскихъ домахъ, состояла изъ двухъ половинокъ. Сквозь дверныя щели пробивался довольно яркій свѣтъ. Послѣ нѣсколькихъ секундъ колебанія, Густавъ превозмогъ себя и постучался.

— Войдите! произнесъ женскій голосъ за дверью.

— Слава Богу! здѣсь есть женщина, — сказалъ Густавъ: — стало быть мы спасены!

Отворивъ дверь, молодой человекъ могъ окинуть взглядомъ всю внутренность комнаты. Прямо противъ двери сидѣла за прялкой женщина, сказавшая: — войдите. Подлѣ нея на столѣ горѣла лампа. Въ глубинѣ комнаты, направо, стояла кровать подъ зеленымъ саржевымъ покрываломъ. Позади женщины у стѣны стоялъ большой буфетъ; на верхней полкѣ его была разставлена разная фаянсовая посуда, расписанная птичками и цвѣтами. Налѣво отъ двери громоздился неуклюжій каминъ, съ догоравшей въ немъ вязанкой сучьевъ, передъ которымъ виднѣлась какая-то нескладная фигура. Видъ женщины понемногу успокоилъ обоихъ молодыхъ людей. Не знаемъ, какое дѣйствіе они сами произвели на нее. Обѣ головы, хоть были молоды и прекрасны, выставившись въ дверь, засыпанныя снѣгомъ и изнеможенные трудомъ и страданіями, представлялись въ самомъ зловѣщемъ видѣ. При томъ же и одежда обоихъ ночныхъ пришельцевъ не говорила въ ихъ пользу. Однако жъ, несмотря на все это, женщина успокоилась при

первыхъ ихъ словахъ. Оба они заговорили вмѣстѣ: но на четвертомъ или пятомъ словѣ, голосъ Иполита замолкъ и Густавъ продолжалъ уже одинъ.

— Извините насъ, сказали они оба...

— Мы бѣдные путешественники, сбившіеся съ дороги, продолжалъ Густавъ:— умираемъ съ голоду... и если вы такъ добры... такъ милостивы... такъ сострадательны...

И съ нѣкоторымъ усиліемъ докончилъ:

— Не откажете дать намъ кусокъ хлѣба! ..

Но болѣе уже онъ не могъ выговорить ни слова. Тогда неуклюжая фигура, замѣченная у камина, вдругъ зашевелилась и грубымъ голосомъ сказала:

— Богъ подастъ! Ступайте своей дорогой! Мы сами небогатые люди, и хлѣба намъ самимъ недостаточно.

Но женщина, замѣтившая крайнее изнуреніе и блѣдность обоихъ молодыхъ людей, — тронутая ихъ добродушнымъ видомъ, встала и, не обративъ вниманія на слова мужчины, подошла къ ящику, достала оттуда половинку хлѣба, похожаго формой на маленькій жерновъ, и отрѣзала ломоть въ палець толщиною:

— Посмотри-ка, муженѣкъ,—сказала она:—это бѣдные молодые люди, народъ честный; это видно по лицу. А отъ ломтя хлѣба мы съ тобой не сдѣлаемся бѣднѣе. Вотъ вамъ, дѣтущки, и ступайте съ Богомъ!

И съ этими словами она подала имъ ломоть въ фунтъ или полтора фунта вѣсомъ. Потомъ, какъ бы боясь чтоо́ мужъ не отнялъ у нихъ хлѣбъ:

— Ступайте, ступайте,—сказала она:—отсюда всего только одна миля до города.

И она заперла у нихъ передъ носомъ дверь; но въ этомъ движеніи замѣтно было больше добраго намѣренія, нежели грубости. Молодые люди поняли все.

— О, добрая, несравненная женщина! шептали они въ величайшемъ волненіи:—Вотъ истинное Божье созданіе!.. О, мы еще съ тобой увидимся, и если когда-нибудь разбогатеемъ, то будь покойна, мы обеспечимъ твою жизнь!

И продолжая такимъ образомъ осыпать ее благословіями, Густавъ разломилъ ломоть на-двое; одну половинку подалъ Иполиту, другую оставилъ себѣ.

Но взявъ кусокъ въ ротъ, они не имѣли силъ раскусить его и оба въ отчаяніи разразились громкими рыданіями.

О, Данте, Данте, великій поэтъ! У тебя для каждаго героя есть особенный чудный стихъ! Наши молодые люди не были даже изгнанниками: они только испытывали терзанія голода.

Они не поднимались по *тяжелымъ ступенямъ чужаго крыльца*, но босые шли по землѣ своего отечества. А между тѣмъ оба, съ кускомъ хлѣба въ рукахъ, они заливались горькими слезами. Ни тотъ, ни другой не могли проглотить ни кусочка.

Но это волненіе, частію отрадное и тяжкое, возвратило имъ прежнія силы. Имъ обоимъ показалось, что добрая женщина, сказавъ имъ, что до города всего только миля, указала рукой на лѣсокъ, который видимо чернѣлся въ пятистахъ шагахъ передъ ними. Они направились къ этому лѣсочку, безпрестанно обертываясь назадъ и повторяя:

— Добрая, добрая ...

Наконецъ часовъ около одиннадцати, или даже нѣскольکو позже, они увидѣли городскія стѣны и оба вскрикнули отъ радости. Передъ самыми городскими воротами они встрѣчены были таможенными стражами.

— Куда вы?

— Въ Лиль.

— Нѣтъ ли недозволенныхъ къ ввозу товаровъ?

— Нѣтъ ли у тебя чего запрещеннаго къ привозу? спросилъ, улыбаясь сквозь слезы, Густавъ Ипполита.

— Изъ запрещеннаго при мнѣ только голодъ, терзающій мою внутренность.

— Ахъ, я боюсь, что досмотрщики насъ задержатъ, а между-тѣмъ городскіе ворота запрутся.

— Ступайте сюда! грубо закричалъ имъ таможенный и принялся ихъ осматривать. Засунувъ руку подъ сюртукъ Густава, онъ ощупалъ тамъ голое тѣло, не прикрытое рубашкой. Почувствовавъ прикосновеніе этой руки, Густавъ вздрогнулъ и застучалъ зубами.

— Нѣтъ ли у васъ кружевъ или другихъ вещей? по привычкѣ спросилъ досмотрщикъ.

— Еслибъ у насъ были какія-нибудь вещи, мы да-

вно заложили бы ихъ; а еслибъ имъли кружева, то сдѣлали бы себѣ изъ нихъ рубашки.

— А что же у васъ такое въ карманахъ?

И онъ принялся шарить въ карманахъ. — Тамъ оказались во-первыхъ, продыравленные башмаки, потомъ знаменитые чулки и въ заключеніе по куску хлѣба. Осмотръ продолжался добрую четверть часа. Наконецъ, когда у молодыхъ людей не оказалось ни какой контрабанды, имъ дозволили продолжать свой путь. Такъ они достигли конца труднаго своего путешествія. Правда, гостепріимная дверь была уже заперта, но вѣроятно она сейчасъ должна была привѣтливо раствориться. Съ этой надеждой Густавъ принялся стучаться. Послышалось, какъ привратникъ заскрипѣлъ дверью, какъ подошелъ къ воротамъ, защелкалъ ключомъ въ замкъ и отодвинулъ запоръ—ворота не много отворились, такъ что между половинками ихъ можно было только просунуть раскраснѣвшійся отъ холода носъ.

— Что вы за люди? спросилъ привратникъ.

— Что мы за люди? повторилъ съ удивленіемъ Густавъ.

— Мы здѣшніе, городскіе...

— Такъ давайте сюда пропуска!

— Пропуска? какіе пропуска?

— У васъ нѣтъ пропусковъ?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ: *покойной ночи!* Значитъ, вамъ не попать нынче въ городъ.

И ворота заперлись по-прежнему и притомъ такъ посиѣшно, что наши молодые люди не успѣли сдѣлать привратнику ни малѣйшаго замѣчанія. Густавъ и Ипполитъ съ видомъ глубокаго отчаянія посмотрѣли одинъ на другаго. Они снова полошли къ воротамъ, но тутъ силы опять ихъ оставили. Что дѣлать, что дѣлать? ночевать у воротъ? Но бѣдные, полузамерзшіе странники къ утру замерзнуть окончательно.

Густавъ совершенно естественно вспомнилъ о караульнѣ, сквозь оледенѣвшія стекла которой тускло мерцалъ огонекъ. Когда онъ былъ еще ребенкомъ, то нѣсколько разъ ночевывалъ въ казенной таможенной караульнѣ и потому не видѣлъ, почему бы теперь не переночевать въ лильской таможенной будкѣ. Отекшія отъ ходьбы ноги

его примерзали къ снѣгу и ходить ему было невыносимо-мучительно. Притомъ же каждому, я думаю, извѣстно, какъ послѣ небольшого отдыха отъ продолжительнаго пути бываетъ трудно снова пускаться въ дорогу. Оба, кое-какъ дотащившись своими окровавленными и оледенѣвшими ногами до дверей караульни, обратились къ часовому:

— Послушайте, — сказали они, — мы забыли свои пропуски и привратникъ не пускаетъ насъ въ ворота. Позвольте намъ переночевать въ караульнѣ.

— Ночевать въ караульнѣ постороннимъ строго запрещено!... отвѣчала часовая.

Рѣшительный тонъ его очень ясно говоритъ, что повторять свои настоянія было бы бесполезно. Молодые люди тихо застонали.

Въ эту минуту на дорогѣ раздался звукъ и стукъ, составляющій исключительную принадлежность каждаго ѣдущаго дилижанса; звонъ и бряцаніе цѣпей, гремушекъ и развинтившихся гаекъ сливался съ хлопаньемъ бича. При первыхъ звукахъ этого отдаленнаго треска Густавъ какъ-бы ожилъ.

— Ипполитъ! мнѣ пришла счастливая мысль!

— Какая же?

— Вотъ случай попасть въ городъ.

— Какимъ образомъ?

— А вотъ увидишь.

— Но расскажи-же.

— Некогда. Дѣлай то что я сдѣлаю.

Тяжелый экипажъ между тѣмъ-подѣхалъ и остановился у таможенной караульни, чтобъ взять съ собой одного изъ досмотрщиковъ для освидѣтельствованія пассажировъ въ самомъ городѣ. Густавъ подошелъ къ экипажу.

— Кондукторъ, — закричалъ онъ: — мы забыли свои пропуски, и насъ не хочетъ впустить въ городъ. Позвольте намъ взлѣсть на имперіалъ, или мы злѣсь окончимъ съ холоду.

— Ну! крикнулъ кондукторъ, вмѣсто отвѣта.

И лошади побѣжали шибко рысью.

— Скорѣе, Ипполитъ! закричалъ Густавъ: — становись на подножку съ одной стороны кареты, а я помѣшусь съ

другой, и мы такимъ образомъ пройдемъ въ городъ. Манёвръ этотъ былъ исполненъ въ ту же минуту. Пустившись бѣжать въ догонку за дилижансомъ пятьдесятъ шаговъ, они не чувствовали ни усталости, ни ранъ своихъ, ни голода. Радостная надежда мгновенно вытѣснила изъ груди ихъ всё другія ощущенія. При звукахъ дилижанса городскія ворота какъ-бы какимъ-то волшебствомъ распахнулись на обѣ стороны. Когда дилижансъ въехалъ, они сомкнулись снова. Густавъ очутился, въ городѣ, и обернувшись сталъ искать глазами вокругъ себя Ипполита, но не нашелъ его. Что же съ нимъ случилось? А вотъ что:

Городскія ворота отворили: одну половинку привратникъ, а другую—жена его.

Густавъ случился съ той стороны, гдѣ былъ привратникъ, который можетъ-быть и замѣтилъ его, но не оставилъ.

Ипполитъ попалъ на ту сторону, гдѣ стояла жена привратника. Увидѣвъ молодого человѣка на каретной подножкѣ, женщина эта схватила его за полу сюртука. Ипполитъ былъ увѣренъ, что изношенный сюртукъ его не выдержитъ и непременно разорвется, и потому, чтобы спасти его, рѣшился соскочить съ подножки и позволить вытолкать себя за ворота. Къ чести Густава должно сказать, что увидѣвъ Ипполита по ту сторону воротъ, онъ и не подумалъ даже остаться въ городѣ. Онъ подошелъ къ привратнику.

— Сдѣлайте милость, позвольте войти моему товарищу.

— Ни за что! отвѣчалъ привратникъ. — Зачѣмъ онъ такъ глупъ. Почему онъ не сдѣлалъ по-вашему? Вы, вѣдь, вошли же... Ну, и такъ какъ вы вошли, такъ нечего тутъ много толковать... Бросьте его и оставайтесь здѣсь.

— Бога ради, сжаьтесь надъ нимъ; отворите ему ворота!

— Невозможно!

— Въ такомъ случаѣ пропустите меня къ нему.

— О, что до этого, такъ съ большимъ удовольствіемъ. Пожалуйте!

Жена его пріотворила одну половинку воротъ, и онъ, взявъ молодого человѣка за плечи, выпроводилъ его вонъ. Потомъ захлопнувъ опять ворота, они налегли на нихъ

всѣмъ тѣломъ, опасаясь чтобы молодые люди не влюблись. Но у тѣхъ и въ мысляхъ не было попытаться употребить силу, потому что они черезъ-чуръ были утомлены и ослабѣли отъ голода. Между-тѣмъ снова пошелъ снѣгъ.

Ипполитъ стоялъ прислонившись къ периламъ, повѣсивъ руки и опустивъ голову на грудь. Густавъ, подойдя къ паранету, сталъ возлѣ своего товарища. Черезъ нѣсколько минутъ они оба разомъ подняли голову къ городу. Подъѣзжалъ другой дилижансъ и былъ уже недалеко; довольно толстый слой снѣга, заporошившій дорогу по которой онъ катился, заглушалъ стукъ колесъ. Онъ явился передъ ними въ видѣ большой точки, которая все увеличивалась, увеличивалась и, наконецъ, предстала во всей своей громадности.

— Ну,—сказалъ Густавъ:—надѣюсь, что на этотъ разъ ты будешь половчѣе.

— Постараюсь, прощенталъ полузамерзшій Ипполитъ.

Густавъ бросилъ взглядъ на приближившійся экипажъ.

— Это берлинь,—сказалъ онъ:—послушай; на этотъ разъ я стану со стороны привратничихи, а ты помѣщайся съ другой. Мужъ мнѣ показался гораздо добрѣе своей жены.

Прежній манѣвръ повторился опять, съ той только разницей, что Густавъ на этотъ разъ сталъ съ лѣвой стороны, а Ипполитъ — съ правой. Ворота растворились...Послышался споръ, потомъ борьба и, наконецъ, чей-то вопль. Густавъ, какъ и въ первый разъ—былъ въ городѣ. Онъ осмотрѣлся.—Ипполита не оказалось по-прежнему. Привратница схватила Густава за полы, но черныя булавки, которыми они были сошплены — вонзились ей въ руки. И вопль, раздавшійся при въѣздѣ кареты—принадлежалъ ей. И такъ, Густавъ еще разъ проѣхалъ. Ипполита же привратникъ стащилъ съ подножки и по-прежнему вытолкалъ за ворота. Густавъ по-прежнему началъ просить привратника, и точно такъ же получилъ рѣшительный отказъ, точно такъ же былъ выпровоженъ за ворота, но только на этотъ разъ получилъ пощечный ударъ ногою сзади. Видъ себя отъ боли и досады, Густавъ могъ сказать только одно Ипполиту:

— Глупецъ!

— Я нейду и брошусь въ канаву! съ отчаяніемъ сказалъ Ипполитъ.

— Тамъ воды не больше какъ на вершокъ и ты утопуть не можешь, а только переломаеть себѣ ноги. А какъ бы я желалъ избавитъся отъ тебя навсегда!

— Густавъ! жалобно прошепталъ Ипполитъ.

— Боже мой! Вотъ положеніе! Право, не мудрено сойти съ ума! Послушай, Ипполитъ: давай-ка, подеремся хоть немного. Мы согрѣмся.

— Я не могу поднять ни руки, ни ноги.

— Чтò жъ, въ-самомъ-дѣлѣ! Неужели мы тутъ останемся и околѣемъ, какъ собаки какія-нибудь?

— Пойдемъ отсюда!

Движеніе было послѣдней надеждой двухъ бѣдняковъ, которые были въ дорогѣ больше двѣнадцати часовъ.

— Да; пойдѣмъ!

— Куда же мы пойдѣмъ?

— Самъ не знаю; но все-таки пойдѣмъ!

И, съ видомъ совершенной безнадежности, оба артиста пустились бѣжать по дорогѣ.

— Стой, сказала Густавъ:—землянка!

— Гдѣ?

— Посмотри.

И онъ показалъ ему на какую-то нору, едва возвышавшуюся надъ землей; черный силуэтъ ея чернымъ пятномъ обозначался на снѣговой равнинѣ. Оба вошли въ землянку. Тамъ былъ насланъ досчатый полъ и ногамъ было не такъ больно.

— Мнѣ ѣсть хочется! сказалъ Ипполитъ.

— Чтò жъ? хлѣбъ у насъ, благодаря Бога, есть.

— Ахъ, да! Что намъ подала та женщина!

Ломоть, лежавшій въ карманѣ, промерзъ насквозь и трещалъ на зубахъ. Тѣмъ не меньше товарищи съѣли его до послѣдней крошки. Хлѣбъ давно уже былъ съѣденъ, а зубы еще продолжали свое движеніе, но только гораздо скорѣе; они стучали отъ холода. Товарищи какъ-можно тѣснѣ прижались одинъ къ другому, въ надеждѣ такимъ образомъ согрѣться взаимной теплотой, и сидѣли обнявшись, какъ иногда обезьяны въ ботаническомъ саду, въ холодные осенніе дни.

— Попробуемъ заснуть, сказалъ Густавъ.

— Спи, если можешь; но я не въ-силахъ. Миѣ очень холодно; я умираю...

— Чтѣ ты, безумный! Развѣ отъ холода умираютъ.

— Но я слыхалъ, другъ мой, что въ Россіи...

— Въ Россіи сильные морозы, а мы пока во Франціи!..

Посмотри, ночь такъ пройдетъ скоро, что мы и не увидимъ.

И Густавъ запѣлъ куплетъ изъ «Станислава»:

«Старикъ солдатъ безъ ропота умѣетъ —
Страдаты и умирать!»

Ипполитъ тяжело вздохнулъ, и еслибъ въ землянкѣ было больше мѣста, онъ упалъ бы навзничъ.

— Бѣдная матушка! прошепталъ онъ.

— Эгоистъ! сказалъ Густавъ:—я ужъ цѣлый часъ призываю своего отца; но по-крайней-мѣрѣ—про себя.

— Ахъ! произнесъ Ипполитъ.

— Ты не хочешь спать?

— Не могу!

— Ну, такъ, поговоримъ...поговоримъ о томъ, что мы будемъ дѣлать завтра..Завтра..завтра! Да ты слушаешь ли меня..?

— Стараюсь.

— Завтра мы продадимъ свои шелковые чулки, и... получимъ за нихъ никакъ не меньше двадцати су.

— Ты думаешь?

— Непремѣнно.

Обладаніе двадцатю су казалось имъ въ ту тинуту высшей степенью блаженства.

— Что жъ мы сдѣлаемъ на эти двадцать су?

— Чортъ возьми! Съ двадцатю су въ карманѣ, мы важно войдемъ въ трактиръ и обогрѣмся.

— Хорошо; прежде всего обогрѣмся.

— Потомъ выпьемъ по чашкѣ самаго горячаго кофе.

— Съ большимъ ломтемъ хлѣба.

— Поджареннаго.

— Да!

— Прекрасно!

— Тогда мы опять станемъ молодцами.

— А чѣмъ же мы теперь не молодцы?

— Ты начинаешь шутить... Стало-быть мы спасены. А ужъ какъ я лѣзь изъ кожи, чтобъ разсѣшить тебя...

А ты...

— Ахъ, какъ холодно, — стуча зубами, прошепталъ Ипполитъ.

Въ-самомъ-дѣлѣ наступалъ утренній морозъ. Передъ восходомъ солнца и дѣтомъ бываетъ довольно свѣжо, что жъ зимою-то?

— Завтра, — пробормоталъ Ипполитъ: — мы будемъ не въ состояніи сойти съ мѣста.

— Чтò за важность! Мы постараемся увѣрить себя, что вечеромъ намъ нужно играть. Миѣ обыкновенно одна мысль о томъ, что я буду играть, придаетъ не только ноги, но — крылья.

— Ахъ, какой холодъ, простоналъ Ипполитъ съ такимъ страданіемъ, что у Густава недостало даже бодрости продолжать разговоръ.

Друзья закрыли глаза, но не съ тѣмъ, чтобы надѣялись заснуть; спать они не могли. Черезъ нѣсколько минутъ Густавъ пошевелился и первый открылъ глаза.

— Смотри, сказала онъ своему товарищу: — Ужъ и утро наступило!

— Ахъ! Это последнее въ моей жизни.

— Да хоть улыбнись ему, пріятель!

Ипполитъ открылъ глаза.

— Но если уже точно совершенно разсвѣло, такъ городскія ворота должны быть отворены.

— Въ-самомъ-дѣлѣ!

— Пойдемъ же въ городъ!

— Постой! Дай прежде оторвать свои ноги; они совершенно примерзли къ полу... Ай! ой!

И затѣмъ товарищи вышли изъ гостепріимной землянки. Городскія ворота дѣйствительно были уже отворены. Они торжественно вошли въ городъ, осыпая проклатіями привратника, который преспокойно грѣлся у печки въ своемъ домикѣ.

VI.

Двѣ чашки кофе. — Мысль на двѣ чашки. — Продажа чулковъ. — Отецъ-Дюмануаръ въ гостинницѣ «Обезьяны въ вѣнѣ». — Прогулка по городу. — Уменьшеніе сборовъ по случаю поста. — Всеобщій постъ. — Густавъ начинаетъ уже думать о возвращеніи къ отцу. — Прощаніе друзей.

Шагахъ въ двадцати за городскими воротами была харчевня.

— Войдемъ, сказалъ Ипполитъ.

— Постой на-минуту! а башмаки?

— Ахъ, я и забылъ!

Они достали изъ кармановъ башмаки и принялись ихъ надѣвать. Въ-самомъ-дѣлѣ нужно было имѣть ужъ слишкомъ щекотливыя понятія о приличіи, чтобъ принудить себя втиснуть избитыя, окровавленныя ноги свои въ башмаки, которые отъ холоду одеревенѣли, сдѣлались жестки, какъ жестиныя, и какъ бритвы рѣзали имъ ноги. Хоть съ большимъ трудомъ, но друзья наши все-таки обулись и, обувшись, смѣло вошли въ харчевню.

— Ахъ, да здѣсь — печка! радостно воскликнулъ Ипполитъ: И съ этими словами онъ бросился къ печкѣ, крѣпко обхватилъ руками трубу и прижалъ ее къ своей груди.

— Кофе!.. — закричалъ Густавъ тономъ миллионера: — да горячаго, самаго горячаго!.. Чтобы ключомъ кипѣлъ! Живо!..

Черезъ десять минутъ двѣ чашки кофе были поставлены передъ нашими друзьями. И обѣ были выпиты однимъ глоткомъ. Густавъ посмотрѣлъ на Ипполита.

— Ну, что, сибаритъ? Теперь ужъ не будешь жаловаться?

— А гдѣ же деньги?

— А на что же чулки-то?

— Правда!

— Послушай-ка, твои башмаки покрѣпче моихъ...

— Неужели?

— И ты гораздо ловче моего съумѣешь обработать каждое дѣло.

- Будто?
- Вотъ что тебѣ надобно будетъ слѣловать. Въ труппѣ Сѣвернаго Зозо была танцовщица, по-имени Мина.
- Мина?
- Да; мы съ ней играли когда-то въ Лиль.
- Хорошо.
- У этой Мины была премиленькая сестра, которая къ ней частенько хаживала.
- Да что жъ намъ до этого за дѣло?
- Что за нетерпѣнїе! Подожди и узнаешь все!.. У Мины была прехорошенькая сестра, жившая на рыбномъ рынкѣ.
- А великъ этотъ рыбный рынокъ?
- Найдешь въ одну минуту; она живетъ гдѣ-то на углу... Ихъ тамъ всего четыре, такъ отыскать не трудно.
- А въ которомъ этажѣ?.. Я тебѣ впередъ говорю, что если придется всходить на лѣстницу...
- Совсѣмъ напротивъ; тебѣ нужно будетъ спуститься.
- Стало-быть она живетъ...
- Въ подвалѣ...
- Отлично!
- Явись къ ней отъ моего имени. Но, однако жъ, не рассказывай что я здѣсь.
- Понимаю.
- Ты только ей скажешь, что мы съ тобой прїатели. И попросишь продать кому она знаетъ наши чулки, и она, разумѣется, продастъ ихъ гораздо выгоднѣе нашего...
- Въ-самомъ-дѣлѣ! Вотъ мысль!
- Ахъ, несчастный! Неужели ты думаешь, что у меня когда-нибудь можетъ случиться остановка за блестящими мыслями?
- Нисколько, особенно въ то время, когда ты у печки.
- Ну, хорошо, а скажи кому пришло въ голову итти по проселочной дорогѣ?
- Ужъ объ этомъ лучше не говорить!
- Отправляйся же къ мамзель Минѣ и приноси... хоть сто франковъ, если тебѣ дадутъ; если же принесешь меньше двадцати су, такъ лучше не показывайся миѣ на глаза.
- Исполить воротился черезъ три четверти часа; лицо его сіяло необыкновеннымъ удовольствіемъ. Чулки купила са-

ма мамзель Мина-младшая за сорокъ су. Они расплатились въ харчевнѣ и у нихъ осталось еще двадцать четьре су. Они купили себѣ на завтракъ кусокъ хлѣба и сыру.

— Мальчикъ! Двѣ рюмки вина, сказалъ Ипполитъ и прибавилъ:—а между-тѣмъ пора и въ дорогу.

— Каковъ молодчикъ! а увѣрялъ, что не можетъ итти. Перестань роскошничать, блудный сынъ; вспомни, что тебя ожидаетъ отецъ и готовится заколотъ упитаннаго тельца.

Выпивъ по рюмкѣ вина, друзья отправились въ путь, запасшись на дорогу хлѣбомъ и имѣя кромѣ того на всякій случай двадцать су. Правда, шелковыхъ чулковъ уже не было ... но, что же дѣлать, нельзя же имѣть все въ свѣтѣ. Черезъ два часа они уже входили въ Армантьеръ.

— Гдѣ тутъ найти комедіянтовъ? спросилъ Густавъ у перваго встрѣчнаго.

— На большой площади, направо, у «Обезьяны въ вѣнкѣ».

— Покорнѣйше благодарю! а какъ же пройти на большую площадь?

— Ступайте все прямо.

— Очень благодаренъ!—Ну, что: видишь, папа Дюмануаръ честный человекъ! ... а шкатулка его, препочтенная шкатулка?

— Да теперь было бы очень кстати узнать, что въ ней находится.

— Мнѣ разъ удалось ее тряхнуть. Тамъ что-то пересыпалось, въ родѣ орѣховъ ... А я бы не прочь теперь погрызть орѣховъ.

— Что за скверный порокъ обжираться!

И молодые люди ускореннымъ шагомъ направились на большую площадь.

Первый встрѣчный не солгалъ: Дюмануаръ, съ прочими членами воссоединившейся труппы, былъ дѣйствительно у *Обезьяны въ вѣнкѣ* и занимался писаніемъ афишекъ, которыя намѣренъ былъ разнести по домамъ. Увидѣвъ молодыхъ людей, папа Дюмануаръ снялъ шляпу обѣими руками и зажалъ ее между колѣнъ, пригладилъ немного хохолъ и, выпрямивъ станъ, сказалъ:

— А вы немножко опоздали, милѣйшіе друзья мои.

— Мы заблудились, отвѣчалъ Ипполитъ.

— Садитесь и пишите!

— Писать? .. что? афишки?—Это самый скверный способъ объявленій! сказалъ Густавъ.

— Ну, такъ придумайте какой-нибудь другой!

— По-мѣому, гораздо лучше пройти по городу съ барабаномъ.

— Мы ужъ объ этомъ думали; но проклятый барабанщикъ проситъ двадцать су.

— Я дѣлаю труппѣ кредитъ на двадцать су, съ условіемъ получить ихъ изъ сбора.

— Согласны! закричали всѣ въ одинъ голосъ.

— Но что же мы будемъ играть безъ костюмовъ? спросилъ Дюмануаръ.

— Военныя піесы: *Безъ барабанщика и трубача, Мишель и Кристина, Адольфъ и Клара.*

— Прекрасно!

Въ ту же минуту послали за барабанщикомъ, просившемъ деньги впередъ. Густавъ величественно подаль ему двадцать су. Барабанщикъ взялъ деньги.

— Надѣюсь, господа,—сказалъ онъ,—что вы не откажетесь дать мѣста женѣ моей и двоимъ дѣтямъ?

— Ты служишь въ народной гвардіи?

— Точно такъ.

— Въ такомъ случаѣ мы дадимъ тебѣ четыре билета, съ условіемъ, чтобъ ты далъ намъ на вечеръ свой мундиръ.

— Съ удовольствіемъ.

— Прекрасно! отправляйся же въ дорогу.

И барабанщикъ пошелъ обходомъ по городу. Спектакль сѣиграли въ мундирахъ, взятыхъ у двухъ жандармовъ, у барабанщика, и лѣсничаго. За всѣми расходами очистилось сбору шестьдесятъ франковъ. Такъ - какъ Фердинанда-казака уже не было, пять съ половиною частей остались неприкосновенны и потому, за уплатою Густаву должныхъ ему труппой двадцати су, каждому пришлось по цѣлой части, именно, по пяти франковъ, шестидесяти сантимовъ. Если бъ такъ дѣла шли каждый день, то жить можно бы припѣваючи, но, по несчастію, рѣка успѣха,

вмѣсто того чтобы возвышаться, какъ Нилъ, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе опадала: причину этого положенія мы сейчасъ объяснимъ.

Приближался постъ, въ который всѣ христіане пребываютъ въ величайшемъ воздержаніи, особенно же комедіанты, да еще провинціальныя. Въ одно изъ представленій, сбору оказалось всего десять франковъ,—правда, что за вычетомъ всѣхъ расходовъ.—При этомъ, Густавъ сказалъ Иполиту:

— Иполитъ—я сдаюсь!

— Что это значитъ: я сдаюсь!

— Это значитъ, что я побѣжденъ.

— То есть?

— То есть, намѣренъ поступить на другое амплуа.

— Какое же?

— Я дебютирую въ *Блудномъ Сынѣ*. Завтра отправляюсь въ Каэнъ, кинусь къ ногамъ родителя и дамъ ему слово дѣлать все, что онъ велитъ; еслибъ даже онъ потребовалъ, чтобъ я больше не игралъ въ комедіяхъ.

— Ахъ, ты отступникъ!

— Что жъ дѣлать! человѣческому терпѣнію есть предѣлъ.

— Сколько же у тебя денегъ на дорогу?

— Съ меня будетъ довольно. Девять франковъ; на четыре куплю себѣ башмаки, а пять останутся на продовольствіе отсюда до Парижа.

— Знаешь ли ты, что отсюда до Парижа больше пятидесяти миль?

— Пятьдесятъ пять!

— А отъ Парижа до Каэна сколько?

— Пятьдесятъ три.

— Стало-быть всего—сто восемь.

— Что жъ дѣлать?

— Едва-ли тебѣ достанетъ денегъ.

— Я отыщу въ Парижѣ стараго пріятеля, который дастъ мнѣ что-нибудь въ займы.

- Стало-быть твое рѣшеніе неизмѣнно?
- Измѣнно.
- Ну, счастливаго пути!
- Поцѣлуемся же.
- Завтра ...
- Завтра ты будешь еще спать, когда я буду уже въ дорогѣ.
- Въ такомъ случаѣ
- И молодые люди поцѣловались.
- Кстати, сказала Густавъ:—Трудно знать, что можетъ случиться... Быть-можетъ придется когда-нибудь продоватьсь подножнымъ кормомъ, да такъ, что иной разъ и редиски не попадется...
- Все можетъ быть.
- И такъ, на прощанье, я хочу сдѣлать тебѣ подарокъ.
- Ипполитъ протянулъ обѣ руки.
- Матерьяльный ты человѣкъ! Все бы тебѣ дары осязательные.
- А то какіе же еще?
- Я тебѣ хочу сдѣлать, такъ сказать, нравственный подарокъ.
- Нельзя ли лучше что-нибудь посущественнѣе?
- Постараюсь сдѣлать тебѣ подарокъ, который пригодится и въ томъ, и въ другомъ случаѣ. Помни одно: приучайся спозаранку голодать и сносить жажду, тогда ты никогда не изведешься въ три дня съ-голоду, а на четвертый всегда придется поѣсть; вотъ тебѣ мое благословіеніе.
- Ну, теперь, обними же меня еще разъ. Я отправлюсь спокойно, съ гордымъ убѣжденіемъ, что облагодѣтельствовалъ тебя.
- Молодые люди крѣпко обнялись, и на другой день, до разсвѣта, Густавъ уже шелъ по парижской дорогѣ.

VII.

Густавъ у заставы Сен-Мартенскаго предмѣстья.—Исчезновеніе трактира мадамъ Каррè.—Приятная ночь въ подвалѣ.—Великодушный другъ.—Густавъ на каэнской дорогѣ.—Телѣжка.—Надежда и разочарованіе.—Отдыхъ въ пракиной телѣжкѣ.—Мучительное странствованіе.—Прибытіе въ Каэнь.—Перемѣна квартиры отца. Послѣднее усиліе.—Густавъ въ отцовскихъ объятіяхъ.

На пятый день, въ два часа пополудни, Густавъ былъ у Сен-Мартенской заставы, втягивая носомъ горячія испаренія разныхъ соусовъ и жаркихъ, но безъ копѣйки денегъ и не имѣя стало-быть возможности полакомиться чѣмъ бы то ни было. Послѣдніе свои два су онъ издержалъ утромъ на Адамовомъ островѣ, на хлѣбъ. Между тѣмъ Густавъ принялъ твердое намѣреніе не входить въ Парижъ раньше десяти часовъ вечера. Почему это? Вы сейчасъ это поймете.

Густавъ надѣялся остановиться опять у мадамъ Каррè. Онъ очень хорошо помнилъ домъ ея и зналъ, какъ пройти туда въ тѣни. А онъ непременно хотѣлъ пройти въ тѣни, чтобы не такъ была замѣтна его истасканная одежда; притомъ же еслибъ въ трактирѣ не нашлось мѣста, — что весьма легко могло случиться—то днемъ его бы непременно выпроводили подъ предлогомъ, что онъ можетъ съискать другое пристанище, а ночью все куда-нибудь да помѣстили бы, хоть въ углу, на пучкѣ соломы. А онъ больше ничего не требовалъ.

И такъ Густавъ ожидалъ сумерекъ за заставой, грѣясь у жаровень продавцевъ печеныхъ каштановъ. Когда пробило десять часовъ—онъ вошелъ въ городъ. Пройти все Сан-Мартенское предмѣстье вовсе не такъ трудно, даже человѣку, сдѣлавшему пятьдесятъ пять миль въ пять дней,—особенно если въ перспективѣ представляется небольшой переулочекъ и въ немъ на углу гостепріимное заведеніе тетушки Каррè, которая не иначе называла нашего Густава, какъ своимъ миленькимъ-Этьенемъ. Но подъ какимъ именемъ слѣдуетъ представиться ему въ заведеніе подъ именемъ Густава, или Этьеня? Подумавъ, онъ рѣ-

шилъ избрать прямѣ имя Этьень. Но гдѣ же, чертъ возьми, заведеніе матушки-Каррѣ? Ай! Разрушено, снесено и закрыто досчатымъ заборомъ!.. Ахъ!.. Густавъ присѣлъ на тумбу, на углу улицы. Онъ очень бы походилъ на Улисса, возвратившагося въ Итаку, еслибъ только нашлась хоть одна собака, которая согласилась бы умереть отъ радости, при видѣ его. Но какъ собаки не оказалось, то онъ остался просто Густавомъ, какимъ былъ всегда, но только въ очень разстроенномъ состояніи. По счастью, онъ былъ неспособенъ слишкомъ скоро поддаваться всякому горю. Подавивъ досаду свою, молодой путешественникъ всталъ. Въ заборѣ была калитка, которая запиралась изнутри задвижкой. Просунувъ руку сквозь доски забора, онъ ощупалъ тамъ веревочку, потянулъ за нее, задвижка отперлась и дверь распахнулась. Онъ попробовалъ ногой землю, ощупалъ лѣстницу, опускающуюся по всей вѣроятности въ подвалъ,—сошелъ двадцать ступенекъ и на него пахло сырымъ воздухомъ погреба. Но счастье никогда въ одиночку не ходитъ. Найдя себѣ ночлегъ, Густавъ непременно долженъ былъ найти и постель. Въ углу этого подвала навалена была старая солома, вынутая изъ тюфяковъ гостинницы мадамъ Каррѣ. Эта солома показалась ему мягче и пріятнѣе пуха. Онъ снялъ сюртукъ, чтобъ не замарать его, и по самую шею зарылся въ солому.

Ночь провелъ онъ довольно пріятно, если не принимать въ соображеніе громкихъ воплей желудка, настоятельно требовавшего пищи. И если эту ночь сравнить съ той, которая когда-то была проведена въ землянкѣ, то ее смѣло можно назвать пріятнѣйшей. На-утро, съ разсвѣтомъ, Густавъ всталъ, потрясъ своими великолѣпными черными кудрями и пошелъ къ своему пріятелю. Пріятель покормилъ его и далъ взаймы полтора франка. Съ этимъ капиталомъ ему нужно было пройти пятьдесятъ три мили. Къ совершенію этого невозможнаго подвига онъ приступилъ сейчасъ же, но не такъ, какъ Неронъ, который стремился дѣлать невозможное по какому-то непонятному чувству, а напротивъ, потому, что вынужденъ былъ къ этому злой необходимостью.

Онъ вышелъ изъ Парижа въ два часа послѣ полудня. Въ десять вечера онъ былъ въ Монгѣ. Такимъ образомъ

изъ пятидесяти трехъ миль онъ прошелъ уже четырнадцатъ. На пищу и плату за ночлегъ онъ издержалъ двадцать су: на остальные тридцать девять миль, у него оставалось только десять су. Густавъ проснулся очень рано и немедленно пустился въ дорогу; погода была сырая, пасмурная, сырая. Въ милѣ отъ Монта, онъ нагналъ купца, ѣхавшаго на телѣгѣ. Купецъ, изучившій повидимому кроткія душевныя свойства своей лошади, сошелъ съ телѣги и брелъ пѣшкомъ по тропинкѣ, протоптанной пѣшеходами на краю дороги. Блудный сынъ догналъ повозку. Это была прехорошенька телѣжка, покрытая клеенкой, подпертой снизу обручами; внутри было устроено сидѣнье. Рассмотрѣвъ телѣжку, Густавъ вступилъ въ разговоръ съ купцомъ.

— Далеко ли вы идете? спросилъ его купецъ.

— Въ Каэнъ, отвѣчалъ молодой человекъ.

— Въ Каэнъ?.. Далеконько!

Потомъ протянувъ руку, чтобы удостовѣриться, не каплетъ ли дождь, онъ сказалъ:

— Скоро пойдетъ дождь.

— Да; я этого очень боюсь.

— Вотъ уже накрапываетъ.

— Чортъ возьми! мы промокнемъ.

— Я—нѣтъ.

— Какъ же это?

— Сяду на телѣжку.

И съ этими словами онъ влѣзъ, какъ говорилъ, въ телѣгу, ударилъ по лошади и она поскакала рысцей. Надежды Густава разсѣялись въ прахъ. Пошелъ дождь, сильнѣе и сильнѣе, потомъ полился какъ изъ ведра. Густавъ буквально промокъ до нитки. Въ пятнадцати миляхъ отъ Монта онъ остановился. Последніе десять су онъ отдалъ за ужинъ и обѣдъ. О ночлегѣ ему нельзя было и думать. У воротъ одного дома вверхъ оглоблями стояла повозка, въ которыхъ разѣзжаютъ прачки. Онъ рѣшился переночевать въ этой повозкѣ. И на этомъ основаніи, влѣзъ въ нее и устроился, какъ можно удобнѣе.

Ему оставалось пройти двадцать четыре мили, а въ карманѣ не было ни копейки; такъ-что не начто было даже купить хлѣба и выпить нѣсколько глотковъ вина. Ча-

са въ четыре утра холодъ сдѣлался невыносимымъ и къ довершенію пріятности сквозь крышку повозки полилась вода. Все это заставило его какъ-можно скорѣе отправиться въ дорогу.

Оставалось пройти, какъ мы уже сказали—двадцать четыре мили, и ему пришла несчастная, больше: безумная мысль, пройти это разстояніе въ одинъ день. До полудня онъ прошелъ пятнадцать, на каждомъ шагу готовый упасть отъ голода и изнеможенія. Разъ онъ хотѣлъ—было присѣсть на краю дороги, но, опомнившись, громко сказалъ, несмотря на то, что былъ одинъ:

— Если ты сядешь здѣсь, Этьень, то тутъ и умрешь!

Онъ продолжалъ итти. Къ двумъ часамъ онъ прошелъ еще осьмнадцать миль. Оставалось всего шесть; но онъ почти лишился разсудка.

Онъ все шелъ, да шелъ, какъ человѣкъ въ какомъ-то горячемъ состояніи; ничего не помня и не замѣчая, закинувъ голову назадъ, и уставя впередъ безмысленные глаза, съ полуоткрытымъ ртомъ и стиснутыми зубами. Дыханіе его болѣе походило на стоны, чѣмъ на дыханіе.

Прохожіе, видя блѣднаго юношу, въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи, съ повисшими руками, стиснутыми кулаками, —боязливо лавали ему дорогу, тихо шепча:

— Бѣдняжка! Должно быть съумасшедшій.

Но онъ все шелъ; мускулы его двигались механически и весь онъ казался какою-то машиной, пущенной демономъ. Но теперь ему разстояніе не значило ниче́го и онъ былъ увѣренъ, что дойдетъ къ своей цѣли, какъ бы далеко она ни была. Но что будетъ, когда онъ придетъ? Мараѳонскій Грекъ также дошелъ—таки до Аѳинъ, но въ ту же минуту умеръ.

Въ пять часовъ вечера онъ шелъ такъ же скоро, какъ въ ту минуту, когда только-что вышелъ. Но только придорожныя деревья, крестьянскіе домики и люди все это кружилось предъ его глазами въ какой-то бѣсовской пляскѣ. Жилы на вискахъ его бились съ такой силою, что каждую минуту готовились разорваться. Въ ушахъ его раздавался шумъ, какъ при паденіи ніагарскаго водопада. Всѣ предметы казались ему въ багровомъ цвѣтѣ, какъ-будто кро-

вавое облако застлало его глаза. Вдруг онъ услыхалъ громъ барабановъ. Онъ подходилъ къ Каэну.

Онъ испустилъ дикій крикъ, подобный воплю гіены. Вскорѣ предъ нимъ открылась черная масса города, сквозь которую кое-гдѣ мелькали огоньки. Покушавъ наканунѣ въ четыре часа, онъ съ тѣхъ поръ не проглотилъ ни крошки хлѣба, ни капли воды. Какъ тѣнь миновалъ онъ предмѣстіе, прошелъ всю улицу св. Іакова, поворотилъ въ Кармскую улицу и кинулся въ сѣни родимаго дома; но у него не стало силъ подняться въ третій этажъ и онъ постучался въ первую попавшуюся ему дверь, закричавъ:

— Здѣсь ли отецъ?

Какой-то человекъ показался на порогѣ.

— А! это Этьень! сказалъ онъ.

— Отецъ мой! Гдѣ мой отецъ? спросилъ молодой человекъ, тяжело дыша и прислонился къ стѣнѣ, чтобы не упасть.

— Онъ переѣхалъ на другую квартиру.

— Гдѣ жъ онъ теперь живетъ?

— Въ Почтовой улицѣ, № 12.

Несчастный не отвѣчалъ ни слова и снова пустился въ путь. Огъ старой до новой квартиры было по-крайней-мѣрѣ пятьсотъ шаговъ.. Ему показалось, что пройти эти пятьсотъ шаговъ несравненно труднѣе, чѣмъ двадцать четыре мили, которыя онъ только-что сдѣлалъ.

Въ Почтовой улицѣ онъ отыскалъ домъ, который ему былъ показанъ; въ немъ также были сѣни. Но Этьень не зналъ, гдѣ живетъ его отецъ, въ нижнемъ ли этажѣ, въ первомъ, во второмъ или въ третьемъ.

Онъ бросился въ сѣни, съ крикомъ:

— Отецъ! отецъ!! отецъ!!!

Отецъ услышалъ этотъ жалобный призывъ въ третьемъ этажѣ; онъ узналъ голосъ своего сына, бросился внизъ по лѣстницѣ и прибѣжалъ въ ту самую минуту, когда Этьень, почти совсѣмъ лишившись чувствъ, упалъ въ изнеможеніи.

— Ахъ, бѣдный мальчикъ! сказалъ онъ.

И не говоря болѣе ни слова, не произнеся ни одного упрека, онъ взялъ его на руки, внесъ во второй этажъ,

снялъ съ него лохмотья, умылъ его и положилъ въ постель, какъ ребенка.

Этьень позволилъ все съ собой дѣлать. Ему казалось, что у него переломаны руки и ноги. У него не было силъ произнести ни одной жалобы.

VIII.

Прядь волосъ.—Отецъ рассказываетъ Густаву одно приключеніе своей жизни.

Этьень не могъ дать себѣ опредѣлительнаго отчета въ томъ, что происходило съ нимъ въ ту ночь, когда онъ явился къ отцу своему; онъ совершенно потерялъ всякое сознание. Онъ чувствовалъ, что по временамъ губы его разжимаются, и что въ засохшее горло его льется какая-то крѣпительная жидкость; потомъ ему казалось, что губы отца, — который во всю жизнь ни разу не дѣловалъ его, — дрожа, тихо прикасались къ его лбу. Но что было потомъ, онъ уже рѣшительно не могъ припомнить.

На утро, когда онъ очнулся отъ сна, онъ увидѣлъ на стулѣ, возлѣ своей кровати, связку книгъ. Отецъ вспомнилъ, что любимымъ занятіемъ Этьеня въ дѣтствѣ было—чтеніе. Молодой человекъ восемь дней не вставалъ съ постели. Когда ему нужно было слѣзть, чтобъ достать что-нибудь, то онъ ползалъ на рукахъ, какъ тюлень, волоча ноги свои по землѣ, какъ-будто по нимъ переѣхалъ экипажъ.

Разъ въ отсутствіе отца, онъ, отъ нечего дѣлать, открылъ старый орѣховый шкафъ и началъ въ немъ рыться, ища самъ не зная чего и пересмотрѣлъ всѣ ящики. Въ одномъ изъ нихъ онъ нашелъ прядь волосъ, перевязанную черной ленточкой и завернутую въ три бумаги, — вѣроятно какое-нибудь семейное воспоминаніе; оно возбудило его любопытство. Онъ положилъ волосы въ карманъ, и когда

отецъ воротился и, по обыкновенію, сѣлъ возлѣ его постели, онъ досталъ волосы, и спросилъ его:

— Что это такое, отецъ?

Отцу не было надобности развѣртывать вещь; пощупавъ рукой сквозь бумагу, онъ тотчасъ узналъ, что въ ней было.

— Это? сказалъ онъ; — ничего. И бросилъ связку въ печь.

— Ахъ, отецъ! закричалъ молодой человекъ и бросился выхватить изъ пламени волосы, которые онъ считалъ почему-то драгоценными для отца. Но отецъ все подсовывалъ ближе къ огню связку, до тѣхъ поръ, пока она не сгорѣла совершенно. Тогда онъ сѣлъ въ кресла вздохнувъ, опустилъ голову на грудь и закрылъ глаза. Потомъ изъ-подъ сомкнутыхъ рѣсницъ его показались двѣ слезы, покатались по щекамъ; за ними блеснули двѣ другія....

Очевидно, этотъ желѣзный человекъ воротился назадъ и совершая прогулку по лѣтамъ своей юности, опять попалъ на дорогу мечтаній. Молодой человекъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на его слезы и невольно поцѣловалъ старика въ обѣ, увлажненныя слезами, щеки, чего прежде онъ никогда не осмѣливался дѣлать.

Старикъ открылъ глаза, обвилъ рукой сыновнюю голову и, поцѣловавъ его въ лобъ, сказалъ:

— Этьень, разъ какъ-то, еще въ дѣтствѣ твоемъ, я помню какъ ты игралъ съ другими дѣтьми, и они тебя спрашивали: «Отчего отецъ-Жанъ смотритъ такъ сурово?», ты отвѣчалъ имъ:—«Ахъ, это не потому, чтобы онъ былъ золъ, но кажется, его не научили смѣяться, когда онъ былъ ребенкомъ».

— Отецъ!

— Ты ошибался тогда, Этьень; когда я былъ ребенкомъ, то также смѣялся, какъ другія дѣти. Въ восемнадцать лѣтъ я былъ веселымъ товарищемъ и въ первые три года по вступленіи моемъ въ полкъ, товарищи мои употребляли мое имя синонимомъ веселости; они говаривали: весель какъ Жанъ. Теперь я расскажу тебѣ, какъ и по какому случаю я пересталъ смѣяться.

«Я былъ старше всѣхъ своихъ братьевъ и сестеръ; такъ, что, когда отецъ и мать наши уходили изъ дому — на ра-

боту-ли или по дѣламъ, то всѣхъ прочихъ поручали мнѣ. Потому сестры звали меня обыкновенно *маменька-Жанъ*; а братья *papa-Жанъ*.

«Болѣе всѣхъ другихъ любилъ я малютку Катерину; она была бѣлокурая, розовая, свѣжая, рѣзвая дѣвочка; она любила меня страстно; когда я пошелъ въ солдаты, ей было двѣнадцать лѣтъ — это происходило въ 1791 году. Мнѣ очень жаль было оставить отца, мать, маленькихъ братьевъ, малютокъ-сестеръ; но болѣе всѣхъ жаль было оставить Катерину.

«И такъ я отправился; прибывъ въ армию, я почти сейчасъ же вступилъ въ полкъ и четыре года дрался съ неприятелемъ.

«Я былъ веселъ, потому-что, по временамъ, получалъ отъ Катерины письма; она увѣдомляла меня о томъ, что здорова, и другія мнѣ писали, что она съ каждымъ днемъ хорошѣетъ.

«При осадѣ Майнца я былъ раненъ пулей въ ногу. Лекаръ непремѣнно хотѣлъ ее отнять, но я досталъ изъ-подъ подушки саблю и сказалъ, что если онъ подойдетъ ко мнѣ съ этимъ намѣреніемъ я проколю его насквозь. Онъ понялъ, что я не шучу и приказалъ фельдшерамъ меня лечить. Къ великому сожалѣнію его — я выздоровѣлъ. Всякій разъ, когда мнѣ случалось проходить мимо его, я ударялъ палкой по ногѣ и говорилъ:

— Видите?

— Вижу, отвѣчалъ онъ:—но вы хромаете.

— Я хромалъ бы еще больше, еслибъ у меня не было ноги; говорилъ я ему, и разговоръ нашъ этимъ и кончался.

«Разъ я услышалъ, какъ рассказывали, что въ Италіи наши одержали многія побѣды; что молодой генералъ, по фамиліи Бонапарте, побилъ Австрійцевъ и что скоро будетъ заключенъ миръ. Мнѣ прислали безсрочный отпускъ; это была любезность со стороны генерала Гошъ, моего бывшего товарища. Мнѣ выдали все жалованье, сколько его причиталось — около четырехъ сотъ ливровъ; это также была генеральская любезность, потому-что въ тѣ времена жалованье войскамъ платили плохо. Правда, что отъ этого дрались нисколько не хуже обыкновеннаго.

«Въ Страсбургѣ я сѣлъ въ дилижансъ и на шестой день прѣхалъ въ Каэнъ. Я вышелъ изъ дилижанса, не доѣхавъ нѣсколько до города: я хотѣлъ увидѣть свой городъ не вдругъ, а постепенно; боялся изнемочь подъ тяжестью ощущеній. И такъ я вошелъ въ Каэнъ пѣшкомъ.

«Одинъ столяръ, бывший когда-то моимъ товарищемъ, стоялъ у дверей своего дома. Увидѣвъ хромага солдата, который такъ жадно разсматривалъ все вокругъ себя, онъ пристально поглядѣлъ на меня и узнавъ, окликнулъ. Я зашелъ къ нему въ домъ. Я былъ радъ случаю поразспросить о своемъ семействѣ.

— Чтò отецъ мой? спросилъ я прежде всего.

— Здоровъ.

— А мать?

— И та, слава Богу, здорова.

— А маленькія?

— Здоровы всѣ?

— А...а...Катерина? И голосъ мой задрожалъ при этомъ вопросѣ.

— Она сейчасъ только прошла на рынокъ; ты можешь ее увидѣть, если подождешь пять минутъ. Ты знаешь, что ее во всемъ предмѣстіи иначе не зовутъ, какъ прекрасной Катериной?

— Хорошо, я подожду!

«Черезъ пять минутъ я, въ-самомъ-дѣлѣ, увидѣлъ Катерину. Ахъ, это была точно она! Сердце мое готово было разорваться на части отъ радости. Я хотѣлъ-было броситься къ ней навстрѣчу, но товарищъ меня удержалъ.

— Эй! Катерина! Послушай, красавица, сказалъ онъ, — приди-ка сюда на минуту; тутъ съ тобой хотятъ повидаваться.

«Катерина съ улыбкой подошла къ дверямъ, распѣвая послѣдній куплетъ той самой пѣсенки, которую я ее выучилъ. Она поставила кувшинъ съ молокомъ у дверей и вошла.

«Я дрожалъ всѣмъ тѣломъ при звукѣ этого голоса, сохранившаго всю свою ребяческую свѣжесть и звонкость.

— Кто? А вотъ этотъ красавецъ-солдатъ! Посмотри-ка на него.. Не находишь-ли въ немъ съ кѣмъ-нибудь сходства?

«Катерина обернулась, пристально взглянула мнѣ въ

лицо, покраснѣла, потомъ поблѣднѣла; губы ея задрожали.

— Ахъ! ахъ!.. братецъ Жанъ!.. закричала она.

«И протянула ко мнѣ руки, какъ-бы желая обнять меня. Но въ ту же минуту глаза ея закрылись; голова откинулась назадъ, она тихо застонала, какъ-будто что-нибудь оборвалось внутри ея груди и упала навзничь. Я закричалъ, бросился къ ней, но было уже поздно... Я не могъ удержать ее. Я поднялъ ее, прижалъ къ своей груди. Она была безъ памяти. Я самъ готовъ былъ лишиться чувствъ.

— О, Катерина! Милая моя Катерина!.. Доктора! доктора! закричалъ я, спохватившись.

«Въ это время первый городской врачъ пробѣжалъ въ своемъ кабриолетѣ по улицѣ: его остановили. Онъ вошелъ въ домъ, подробно обо всемъ разспросилъ, почувствовалъ у больной пульсъ и тихо покачалъ головой.

— Впрочемъ, — сказалъ онъ — попробую пустить ей кровь.

— Боже мой! Боже мой! Пустить кровь бѣдной моей Катеринѣ?

— Такъ развѣ вы хотите, чтобъ она умерла?

— Но, отвѣчаете-ли вы мнѣ, что она будетъ жива послѣ кровопусканія?

— Одинъ Богъ располагаетъ жизнью и смертию, отвѣчалъ докторъ.

— Такъ дѣлайте, что хотите! сказалъ я ему.

«Вѣдной малюткѣ перевязали руку бинтомъ. Я видѣлъ, какъ налились жилы ея, видѣлъ какъ блеснулъ ланцетъ, какъ остріе его приблизилось къ ея тѣлу, видѣлъ какъ брызнула и заструилась кровь. О! я чувствовалъ въ эту минуту, что начинаю терять разумъ... Мнѣ захотѣлось убить этого человѣка. Я бросился на стулъ, и запустивъ руку въ волосы, громко зарыдалъ. Мнѣ послышался вздохъ. Я поднялъ голову. На полу стоялъ соусникъ, полный крови.

— О, Боже мой! Боже мой. За эту кровь я съ радостью выпустилъ-бы изъ жилъ свою собственную до послѣдней капли. Катерина озиралась дикими, лишенными смысла взорами.

— Это я, Катерина, сказалъ я: — братъ твой, Жанъ!

«Она хотѣла что-то сказать, но языкъ ея пролетѣлъ какіе-то безсвязные звуки. Потомъ она съ замѣтнымъ усиліемъ проговорила:

— Ты опять уйдешь отъ насъ, Жанъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, закричалъ я, — милая моя; я воротился навсегда, чтобъ вѣчно остаться съ тобою... Успокойся, Катерина. Это я... все тотъ же братъ твой Жанъ, *papa*-Жанъ, *ma*менька-Жанъ!

«Она сидѣла улыbnуться, но ротъ ея искривился и улыбка ея была ужасна!

«Маменька — Жанъ? *papa*-Жанъ? повторяла она, какъ безумная, которая силится связать свои воспоминанія, или лучше, какъ идиотъ, старающійся понять, что ему говорятъ: — нѣтъ, все-таки братъ-Жанъ.

«Я посмотрѣлъ на доктора.

— Ну, что, сказалъ онъ, — вы видите, — ей лучше... Сію-минуту она была безъ чувствъ, совершенно мертвая, а теперь ожила; она была нѣма, а теперь говоритъ.

— О, да! Но какъ живетъ она? Что она говоритъ?

— Совершенно такъ, какъ можетъ говорить и жить женщина, у которой приливъ крови къ мозгу.

— Но что-же теперь нужно дѣлать?

— Возложить всю надежду на молодость и натуру.

— Можно-ли перенести ее домой?

— Разумѣется; если только это не далеко и переносить будутъ со всей осторожностью.

— Домъ во ста шагахъ отсюда и я понесу ее на своихъ рукахъ.

— Смотрите, хорошо-ли это будетъ. Вы по виду не слишкомъ сильны, — и притомъ еще хромаете.

«Я взялъ Катерину на руки какъ пятилѣтнее дитя.

— Позвольте узнать, сказалъ докторъ, — гдѣ вы живете?

«Я сказалъ ему свой адресъ.

— Я буду навѣдываться къ ней каждый день.

— И вылечите ее?

— Я сдѣлаю все, что только можно.

«Я глубоко вздохнулъ: обѣщаніе было не утѣшитель- но — и понесъ Катерину на рукахъ.

«Всѣ жители предмѣстія уже знали о несчастномъ про-

всшествіи съ Катериной; я пришелъ домой, въ сопровожденіи болѣе ста человѣкъ сосѣдей и родныхъ.

«Печально было возвращеніе мое подъ кровлю отцовскаго дома. Я, правда, возвращался живой, но несъ полу-мертвую сестру.

«Могли-ли ожидать такого несчастія? Сестру мою уложили въ постель.

«Лежа въ постели, она слѣдила за мной глазами, ни на минуту не отводя ихъ отъ меня. Каждый разъ, когда я подходилъ къ двери, она съ безпокойствомъ шептала:

— Ты опять уйдешь отъ насъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ я:—будь покойна!

«Когда мнѣ случилось выдти изъ комнаты, она привималась кричать ребяческимъ, болѣзненнымъ голосомъ:

— Братецъ Жанъ! Братецъ Жанъ! Братецъ Жанъ!

«И я долженъ былъ воротиться, говоря ей:

— Но успокойся-же, Катерина... успокойся; я получилъ увольненіе.

«Повидимому она ничего не слышала. Докторъ, по обѣщанію своему, навѣщалъ ее каждый день; но бѣдная Катерина не поправлялась, а напротивъ, съ каждымъ днемъ ей все становилось хуже и хуже. Разъ докторъ сказалъ мнѣ:

— Ее очень тревожатъ вашъ мундиръ, усы и коса... Ее дѣтъхъ-поръ нельзя будетъ увѣрить, что вы болѣе не солдатъ, пока она будетъ видѣть васъ въ этомъ платьѣ.

«Я сію же минуту пошелъ къ себѣ въ комнату, обрилъ усы, отрѣзалъ косу и бросилъ свой мундиръ въ самый уголъ комода. Потомъ я надѣлъ блузу и вошелъ. Когда она увидѣла меня, лучъ радости озарилъ ее лицо.

— Ахъ, сказала она,— вотъ мой настоящій братецъ-Жанъ!

«Я подошелъ къ ней, поднялъ на руки: она положила голову ко мнѣ на плечо и прошептала:

— Воротись въ армию не прежде, какъ я умру. Неправда-ли, ты исполнишь мою просьбу, братецъ?

«Ахъ, когда она говорила мнѣ это, я не могъ пересилить себя и заливался слезами. Съ той минуты улыбка не сходила съ ея губъ; она и спала улыбаясь. И разъ... разъ... Ахъ! Она умерла съ улыбкой на устахъ!

«Когда я увѣрился, что она точно умерла, то вошелъ

къ себѣ въ комнату, надѣлъ мундиръ, шапку, опоясался саблей и, не простившись ни съ кѣмъ, ни съ отцомъ, ни съ матерью, отправился въ свой полкъ.

«Я воротился домой уже десять лѣтъ спустя. Со дня смерти Катерины я болѣе не улыбался. Видишь-ли, дитя мое, ты былъ неправъ, когда говорилъ, что меня забыли научить смѣяться; я умѣлъ, но только позабылъ!..»

Этьень никогда не услышалъ бы этой исторіи, еслибъ, — какъ мы уже сказали — въ углу стараго орѣховаго комода не нашель пряди волосъ, перевязанныхъ черной ленточкой.

VIII.

Густавъ скучаетъ. — Отцовскій совѣтъ. — Отъѣздъ въ Парижъ. — Визитъ г-жѣ Дюшенуа. — Густавъ декламируетъ тираду изъ трагедіи. — Рекомендательное письмо къ Сумѣ. — Благосклонный приемъ, сдѣланный ему потомъ. — Онъ рекомендуетъ Густава братьямъ Севестъ. — Густавъ играетъ въ Мон-Парнасъ. — Ангажированіе.

Разъ утромъ отецъ пристально посмотрѣлъ на сына и сказалъ:

— Тебѣ скучно здѣсь, Этьень?

Этьеню точно было скучно, и потому онъ не отвѣчалъ ни слова.

— Пойдемъ же со мной, прибавилъ отецъ; оба вышли. Отецъ повелъ его къ портному.

— Сдѣлайте этому молодцу двѣ пары платья, сказалъ онъ: — одну расходную, другую праздничную.

— Къ какому дню прикажете, г-нъ Жанъ?

— Какъ-можно-скорѣе; онъ возвращается въ Парижъ.

— Такъ, къ воскресенью, стало-быть.

— А раньше нельзя?

— Ни коимъ образомъ.

— Ну, такъ къ воскресенью.

Этьенъ болѣе не скучалъ; Этьенъ былъ занятъ дѣломъ. Чѣмъ же онъ былъ занятъ? Боже мой, да разумѣется своимъ театромъ. Почему же онъ такъ вдругъ опять о немъ вспомнилъ?

Въ его отсутствіе, то есть, въ то время, когда онъ совершалъ свое бѣдственное путешествіе по Фландріи, въ Каэнъ пріѣхала мамзель Дюшенуа и имѣла огромный успѣхъ. Но въ Каэнъ мало занимались ея дарованіемъ, тамъ только говорили о ея необыкновенной добротѣ. Въ самомъ-дѣлѣ, трудно встрѣтить въ мірѣ другое существо съ такими необыкновенными достоинствами, какъ мамзель Дюшенуа. Каждый кто только имѣлъ какія-нибудь отношенія къ великой актрисѣ, всегда отзывался о ней съ величайшими похвалами.

Столичнымъ артистамъ, которые пріѣзжаютъ играть въ провинцію, надобно вести себя чрезвычайно осторожно, потому что тамъ болѣе всего обращаютъ вниманіе на частную ихъ жизнь, на личныя ихъ достоинства, а не на сценическія дарованія. Пріѣхавъ въ провинцію, артистъ становится предметомъ общаго вниманія; тамъ стараются перенять его жесты, заучиваютъ выраженія; у стѣнъ трактирнаго нумера, гдѣ онъ стоитъ, оказываются глаза, а у дверей—мидасовы уши.

Со дня отъѣзда его начинаются рассказы объ его личныхъ достоинствахъ и недостаткахъ. И эти недостатки и достоинства не сходятъ съ языковъ жителей, по-крайней-мѣрѣ, въ продолженіи цѣлаго мѣсяца. Даже и теперь въ Каэнъ иногда дѣлаютъ проѣзжему вопросъ:

— Знали-ль вы мамзель Дюшенуа!

Проѣзжій отвѣчаетъ утвердительно или отрицательно.

— Чудная женщина! Превосходная женщина! прибавляетъ обыкновенно каэнецъ, съ восторгомъ нюхая табакъ или поспѣшно вынувъ сигару изо рта: — въ физическомъ отношеніи нельзя сказать, чтобъ она была хороша, — напротивъ, — почти утвердительно можно сказать, что она дурна лицомъ; но зато какое сердце! что за сердце! О, да, это чудная женщина!

Всѣ эти восторженные похвалы достоинствамъ мамзель Дюшенуа повторяются и теперь, то есть, тридцать лѣтъ спустя послѣ пребыванія ея въ Каэнъ, и служатъ какъ-бы

эхомъ первой четверти нашего столѣтія. Можно себѣ представить, что въ то время, когда она только-что уѣхала изъ Каэня, шумъ и ропотъ удивленія былъ всеобщій. Этотъ-то самый шумъ и ропотъ достигъ слуха и сердца Этьена. Онъ очень хорошо понималъ, что покуда будетъ въ Каэнь, ему невозможно представиться мамзель Дюменуа, и эта мысль печаливала его. Увидѣвъ, что печаль эта въ немъ все болѣе и болѣе усиливалась, отецъ отвелъ его къ портному, одѣлъ въ новое платье и сказалъ:

— Я вижу, что тебѣ до-смерти хочется поскорѣй воротиться въ Парижъ.

Молодой человѣкъ ничего не отвѣчалъ, боясь сказать лишнее. Въ день отъѣзда отецъ положилъ сыну въ карманъ сто франковъ и проводилъ до конторы дилижансовъ.

— И такъ ты воротись теперь въ Парижъ.

— Слушаю, батюшка.

— Опять поступишь къ г. Бошару.

— Слушаю, батюшка.

— Работать въ церкви св. Магдалины.

— Слушаю, батюшка.

— Ты испыталъ, что такое театр?

— Слушаю, батюшка.

— И вѣрно думать о немъ не станешь?

— Нѣтъ, батюшка.

— Прощай же, повѣса.

— Прощай, батюшка.

И молодой человѣкъ поѣхалъ, съ твердой рѣшимостью оставить имя Этьена у заставы и завтра же представить мамзель Дюменуа, подъ именемъ Густава.

На этотъ разъ, какъ гостинница г-жи Каррэ уже не существовала, онъ остановился въ другой гостинницѣ.

Въ тотъ же вечеръ пошелъ во Французскій театръ, узнать адресъ мамзель Дюменуа. Она жила въ улицѣ Башни, въ Новыхъ Аэинахъ.

На другой день, въ одиннадцать часовъ утра, онъ позвонилъ у дверей квартиры мамзель Дюменуа.

— Какъ прикажете доложить? спросилъ лакей.

— Доложи, что г. Густавъ.

Изъ этого видно, что онъ сдержалъ свое слово. Его ввели въ кабинетъ и просили немножко подождать. О, какъ би-

лось его сердце и съ какимъ бы трепетомъ повторилъ онъ—еслибъ зналъ—монологъ Гамлета, ожидающаго свою мать. Я жду! легко сказать, ужасно вспомнить!

Наконецъ онъ услышалъ шаги, шелестъ платья; дверь отворилась, слуга громко возвѣстилъ о мамзель Дюшенуа, какъ версальскій придверникъ, объявляетъ: «королева!» и Клитемнестра показалась. Она была некрасива, но чрезвычайно-граціозна, съ удивительными руками и ножкой, изваянной съ ноги Медицейской Венеры. Въ Альзирѣ она очень охотно показывала свою образцовую ножку. — Мамзель Дюшенуа всѣхъ очаровывала своей добротой. Она улыбнулась молодому человѣку, подошедшему къ ней и въ одно и то же время спросила его голосомъ и взоромъ:

— Вамъ угодно было меня видѣть?

— Миѣ это совершенно простительно, отвѣчалъ молодой человѣкъ, покрасивъ до ушей:—я изъ Каэна.

— А! это премиленькій городокъ.

— Гдѣ всѣ въ восхищеніи отъ вашего дарованія и доброты, и такъ, какъ я самъ артистъ...

— Драматическій?

— Почти. Я сказалъ себѣ: Мамзель Дюшенуа такъ несравненно-добра, что я увѣренъ, если она можетъ сдѣлать для меня что-нибудь полезное... Словомъ сказать, вы видите: я пришелъ къ вамъ и... я—здѣсь. Какъ вы думаете, могу ли я на что-нибудь?

— Гм! наружность не дурна; но вы учились въ консерваторіи?

— Нѣтъ.

— А играли когда-нибудь?

— Да; кое-гдѣ, по ярмаркамъ.

— Какъ это—по ярмаркамъ?

— Я хочу сказать въ провинціи.

— Прочитайте миѣ что-нибудь изъ трагедіи.

— Что же прикажете?

— Что-нибудь такое, чего вы не видѣли на сценѣ.

— Я знаю одинъ монологъ изъ Поликсены.

— И вы точно не видали Тальму въ этой роли?

— Тальма уже не было на свѣтѣ въ то время, когда я въ первый разъ явился въ Парижъ.

Молодой человекъ бросилъ шляпу въ сторону, сталъ въ позу античной статуи и началъ:

• Нѣтъ, Греки, не веду я жертвы вамъ завѣтной,
И вы надеждою ласкались нынѣ тщетной,
Считая, что Атридъ, смиря свой гордый духъ,
Троянку выдастъ мнѣ, котору ждетъ супругъ
Во гробѣ, жаждущій ея потоковъ крови
И пламенемъ тошимъ отмщенья и любви! •

— Хорошо, сказала мамзель Дюшенуа, когда онъ кончилъ: — вы мнѣ не солгали; я вижу, вы точно не видали этой пьесы на сценѣ.

— Въ словахъ вашихъ мало для меня утѣшительнаго.

— Говорить комплиментовъ я вамъ не стану, можете быть увѣрены; но, однакожъ, не думайте, чтобъ ваша декламация мнѣ не нравилась: у васъ прекрасный голосъ и какая-то оригинальная манера чтенія; можетъ-быть, не совсѣмъ хорошая, по-крайней-мѣрѣ, не посредственная, не дюжинная...

— Такъ что же? спросилъ молодой человекъ.

— Я дамъ вамъ письмо къ Сумѣ; онъ опредѣлитъ васъ въ Одеонъ, на маленькія роли.

И тотчасъ же сѣвъ за письменный столикъ, она написала:

«Любезный Сумѣ, отчего вы у меня не бываете? На будущей недѣлѣ я буду присутствовать въ комитетѣ и велю поставить васъ на репертуаръ.

«Я рекомендую вамъ молодаго человека, который доставитъ вамъ это письмо; опредѣлите его въ Одеонъ. Если онъ будетъ стараться, то можетъ пойти далеко.

«Дюшенуа.»

Не запечатавъ письмо, она подала его молодому человеку, который прочелъ вслухъ.

— О, клянусь вамъ, сударыня, что буду стараться! съ жаромъ сказалъ онъ: — Для васъ, думаю, понятно, что я не знаю, какъ и благодарить васъ; но мнѣ останется одно,

если я буду имѣть успѣхъ, то вездѣ буду повторять, что обязанъ имъ вамъ.

И поклонившись доброй, привѣтливой артисткѣ, онъ быстро вышелъ. Въ Сумѣ ему назначено было найти столь же добраго, какъ и усерднаго покровителя.

Онъ былъ прекраснымъ типомъ поэта! Гордъ какъ надо, въ мѣру своего дарованія, онъ слѣпо вѣрилъ своей музѣ и на поэзію смотрѣлъ какъ на что-то священное; былъ добръ, кротокъ и обязателенъ, какъ истинный гений. Въ 1828 г. онъ былъ еще молодъ, имѣлъ большіе исполненные огня и вдохновенія глаза, длинные, черные волосы, былъ чрезвычайно откровененъ и простодушенъ. Онъ принялъ нашего артиста съ необыкновенной любезностью, въ изящномъ кабинетѣ, украшенномъ бюстами отличной работы. Онъ прочиталъ письмо Дюшенуа и такъ же какъ она сказала Густаву:

— Прочитайте мнѣ что-нибудь.

Густавъ сообразилъ, что монологъ, который онъ читалъ у мамзель Дюшенуа, кѣстати будетъ прочитанъ у Сумѣ, и началъ. Сумѣ внимательно слушалъ.

— Вамъ нужны,—сказалъ онъ:—не кусочки ролей, не обрывки, а большія, главныя роли. Вамъ не въ Одеонѣ надобно, гдѣ вы будете играть по два или по три раза въ мѣсяцъ; а куда-нибудь въ другое мѣсто... Я дамъ вамъ письмо къ Севесту.

— Меня прислала къ вамъ мамзель Дюшенуа; дѣлайте со мной, что вамъ угодно.

Но надобно признаться, что мечтавъ сначала о Французскомъ театрѣ, потомъ объ Одеонѣ, куда какъ горько было нашему молодому человѣку спуститься до Севеста.

Сумѣ понялъ что происходило въ душѣ Густава, хотя по наружности онъ былъ совершенно спокоенъ.

— Если вы разъ попадете на маленькія роли, то никогда не выберетесь изъ нихъ; вѣрьте мнѣ—на сцену какого-нибудь парижскаго театра вамъ надобно выступить не иначе, какъ совершенно образовавшись въ сценическомъ отношеніи.

— Пожалуйте мнѣ письмо къ Севесту, и черезъ часъ я буду уже у него.

Сумѣ написалъ письмо своимъ прекраснымъ, чоткимъ

почеркомъ, похожимъ на почеркъ Ламартина; у честныхъ людей и почеркъ какой-то особенный.

Оба Севесты, Юлій и Эдмондъ, — Эдмондъ теперь уже умеръ; а Юлій теперь — директоромъ Национальнаго театра—жили тогда въ Борегаровой улицѣ и управляли всѣми загородными театрами.

Изъ этой Борегаровой улицы, каждый день отправлялись въ то время экипажи съ комедіянтами, развозимыми по окрестностямъ. Экипажи эти получили прозваніе *Севестовыхъ салатницъ*.

Благодаря Сумѣ, Густавъ былъ немедленно введенъ къ одному изъ братьевъ. Это былъ Эдмондъ. Эдмондъ прочиталъ письмо, и въ третій разъ въ то утро Густавъ услышалъ торжественную фразу:

— Потрудитесь прочитать что-нибудь.

На этотъ разъ онъ хотѣлъ прочитать что-нибудь новое и выбралъ выходъ Гамлета,

•Бѣги! ужасное видѣнье

Въ предѣлы ада!..»

Когда онъ началъ четвертый стихъ, изъ сосѣдней комнаты вышелъ какой-то человекъ и перервалъ его.

— Позвольте на-минуту... сказалъ онъ.

Густавъ остановился.

— Потрудитесь пропѣть что-нибудь, сказалъ новопришедшій.

— Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ Густавъ, и пропѣлъ три куплета изъ разныхъ водевилей.

— Превосходный басъ! сказалъ новопришедшій. Это былъ Юлій Севестъ.

— Вы знаете какія-нибудь роли?

— *Мишель и Христину, Безъ трубача и барабана, Адольфа и Клару.*

— Этого-то намъ и надобно. Завтра вы будете репетировать, а послѣзавтра играть на сценѣ.

— Гдѣ же?

— Въ Мон-Парнасѣ.

И точно, въ назначенный день Густавъ игралъ въ Мон-

Парнасъ въ комедіи *Мишель и Христина*. Когда онъ сошелъ со сцены, его встрѣтилъ какой-то господинъ.

— Пожалуйте къ г. Севесту, сказалъ онъ ему.

— Какъ, въ костюмъ?

— Такъ какъ вы есть; онъ ожидаетъ васъ: неучтиво заставить его долго дожидаться.

И онъ отправился къ Севесту. На столѣ лежали два со-всѣмъ готовыя условія, уже подписанныя братьями Севестъ.

— Потрудитесь подписать это; сказалъ Эдмондъ.

И Густавъ подписалъ условіе, не прочитавъ его.

— Хорошо! Теперь прочитайте, сказалъ ему директоръ.

Густавъ прочиталъ. Онъ былъ ангажированъ съ обязанностью играть первыя роли франтовъ, молодыхъ людей, первыхъ любовниковъ, благородныхъ отцевъ, слугъ; пѣть въ хорахъ и употребляться на выходъ.

За все это ему назначено было совершенно то, что обѣщаль Сѣверный Зозо, то есть пятьдесятъ франковъ въ мѣсяцъ. Только онъ долженъ былъ состоять на собственномъ содержаніи. Густавъ ушелъ въ величайшей радости, прижавъ условіе къ сердцу.

IX.

Орестъ и Пиладъ встрѣчаются въ Бельвилѣ. — Искуситель. — Густавъ завербованъ. — Болѣзнь. — Прибытіе въ Гавръ. — Трехмачтовикъ «Промышленность». — Вступленіе подъ паруса. — Мѣсяцъ въ Гаврѣ, въ ожиданіи попутнаго вѣтра. — Выходъ въ море. — Бесѣда двухъ кораблей. — Утки и кокарды. — Пено. — Штиль. — Человѣкъ въ морѣ. — Гваделупа.

Густавъ поступилъ въ постоянную бельвильскую труппу. На другой день при входѣ на сцену для репетиціи, онъ былъ встрѣченъ восклицаніемъ:

— Э! да никакъ это Густавъ?

— Э! да никакъ это Ипполитъ?

Орестъ нашель своего Пилада. Орестъ торжественно подошелъ къ Пиладу, и продекламировалъ ему:

• Коликъ возвращенъ мнѣ вѣрный другъ, отвыявъ —
Премѣны ожидать не тщусь въ своей судьбинѣ.
И ярости своей весь ядъ она смягчила.
Коль насъ съ тобой она въ сей часъ соединила... •

Ипполитъ также принужденъ былъ оставить Дюмануара; бѣдствія труппы ихъ достигли высшей степени.

Побесѣдовавъ нѣкоторое время расиновскими стихами, они принялись за прозу.

— Ну, что ты подѣлываешь? спросилъ Густавъ.

— Представляю любовниковъ, отвѣчалъ Ипполитъ: — ну, а ты что?

— А я пою басовыя партіи: до, си, ля, соль, фа, ми, ре, до, до, до!

— Знаю, знаю, у тебя голось что твоя бочка! Я слыхалъ эту бочку, когда она была пуста.

Дѣйствительно, Ипполитъ ангажированъ былъ на роли любовниковъ всѣхъ родовъ: комическихъ, драматическихъ и чувствительныхъ. Густавъ же игралъ дядей, отцовъ, генераловъ, губернаторовъ; однимъ словомъ, — стариковъ. Это продолжалось ровно полгода. По прошествіи этого времени одна пара платья даннаго отцомъ — исчезла безвозвратно. Другая была въ самомъ плачевномъ состояніи. вмѣсто шляпы, Густавъ началъ носить греческую феску и это было очень кстати, потому что въ то время энтузіазмъ къ мужественнымъ эллинамъ достигъ высшей степени. Но сапоги шибко протекали и вмѣсто носковъ Густавъ началъ употреблять старыя афишки. Получая по пятидесяти франковъ въ мѣсяцъ жалованья, съ обязанностію пріобрѣтать на свой счетъ все, что понадобится для сцены, Густавъ далеко не могъ похвалиться благосостояніемъ.

Какъ-то разъ онъ игралъ въ трехъ пьесахъ, и по какому-то случаю пробылъ въ театрѣ долѣе прочихъ и вышелъ пѣлымъ часомъ позднѣе своихъ товарищей, то есть въ исходѣ перваго часа. Въ эту минуту какой-то незнакомый человекъ, судя по всему ожидавшій его у театра, вышелъ изъ-за угла и пошелъ за нимъ слѣдомъ. Хотя это

было и лѣтомъ, но ночь была темна и на улицѣ не было ни души. Несмотря на то, что у Густава нечего было украсть, онъ все-таки почувствовалъ нѣкоторую боязнь. Повернувъ въ улицу, онъ остановился за угломъ и сталъ дожидаться таинственнаго незнакомца, и когда тотъ поворотилъ за нимъ слѣдомъ, то очутился лицомъ къ лицу съ нашимъ артистомъ.

— Ахъ, извините, г. Густавъ! сказалъ незнакомый.

— Въ чемъ вы извиняетесь? спросилъ Густавъ.

— Въ томъ, что преслѣдую васъ.

— А развѣ вы меня преслѣдуете?

— Конечно.

— Зачѣмъ же вы меня преслѣдуете?

Незнакомецъ засмѣялся.

— Я хотѣлъ спросить васъ объ одномъ.

— О чемъ же?

— Любите ли вы путешествовать?

— Странный вопросъ, да еще въ такую пору!

— Я не имѣлъ времени долго дожидаться...

— Чтобы знать — люблю ли я путешествовать?

— Да, сударь. Мнѣ очень нужно это знать.

— Нужно, такъ я вамъ скажу, что путешествовать люблю до страсти... А вы?

— Я? Я долженъ любить путешествія по обязанности.

— Вы — путешественникъ?

— Самый неутомимый путешественникъ! Не хотите ли посмотреть Америку?

— Которую? Ихъ двѣ: Сѣверная и Южная?

— Ни ту, ни другую, а — Центральную.

— Стало-быть: Антилскіе острова?

— Точно такъ.

— Очень хочу! Умираю отъ желанія попить кокосоваго молока, какъ Робинсонъ, и поѣсть гаявовъ, какъ капитанъ Кукъ.

— Ну, что жъ! Отъ васъ зависитъ испытать все это.

— То есть, какъ же отъ меня?

— Да еще на чужой счетъ.

— А! это не дурно!

— И въ-добавокъ ко всему съ тремястами франковъ

жалованья въ мѣсяцъ: двумя стами пятидесятью болѣе того, что вы теперь получаете у г. Севеста.

— Это соблазнительно.

— Что жъ? Соблазняйтесь!

— Знаете ли, что теперь, въ позднюю, темную ночь, здѣсь на углу пустынной улицы, вы въ своемъ плащѣ, а я въ сюртукѣ, мы очень походимъ на Фауста и Мефистофеля. А что скажетъ Севестъ?

— Развѣ вы у него забрали впередъ жалованье?

— Совсѣмъ нѣтъ.

— Ну, такъ что же съ нимъ церемониться... И притомъ возьмите въ соображеніе...

— Скажите пожалуйста: вы — наблюдатель?

— Какъ же.

— Какое же вы сдѣлали наблюденіе?

— Что у каждаго человѣка свои особенныя наклонности; вы, напримѣръ, имѣете склонность къ безпрестаннымъ побѣгамъ.

— Какъ, къ побѣгамъ?

— Конечно, прежде всего бѣжали вы изъ мастерской Бошара, чтобъ опредѣлиться въ труппу Дюмануара; потомъ бѣжали изъ дюмануаровой труппы къ Сѣверному. Зозо; потомъ изъ труппы Зозо опять бѣжали къ Дюмануару; отъ Дюмануара во второй разъ убѣжали къ своему отцу, отъ отца бѣжали въ труппу Севеста; и теперь изъ труппы Севеста убѣжите ко мнѣ, въ труппу Виктора Мареста; убѣжите изъ Франціи въ Америку, въ Гваделупу и Испанскій Тринидадъ, гдѣ чудный климатъ, чистый воздухъ, красавицы-женщины, кокосовое молоко и гаявы надѣюсь навсегда отнять у васъ страсть къ побѣгамъ.

— Вы, кажется, собрали обо мнѣ довольно подробныя свѣдѣнія.

— Это моя коренная привычка.

— Но какъ же мы сладимъ съ Севестомъ?

— Ужъ будто онъ вами такъ дорожитъ?

— Разумѣется меньше вашего, потому-что даетъ мнѣ по пятидесяти франковъ въ мѣсяцъ, а вы предлагаете по триста.

— Взвѣсьте же обстоятельства и подумайте.

— Я ужъ подумалъ.

- И?
- Готовъ бѣжать!
- Bravo!
- Но позвольте, я хочу бѣжать честнымъ образомъ.
- И особенно вѣрнымъ образомъ.
- Мы согласимъ и то, и другое.
- Тѣмъ лучше.
- Прежде всего я прикинусь больнымъ.
- Съ какой цѣлью?
- Чтобы директоръ заранѣе передалъ другимъ всѣ мои роли, и когда я убѣгу отъ Севеста, то не поставлю его въ затруднительное положеніе.
- Знаете ли, что вы меня этимъ утѣшаете, и я теперь буду совершенно спокоенъ, когда вы убѣжите отъ меня.
- Бѣжать я убѣгу всегда, но чести своей не помрачу.
- И такъ у насъ рѣшено: вы сдѣлаетесь больны?
- Вы дадите мнѣ пятьдесятъ франковъ.
- Извольте.
- Вы отправитесь въ Гавръ?
- Конечно.
- И за два дня до выхода корабля въ море.. я надеюсь, что вы отправитесь на Антильскіе острова — моремъ?
- Вы угадали? Но, вы можетъ-быть хотѣли бы отправиться туда пѣшкомъ?
- Если бъ вы дали мнѣ жалованья полутора ста франками меньше, такъ, разумѣется, я согласился бы пойти пѣшкомъ.
- По-несчастію...
- Это — невозможно. И такъ за два дня до отправления вы напишете мнѣ, я явлюсь къ вамъ и дѣло съ концомъ.
- Вотъ вамъ пятьдесятъ франковъ. Такъ я могу рассчитывать на васъ?
- Вотъ вамъ моя рука.
- Помните, что я полагаюсь на ваше слово и другихъ ручательствъ не требую.
- По моему мнѣнію слово должно быть крѣпче всякаго контракта.
- Тутъ они разстались. Мефистофель пошелъ въ одну сто-

рону, а Фаустъ въ другую. На другой день Густавъ сказался больнымъ; на третій ему сдѣлалось хуже, на четвертый онъ рѣшительно слегъ. Всѣ роли его были переданы другимъ актерамъ. Но только Управленіе дружески велѣло ему замѣтить, что получая пятьдесятъ франковъ въ мѣсяцъ, онъ имѣлъ право хворать не больше восьми дней. Черезъ недѣлю онъ получилъ письмо отъ Виктора Мореста, который извѣщалъ его, что послѣ завтра корабль долженъ поднять якорь. Около шести часовъ вечера кто-то позвонилъ.

— Кто тутъ? спросилъ онъ черезъ дверь.

— Я, — Полить.

— Ахъ, это ты? Войди!

Ипполить вошелъ. Друзья наши, называя другъ друга по имени, убавляли обыкновенно по одному слогу.

И поэтому Ипполить назывался — Политомъ, а Густавъ — Гугу.

— Ну, что, тебѣ лучше? спросилъ Полить.

— Да я вовсе не былъ боленъ.

— Какъ-такъ?

— Это, братецъ, была штука.

— Но, скажи пожалуйста: ты какъ-будто куда собираешься?

— Угадалъ: я собрался въ дорогу.

— Въ дорогу? А Севестъ?

— Потому-то я и сказался больнымъ.

— Понимаю, такъ ты намѣренъ исчезнуть? Да, вѣдь, онъ пустится за тобой въ догонку.

— И не догонитъ, будь покоенъ.

— Стало-быть ты далеко ѣдешь?

— Въ Мартинику, въ Гваделупу, въ Испанскую Тринидадъ.

— А бѣдный Севестъ! Когда же ты ѣдешь?

— Послѣ скажу тебѣ. Надѣюсь, что ты меня проводишь. Но, тише! Бога ради не проболтайся какъ-нибудь!

— Не прикажешь ли мнѣ для бѣднейшей безопасности разгласить завтра, что ты умеръ, а послѣзавтра въ самомъ дѣлѣ тебя похоронить?

— Это будетъ напрасно, потому-что послѣ завтра мы уже уѣдемъ.

Черезъ четверть часа они были въ конторѣ дилижансовъ; а еще десять минутъ спустя наши молодые люди крѣпко сжали другъ-друга въ объятіяхъ, изъ глазъ ихъ покатились слезы и затѣмъ Гугу покотился по гаврской дорогѣ. На другой день, въ два часа послѣ полудня, онъ привѣтствовалъ Виктора Мареста аріей изъ «Дезертира».

«Дайте мнѣ собраться съ духомъ».

Директоръ внимательно прослушалъ всю арію, будучи доволенъ, что ему представился случай сдѣлать заключеніе, годится ли его новый сюжетъ для комической оперы.

— Когда же мы ѣдемъ? спросилъ его Густавъ.

— Завтра съ морскимъ приливомъ.

— На чемъ же мы отправимся?

— На *Промышленности*, прелестномъ трехмачтовикѣ — капитанъ Шамблонъ, — который обязался доставить насъ на мѣсто черезъ мѣсяць.

— Можно ли ночевать на *Промышленности*?

— Вы вѣрно боитесь, чтобъ васъ не узнали?

— Въ томъ-то и штука.

— Можно! Тѣмъ болѣе, что въ шесть часовъ утра мы снимемся съ якоря.

И затѣмъ Густавъ отправился устроиваться на трехмачтовикѣ. Рѣшиться цѣлый мѣсяць пробыть въ морѣ было слишкомъ большой жертвой со стороны человѣка, у котораго открылась рвота кровью послѣ ничтожной прогулки на таможенномъ суднѣ изъ Деливранды въ Трувилъ. На разсвѣтъ слѣдующаго дня капитанъ Шамблонъ подалъ знакъ къ отплытію. Выходъ корабля въ море картина любопытная даже для тѣхъ, кто имѣетъ случай видѣть ее каждый день; особенно же она представляется очень интересною для парижанъ, которые этого никогда не видятъ. Само собою разумѣется, что вся комическая группа, подъ предводительствомъ директора и режиссёра, была на палубѣ. Въ одно и то же время готовились выйти въ море два корабля съ грузомъ, шедшіе въ Гваделупу. Время поднятія якоря наступило, и второй корабль, которому по его положенію, слѣдовало отправиться прежде, зашевелился, тихо вышелъ изъ дока на рейдъ, а изъ рейда — въ море. Но къ-несчастью не такъ было съ *Промышленностью*, которая была нагружена полуторастами тоннами болѣе, чѣмъ то судно, ко-

торое ушло первое; потому ли что половодье не достигло надлежащей мѣры, или потому-что попался плохой лоцманъ, который не сумѣлъ управиться съ кораблемъ, только онъ пошевелился, но не тронулся съ мѣста. Отъѣздъ отложенъ былъ до другаго прилива. Но когда этотъ приливъ начался, вѣтеръ перемѣнился и сдѣлался противнымъ. Другое судно пропало изъ виду въ тотъ же вечеръ. Впродолженіи цѣлаго мѣсяца упорно дулъ нордъ-нордъ-вестъ; такъ что *Промышленность* простояла въ докъ цѣлый мѣсяцъ. Все это время Густавъ провелъ въ прогулкахъ по окрестностямъ. Онъ боялся встрѣтиться съ агентами Севеста. Но мѣсяцъ этотъ прошелъ безъ всякихъ приключеній. Въ одно утро съ барабаннымъ боемъ возвѣщено было объ отплытіи *Промышленности*. Густавъ явился на корабль. На утро, благодаря искусному манѣвру и попутному вѣтру, трехмачтовикъ благополучно выступилъ изъ порта и торжественно понесся по волнамъ.

Этотъ мѣсяцъ замедленія на всѣхъ нагналъ скуку, и особенно досадилъ капитану Шамблону, которому было сорокъ или сорокъ пять лѣтъ отъ роду. Фигура его была безъ того пасмурная: высокій, холодный, сухой, важный, съ какимъ-то грустнымъ выраженіемъ лица, онъ не внушалъ особенной привязанности.

Пока они тянулись въ Ламаншъ, вѣтеръ былъ противный, и перемѣнился въ ту минуту, когда они обогнули мысъ Финистерре. Несмотря на всю пріятность плаванія съ попутнымъ вѣтромъ, Густавъ не трогался съ своей койки. На седьмой или восьмой день по выходѣ въ море, директоръ, которому море было знакомо съ давнихъ поръ, подошелъ къ Густаву.

— Эй! г. Густавъ! сказалъ онъ ему.

— Что прикажете, г. Марестъ? плачевнымъ голосомъ спросилъ Густавъ.

— Вы здѣсь?

— Разумѣется.

И онъ попробовалъ поднять голову.

— Хорошо, я васъ вижу. Я пришелъ напомнить вамъ, что послѣ завтра праздникъ св. Цециліи.

— Такъ что же?

— Какъ что-же? Надобно по этому случаю дать маленькій концертъ.

— Ахъ! г. Марестъ, если корабль будетъ качаться такъ же, какъ теперь, то даю вамъ честное слово, что ни за что не встану съ своей койки.

— Успокойтесь, скоро наступитъ чудесная погода!..

Въ-самомъ-дѣлѣ, на другой день, какъ только путешественники наши приблизились къ острову Мадеры, вѣтеръ заштилѣлъ. Въ два, или три часа море было гладко, какъ безконечное зеркало. Около пяти часовъ вечера, при чудномъ, безоблачномъ небѣ, въ виду острова Мадеры, накрыли столъ на палубѣ. Капитанъ задалъ пассажирамъ своимъ отличный обѣдъ съ бордосскимъ виномъ и шампанскимъ. Безвѣтріе было совершенное и корабль, какъ прикованный, сталъ на мѣстѣ. Послѣ обѣда всѣ пассажиры остались на палубѣ. Наступилъ чудный, упоительный, благоухающій вечеръ, какіе бывають только на *Лаго-Маджоре*, подъ сицилійскимъ небомъ и на этихъ огромныхъ корзинахъ съ цвѣтами, которыя называются островами Океаніи. При видѣ этихъ бальзамическихъ острововъ, моря, сіяющаго мильонами искръ, и этого ясно-лазурнаго испанскаго неба, всѣ позабыли о непріятностяхъ первой половины своего путешествія, и музыканты, настроивъ инструменты, разомъ принялись играть, какъ-будто были въ оркестрѣ. И въ то же время вся труппа грянула хоръ изъ «Бѣлой Дамы:»

«Звучите рога и вольнки!»

Пѣли они съ необыкновеннымъ одушевленіемъ, тѣмъ болѣе, что у нихъ совершенно неожиданно явилась публика. Къ нимъ подошелъ на три кабельтова англійскій бригъ; палуба его покрыта была пассажирами, которые восторженно рукоплескали импровизированному концерту нашихъ артистовъ. Послѣ хора изъ «Бѣлой Дамы», на бортѣ англійскаго брига раздался дуэтъ на рожкахъ, исполненный чрезвычайно хорошо. Пассажиры *Промышленности* въ свою очередь начали аплодировать. И вслѣдъ затѣмъ, между обоими судами завязалась бесѣда, потому-что они такъ

приблизились одно къ другому, что пассажиры свободно могли переговариваться.

— У васъ на борту, кажется, цѣлый оркестръ? спросилъ брига.

— Еще-бы!.. Мы отправляемся въ Гваделупу съ цѣлой труппой комической оперы, отвѣчала *Промышленность*:— а вы?

— У насъ здѣсь два артиста, которые ѣдутъ въ Нью-Йоркъ, давать концерты.

— А! bravo!

И оба судна разсыпались въ комплиментахъ одно другому.

Музыканты *Промышленности* во второй разъ подали пѣвцамъ знакъ начинать, и тѣ дружно запѣли хоръ изъ «Юсифа». Англійское судно, со своей стороны, отвѣчало вторымъ концертомъ. Такъ продолжалось большую часть ночи; ночи торжественной, благоуханной, гармонической, которая надолго осталась въ памяти пассажировъ обоихъ судовъ. Наконецъ французскіе музыканты заиграли пѣсню: *Vive Henri IV*; Англичане отвѣчали имъ своимъ народнымъ гимномъ: *God save the king*. Затѣмъ оба судна пожелали другъ-другу покойной ночи, пассажиры медленно, нѣхотя разошлись по своимъ койкамъ, и на палубѣ *Промышленности* остались только: рулевой, не сводившій глазъ съ компаса, да капитанъ Шамблонъ, который, перевѣсившись съ борта кормы, слѣдилъ глазами за струей, остававшейся позади судна, которое, казалось, скользило по лону какого-то огненного моря.

На слѣдующее утро, когда пассажиры вышли на палубу, англійскаго брига уже не было видно; онъ былъ легче на ходу нежели *Промышленность*, и свѣтлой точкой бѣлѣлъ на горизонтѣ. Паруса его казались распростертыми крыльями чайки, бороздившей волны. Три дня къ ряду продолжалась тишина и безвѣтріе, котораго такъ желали пассажиры; судно проходило въ сутки едва десять миль. Капитанъ Шамблонъ былъ въ самомъ дурномъ расположеніи духа. Онъ походилъ на отца-Жана въ томъ отношеніи, что его въ дѣтствѣ не научили смѣяться, съ той только разницей, что отецъ-Жанъ былъ суровъ, но спокоенъ. Капитанъ

же Шамблонъ былъ молчаливъ, но чрезвычайно горячаго нрава. Единственныя минуты, въ которыя онъ, повидимому, былъ вполне счастливъ, было то время, когда онъ, перевѣсившись за бортъ, слѣдилъ за широкой бороздой, оставшейся позади судна, и, казалось, измѣрялъ взорами необъятную морскую пучину. Видно было, что на сердцѣ этого человѣка есть какая-то затаенная грусть, или неотвязная, мрачная дума. Можетъ-быть въ немъ было и то, и другое. Морская тишина все болѣе и болѣе раздражала его. Совершенно противоположно дѣйствовала она на душу Густава. Она какъ-нельзя болѣе была ему по-сердцу, потому что позволяла гулять по палубѣ и любоваться великолѣпнѣйшей тропической картиной — закатомъ солнца.

Разъ Густавъ прогуливался по палубѣ съ прочими пассажирами, которые отъ нечего дѣлать забавлялись тѣмъ, что привязывали уткамъ кокарды... Но, виноватъ, почтеннѣйшій читатель!.. Если вы не совершали дальнихъ морскихъ путешествій, то едва-ли знаете, въ чемъ заключается этотъ родъ развлечения. Изъ бумаги бѣлой, синей, желтой, красной или зеленой — цвѣтъ тутъ не значитъ ровно ничего — дѣлаютъ кокарду, отъ одного до трехъ вершковъ въ диаметрѣ, впрочемъ, величина, точно такъ же какъ и цвѣтъ, совершенно зависятъ отъ произвола, — въ самую середину кокарды укрѣпляютъ веревочку, къ другому концу веревки привязываютъ кусокъ хлѣба и весь этотъ снарядъ бросается уткѣ. Утка, весьма естественно предпочитаетъ хлѣбъ кокардѣ и проглатываетъ его съ обыкновенной своей прожорливостью; веревка слѣдуетъ за хлѣбомъ, а за веревкой — кокарда.

Дойдя до носа животного, кокарда вертится и потомъ склоняется на правую или на лѣвую сторону, совершенно закрывая уткѣ который-нибудь глазъ, — что сообщаетъ ей презабавный видъ и доставляетъ зрителямъ несказанную потѣху.

Я вижу, читатель, что вы презрительно отвѣчаете, что подобная грубая забава ни сколько не разсмѣшила бы васъ. Но попробуйте пятнадцать дней не видѣть ничего, кромѣ воды, да неба, въ небѣ пингвиновъ, да фаэтоновъ, въ морѣ макрелей, да мечь-рыбъ, или дорадъ, и смѣло могу

удѣрить васъ, что вы раземѣтесъ вмѣстѣ съ другими надъ уткою.

И такъ всѣ помирали со смѣху, глядя на подлюжины утокъ, чинно разгуливавшихъ по палубѣ, съ кокардами передъ глазами, разныхъ цвѣтовъ и величинъ, какъ-вдругъ послышался голосъ капитана, говорившаго подшкиперу:

— Сдѣлайте *пено*; чтобы по-крайней-мѣрѣ было видно, съ которой стороны подуетъ вѣтеръ.

Пассажиры переглянулись между собой, и тихо спрашивали другъ друга: «Что такое *пено*?» Но никто не могъ отвѣчать на это. У одного изъ пассажировъ былъ словарь французской академіи. Онъ сошелъ въ каюту и принялся отыскивать слово: *пено* (*penaud*). И нашель:

«*Penaud, aude, adj., qui est embarrassé, honteux, interdit.— Quand on lui dit cela, il demeura penaud;—elle fut bien penaude.—Il n'est d'usage que dans le style famifier.*»

Пассажиръ поднялся на палубу со словаремъ, открытымъ на третьемъ столбцѣ 262 страницы, и показалъ это слово своимъ спутникамъ. Всеобщимъ приговоромъ было рѣшено, что слово это употреблено капитаномъ совершенно въ другомъ значеніи. Тогда всѣ подошли къ подшкиперу, который немедленно принялся за исполненіе капитанскаго приказанія. И вотъ что онъ дѣлалъ: онъ взялъ пробку отъ бордоскаго вина, самую длинную, какую только могъ достать и заострилъ ее съ одного конца. Потомъ онъ разрѣзалъ пробку на двадцать кружковъ, каждый въ линію толщины. Кружечки эти уменьшались въ объемѣ, по мѣрѣ приближенія къ заостренному концу пробки. Самый большой былъ величиной въ четвертакъ, самый маленькій — въ чечевичное зерно. Все это, сколько можно было видѣть, не имѣло ни малѣйшаго отношенія къ опредѣленію слова *penaud* въ словарѣ французской академіи. Тѣмъ не меньше всеобщее любопытство достигло высшей степени. Владѣлецъ словаря французской академіи рѣшился подойти къ подшкиперу и спросить его:

— Простите моему любопытству,—сказалъ онъ,—но мнѣ хотѣлось бы знать, какъ называется вещь, которую вы дѣлаете по приказанію капитана?, не *пено*-ли?

— Пено или пенонъ (Penaud; pennon) я и самъ хорошенько не знаю; думаю, однакожъ, что *пенонъ*, хоть мы, моряки, и называемъ эту штуку вообще *пено*.

— Ахъ, такъ это, значитъ, пенонъ! сказалъ пассажиръ со словаремъ.

И перевернувъ листъ онъ нашелъ: «Pennon, s. m. C'était autrefois une sorte de bannière ou d'étendard à longue queue, qu'un chevalier, qui avait vingt hommes d'armes sous lui, était en droit de porter».

(То есть: Пенонъ. — Такъ назывался встарину родъ значка или штандарта съ длиннымъ хвостомъ, который носить предоставлялось право каждому рыцарю, имѣвшему подъ командой своей двадцать вооруженныхъ воиновъ.)

Господинъ со словаремъ обратился къ подшкиперу по-смотреть: выходило-ли у него что-нибудь похожее на значокъ или штандартъ съ длиннымъ хвостомъ и увидалъ, что подшкиперъ держалъ между колѣнами курицу, принесенную юнгой, и выщипывалъ съ брюха ея самыя тоненькія перушки. Потомъ, когда, по мнѣнію его, перьевъ было достаточно, подшкиперъ отдалъ курицу — ужасно кричавшую во время операціи—юнгѣ, съ приказаніемъ отнести ее въ курятникъ.

— Это также должно-быть не то, — говорили между собою пассажиры, окружавшіе подшкипера и передавая словарь изъ рукъ въ руки.

— А между-тѣмъ, — говорилъ владѣлецъ его—академическій словарь непогрѣшительнъ, какъ сама академія.

Любопытство пассажировъ возбуждалось все болѣе и болѣе. Нарѣзавъ кружочковъ и надергавъ изъ курицы перьевъ, подшкиперъ взялъ нитку, сдѣлалъ на концѣ ея узелокъ и продѣлъ въ самый маленькій кружочекъ, потомъ въ слѣдующій, посадивъ его на разстояніе вершка отъ перваго; тамъ—третій, на осьмнадцать линій отъ втораго и такъ далѣе, наблюдая, чтобъ по-мѣрѣ увеличенія кружечковъ, увеличивалось и разстояніе между ними. Потомъ, окружность пробочекъ онъ утыкалъ куриными перьями, такъ-что они составили около каждаго кружечка родъ лу-

чей. Нечего и говорить, что подкиперъ для кружечковъ побольше употреблялъ и перья подлиннѣе, а для маленькихъ—поменьше. Наконецъ онъ привязалъ другой конецъ веревки или нитки къ палкѣ въ полтора фута длиною, которую прикрѣпилъ къ борту. Малѣйшаго вѣтерка достаточно было, чтобы привести въ движеніе эти кружечки съ перушками и тѣмъ показать, съ которой стороны онъ подулъ.

— Браво! сказалъ капитанъ, — по-крайней-мѣрѣ, теперь мы будемъ знать, что дѣлать!

Густавъ, замѣтивъ какую важность капитанъ придавалъ своему флюгеру, мысленно далъ себѣ слово сдѣлать ему сюрпризъ. Прежде всего онъ постарался достать порядочный кусокъ сосноваго дерева, въ восемнадцать вершковъ длиною, и на одномъ концѣ вырѣзалъ перочиннымъ ножомъ—человѣка отъ шести до осми вершковъ вышиною, придѣлалъ ему подвижныя руки изъ сосноваго дерева, которое, какъ извѣстно, легче всѣхъ прочихъ деревьевъ, и окрасилъ руки подъ цвѣтъ гайяковаго дерева. Остальную часть куска онъ обдѣлалъ столбикомъ въ видѣ троянковой колонны, на концѣ которой стоялъ человѣчекъ. Окончивъ работу, онъ выбросилъ за бортъ палку отъ *пеннона*, утвердивъ на мѣсто ея своего человѣка на столбикѣ, и къ подвижной ручкѣ его привязалъ нитку съ пробочными кружечками. При малѣйшемъ движеніи воздуха кружечки шевелились и заставляли приподниматься руки деревяннаго человѣка. Увидѣвъ этотъ снарядъ, капитанъ Шамблонъ улыбнулся; это, по замѣчанію пассажировъ судна, была первая улыбка его со дня выхода «Промышленности» въ море. Но удовольствіе это было непродолжительное. Въ тотъ самый день вѣтеръ упалъ до такой степени, что *пеннонь*, шевелившійся при малѣйшемъ дуновеніи, оставался теперь неподвиженъ. Воды Атлантическаго океана были такъ же спокойны и недвижимы подъ кормой «Промышленности», какъ некогда воды Авлида подъ греческими галерами. Капитанъ Шамблонъ былъ очень суетенъ. Ему пришло въ голову, что виной этого внезапнаго упадка вѣтра былъ человѣчекъ Густава, приносившій такимъ образомъ несчастіе судну. Поэтому, каждый разъ, когда

ему случилось проходить мимо его, онъ непременно начиналъ ругаться. Наконецъ какъ-то ночью, потерявъ всякое терпѣнiе, онъ схватилъ столбикъ и человѣчка съ пробочными кружками и швырнулъ все за бортъ. Не прошло часу, какъ поднялся жесточайшій вѣтеръ, и судно, несмотря на то, что имѣло неполное количество парусовъ, дѣлало по осьми узловъ въ часъ. Густавъ, спокойно спавшій въ это время въ своей койкѣ, проснулся, потому-что его колотило какъ сухой орѣхъ въ скорлупѣ. Первымъ восклицанiемъ его было: — Чаю!

Капитанъ, имѣвшій привычку не слишкомъ церемонно обращаться съ своими пассажирами, въ знакъ уваженiя къ особеннымъ дарованiямъ Густава, сдѣлалъ для него исключенiе и приказалъ юнгѣ ему прислуживать. Юнга въ ту же минуту явился съ настоемъ китайской травы.

— А-га! сказалъ юнга: — бѣдняжка Гренгоне таки понадобился вамъ.

Густавъ окрестилъ юнгу именемъ Гренгоне, въ память знаменитаго казнскаго Гренгоне.

— Что тамъ такое случилось, любезный Гренгоне? спросилъ его Густавъ.

— Капитанъ бросилъ за бортъ вашего проклятаго пена, который было совсѣмъ заколдовалъ «Промышленность» и теперь мы дѣлаемъ по три мили въ часъ.

Вѣтеръ не стихалъ цѣлыя двѣ недѣли и едва не занесъ судно на Сенегальскiй берегъ. Погода постоянно была до того дурна, что пассажиры забыли даже объ обычномъ крещенiи новичковъ подъ тропиками. На шестнадцатый день вѣтеръ нѣсколько стихъ. Мадамъ Дюнонъ воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы разрѣшиться отъ бремени. Мужъ служилъ ей акушеромъ; капитанъ — врачомъ; директоръ труппы — кумомъ, а первая пѣвица — кумой. Послѣ этого случая опять наступила прекрасная погода. На сорокъ пятый день, считая съ отплытiя изъ Гавра, матросъ, си-

дѣвшій на марсѣ, закричалъ: «Земля!» Это была Гваделупа.

— Проклятый *пено*, сказалъ капитанъ: — Еслибъ я не догадался бросить его въ море, мы до-сихъ-поръ были бы на высотѣ мыса Богадоръ.

— Это не бѣда, капитанъ, сказалъ Густавъ: — въ другой разъ я постараюсь сдѣлать для васъ какую-нибудь штучку позамысловатѣе. Надъ этимъ *человѣчкомъ* я трудился трое сутокъ и сломалъ два перочинныхъ ножа.

— Господинъ Густавъ, — тихо сказалъ ему Гренгоне: — капитанъ надуваетъ. Онъ бросилъ въ море только нитку съ кружечками, а *человѣчка* вашего я еще вчера видѣлъ у него въ комодѣ; если прикажете, я вамъ могу его показать.

За это открытіе онъ далъ Гренгоне какую-то монетку и приказалъ ему молчать. Что касается до пассажира съ словаремъ, то онъ возвратился во Францію въ 1838 или 1839, въ то время, когда печатался словарь Бекереля.

Узнавъ, что скоро долженъ выйти въ свѣтъ новый словарь, онъ отправился къ издателю и попросилъ позволенія посмотреть его. Это было сейчасъ же ему разрѣшено. Онъ отыскалъ слово, которое занимало его цѣлыя десять лѣтъ и прочиталъ:

«*Pennon, s. m., Sorte de girouette composée d'un baton armé à sa partie supérieure de petites tranches de liège, sur la circonférence desquelles sont plantées de petites plumes, pour faire reconnaître la direction du vent.*»

(Пеннонъ, — родъ флюгера, состоящій изъ палки, на концѣ которой находятся кусочки пробки, утыканные перышками, для узнаванія направленія вѣтра.)

— Ахъ! сказалъ онъ. — Вотъ *человѣкъ*, который знаетъ больше чѣмъ сорокъ академикомъ, взятые вмѣстѣ.

X.

—Густавъ въ кофейнѣ.—Разговоръ съ креоломъ.—Густавъ-негрофилъ, получаетъ предостереженіе.—Добрый жандармъ.—Густавъ въ костюмѣ перваго человѣка послѣ грѣхопаденія.—Капитанъ Шамблонъ тонетъ въ морѣ.—Надгробное слово.

Весьма естественно, что въ ту милуту, когда раздался крикъ: «земля!» всѣ пассажиры выбѣжали на палубу. Сквозь прозрачную атмосферу тропическихъ странъ предметы бывають видимы на весьма значительное разстояніе. Земля, возвыщенная въ семь часовъ утра, показалась совершенно ясно только три часа спустя; уже около пяти вечера «Промышленность» подошла къ самому берегу. За три или четыре мили въ зрительныя трубы можно было различить нѣсколько сотъ лодокъ, стоявшихъ около французской брандвахты. Лодки эти, по видимому, ожидали прибытія «Промышленности». По мѣрѣ приближенія корабля, на лодкахъ у брандвахты все громче и громче раздавались восклицанія какого-то неистоваго восторга, превосходившаго всякую мѣру и описаніе, что для пассажировъ «Промышленности» показалось очень страннымъ. Нѣсколько позже причина этого неумѣреннаго восторга объяснилась, когда судно подошло на такое разстояніе къ лодкамъ, что можно было разговаривать.

Судно, отправившееся изъ Гавра въ тотъ день, когда назначено было выступить и «Промышленности», — шло въ Гваделупу. Оно совершило свой путь въ двадцать пять дней, и войдя въ гавань, объявило, что слѣдомъ за нимъ придетъ «Промышленность», которая вышла изъ Гавра въ одинъ день съ нимъ, и слѣдовательно придти должна, если не вмѣстѣ, то днемъ или двумя позже. Видя передъ уходомъ своимъ, что на трехмачтовкѣ все было готово къ выступленію въ море, оно не знало, что «Промышленность», была задержана неблагоприятнымъ вѣтромъ въ Гаврѣ цѣлый мѣсяць. Переднее судно уже пять дней было на высотахъ Пуэнтъ-

а—Цитръ, когда «Промышленность» только что распустила паруса. Если прибавить къ этимъ пяти днямъ сорокъ пять проведенныхъ въ пути, то и выйдетъ въ сложности пятьдесятъ дней промедленія. Изъ этого жители Гваделупы самымъ достовѣрнѣйшимъ образомъ рѣшили, что «Промышленность» — погибла. Между пассажирами ея было семь или восемь человекъ креоловъ, почти все молодыхъ людей изъ лучшихъ фамилій Пуантъ-а—Питра, и такъ, какъ и промедленіе это не объясняли ничѣмъ другимъ, какъ гибелью судна, то весь городъ пришелъ въ величайшее отчаяніе.

Въ ту минуту когда брандвахта возвѣстила прибытіе трехмачтовой «Промышленности», во всемъ городѣ раздались шумныя восклицанія и выраженіе живѣйшаго восторга. «Промышленность» шла на всѣхъ парусахъ; во всемъ вооруженіи ея не было ничего похожего на поврежденіе. Число пассажировъ на ней не только не уменьшилось, а напротивъ, еще прибавилось. Для европейцевъ, никогда не бывавшихъ въ тѣхъ странахъ, островъ, къ которому они пристали, представлялся чѣмъ-то чудеснымъ, сказочнымъ. Густо покрытый роскошной растительностью, онъ такъ чудно рисовался на золотомъ полѣ заходящаго солнца, котораго прощальные лучи изумрудными и рубиновыми переливами разсыпались по лону прозрачнаго моря, устьянаго судами всѣхъ родовъ и величинъ, собравшимися сюда какъ-будто для того, чтобы всей этой картинѣ сообщить жизнь и движеніе, которое составляли ея главные достоинства. Суда и шлюпки встрѣтились у брандвахты. Начались привѣтствія, звонкіе пѣльди, пожатіе рукъ, обниманья; нѣкоторые изъ пріѣхавшихъ на шлюпкахъ взобрались на «Промышленность», другіе спѣшили поскорѣй перебраться съ корабля на шлюпки, съ опасностью попадать въ море. Со всѣхъ сторонъ были видны протянутыя руки, разверстыя объятія, увлажненные слезами глаза. Одна только труппа комической оперы не встрѣтила никакихъ привѣтствій. Всѣ посмотрѣли на членовъ ея съ живѣйшимъ любопытствомъ, но вѣдь въ любопытствѣ нѣжности мало. Артисты вошли въ городъ поздно вечеромъ. Все, что ни попадалось имъ, было такъ для нихъ ново, и возбуждало удивленіе, особенно жители, люди всевозможныхъ отѣн-

ковъ кожи и ходившіе чуть-чуть не нагиномъ. Весь вечеръ они проходили по городу, отыскивая себѣ помѣщеніе, а между-тѣмъ въ Пуэнтъ-а-Питрѣ ничего нѣтъ легче, какъ найти себѣ меблированную комнату. Тамъ множество прехорошенькихъ негрятюкъ, отъ восемнадцати до двадцати лѣтъ, исключительно промышляютъ отдачей въ наемъ двухъ-трехъ комнатъ, въ которыхъ живутъ сами. По волѣ постояльца и согласно особенному условію съ ними, онѣ или выносятъ свои кровати совѣтъ вонъ изъ отданной внаемъ квартиры, или остаются въ ней. До такой простоты простирается здѣсь патріархальность нравовъ.

Въ первый вечеръ Густавъ отправился въ кофейню, съ твердымъ желаніемъ, какъ можно скорѣе освоиться съ мѣстными обычаями. Рядомъ съ нимъ толковали между собой какіе-то два креола; онъ сталъ слушать, о чемъ они говорятъ. Рѣчь шла о какомъ-то негрѣ, который назывался Цицеронъ.

— Позвольте васъ спросить, — сказалъ одинъ изъ креоловъ нашему герою: — судя по цвѣту вашего лица, вы должны быть — европеецъ?

— Вы не ошиблись, отвѣчалъ ему Густавъ.

— И вѣроятно въ первый разъ пожаловали на Антильскіе острова?

— Я здѣсь всего только два часа.

— А! Два часа! Такъ я готовъ биться объ закладъ, что вы питаете состраданіе къ неграмъ.

— Бейтесь и непременно выиграете.

— Мнѣ удивительно, какъ европейцы могутъ жалѣть такихъ негодяевъ?

— Какъ же не жалѣть ихъ! Вѣдь они такіе же люди.

— Люди? Хороши люди! Посмотрите, пожалуйста, сюда.

И съ этимъ словомъ креолъ указалъ Густаву на своего товарища, съ которымъ только-что передъ этимъ разговаривалъ.

— Вижу, вижу, отвѣчалъ Густавъ? что жъ дальше?

— А вотъ что. Вчера этотъ господинъ купилъ негра. Далъ за него двѣ тысячи четыреста франковъ; мерзавецъ этотъ видѣлъ, какъ при немъ отсчитывали деньги... Понимаете ли: онъ видѣлъ, какъ отсчитывали деньги?

— Видѣлъ, какъ отсчитывали деньги. Продолжайте; я внимательно васъ слушаю.

— Угадайте же: что онъ послѣ того сдѣлалъ?

— Мудрено отгадать.

— Повѣсился въ ту же самую ночь.

— Повѣсился, неужели?

— Да, повѣсился. Каковъ мерзавецъ?

— Что жъ? Онъ прекрасно сдѣлалъ.

— Какъ?..

— Я говорю, что онъ прекрасно сдѣлалъ.

— Я долженъ предупредить васъ, милостивый государь, что при креолахъ подобныхъ вещей не говорятъ.

— Почему же?

— А потому, что здѣсь, въ Гваделупѣ, народъ горячій, и почти всѣ отлично стрѣляютъ.

— Да миѣ-то что до этого за дѣло?

Креолаы переглянулись между собой, какъ-бы желая сказать: «что это за республиканецъ?» И вышли изъ кофейни.

На другой день, только Густавъ успѣлъ показаться на улицу, какъ увидѣлъ, что какая-то старуха изо всей мочи колотитъ негра по головѣ. Несчастнѣйшій весь былъ облитъ кровью. Густавъ, возмущенный до глубины души этой отвратительной картиной, какъ истинный рыцарь, бросился въ домъ и вырвалъ изъ рукъ старухи несчастную жертву. Старуха чрезвычайно удивилась, что бѣлый явился на помощь невольнику и въ величайшемъ гнѣвѣ бросилась съ

жалобой къ губернатору. Губернаторъ сейчасъ же послалъ за Марестомъ, разсказалъ ему какихъ проказъ надѣлалъ Густавъ, явившійся проповѣдникомъ идей, грозящихъ испроверженіемъ существующаго порядка, и предупредилъ, что если на него пожалуются въ третій разъ, такъ онъ будетъ отвеленъ на первое судно, отправляющееся во Францію, и капитану будетъ поручено какъ-можно скорѣе высадить его въ Нантъ, Брестъ или въ Гавръ.

Директоръ ужасно перепугался, послалъ за Густавомъ и взялъ съ него слово, что онъ на будущее время воздержится отъ филантропическихъ порывовъ въ пользу негровъ и негритянокъ. Тѣмъ дѣло и кончилось. Съ-тѣхъ-поръ неприятныя сцены эти уже не возобновлялись, потому-что труппа немедленно начала репетиціи, поглотившія у Густава рѣшительно все время. Недѣлю спустя онъ дебютировалъ въ *Станиславъ* и имѣлъ необыкновенный успѣхъ.

Труппа Мареста соединилась тамъ съ другой труппой, которою начальствовалъ предобрый и прекрасный человекъ, по имени Вертѣль, бывшій кажется дядей или двоюроднымъ братомъ того Вертѣля, который теперь—секретаремъ Французскаго театра. Въ то же время онъ состоялъ въ родствѣ и съ мамзель Жоржъ. При сліянніи обѣихъ труппъ увеличились и доходы ихъ, потому-что они играли попеременно и въ Пуантъ-а-Питръ и въ Нижней Землѣ. Небольшой гоазель, содержавшій сообщеніе между двумя главными городами острова, перевозилъ артистовъ съ одного театра на другой въ нѣсколько часовъ.

Но читатели, я думаю, не забыли врожденнаго отвращенія Густава къ *влажной стихии*, какъ говаривали поэты времянь имперіи. Герой нашъ — какъ уже были случаи удостовѣриться — былъ отличнымъ пѣшеходомъ, хоть и плохимъ морякомъ. Оба города отстояли одинъ отъ другаго на двѣнадцать или четырнадцать миль, и потому Густавъ обыкновенно хаживалъ пѣшкомъ. Между частями острова, извѣстными подъ именемъ Верхней и Нижней Земли, протекали три рѣки; первая называлась: *Три Рѣки*; вторая *Гайява* и третья *Мустика*. Въ обыкновенное, то есть лѣт-

нее, время, Густавъ, подходя къ берегу Мустики или Гайявы, снималъ только чулки, да башмаки и, приподнявъ панталоны, переходилъ на другой берегъ, перескакивая съ камня на камень. Когда надобно было переходить *Три Рьки*, онъ снималъ многое, потому-что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вода доходила ему до пояса. Въ половинѣ же онъ обыкновенно раздвигался совсѣмъ и пускался вплавъ, привязавъ къ головѣ своей узелокъ, со всѣми своими вещами и платьемъ. Въ четверть мили по ту сторону *Трехъ Рькъ* стояла деревушка, въ которой была лавочка, гдѣ продавалась сухая треска, водка и маисная мука; въ лавкѣ сидѣлъ жандармъ; въ конюшнѣ жандарма была лошадь. Густавъ часто дѣлалъ привалъ въ этой лавочкѣ и мылъ себѣ ноги водкой. Вскорѣ такимъ образомъ онъ чрезвычайно подружился съ жандармомъ. Когда онъ отправлялся въ Нижнюю Землю, дружба эта была ему совершенно бесполезна; когда же возвращался, то извлекалъ изъ нея нѣкоторыя житейскія выгоды. Жандармъ садился на лошадь, бралъ Густава на лошадь, перевозилъ его черезъ *Три Рьки*, *Гайяву* и *Мустикку*, спускалъ на землю, и уже одинъ возвращался домой и, поставивъ лошадь въ конюшню, непрежнему принимался продавать свою сушеную треску, водку и маисовую муку и посвящать досуги отечеству.

Случилось разъ, что рѣки такъ переполнились отъ дождей, что Густавъ при переправѣ черезъ первыя двѣ рѣки долженъ былъ снять съ себя все платье. Пустившись вплавъ черезъ третью, онъ какъ-то по неосторожности страхнулъ съ головы узелъ со всѣми своими вещами и платьемъ. Нечего и говорить, что онъ употребилъ всѣ усилія достать этотъ узелъ изъ воды, но это было невозможно, потому-что сильнымъ теченіемъ узелъ быстро понесло по волнамъ и очень скоро умчалось изъ глазъ. Онъ гнался за узломъ до послѣдней крайности и едва-едва самъ не былъ унесенъ теченіемъ въ Мексиканскій заливъ. Спасся онъ рѣшительно какимъ-то чудомъ.

Оправившись нѣсколько отъ страха, онъ съ ужасомъ вспомнилъ, что остался рѣшительно безъ всего. Онъ уже

готовъ былъ предаться отчаянію, какъ вспомнилъ о пріятелѣ своемъ жандармѣ и его лавочкѣ.

Но эта лавочка, къ-несчастію, была на самой серединѣ деревни... Какъ бы то ни было, а ему непременно нужно было туда попасть. Увидѣть негра въ подобномъ костюмѣ было бы нисколько не удивительно. Право ходить безъ всякой одежды составляетъ неотъемлемое преимущество чернокожихъ. Но бѣлымъ это рѣшительно запрещается. Густавъ какъ-разъ очутился въ томъ самомъ положеніи, какъ Робинсонъ Крузо на своемъ островѣ, съ тою только разницею, что Робинсонъ одѣтъ былъ хоть въ звѣриныя шкуры, у героя же нашего и этого не было. Подумавъ не много, онъ рѣшился покориться необходимости, смѣло отправился въ деревню и вошелъ въ лавочку жандарма. Жандармъ, выслушавъ разсказъ о его приключеніи, очень охотно далъ ему свои панталоны, сюртукъ и военную фуражку. Въ этомъ костюмѣ явился онъ на сцену. Вѣсть о его приключеніи въ ту же минуту разнеслась по всему театру и Густавъ, игравшій въ тотъ вечеръ Станислава, былъ принятъ самымъ блистательнымъ образомъ.

Но, посмотримъ, однакожъ, что подѣлывалъ въ то время капитанъ Шамблонъ, командиръ «*Промышленности?*» По прибытіи въ Гваделупу, онъ нагрузилъ свое судно всякимъ товаромъ и снова вышелъ въ море, съ прежнимъ своимъ подшкиперомъ. На третій день по отплытіи изъ Гваделупы, капитанъ по привычкѣ забрался на кормовую часть и перевѣсившись черезъ бортъ, внимательно смотрѣлъ на борозду, далеко тянущуюся позади корабля. Онъ такъ предался этому занятію, что совершенно позабылъ про законъ тяготѣнія и поднималъ ноги, по мѣрѣ того, какъ опускалъ голову. Наконецъ передняя часть тѣла перетянула и онъ — свалился въ море, даже не вскрикнувъ, что служило очевиднымъ доказательствомъ, что паденіе это было добровольное, не происшедшее отъ неловкости. Минутъ

черезъ пять послѣ этого приключенія, которое совершилось такъ тихо, что даже рулевой, бывшій тутъ возлѣ, рѣшительно ничего не замѣтилъ, — подшкиперъ вышелъ на палубу, осматриваясь кругомъ, какъ бы кого-то ища глазами. Не находя того, кого ему было нужно, онъ спросилъ рулеваго:

— Да гдѣ капитанъ?

— Сзади! отвѣчалъ рулевой.

— Какъ! сзади? Тамъ нѣтъ никого.

Рулевой съ удивленіемъ обернулся.

— Скажите, пожалуйста! Вотъ странно! Да онъ тутъ былъ сію минуту!

— Да, отвѣчалъ подшкиперъ, былъ; а вотъ теперь и нѣтъ.

Они оба переглянулись и поникли головами.

— У капитана на душѣ было много горя, сказалъ рулевой.

— А! вотъ что!

— Надобно осмотрѣть его каюту.

— Нѣтъ ли его тамъ? прибавилъ подшкиперъ, съ видомъ сомнѣнія тряхнувъ головой.

— Нѣтъ, но чтобъ узнать: не оставилъ ли онъ тамъ чего-нибудь.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, сказалъ подшкиперъ. И сошелъ въ каюту. Черезъ минуту онъ воротился на палубу.

— Все прекрасно, сказалъ онъ, — и мы съ тобой избавляемся отъ всякой отвѣтственности.

— Стало-быть онъ оставилъ бумагу?

— Да; въ которой все объясняется.

— Пошли, Господи, ему царствіе небесное! набожно сказалъ подшкиперъ, обнаживъ голову.

Это простое восклицаніе было надгробнымъ словомъ капитана Шамблона.

III.

ВЪ БѢЛОРУССІА

ВЪ ХАРАКТЕРИСТИЧЕСКИХЪ ОПИСАНІЯХЪ И ФАНТАСТИЧЕСКИХЪ ПОВѢРЬЯХЪ.

Статья П. М. Шпилевскаго.

13) волочобники.

Повсемѣстное Бѣлорусское обыкновеніе.

Волочобниками называется извѣстный классъ людей, которые въ пасхальную недѣлю ходятъ по деревнямъ съ поздравленіями *: это нѣчто въ родѣ древнихъ гуслирей или баяновъ, воспѣвавшихъ въ своихъ пѣсняхъ или рассказывавшихъ въ сказкахъ какія-нибудь событія, которыми ознаменованъ такой или другой праздникъ и вообще всякій торжественный случай. — Избранные въ волочобники обязаны знать разные пѣсни, умѣть красно рассказать что-нибудь про свою деревню или село и, кромѣ того, похвальные или торжествен-

* Бываютъ также волочобники и въ рождественныя святки; но тѣ собственно называются *щедраванцами*, хотя въ сущности то же, что и пасхальные волочобники. — Объ этомъ будетъ ниже въ статьѣ о *колядѣ*.

ные гимны въ честь праздника. Они обыкновенно пользуются извѣстностью не только въ своей деревнѣ, но и въ окрестныхъ селахъ и застѣнкахъ. Въ числѣ волочобниковъ находятся собственно поздравители, — потомъ *начинальники*, то есть тѣ, которые *запѣваютъ* пѣсни, и наконецъ *мѣхоносы*, т. е. собирающіе подачки въ мѣшкахъ: подачки эти состоятъ изъ колбасъ, пироговъ, блиновъ, сала и, очень-рѣдко, изъ денегъ; вообще ихъ дарятъ всѣмъ тѣмъ, что приготовлено для праздника Пасхи. А нужно замѣтить, что въ Бѣлоруссіи не только въ простонародьи, но и въ прочихъ классахъ людей, къ пасхальной недѣлѣ, готовятся большіе столы: тутъ бываетъ множество всякихъ жаркихъ, сыровъ, масла и яицъ; все это служитъ пищею на цѣлую недѣлю, часть которой (т. е. яйца) удѣляютъ волочобникамъ и нищимъ. Въ это время всякій прохожій, знакомый и незнакомый, входитъ въ домъ и его кормятъ и поятъ охотно, находя въ этомъ большое утѣшеніе. — Уваженіе къ пасхальной недѣлѣ въ Бѣлорусскомъ народѣ до того развито, что втеченіи всей этой недѣли ничего не варятъ, не жарятъ и даже не топятъ въ печкахъ: питаются *свѣцонами*, т. е. кушаньями освященными. — Остатки свѣцоваго, напр. кости и сухія корки закапываютъ на поляхъ, съ тѣмъ, чтобы освятить ими свои нивы и сдѣлать ихъ плодородными. Самую даже скатерть, на которой ставятъ кушанья въ эту недѣлю, прячутъ, какъ священную вещь, и не покрываютъ ею столовъ въ обыкновенное время. Мало того, во время пожара, или продолжительнаго грома и грозы, эту скатерть обносятъ вокругъ домовъ, думая такимъ благоговѣйнымъ обычаемъ остановить или смягчить гнѣвъ Божій.

Волочобники начинаютъ свои поздравленія на второй день Пасхи и продолжаютъ ихъ всю недѣлю, съ тѣмъ, чтобъ обойти всю деревню. Обыкновенно ходятъ вечеромъ и поютъ пѣсни подъ окошкомъ. Пѣсни эти различны, но всѣ онѣ болѣе или менѣе носятъ характеръ привѣтственныхъ рѣчей, въ которыхъ высказываются благожеланія хозяевамъ. — Приведу двѣ особенно замѣчательныя и извѣстныя въ разныхъ губерніяхъ. Вотъ, напримѣръ, пѣсня, исполненная разныхъ привѣтствій и преданности къ тѣмъ, кого поздравляютъ. Она извѣстна въ Витебской и Могилевской губерніяхъ.

Обыкновенно, подошедши къ окошку, волочобники стучатъ въ него и начинальники привѣтствуютъ хозяина извѣстнымъ

радостнымъ привѣтствіемъ: дзень добры, дзень! пане гаспадару (господинъ хозяинъ)! Христокъ Воскресъ!

Затѣмъ всѣ волочобнички поютъ:

Да церазъ поля да широкае,
 Да церазъ межы залаценькія
 Ишли — цякли валачобнички,
 Да пыталися славнаго пана,
 Славнаго пана, пана гаспадара.
 Да чымъ жа ёнъ уславився?
 И дабромъ сваимъ и дваромъ сваимъ.
 Паметаюць дварѣ усё павимъ пяромъ,
 Усё павимъ пяромъ, залатымъ крыломъ.
 Ставляе стапы усё цисовыя
 Засыпае стапы усё кытайкою,
 Усё кытайкою, усё зеленаю;
 Ставляе кубкі усё сребляныя:
 Наливае кубкі зеленымъ виномъ,
 Зеленымъ виномъ, чорнымъ пивамъ,
 Чорнымъ пивамъ, да салодкімъ медамъ.
 Зеленае виво пану гаспадару,
 Чорнае пива для жаны яго,
 Саладокъ мядокъ для его дзѣтакъ.
 Дай табѣ, Божа, пане гаспадару
 Да пива варицы, да сына жаницы,
 Гарелачку гнацы, дочкі давацы,
 Дай табѣ, Божа, пане гаспадару,
 И у каморы и у аборы,
 Глазѣ гара, тамъ жыта капа,
 Глазѣ логъ, тамъ сѣна стогъ,
 Пане гаспадару! не кажи такъ ицы,
 Не кажи такъ ицы, кажи надарицы.
 Да наши дары не вялікіе,
 Валачобнички не дакучвичкі;
 Да у годъ ходзяць, да Бога просяць.
 Пачынальніку на дзясятничку,
 Старшаму пѣвцу да капу ейцу,
 Да кашеляносу да пирога къ носу.

Затѣмъ пачынальнікъ скороговоркой произносить:

Христось Воскресъ —
Сынъ Божы!
Проща, пане гаспадару
Проща, пане добралару!

(По широкимъ полямъ, по золотымъ межамъ шли — проходили волочобники и спрашивали о знаменитомъ господинѣ, — господинѣ славномъ хозяинѣ. — Чѣмъ же онъ такъ прославился? Онъ прославился своимъ домомъ и имѣниемъ. У него дворъ метутъ павлиньимъ перомъ, — золотымъ крыломъ. Въ домѣ у него столы тесовые, — покрыты китайкою (особеннаго рода ткань, употребляемая вмѣсто скатертей), да китайкою зеленою; на столѣ разставлены серебряные кубки, наполненные зеленымъ виномъ и чернымъ пивомъ, да сладкимъ медомъ. Зеленое вино налито для господина хозяина, черное пиво для его жены, а сладкій медъ для его дѣтей. Дай Богъ тебѣ, господинъ хозяинъ, пиво варить, да сына женить, — водку гнать и дочерей замужъ отдавать. Дай тебѣ Господь, господинъ хозяинъ, обиліе въ домѣ и въ амбарахъ; на горѣ пусть будетъ много ржи, а въ долині стогъ сѣна. — Господинъ хозяинъ! — не вели намъ ни съ чѣмъ отходить, вели насъ подарить. Намъ не нужно большихъ подарковъ, мы волочобники не докучливые — разъ только въ годъ ходимъ и Бога за васъ просимъ. Подарите починальнику копеекъ десять, старшему запѣвалъ копу (60 штукъ) яицъ, а мѣхоносу — пирога...)

Послѣдній куплетъ починальникъ произноситъ два раза.

Вторая пѣсня болѣе любопытна и характеристична: въ ней содержится полный календарь и расписание всѣхъ хозяйскихъ работъ по днямъ святыхъ; эта пѣсня заслуживаетъ особеннаго вниманія; она поется въ Минской и Могилевской губерніяхъ.

Починальникъ привѣтствуетъ хозяина слѣдующими словами:
«Христось Воскресъ, добрые люди!»

Затѣмъ все общество волочобниковъ поетъ:

Ишли, пришли валачобники,
Играючи, сьпѣваючы,

Добрага пана шукаючы.
 Добры вечаръ, пане гаспадару!
 Чы спишъ? чы ляжишъ? пане гаспадару!
 Калі да спишъ, Богъ зъ табою,
 Калі ня спишъ, монь са мною,
 Адчиви вакнд, паглядзи на дворъ,
 На тваимъ дварѣ стаиць шацѣръ
 Навюсеньки, бялюсеньки.
 А у тымъ шатры залатое крсла,
 На томъ крслѣ самъ Богъ сядзиць.
 Перадъ Богамъ усѣ Святкй
 Шикуюцца, рахуюцца:
 Катораму Святому наперодъ пайци?
 Святые Саракй наперодъ пашли,
 Святы Алексйй сохи чешець,
 Святое Благовѣщанье заорываецъ
 Святы Варбичъ вярбу пасьвяцаецъ,
 Чисты Чацьверъ ячень засѣваецъ,
 Святоя Вяличка зъ краснымъ яечкамъ;
 Першы дзень пираги маюць,
 А середни дзень пагуляюць,
 А паслѣдни дзень выправляюць.
 Радавница стѣтакъ запасываецъ;
 Святы Юрѣя, Божій пасолъ
 Да Бога пашовъ,
 А узявъ ключы залатые
 Атамкнувъ землю сырусенькую,
 Пусьцивъ росу цяплюсенькую
 На Бѣлую Русь и на увесь свѣтъ.
 Святы Барисъ бабы сѣецъ,
 Святы Микола па межахъ ходзиць
 Жыта ролзиць.
 Урасився, умачывся,
 Подъ залаты поясъ падаткнувсл.
 Святы Ушестникъ жыта выплываецъ,
 Святая Сѣмуха на вазы возиць
 И Бога просиць.
 Святы Дзевятникъ жыта равнуецъ,
 Святая Дзесятуха жыта красуецъ.
 Святы Иванъ пчолы садзиць
 Подъ перелазамъ па шесцьѣра разамъ.
 Святы Петра жыта сьпѣлиць,
 Святы Кузьма сярпы робиць,

Златые — новые — и сталёвые.
 Святы Павлюкъ грабли робиць.
 Святы Дземьявъ сѣна грабиць.
 Святы Шляя славная жнея;
 Святы Барисъ снапы зносиць.
 Святые Ганны дамовъ возяць.
 Святы Спасъ жыта пасьвяцаець.
 Святая Прачистая папары мѣшаець *
 И жыта засѣваець, а другая ёй памагаець.
 Святое Узьвиженье зъ поля збираець,
 Святы Михайла зъ халоднымъ вѣтрамъ.
 Святы Пакровъ зямлю пакривъ, —
 Зямлю листомъ, а ваду лёдамъ.
 Святы Юрья грудай гвоздзиць-
 Святы Микола снѣгамъ мосьщиць.
 Пришли калядки, гаспадарамъ парадки.
 Святая Василья дзяжу мясила,
 Пяраги пекла и рагатые и букатые.
 Святое Валохрище валу пасьвяцаець, —
 Людзей покрѣпяець. —
 Пришли Саракі да другихъ Саракоеъ.
 Дай Божа гаспадаромъ здаровье:
 Дай Божа, кабъ жыта радзила
 На нивѣ кацами, а у гумнѣ сьциртами,
 На таку умалотамъ, а у арудзѣ спорамъ,
 А у прудзѣ намоламъ;
 У дзяжы надходамъ, а у пенцѣ растомъ. —
 А да на стагѣ жъ сыцьцѣмъ.
 Гасподарокъ! дары гасьцей,
 Не бавъ жежъ, баржджей!
 Наши дары няведички,
 Валочобнички не збытнички;
 Евы у дзѣверы ня лезуць,
 У вакно змѣжуць.
 Пачинальнику капу яецъ,
 А памагальникамъ па дзсятку;
 Для мѣханоса тры грошы, —

* Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эти два стиха замѣняются слѣдующими словами: «Першая Прачистая жыта сѣецъ лѣваю рукой, а меньшая коньчиць пахаць и улешки гаяць (т. е. на первую Пречистую (на Преображеніе) сѣютъ не много ржи; а на вторую (въ день Успенія), оканчиваютъ запахиванье и мѣшаніе засѣянныхъ полей).

Музыцкая горкая доля:
 Што даюць, бярець тоя.
 Гаспадарокъ! дары на параду,
 А не дарышь, праси у хату:
 Мы на тоя пристопаемъ,
 Пачастуй, усе пріймаемъ...
 Запѣвало приговариваетъ:
 Христокъ воскресъ!
 Пане гаспадару!

(Ходили, да зашли (сюда) волочобники, съ музыкой * и съ пѣснями: тутъ нашли они добраго хозяина. Добрый вечеръ, господинъ хозяинъ! Спишь или лежишь, господинъ хозяинъ? Если спишь, Богъ съ тобою; если не спишь, побесѣдуй со мной. Отвори окошко, посмотри на дворъ. На твоємъ дворѣ стоятъ палатка новенькая, бѣленькая; а въ той палаткѣ изображенія Бога и всѣхъ святыхъ его **. Всѣ святые совѣщаются, кому прежде начать выходъ (т. е. начать исполнять свою обязанность). Вотъ первые начали святые сороки (сорокъ мучениковъ). За ними святой Алексѣй; т. е. въ день Алексѣя начинаютъ поселяне готовить плуга. Въ день Благовѣщенія начинаютъ запашку полей. Въ Вербичь, т. е. въ Вербное воскресенье освѣщаютъ вербы. Въ чистый четвергъ сѣютъ ячмень. Во время велички, т. е. великаго дня Пасхи, святятъ яйца; кушаютъ пироги, гуляютъ и торжественно проводятъ время. Въ день радавицы— т. е. во вторникъ на ооминоу недѣлѣ, первый разъ выгоняютъ скотину на пастбища.— Святой Георгій, Божій посланникъ, явился къ Богу, получилъ золотые ключи, отворилъ ими сырую землю и окропилъ росю Бѣлюю-Русь и весь мѣръ ***. Въ день св. Бориса сѣютъ

* Если бываетъ музыка, такъ она состоитъ изъ гуслей и лудки: звуки музыки въ такомъ случаѣ больше бываютъ тихіе, не шумные.

** Обыкновенно, волочобники носятъ съ собою палатку съ разными изображеніями Бога и святыхъ, и показывая хозяину, котораго поздравляютъ, каждое изображеніе, тутъ же разказываютъ о дѣлахъ святыхъ, которыми они прославились и которыя записаны въ святцахъ, — образчикъ этого можно видѣть въ приведенной выше пѣсни.

*** Очевидно—это аллегорія. Она значитъ то, что съ таяніемъ земли и, слѣдовательно, съ появленіемъ весны, которую народъ считаетъ ео дня св. Георгія, роса начинаетъ показываться на землѣ.

бобы (и вообще стручковыя растенія въ огородахъ). Св. Николай (весенній) ходитъ по полямъ и оплодотворяетъ засѣяныя или вспаханныя поля.—Въ шестое воскресенье (Ушестникъ) послѣ Пасхи рожь наливается въ колосьяхъ; въ седьмое молятъ Бога объ урожаѣ на поляхъ. Въ девятое воскресенье (дзевятникъ)—полютъ рожь (и другія хлѣба). Въ десятое рожь цвѣтетъ. Въ день Ивана садитъ пчель въ ульяхъ по шести роевъ заразъ. Ко дню св. Петра рожь созрѣваетъ. Въ день Козьмы берутся за серпы (т. е. наступаетъ время жатвъ). Вслѣдъ за этимъ начинается уборка сѣна. Въ день св. Ильи непременно начинаютъ жать рожь. Въ день Бориса складываютъ въ конны снопы, а въ день св. Анны свозятъ ихъ домой. Въ день св. Спаса (преображенія) освящаютъ нововымолоченную для посѣвовъ рожь. Въ тотъ же день готовятъ поля къ запашкѣ, а въ день Успенія начинаютъ сѣять рожь. Со дня Воздвиженія начинается окончательная уборка съ полей и огородовъ. Въ день св. Михаила начинаются холода. Въ день св. Покрова земля покрывается листьями, опадающими съ деревьевъ, а рѣки замерзаютъ. Въ день св. Николая является снѣгъ. Въ рождественскія святки устраиваются разныя домашнія дѣла: народъ отдыхаетъ послѣ трудовъ. Въ день св. Василія, т. е. въ Новый Годъ готовятъ множество кушаній и всякихъ пироговъ, т. е. въ этотъ день народъ весело проводитъ время. Въ день крещенія святятъ воду и ею окропляютъ людей. Но вотъ наступили опять сороки т. е. день сорока мучениковъ. Дай Богъ хозяевамъ здоровье. Дай Богъ, чтобъ у нихъ хлѣбъ уродился, на поляхъ въ копнахъ, а въ гумнѣ въ скирдахъ; чтобъ на току (мѣсто, гдѣ молотятъ рожь) хорошо (т. е. хлѣбъ) молотился,—въ амбарахъ было много его, а въ мельницѣ хорошо молотся; чтобъ мука хорошо растворялась въ квашняхъ;—тѣсто подходило, и *выросло* въ печи; чтобъ хлѣбъ былъ сытной за столомъ. Хозяинушка! подари гостей! не медли только, поскорѣй! Намъ не нужны большіе подарки; мы волочобники не прихотливые, не выскательные; наши подарки войдутъ въ окно, ихъ не нужно выносить черезъ двери. Запѣвалъ дай 60 яицъ, а помощникамъ его по десяти штукъ; мѣхоносу—три гроша; а музыкантъ—не разбираетъ, что даютъ ему; онъ возьметъ, что ты дашь ему. Хозяинушка! подари *для порядка* (по обыкно-

вению); а не подаришь, попроси насъ въ комнату: мы и на это согласны: чѣмъ угостишь, тѣмъ и будемъ довольны).

Случается иногда, что хозяева не дарятъ ничѣмъ; волочобники ни чуть не обижаются и отходятъ дальше къ слѣдующему дому; только иногда запѣвало поетъ:

Перайшли сяцо,
Знайшли яйцо;
Перайшли другая,
Згубили и тоя.

То есть обошли все село, получили одно яйцо; обошли другое, потеряли и это одно яйцо.

По окончаніи поздравленій, волочобники собираются къ запѣвалѣ и тамъ дѣлятъ подарки; при этомъ часть подарковъ разлаютъ вицимъ.

Замѣчательно, что волочобники проводятъ время поздравленій какъ можно скромнѣе, безъ всякихъ неприличныхъ игръ, а тѣмъ болѣе шумныхъ забавъ.

18. Глѣбушкины слезки.

Преданіе Могилевской и Минской губерній.

За высокимъ холмомъ, надъ широкимъ Днѣпромъ, въ чащѣ вѣковыхъ дубовъ, славень былъ на всю землю бѣлорусскую замокъ старика, богатаго человѣка, по прозванію *Краснаго-Глѣка* *. У человѣка Краснаго-Глѣка давнымъ-давно не было жены, умерла—отъ злыхъ чаръ сосѣда-вѣдьмара; не влюбилось вишь ему, отчего Красный-Глѣкъ былъ такой счастливый человѣкъ. Остались отъ покойницы жены лишь три дочери, всѣ красавицы, да не равныя по уму: двѣ разумныя были, а меньшая за глупенькую слыла.

* Красный-Глѣкъ значитъ собственно красный кувшинъ, а въ переносномъ смыслѣ—кувшинъ съ деньгами: оттого-то бѣлорусскій народъ въ своихъ сказкахъ всѣхъ богатыхъ людей называетъ красными глѣками, думая, что люди богатыютъ отъ кладовъ, которые будто хранятся въ землѣ въ красныхъ, огненныхъ кувшинахъ.

Долго жилъ-поживалъ богатый человекъ Красный-Глѣкъ безъ жены, съ тремя дочерьми: все горевалъ о женѣ. Да не тутъ-то было: горевалъ-горевалъ, а наконецъ и пересталъ... А потомъ и жениться снова задумалъ старый человекъ Красный-Глѣкъ: насмѣшать хотѣлъ свѣтъ, жениться на старости лѣтъ.

Долго ль было ему искать себѣ жену: у него на примѣтъ была краля-дѣвица, бѣлолица, круглолица, а очей ея, черныхъ бровей и волосъ не списать... Не старику бы такая краса-молодица, а вышло такъ, что красавица-дѣвица съ первыхъ словъ согласилась быть его женой... Обрадовался старикъ согласію дѣвицы, а не зналъ того, что такая жена для него будетъ сущая бѣда... Дѣло въ томъ, что дѣвица круглолица, черная косица, была сродни вѣдмарю, злему Глѣкову врагу, просто-на-просто его родная сестрица...

Вотъ отпраздновали свадьбу: пиръ задалъ старикъ на весь міръ; и стала дѣвица женой богатаго человека Краснаго-Глѣка...

Не прошло и двухъ недѣль послѣ радостныхъ пировъ, какъ Глѣчиха стала ныть, скучать и по цѣлымъ днямъ молчать: все сидитъ одна, да невѣдомую думу думаетъ... А старикъ Глѣкъ, какъ влюбленный человекъ, все скорбитъ о томъ, какъ бы думу эту разгадать: какъ ни станетъ ласкать жену, а она отъ него отворачивается и ни слова не говоритъ... Сталъ сзывать знахарей, разныхъ *лекарей*, чтобъ они узнали горе милой жены: онъ сумилъ имъ полны горсти золота, только бъ вылечили ненаглядную молодицу отъ такого *крученицу**. И нашелся наконецъ изъ какихъ-то странъ пресловутый *вѣдунецъ* (знахарь, высшій лекарь): рассказала ему Глѣчиха, что за скука такая овладѣла ея душою; захотѣлось ей отвѣдать какой-то похлебки съ примѣсью птичьей *вантробки* (внутренности, потроха), а похlebка та называется въ той землѣ, гдѣ готовятъ ее, *Глѣбушкины слезки*. Объявилъ вѣдунецъ старику Красному-Глѣку волю милой его Глѣчихи и прибавилъ отъ себя, что отъ этой только похлебки вылечится его жена, а не то умретъ она.

Поблагодаривъ вѣдунца, Красный-Глѣкъ согласился достать таинственной похлебки; доложили о томъ его женѣ, и куда

* *Крученица* значитъ меланхолія и даже малое помѣшательство, происходящее, по понятію бѣлорусскаго народа, отъ чаръ, колдовства и иногда отъ наважденія нечистой силы.

дѣвалась грусть-тоска; прослезилась отъ радости Глѣчиха и давай обнимать и ласкать мужа; только Глѣку оттого стало хуже.. Разказала жена, что за Глѣбушкиными слезками онъ послать долженъ старшую дочь свою, ненаглядную красу... Въ томъ и сила была, что жена не влюбила его дѣтей и задумала сгубить ихъ поскорѣй. Такъ условилась она съ вѣдьмаремъ, непримиримымъ мужнивымъ врагомъ; онъ внушилъ ей такую думу для себя на потѣху, а Красному-Глѣку на *поглуму* (на зло). И вѣдьмарь и Глѣчиха были увѣрены, что не достать дочерямъ Глѣка Глѣбушкиныхъ слезокъ: эти слезки были собственностью вѣдьмаря...

Не хотѣлось старику-человѣку Красному-Глѣку посылать свою дочь за похлебкою, будто ужъ не стало у него людей, чтобъ отправить гонцовъ за рѣку за Днѣпръ, въ ту землю, гдѣ приготавливаютъ эту снѣдь; да условіе-то было такое, чтобъ онъ дочь свою послалъ, а не то онъ пропасть: безъ того не видать ему жены...

Снарядилъ старикъ, съ горемъ по поламъ, старшую дочь свою въ путь-дорогу, а жена въ добавокъ разказала ей, какъ найти островокъ, на которомъ живетъ человѣкъ съ ноготокъ, гдѣ, какъ-будто она слышала, продается похлебка по названію Глѣбушкины слезки... Проводили сестру двѣ меньшія сестры и простились съ нею у широкой дороги близъ высокихъ холмовъ, по прозванію *Черныхъ-Котовъ*.

Осталась одна старшая сестра и напала на нее тоска и невѣдомая грусть; сѣла красавица на камень и стала думать тяжкую думу... «Знать не любить меня родной отецъ, что послушался навѣтовъ злой мачихи и послалъ меня въ путь-дороженьку; какъ дойти моимъ ножкамъ, не превыкшимъ къ ходьбѣ? какъ вынесутъ мои глаза непогоду дѣсную и вѣтеръ-бурю громовую?.. Не влюбила меня жена отца моего, знать не мать она мнѣ, только думаетъ о себѣ. Хоть бы кто-нибудь попался на дорогѣ и раздѣлилъ со мной тяжелой путь!..»

Не успѣла произнести послѣднихъ словъ, какъ изъ темнаго лѣса, изъ густой чащи показался старикъ, *Дзѣдка* *, нищій

* *Дзѣдка*, по преданію бѣлорускаго народа, податель богатства, духъ-хранитель кладовъ. Объ Дзѣдкѣ см. Жур. Мин. Нар. Просв. 1846 г. Прибав. кн. I стр. 40—41. Объ немъ же было уже сказано въ нашемъ журналѣ нынѣшняго года № 1, въ статьѣ: Похороны и поминки.

человѣкъ съ красными глазами и съ такою же бородою; вотъ подходитъ онъ къ красной дѣвицѣ, все ближе и ближе къ ней; глядь дѣвица: у старика вмѣсто глазъ два огонька, а за плечами сума точно пламенемъ горитъ... Испугалась дѣвица и отскочила отъ него; а старикъ—то красный все за ней, да за ней; побѣжала красавица еще дальше отъ старика, обернулась, глядь, не стало старика, только вспыхнуло пламя и словно провалился онъ сквозь землю. Тутъ опомнилась дѣвица, вспомнила, что то былъ хранитель кладовъ и спутникъ лѣсной, покровитель заблудившихся въ лѣсу. Но ужъ было поздно жалѣть: такова знать судьба была дѣвицы, чернобровой молодяцы...

Пошла старшая сестра, сама себя браня за такую оплошность. Все идетъ да идетъ по широкой дорогѣ, межъ прекрасныхъ дубовыхъ лѣсовъ, да зелеными пахучими лугами. Наконецъ дошла до высокой горы необъятной величавы: не видать ни верха, ни краевъ по сторонамъ, точно диво какое; заслонила собою гора небеса... Какъ взобраться на верхушку ея хребта?..

Приздумалась дѣвица и не знаетъ, какъ приступить къ горѣ; но дума тутъ не во время, вѣдь не сидѣтъ же здѣсь прекрасной дочери Глѣка, а то долго ль встрѣтить въ такихъ мѣстахъ злого человѣка... Стала ближе подходить къ горѣ наша дѣвица, вотъ ступила ногой, затряслася гора, сверху посыпались камни, да камешки; глядь, изъ камней, да камешковъ породились не то люди, не то звѣри какіе, все старухи, да дѣвы страшныя такія, что и сказать вельзя; всѣ съ растрепанными волосами, точно въ рубищахъ дыравыхъ, а съ когтищами—то ужаси какими, будто птицы хищныя... И набросились онѣ на красную дѣвицу, и стали грызть ее зубами, терзать огненными когтями, словно иглами калеными... Завопила путница земная, застонала на весь лѣсъ, встрепенулись злыя твари, испугались—сверху горы раздался голосъ повелителя, ихъ наистаршаго управителя... Остановились хищныя вѣдьмы и отступили отъ дѣвицы... Вдругъ раздался свистъ у подножія горы, и какія-то бѣлокрылыя птицы прилетѣли съ нагорной вершины и спустились у ногъ дѣвицы, предлагая ей мѣсто въ чудной колесницѣ.

Надивиться не могла дѣвица, что за диво, откуда взялась такая колесница? Какъ же такъ, тутъ было-готовилась къ смерти: задушить ее хотѣли адскія проявы (чудовища, привидѣнія), и вдругъ предлагаютъ ей колесницу...

Послушалась дѣвица бѣлыхъ птицъ и сѣла на указанномъ

мѣстѣ, и вмѣгъ очутилась на верхушкѣ горы, а навстрѣчу ей несутъ птички отъ господина повелителя богатѣйшіе дары. Вслѣдъ за птичками явился и самъ господинъ, весь облитый золотомъ и изумрудами. Поклонился владѣлецъ горы и проситъ дѣвицу пожаловать въ его горную свѣтлицу... Предъ дѣвицей разверзлась гора и внутри гранитныхъ скалъ засіяли алмазныя стѣны богатѣйшихъ хоромъ, какихъ вѣтъ у дѣвицы Глѣчихи вмѣстѣ съ Глѣкомъ, ея отцомъ... Усадивъ гостью на богатомъ коврѣ, такъ повелъ привѣтливую рѣчь богатырь, господинъ горы.

«— Не взыщи, сосѣдка дорогая, дочь богатаго человѣка, Краснаго-Глѣка, что безъ спросу твоего я завелъ тебя въ свои хоромы на высокой горѣ. Позволь присѣсть у ногъ твоихъ и полюбоваться на ясныя дѣвичьи очи твои: ужъ давно я слышалъ про тебя, и желаніе было у меня послать пословъ къ твоему отцу, да не зналъ, въ удачу ль будетъ мое посланіе; скажи слово доброе и утѣшь меня въ моихъ хоромахъ.

«— Все дивлюсь, прости господинъ-повелитель горы, и надивиться не могу, отколь узналъ ты про меня, про несчастную дочь Краснаго-Глѣка... Благодарю тебя, добрый человѣкъ, ты избавилъ меня отъ когтей хищныхъ чудищъ у подножія твоей горы, какъ же мнѣ послѣ этого всего не сказать тебѣ добраго слова и не утѣшить въ собственныхъ твоихъ владѣніяхъ... Садись рядомъ со мною, господинъ въ своемъ домѣ, да скажи, какъ зовутъ тебя, и кто таковъ ты: вижу, знатный повелитель...

«— Я князь, отвѣчалъ повелитель, сѣвши возлѣ дѣвицы:—меня зовутъ Больня-Видукъ... Насъ три брата на этомъ свѣтѣ, всѣ живемъ врозь; насъ поссорилъ вѣдьмаръ, злой владѣтель чаръ, что живетъ за Днѣпромъ на озерномъ островкѣ, аль не слышала объ немъ, объ этомъ чаровникѣ, маленькомъ ноготкѣ?.. Позавидовала злой волшебникъ нашему братскому согласію и разлучилъ насъ навсегда. Живемъ мы недалеко другъ отъ друга, одного лишь изъ насъ младшаго брата Тину-Котка онъ оставилъ при себѣ на островкѣ. Не пощадилъ и насъ двоихъ, колдунъ: приставилъ стражу изъ камней и камешковъ, изъ скалъ и кремней: все то чары колдовства, и изъ камней раждаются чудища, страшныя проявы, тѣ самыя, что напали на тебя... Хоть и не властенъ я распоряжаться на этой горѣ, но на этотъ разъ мнѣ данъ строгій приказъ пропустить на гору тебя, крас-

ная дѣвица: что все значить это, не могу тебѣ сказать; ты не знаешь этого вѣдьмара? его зовутъ Рыжій-Дѣдушка, Косматый-Глѣбушка...

«— Глѣбушка? вскричала дѣвица. Ахъ, не онъ ли тотъ, что приготовляетъ какой-то *крупень* (похлебка, каша изъ крупъ), аль похлебку по названію: Глѣбушкины слезки?..»

«— Такъ ты знаешь про Глѣбушкины слезки?.. какъ же такъ? вѣдь объ нихъ только и слуху, что на нашей горѣ, да въ его зачатой норѣ, глѣ придумали его маленькія чаровницы такое прозваніе этой странной похлебкѣ?..»

«— Ахъ, князь-повелитель! какъ не знать мнѣ про Глѣбушкины слезки, когда меня послали къ этому вѣдьмарю за его похлебкой?... Есть у меня мать не родная, отцу моему жена вторая; знать она спозналась съ вѣдьмаремъ, аль съ родни ему какой, и оттого ей захотѣлось попробовать этихъ Глѣбушкиныхъ слезокъ; разгоревалась да расплакалась предъ моимъ отцомъ: «Пошли дочь свою старшую на островокъ, гдѣ живетъ Ноготокъ, тамъ достанетъ она этой чудной похлебки; принесетъ, буду жить съ тобой, а не принесетъ, — разстанусь навсегда». Послушался отецъ мачихи моей и послалъ меня за Глѣбушкиными слезками... Но прости, князь-господинъ, я сѣсть должна къ ночи на островокъ, а не то придется ночь провести въ лѣсу темномъ, незнакомомъ...»

«— Нѣтъ, красавица, дочь Глѣка! Я не пушу тебя одну на этотъ островокъ; знай, что тамъ живетъ злой Ноготокъ, и какъ разъ оставитъ тебя у себя, превративъ въ какого-нибудь звѣрька; вѣдь на томъ на островку много чудныхъ, распрекрасныхъ дѣвъ зачаровалъ ужъ онъ и безвыходно на нѣсколько лѣтъ поселилъ ихъ въ своихъ палатахъ: ужъ таковъ его обѣтъ; посмотри, какъ бы онъ не прельстился твоей красотой и не заперъ тебя въ норѣ своей... Позволь, дѣвица, черная косица, быть мнѣ спутникомъ твоимъ; я съ мечомъ въ рукахъ проведу тебя въ палаты Ноготка и достану тебѣ эту дивную, таинственную похлебку...»

Поблагодарила дѣвица князя горнаго за такое предложеніе и отправилась съ нимъ на колесницѣ внизъ на ту сторону горы... Какъ спустились съ горы, дѣва красная увидѣла быстрыя воды Днѣпра. Въ одну минуту бѣлокрылыя птицы перенесли на колесницѣ богатыря князя и его милую спутницу, и вотъ очутились они у самаго озера. Но лишь только тронулись съ берега

озернаго, какъ съ островка поднялась огромная огненная мышь и бросилась навстрѣчу къ князю; князь вынулъ мечъ и хотѣлъ вступить съ нею въ бой, но въ мгновеніе ока влетѣла тѣма хищныхъ птицъ, змѣй и лягушекъ подѣ предводительствомъ Ноготка, и князь былъ изрубленъ на мелкія части.

Осталась одна дѣвица полумертвая отъ страху. Ноготокъ велѣлъ перенести ее на островокъ...

Когда очнулась дѣвица, Ноготокъ потребовалъ ее къ себѣ и съ такою рѣчью обратился къ ней:

— Ну, красная дѣвица, дочь Глѣка, ты теперь въ моихъ рукахъ: не сумѣла ты сама пожаловать ко мнѣ, такъ теперь вини себя, не меня; погубила ты горнаго повелителя, такъ ужъ стало дѣло, ты теперь въ подданствѣ у меня... Прослужишь у меня вѣрно, такъ я награжу тебя примѣрно, а чтобъ знала ты, что у меня не тяжело служить, такъ назначаю я тебя состоять при мнѣ на послугѣ; ты сегодня вечеръ вмѣстѣ со мною, а потомъ придется тебѣ на сторожѣ быть ночью порой...

Прослезилась красная дѣвица, стала клясть судьбу свою, долю горькую проклинать; тутъ лишь вспомнила она, что на гибель вѣрную послала ее мать не родная, да вдобавокъ еще загубила молодца, что такъ всею душой привязался къ ней и хотѣлъ избрать ее женой своей: стало грустно дѣвицѣ, призадумалась она и пошла съ поникшею головою въ отведенный ей покой... Долго плакала она тамъ и перестала лишь тогда, какъ вошелъ къ ней злой волшебникъ.

Какъ увидѣла колдуна, обомлѣла дѣвица. Ноготокъ сталъ не тотъ: превратился въ великана съ рыжей, будто красной бородой, весь косматый съ головы до ногъ...

— Полно плакать дочь земнаго человѣка, Краснаго-Глѣка! не пора ль перестать тужить; вотъ ужъ ты провинилась, не спросила, что за служба здѣсь твоя; а не знаешь того, что тебя ждутъ давно мои дѣвицы, распрекрасныя голубицы. Ну, ступай, познакомься съ ними, да сѣдши приготовить мнѣ яствы тѣ, что люблю я ежедневно вкушать, а потомъ мнѣ пора на покой, а тебѣ предстоитъ караулъ ночью...

Сказавши это, рыжій дѣдушка взялъ дѣвицу за руку и повелъ ее въ великолѣпныя палаты, тамъ представилъ ее прехорошенькимъ птичкамъ, все зелененькія такія, съ красивыми крыльцами. Вотъ какъ тряхнулъ вѣдмаре рыжей бородой своей, глядь, изъ птицъ образовался длинный строй распрекрасныхъ, полнолицыхъ

дѣвица съ бѣлоснѣжными шейками и шелковыми кудрями, всѣ такъ чинно присѣдали, то и дѣло расправляя чистенькіе рукавички, да переднички. А какъ только ближе къ нимъ подошла дочь Глѣба, всѣ такъ и бросились къ ней, стали кружкомъ и давай называть ее всѣми милыми именами, прибавляя чуть ли не къ каждому слову: «ахъ! мы будемъ васъ обожать! ахъ! мы будемъ васъ обожать!»

Повеселѣла дѣвица въ кругу милыхъ дѣтей, и забыла обо всемъ: грозный дѣдушка исчезъ, а она съ дѣтьми пробралась въ зеленый садъ: тамъ пошла потѣха: садъ горѣлъ разноцвѣтными огнями; всѣ малютки разбѣжались, стали прыгать, бѣгать, такъ обрадовались онѣ свободѣ, знать имъ въ рѣдкость она была при всегдашней заботѣ.

Но недолго веселилась дѣвица: вдругъ среди веселья предсталъ предъ нею Ноготокъ и напомнилъ ей о службѣ, попрекнувъ опять въ нерадѣніи: «Какъ же можно, говорить, такъ дѣтей баловать? Можно ль въ познее такое время имъ давать свободу? этакъ ты выбьешь у нихъ къ занятіямъ охоту! Вотъ опять неисправность за тобой: все считается у меня, и я долженъ наказывать тебя...

Свистнулъ злой колдунъ, зашумѣли вѣтры, погасли огни и дѣвицы-малютки превратились въ птичекъ, и не стало ихъ въ саду... Вышла дѣвица со вздохомъ и послѣдовала за вѣдьмаремъ въ отведенный для нея покой, а оттуда въ кухню, стряпать кушанья для дѣдушки, косматаго-Глѣбушки... Все тамъ ново и все дико было для нея: вѣдь не знала толку ни въ чемъ, ни за что взяться не съумѣла: все не такъ, все не этакъ, такъ изъ рукъ и валится дѣло... Но состряпала наковецъ какъ могла и чтó нашла; подала на столъ, сѣли кушать, она, да рыжая-борода...

Отвѣдалъ вѣдьмарь стряпни дѣвицы: не по вкусу было все, разсердился злой колдунъ и съ гнѣвомъ вышелъ изъ-за стола... «Быть бѣдѣ!» подумала стряпуха, и махнула рукой; раздосадовала и она ужъ теперь: къ сердцу кровь прилила, возненавидѣла Ноготка она. А тутъ какъ на зло на бѣду, подвернись котенокъ и давай просить у нея поѣсть. «Дѣвка-дѣвица, черна-косуца! говорить, дай мнѣ ложечку каши, я тебѣ службу со-служу...» — Отстань, въ-сердцахъ закричала дѣвица, а не то я тебѣ лобъ раздроблю... Но котенокъ съ новой просьбой; разо-

злилась дѣвица ихватила чѣмъ попало красноглазого котенка по лбу.

Отскочилъ котенокъ съ мяуканьемъ и побѣжалъ въ свой уголокъ. Осталась одна дѣвица и задумалась о своемъ горѣ: долго такъ сидѣла въ раздумьи горькомъ и уснула наконецъ.

Вдругъ раздался страшный голосъ вѣдьмара и дѣвица проснулась, задрожала какъ осиновоый листъ, стала злаго колдуна молить, чтобъ онъ лучше лишилъ ее жизни сразу, чѣмъ терзать ее поминутно. Но колдунъ былъ неумолимъ и не слушая ея мольбы, приказалъ ей готовить ложе... «Ну, дѣвица, говоритъ чародѣй: — мнѣ пора спать. Стели постель: рядъ полѣнъ, рядъ камней, жернова подъ голову, а *ступой* (иготью) накрыться». Испугалась дѣвица такихъ вѣдьмарскихъ рѣчей: какъ ни трудно было приготовить такую постель, а должна была исполнить волю косматаго-Глѣбушки. Но и тутъ недоволенъ остался колдунъ: не такъ камня положила, не ту иготь взяла.—«Не хорошо, говоритъ, ты исполняешь мои велѣнья:—будетъ худо съ тобой... Вотъ тебѣ ключи отъ всего моего добра, да смотри не спать всю ночь, а звенѣть ключами; провинишься — накажу безошадно, ты, я вижу, не умѣешь служить мнѣ».

Уснулъ колдунъ, а дѣвица черная-косица долго плакала о своей судьбѣ и никто не могъ ее утѣшить... Горе-горькое сжало ея грудь, и бѣдняжка забыла о ключахъ... Вдругъ раздался свистъ вѣдьмара и затѣмъ къ ногамъ дѣвицы упалъ камень пребольшой... Дѣвица опомнилась, но ужъ было поздно: то колдунъ злой ея гонитель начиналъ карать ослушницу. Вслѣдъ за камнемъ полетѣли жернова, и дѣвица обмерла со страху. Злой колдунъ заревѣлъ: «дѣвка-дѣвица! жива ли ты?»—«Жива», чуть слышно отвѣчала она. Полетѣли снова камни, и бѣдная дѣвица испустила послѣдній вздохъ. Чародѣй еще разъ спросилъ, но отвѣта не слышалъ и съ размаху бросилъ иготь, но дѣвица ужъ давно холодною лежала...

Такъ свершилось мщеніе злаго дѣдушки косматаго Глѣбушки; такъ сгубилъ онъ дочь Глѣка, богатаго человѣка въ угоду Глѣчихѣ, своей *панибратихѣ* (женщина, заодно дѣйствующая съ чародѣями)...

Долго ждалъ Красный-Глѣкъ возвращенія дочери родной; но прошли дни и годы, а дѣвица, вся изрубленная въ куски, тлѣла въ чаровничьей палатѣ. Знала давно Глѣчиха о такой судьбѣ дѣвицы, да сказать о томъ отцу не приходилось ей, будто знать

не знала; даже на-взрыдъ рыдала вмѣстѣ съ обѣднымъ отцомъ.

Злое сердце было у Глѣчихи. На другой годъ стала снова тосковать; а старикъ-то Глѣкъ, какъ влюбленный человекъ, призвалъ опять вѣдунца полечить жену, подколовную змѣю. И сказалъ опять вѣдунецъ, что болѣзнь ея такая, какъ и была прежде, а потому послать опять нужно за Глѣбушкиными-слезками на островокъ, гдѣ живетъ господинъ съ ноготокъ... Тутъ уже Глѣкъ призадумался не на шутку, и сказалъ женѣ, что пошлетъ купить такую погулку не дочь, а ужъ кого-нибудь другаго... Но жена и слушать не хотѣла: уморить, говорить, ты желаешь меня!.. Долго спорили мужъ съ женою, а жена на своемъ поставитъ успѣла: среднюю дочь, красавицу Малушу, Глѣкъ послалъ отыскать похлебку за Днѣпромъ на острову.

Вотъ простилась Малуша съ отцомъ и пошла въ путь-дорогу къ широкому Днѣпру. Не прошла полпути, какъ на встрѣчу ей попадается Дзѣдка и съ поклономъ къ ней... Знать Малуша-то умнѣе, аль добрѣе была сестры; безъ спѣси подошла къ старику и, принявъ его за нищаго, подала ему кусокъ хлѣба... Не успѣлъ старикъ-Дзѣдка взять у ней хлѣбъ, какъ видѣніе исчезло и на мѣстѣ томъ пламя огненное изъ пещеры подземной запылало и изъ него показалась страшная голова безобразной старухи... Испугалась Малуша и, что духу стало, побѣжала по лѣсамъ, по горахъ, по обширнымъ холмамъ и опомнилась лишь тогда, какъ завидѣла вдали Днѣпръ, а у береговъ его преогромную скалу, а на той скалѣ замокъ дивный богатыря, по прозванію Гореслава-Лотыря... Посмотрѣть бы этотъ замокъ, такъ подумала про себя любопытная Малуша...

Не успѣла и подумать, какъ съ высокой скалы вдругъ сползли какія-то змѣи, гады, жабы и острожалыя мухи и давай кусать Малушу: а вдобавокъ змѣи-гады обвились вокругъ шеи дѣвицы и чуть было не удушили среднюю дочь Глѣка... Закричала страшнымъ голосомъ страдальца и въ мгновеніе ока прилетѣла великанъ-алмазная-муха и избавила Малушу отъ животныхъ гадовъ, мелкихъ мухъ...

Надивиться не могла Малуша, что за чудная такая эта муха и благодарить стала ее за спасеніе жизни... Но алмазная муха не покоячила на томъ: какъ взмахнетъ своими яркими крыльями, вмигъ у ножекъ мухи образовалась златотканная сѣть, и услужливая муха предложила дѣвицѣ сѣсть на эту чудную

сѣтъ и отправиться съ ней въ замокъ дивный Лотыря, гдѣ ужъ такъ давно поговариваетъ о Малушѣ этотъ храбрый вѣтизь, воинъ славный бѣлорусской земли... Обрадовалась Малуша и полетѣла въ сѣтъ съ мухой за высокую скалу къ богатырю Лотарю...

А Лотырь-Гореславъ самъ несетъ дары неожиданной гостьѣ и съ поклономъ провожаетъ ее въ богатя хоромы; тамъ-то два сколько нашла Малуша! Чтò за стѣны въ хоромыхъ! изъ сапфира драгоцѣннаго проведены онѣ вплоть и вкругъ; а сѣдлаща всѣ изъ зеленыхъ прозрачныхъ камней, полъ изъ раковинъ склеенъ... Но не долго Малуша любовалась чудесами въ хоромыхъ; князь Лотырь, бѣлорусскій богатырь, обратился къ ней съ ласковыми рѣчами:

«Привѣтъ тебѣ, дѣвица, Малуша, дочь богатаго Глѣка!.. Чѣмъ съумѣю отблагодарить тебя за твое посѣщеніе?.. Ужъ давно я собирался съ братомъ старшимъ къ твоему отцу, да судьба преслѣдуетъ меня безконечно, и все не могъ собраться къ вамъ; а теперь вотъ не стало брата старшаго моего, погубилъ его злой колдунъ, Рыжій дѣдушка, косматый-Глѣбушка...

— Какъ? прервала Малуша; такъ косматый-Глѣбушка.. этотъ маленькій Ноготокъ—злой колдунъ? Ну, теперь-то я вижу, что сгубить и меня захотѣла мать моя неродная, какъ сгубила она старшую сестру мою... Эта злая мать послала ее за какими-то Глѣбушкными-слезками на озерный островокъ, гдѣ живетъ Ноготокъ, а теперь шлетъ меня туда же... Чтò же дѣлать мнѣ? Неужель оставить безъ исполненія всѣ ея велѣнія?

— Нѣтъ, дѣвица Малуша! ты не можешь не исполнить ихъ: злой колдунъ сродни твоей Глѣчихѣ и погубить онъ тебя, буде ты не отправишься къ нему за слезками; а притомъ онъ нашьлетъ чары на меня и тогда не видать мнѣ больше тебя. Ужъ мы лучше отправимся вмѣстѣ, и авось намъ поможетъ судьба разорить его жилище и избавить оттуда брата меньшаго моего: вѣдь онъ тамъ въ неволѣ...

Согласилась дѣвица на такую волю Лотыря князя богатыря и отправилась вмѣстѣ съ нимъ въ паутинной сѣти къ озерному острову... Но лишь только они спустились на островокъ, какъ съ тучей, громомъ и воздушными огнями (т. е. молніями) налетѣлъ на нихъ Ноготокъ, весь косматый, съ огненною бородою, и велѣлъ своей прислугѣ, ядовитымъ комарамъ и мухамъ, жалить и тиранить незваныхъ гостей. Но Лотырь не

струсиль: вынулъ мечъ и напалъ на Ноготка; вдругъ изъ маленькаго Ноготка выросъ дѣдушка-великанъ, и, сверкая страшными глазами, замахнулся бородой на богатыря-храбреца. Видитъ Малуша, что грозитъ бѣда Лотырю, расхрабрилась и она; хватъ за мечъ другой изъ ноженъ богатыря и давай рубить колдуна...

Озлился колдунъ: «эка дерзкая Малуша!» и щелкнулъ языкомъ на весь островокъ; затряслась земля, заходили кругомъ лѣса, небо темью покрылось, грохнулъ перунъ, и откуда возмись черномазья страшилища, бабы старья, мохнатя, съ кочergами да ухватами, и давай безошадно бить Малушу и ея богатыря, храбраго Лотыря: били онѣ ихъ, били, пока тѣ духъ не испустили... Такъ погибла Малуша, не выдавъ даже палатъ колдуна; такъ погибъ Лотырь, братъ родной Больны-Видука,...

И темнѣй стали небеса, и сильнѣй загрохотали перуны; хохотъ страшный раздался по всему острову, то былъ вѣдмъ привѣтъ побѣдителю колдуну. А колдунъ Ноготокъ угостилъ своихъ сестеръ-чаровницъ кровью дѣвицы Малуши и защитника ея, Лотыря.

Вотъ прошло много времени съ-тѣхъ-поръ, какъ погибла Малуша, а старикъ - отецъ, красный-Глѣкъ ждетъ-да-ждетъ средней дочери Малуши... Не видать тебѣ Малуши, думаетъ Глѣчиха, и опять начинаетъ хворать, охатъ да стонать; улеглась въ кровать и покоя не даетъ бѣдному Глѣку своей тоскливой болѣзнию... «Дай мнѣ Глѣбушкиныхъ-слезокъ», говорить ужъ сама безъ совѣта вѣдунца: а то жить тебѣ безъ меня... Глѣкъ несчастный человекъ! И жены-то жаль и лишиться послѣдней дочери не мило: сталъ просить, молить неугомонную жену, чтобъ позволила она кого-нибудь изъ гонцовъ послать на островокъ, а то какъ же можетъ слезокъ достать горемычная сестра меньшая и преглупенькая и неопытная, когла старшія не смогли принести таинственной похлебки?.. Но жена свое: шли, да шли глупенькую дочь, чтò за важная такая она?.. аль для матери она, хоть и не родной, пожалѣетъ ногъ, чтобъ сходить за Двѣпръ на озерный островокъ, гдѣ готовить похлебку, по названію Глѣбушкины-слезки.

Чтò ты станешь дѣлать? посылай красный-Глѣкъ дочь послѣднюю. Сваряжаетъ бѣдный старикъ глупенькую дочь и, от-

правивъ ее въ путь, прослезился горько: стало жаль старику—вѣдь погибнетъ, безъ сомнѣнiя, глупенькая она!.. А Глѣчиха, вѣдьмаря панибратиха, такъ и радуется въ душѣ, что скорбитъ старикъ Глѣкъ: вотъ умереть, думаетъ злая, немилый человекъ, и останусь я госпожею диво-дивнаго замка... Будетъ такъ, да не такъ, злая ты Глѣчиха... А вотъ, баюють люди бѣлорусскiе, какъ!.. еще сказкѣ не конецъ...

Вотъ идетъ, да идетъ глупенькая дѣвица: веселится себѣ, пѣсенки поетъ, точно горя никакого не предвидитъ она: и въ весельи такомъ не замѣтила дѣвица, какъ навстрѣчу ей вышелъ изъ лѣсу бороваго Дзѣдка тотъ же, что и прежде являлся двумъ сестрамъ старшимъ ея; понравился дѣвицѣ старичокъ-огонѣкъ, и съ весельями пѣснями бросилась на шею къ нему; но каково жъ удивленiе ея было, когда вмѣсто Дзѣдки-старичка очутился въ ея объятiяхъ преогромный мѣднiй котелъ, весь наполненный золотомъ; тутъ дѣвица-дура, хоть на дѣлѣ-то она умнѣй сестеръ была, вспомнила рассказы про лѣсные клады и смекнувъ, что за вещь такая этотъ зачарованный котелъ, поскорѣе сняла съ себя красный поясокъ и ужъ собралась бросить его въ котелъ, но въ ту жъ минуту изъ котла показалась безобразная старуха и давай стращать ее желѣзными когтями. Но дѣвица-дура не струхнула, хватъ пояскомъ по кохтямъ, да и связала вѣдьмѣ руки; ухъ, взмолилась чаровница: не губи меня, дѣвица, дочь земнаго человекъ! сослужу тебѣ службу важно, только руки развяжи мнѣ; ты не знаешь, что за участь ждетъ тебя на островку, гдѣ живетъ Ноготокъ, бывший мой муженѣкъ; я сердита на него — погубить хочу его, а тебѣ помогу добыть слезокъ.

— Ты поможешь мнѣ добыть слезокъ? Если такъ, отпущу тебя; но ты прежде расскажи, какъ попасть мнѣ на этотъ островокъ; я хоть дурой зовусь, а все-таки умнѣй сестеръ окажусь... Говори поскорѣе, старуха, а не то продержу тебя до полночной зари, запоютъ пѣтухи и пропади твои *трибухи* *.

«Вижу, ты не дура, дѣвица! быть тебѣ великой госпожей! Ну, такъ слушай, чернокудрая косица!.. Я не вѣдьма какая, я не злая чаровница, а заклятая княгиня, была замужемъ за отцомъ тридцати дочерей, господиномъ, властелиномъ островка-

* Трибухи значить внутренности, животики: отсюда пословица: пропади твои животики, что значить: пропадешь, погибнешь, умрешь.

по прозванію Семи-Смертей, гдѣ живетъ теперь злой колдунъ Ноготокъ. Не взлюбилъ колдунъ отца тридцати дочерей, погубилъ его на вѣки, а дѣтей — красавицъ дочерей и меня, его жену, полонилъ къ себѣ, поселившись на чужомъ островкѣ. Полюбила я ему, злomu вѣдмарю, стала искать любви моей: ужъ чего не дѣлалъ онъ; сколько чаръ, колдованій употребилъ, а все-таки любви моей не заслужилъ. Какъ тутъ быть? стала деволить, заставляя тяжкія работы дѣлать, наконецъ въ стряпухи меня опредѣлилъ; но и тутъ, какъ на зло колдуну, я сдумѣла обезсилить его злобу: онъ любилъ похлебку изъ птичьихъ потроховъ, и никто не могъ угодить ему этою похлебкой, угодила какъ-то я, вотъ и сталъ опять любить меня. Но да что любовь вѣдмара? Презирала я его, какъ разбойника и грабителя... Долго такъ было: онъ ко мнѣ, а я отъ него; надоѣло злomu чародѣю, что не могъ околдовать меня и стращаль сгубить какъ отца тридцати дочерей. Я въ отвѣтъ ему на то: «отними у меня жизнь, лишь бы только не видѣть тебя».—Ну, такъ нѣтъ же! говоритъ:—ты не будешь жить со мной, но зато вотъ что сдѣлаю съ тобой: *зачарую* тебя, превращу въ костылиху-бабу и пошлю сторожить клады въ землѣ, чтобъ не дать старику-Дзѣдкѣ распоряжаться ими. Какъ сказалъ колдунъ, такъ и вышло,—превратилъ меня въ безобразную старуху и послалъ жить внутри земли... Но зато не впрокъ пошло ему чужое богатство: всѣ ненавидятъ его и чужіе, и свои, и дѣвицы, что живутъ у него, рады-рады, чтобъ скорѣе нечистый взялъ къ себѣ такого чародѣя. Да и самъ-то онъ не въ покоѣ: съ первыхъ дней, какъ не стало меня на островкѣ, плачетъ всякую ночь и только тѣмъ живетъ, что пытается своими слезами. Видишь, плачетъ онъ въ своей разбойничьей палаткѣ надъ кувшиномъ, и въ кувшинъ текутъ его слезы: эти слезы онъ вливаетъ въ похлебку изъ птичьей вантробки и становится что день, то моложе: ужъ такая сила въ этихъ слезкахъ, оттого и твоя неродная мать добивается ихъ, точно клада какого: вишь, состарѣлся боится и достать желаетъ похлебки «Глѣбушкины слезки». Ну, теперь, дѣвица, знаешь, что за слезки: будь же осторожна и не дайся въ обманъ. Какъ пойдешь теперь къ Дибпру, обходи крутую гору, заколдованныя скалы, гдѣ жила князя, три родныхъ брата; а не то погибнешь ты, какъ погибли сестры твои. Надъ Дибпромъ, въ ракиновомъ кусту, ты найдешь черный чел

Нокъ-самъ-плавокъ; вотъ на немъ-то переѣдешь чрезъ Днѣпръ, а на случай, чтобъ не отняли у тебя челнокъ чаровницы-вѣльмы, что живутъ за рѣкой у островка Семи-Смертей, ты возьми съ собою горсть мелкой осинової коры: лишь завидишь чаровницъ, брось кору на встрѣчу имъ. Какъ пріѣдешь на островокъ Семи-Смертей, кликни такъ: «кто въ лѣсу, кто въ бору, пусти меня ночевать». Явится колдунъ Рыжій дѣдушка, Косматый-Глѣбушка, онъ-то и есть Ноготокъ, что заграбилъ у насъ островокъ... Будь послушна во всемъ, и когда сядешь кушать съ нимъ, приласкай тамъ котенка: онъ поможетъ тебѣ во всемъ и наставитъ, какъ добыть чародѣйскихъ слезокъ. Вотъ тебѣ мой совѣтъ: не забудь сдѣлать такъ, какъ сказала я тебѣ: будешь знатной госпожей; не забудь совѣтницы своей, я въ твоихъ рукахъ буду; а теперь пусти меня, вѣль пора и тебѣ отправляться въ путь...

— Ну, теперь отпущу тебя, заклятая жена! Будь что будетъ, а добуду этихъ Глѣбушкиныхъ-слезокъ... Только вотъ что скажи еще: какъ найду я тебя потомъ?..

— Ты найдешь меня на этомъ мѣстѣ; только капни двѣ-три слезки на бугорокъ, что вонъ видишь у той дорожки...

Лишь сказала это старуха, какъ дѣвица развязала поясокъ и не стало котла: гдѣ дѣвалась бабья голова!... Запрыгала дѣвица-дура и, замѣтивъ бугорокъ, побѣжала, что стало мочи, въ боровой лѣсокъ, а оттуда въ чашу кленовъ и дубовъ. Такъ бѣжала до самаго Днѣпра и очутилась у ракитоваго куста, а въ кустѣ лежитъ челнокъ весь изъ чернаго деревца. Ужъ успѣлась дура въ челнокъ и чуть-было не толкнула его въ рѣку, да опомнилась дѣвица, что не взяла съ собою осинової коры; долго ль было найти коры, да не такъ легко пришлось, какъ дурочкѣ казалось. Обѣжала пол-лѣса, чтобъ поймать осину, вотъ кажись осина въ рукахъ, а она все впередъ, точно тварь какая живая все уходитъ, да бѣжить; не поймать бы дурѣ осины, да на эту пору какъ-то развязался у нея поясокъ, а она точно съ дуру и схвати осину пояскомъ, тутъ-то дерево остановилось и дало солгать съ себя кору: видно ужъ такая сила въ красномъ дѣвичьемъ пояскѣ*. Вѣдь не даромъ бають на

* Красные пояски, которые носятъ бѣлорусскія дѣвицы на шеѣ, въ косахъ и на поясицѣ, считаются какимъ-то символомъ для отогнанія чаръ; думаютъ даже, что при помощи этихъ поясковъ, можно поймать нечистаго духа.

Руси-то Бѣлой, что пояска на *дзѣвѣччай паясниць и асина пабаитць* (на дѣвичьей поясниць и осина побоятся). Надрала дѣвица коры и пустилась въ челнокѣ по Днѣпру; вотъ проѣхала чрезъ Днѣпръ и очутилась въ озеркѣ; глядь, изъ повисшихъ черныхъ тучъ показались вѣдьмы и готовы были проглотить дѣвицу, да дѣвица знать не дура, хватъ корою въ чаровницъ: прояснилось небо, улетѣли вѣдьмы, а веселая дѣвица преспокойно взошла на островокъ и давай звать Ноготка.

Загудѣли вѣтры, дождь полился ливнемъ, дрожь по тѣлу дѣвицы прошла до костей; вотъ предъ нею явился Ноготокъ и взмахнувъ своей мохнатой бородой, закричалъ на нашу дуру на весь островокъ:—«Что за дерзкая такая! какъ вошла сюда одна? Ну, посмотримъ, какъ-то ты храбриться станешь у меня въ палатахъ? Ужь не думаешь ли ты, что умнѣе старшей своей сестры?.. Такъ и быть, хоть и золь я на тебя, что помѣшала ты мнѣ кушать, но за смѣлость твою я пока тебя пощажу; да, смотри, съумѣй исполнить волю мою.»

— Все, что хочешь, стану дѣлать, только будь справедливъ, а не то быть бѣдѣ и тебѣ, господинъ чаровникъ!

— Ну, пойдемъ, дура-умная дѣвица! ты грозилъ даже мнѣ... Хорошо, берегись; ты вся, вижу, въ непокорнаго отца. Вотъ мой замокъ; иди за мной!..

Не вошла, а вбѣжала дѣвица въ замокъ колдуна.

Чаровникъ-старикъ, точно волкъ голодный, проглотилъ всю похлебку, а дѣвицѣ-гостьѣ глотка два оставилъ. Разсердилась дура и отвѣдать похлебки не захотѣла. Ноготокъ молчитъ. Вотъ несутъ кашку, и дѣвица раньше колдуна захватила себѣ кашки чуть ли не до дна, а ему оставила щепотку.—«Дура ты не дура! говоритъ вѣдьмаръ:—а вотъ посмотримъ, что за умъ покажешь завтра...» Съ этой рѣчью отошелъ колдунъ въ чародѣйскую свою палату, а къ дѣвицѣ-дурѣ вдругъ вскочилъ на колѣна прехорошенькій котенокъ, и давай просить у ней хоть щепотку кашки.

— Ахъ, котенокъ ты хорошій! какъ не дать кашки тебѣ; вотъ, изволь, сколько хочешь... Поднялъ котикъ вверхъ свой хвостикъ; вишь обрадовался какъ! *закурныкалъ* пѣсенку, потерся спинкой объ руку дѣвицы и сталъ ѣсть кашку, а наѣвшись вдоволь, въ рѣчь такую вступилъ съ нею:

— Благодарю тебя, прекрасная дѣвица! ты всѣхъ лучше сестеръ! Хоть считаютъ тебя дурой, а умнѣе всѣхъ ихъ,—накор-

мила ты меня, такъ зато сослужу тебѣ службу исправно. Знай же, вѣдай, что котенокъ я не простой: это только превратилъ меня въ котенка Ноготокъ-то злой; родомъ я князекъ, братъ Больнъ-Видука и Гореслана-Лотыря, по прозванію Тина-Котокъ. Отъ тебя теперь зависитъ возвратить мнѣ прежній родъ и спасти всѣхъ сестеръ своихъ и моихъ старшихъ братьевъ. Ты пришла за слезками и погибла бѣ точно также, какъ и старшая сестра, елибѣ не приласкала меня и не угостила за вѣдмарскимъ столомъ. Все, что хочешь, требуй, я исполню, но замѣть, что ни я безъ тебя, и ни ты безъ меня ровно ничего не значимъ.

— Какъ же сдѣлать такъ, чтобъ избавить тебя и братьевъ, и моихъ сестеръ? Научи меня, коли ты такой бойкій котенокъ: будешь вѣрно служить мнѣ, такъ останусь твоей женой, а нето я пожалуюсь на тебя колдуну-Ноготку...

— Слушай, милая краса, будущая моя жена! Я ужъ знаю напередъ, что колдунъ велитъ тебѣ сторожить его всю ночь и ключами до разсвѣта прозвенѣть. Лишь только онъ ляжетъ спать, ты сейчасъ бѣги ко мнѣ, вотъ въ эту палатку, и отдашь ключи въ распоряженіе мое; я звенѣть-то знаю какъ. Вотъ и проведу я тебя въ чаровничью палату, тамъ найдешь ты много мертвыхъ тѣлъ, разсѣченныхъ на мелкія части и послоненныхъ въ огромныхъ бочкахъ; не пугайся ничего, чтобы ни было,—стой смѣло и не закрывай глазъ. Вотъ тебѣ волшебный прутыкъ: какъ войдешь туда въ палату, начерти кружокъ поверхъ головы, и освѣтится сама палата безо всякихъ огней. Тамъ увидишь ты въ углу небольшой костеръ изъ костей людскихъ, а на томъ на ко стрѣ подъ навѣсомъ изъ дѣвичьихъ волосъ стоитъ слезница—кувшинъ, весь изъ камней дорогихъ. Подходя къ слезницѣ, очерти себя волшебнымъ прутыкомъ и напейся влаги изъ слезницы, эта влага—слезы Глѣбушки, рыжаго дѣдушки, колдуна вѣдмаря. Онъ теперь сидитъ надъ слезницей и прегорько плачетъ по красавицѣ княжнѣ, бывшей замужемъ за отцомъ тридцати дочерей... Какъ напьешься слезъ, очерти опять себя ты прутыкомъ и съ кувшиномъ подойди къ самой большой изъ бочекъ, окропи бочку влагой изъ слезницы раза три, не вдругъ, а съ промежутками небольшими. Ты увидишь диво-дивное тогда: но не бойся, диво радостное будетъ; я явлюсь тогда къ тебѣ и со мною

то же сдѣлаешь, окропишь меня слезами чародѣйскими. Что потомъ послѣдуетъ, я о томъ тебя оповѣщу.

— Понимаю, сударь-котикъ; будетъ все по твоему сказанью.

Тутъ котенокъ соскочилъ съ колѣнъ дѣвицы и помчался навстрѣчу колдуну... А колдунъ прямо идетъ къ дѣвицѣ и приказываетъ ей готовить постель...

Приготовила дѣвица постель, уложила колдуна и хотѣла отойти, но колдунъ сказалъ: «вотъ тебѣ ключи отъ добра въ моихъ палатахъ, да смотри, не спать всю ночь, а звенѣть ключами; провинишься—накажу смертельно».

Захотела дѣвица-дура и звенѣть ключами стала; колдунъ уснулъ, а хохотунья побѣжала къ котенку. Вотъ котенокъ вскочилъ на двери палаты и, царапнувъ лапкой по заверткѣ, отворилъ двери сразу; пошла въ палату дѣвица, а котенокъ сталъ звенѣть ключами...

Начертила дѣвица кружокъ прутикомъ надъ головой и вдругъ палата освѣтилась, точно тысяча огней загорѣлось... Каково видѣніе было! По всей палатѣ въ бочкахъ каменныхъ и котлахъ тлѣли кости и тѣла людей, просто ужасъ, сколько женъ и мужей погубилъ колдунъ-злодѣй! Съ проклятіемъ на устахъ дѣвица храбрая подошла къ углу: видитъ сваленъ костеръ изъ головъ, остововъ и разрозненныхъ костей; на кострѣ слезница. «А, вотъ она!» воскликнула дѣвица и давай скорѣй пить слезы вѣдьмара. Навилась—точно переродилась: откуда сила взялась, схватила кувшинъ-слезницу и давай искать, гдѣ стоитъ побольше бочка, вотъ она: «а! здѣсь лежатъ мои сестрицы и князя-богатыри... Ну-тка стану кропить!» Такъ дѣвица разсуждала и слезами бочку окропляла. Глядь — куски мяса точно живые, стали прыгать, соединяться, потомъ срастаться. Повторила дѣвица окропленіе: что за свѣтапреставленіе! изъ кусковъ явились тѣла и повыпрямились въ бочкѣ; еще разъ полила влагой... не вѣрять своимъ глазамъ: предъ ней остановились обѣ сестры и два князя — всѣ живые...

— Ахъ, сестрица дорогая! зарыдавъ, сказали двѣ сестры!.. Кто бы могъ подумать, что увидимъ мы тебя и еще какъ спасительницу нашу?..

— Ахъ, дѣвица храбрая, чѣмъ отплатимъ мы тебѣ за услугу такую?.. Ты спасла насъ отъ смерти позорной. Позволь у

ногъ твоихъ произнести нашу благодарность... такъ говорили ожившіе князья...

Но дѣвица остановила ихъ рукой и не знала, что и думать о случившемся въ ея глазахъ... Къ-счастію, вбѣжалъ котенокъ, и дѣвица спохватилась, что забыла объ немъ...

— Ахъ, дѣвица-краса! дай напиться мнѣ скорѣе влаги-слезъ чародѣя, а нето погибну я! слышшь, вотъ летитъ сюда колдунъ съ стаей вѣдмъ мохнатыхъ и хищныхъ птицъ крылатыхъ, а лягушекъ, и мышей, да огромныхъ змѣй не перечесть...

Не успѣлъ напиться слезокъ красноокій котенокъ и въ князька превратился, какъ въ палату налетѣла всякихъ адскихъ проявъ тьма... Заревѣлъ колдунъ, защелкалъ зубами, тряхнулъ огненной бородой и къ слезницѣ прямо... да слезница была въ рукахъ князька, и князекъ сталъ кропить влагой колдуна и всю адскую компанію... Застонали гады, змѣи, завизжали бабы-вѣдьмы, засвисталъ провзительнымъ свистомъ вѣдьмарь, но ужъ было поздно! Сила влаги была двоякая: въ рукахъ князька она губила вѣдьмарей... И погибли чары Ноготка, провалились проявы вмѣстѣ съ злымъ чародѣемъ въ пропасть страшную, что образовалась на мѣстѣ разбойничьей палаты... А дѣвица съ князькомъ и двѣ сестры ея съ князьями очутились въ саду, въ кругу зеленѣнькихъ птичекъ... Князекъ и здѣсь свершилъ диво... окропилъ влагой изъ слезницы птичекъ, и явилось тридцать чудныхъ красавицъ, дочерей погибшаго отца... Обнимать, цѣловать стали дѣвицы своего спасителя и дѣвицу, его подругу...

Тутъ-то старшія сестры оцѣнили умъ, талантъ младшей дурочки и назвали ее разумницей... Въ честь ея назначенъ былъ пиръ... и на память о томъ посадили деревцо на островку и назвали его: Дубокъ-Разумокъ. Но прошло веселье и стали думать-гадать, какъ пристроить тридцать милыхъ дѣвицъ и рѣшили наконецъ: поселить ихъ на островку вмѣстѣ съ матерью и для этого послали князька и его подругу освободить заколдованную княгиню изъ внутри земли, гдѣ сторожитъ она клады...

Слово-дѣло, и князь махнулъ волшебнымъ прутикомъ... Въмигъ явилась невидимка самолетъ-колесница, и князекъ, да дѣвица помчались за Двѣпръ въ чащи кленовъ и дубовъ; вотъ

бугорокъ... Здѣсь и кладъ! Капнулъ двѣ-три капли слезокъ изъ слезицы, и явилась неописанной красы княгиня... Забрали ее съ собой и весь кладъ, что лежалъ внутри земли на томъ мѣстѣ, а потомъ дѣвица предложила княгинѣ побывать у ея отца, Краснаго Глѣка...

Но дѣвица и не думала о томъ, что отъ скуки-горя могъ не жить на бѣломъ свѣтѣ ея отецъ... Бѣдный Глѣкъ ужъ давно лежалъ въ могилѣ... А Глѣчиха, вѣдьмара панибратиха, въ одно время съ Ноготкомъ провалилась сквозь землю: опустѣлъ замокъ Глѣка, не нашли въ немъ души живой...

Возвратились гости на островокъ и рѣшили расселиться всѣмъ по своимъ мѣстамъ. Мать съ тридцатью дочерьми стала жить на островкѣ... а князья поженились на родныхъ дочеряхъ старика Глѣка и условились жить дружно: Видукъ и Лотыръ поселились на высокой горѣ у Двѣпра, а Котокъ меньшей князекъ основалъ новый замокъ во владѣнїяхъ Краснаго Глѣка, богатаго человѣка...

Вотъ и сказкѣ конецъ.....

НА БАЛѢ И ВЪ ОПЕРѢ.

(ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ СВѢТСКАГО ЧЕЛОВѢКА.)

I.

Не стану вамъ описывать подробно этого бала: онъ былъ такъ похожъ на всѣ балы, на которыхъ и вамъ и мнѣ случилось столько разъ и скучать, и веселиться. А отчего зависѣло наше веселье? хотите вспомнить?... Вамъ бывало весело, когда за вами ухаживали, мнѣ—когда я самъ ухаживалъ; женщина любитъ восхвалять, мужчина—восхваляться. Но не о насъ рѣчь; давно сошли мы съ вами со сцены бального міра, и смѣшно и глупо кажется намъ многое, что прежде такъ сладко, а иногда такъ болѣзненно волновало сердце.

Около часа смотрѣлъ я на танцующихъ; было нѣсколько хорошенькихъ, свѣженькихъ дѣвушекъ, но не было ни одного лица замѣчательнаго, которое бы меня заинтересовало. Меня начинала одолевать скука, когда дверь въ залу растворилась и новыя лица привлекли мое вниманіе.

— Александра Сергѣевна! наконецъ! воскликнула хозяйка, радостно встрѣчая запоздалыхъ гостей:—Николай Петровичъ! васъ давно ждутъ.

Николай Петровичъ торопливо пробрался, между танцующими, въ сосѣднюю комнату, гдѣ играли въ карты. Александр-

ра Сергѣвна хотѣла пройти въ гостиную, но, вѣроятно, ей показалось тѣсно, и она остановилась въ дверяхъ, возлѣ меня. Ей было лѣтъ двадцать-пять; она была довольно-высока ростомъ и прекрасно сложена. На ней было темное атласное платье, украшенное черными кружевами. Нитки жемчуга были вплетены въ ея черные волосы, такъ хорошо обрамливавшіе бѣлое, овальное лицо. Ея черные, большіе глаза, были какъ-бы задернуты туманомъ, не было въ нихъ жизни, и равнодушно и холодно смотрѣли они изъ-подъ густыхъ, сросшихся бровей. Напрасно искалъ я на губахъ ея улыбки,—онѣ были также безжизненны, какъ и глаза. Но взглянувъ внимательно въ эту физиономію, я замѣтилъ, сквозь эту безжизненность, затаенную боль сердца. На блѣдномъ челѣ, въ тускло-свѣтившихся глазахъ и сжатыхъ губахъ я прочелъ слѣды глубокихъ страданій.

Кадриль кончилась и перешла въ вальсъ. Люблю я этотъ танецъ; лучше всѣхъ другихъ выражаетъ онъ веселье и упоеніе молодости. Люблю слѣдить за быстро-кружащимися парами, ловить на лету шопотомъ сказанное слово и разгадывать его тайный, неясный смыслъ. Нерѣдко изъ одного такого слова развивается въ моей головѣ цѣлая исторія, цѣлый романъ. И досадно бываетъ мнѣ, когда въ кругъ вальсирующихъ замѣщаются старья, увядшія дѣвушки или плѣшивые селадоны: въ вальсѣ всё должно быть свѣжо, граціозно и неподдѣльно-весело. Помню, какъ бывало и я, съ неровно-бьющимся сердцемъ, сжималъ станъ молодой красавицы и кружился съ нею подъ звуки Страусовыхъ вальсовъ. Весело улыбался мнѣ свѣжіе уста и насмѣшливо смотрѣли прекрасные глаза: забавно было, вѣрно, мое волненіе, моя любовь и робость. Помню, живо помню и полулукавые, полунаивные вопросы, и звонкій смѣхъ, и слезы, и много-много того, что такъ сладко шевелило сердце и чему не возвратиться вновь.

Преланный моимъ воспоминаніямъ, я забылъ и мою сосѣдку и танцующихъ, когда кто-то слегка меня тронулъ. Это была Александра Сергѣвна, которая вдругъ пошатнулась. Я взглянулъ на нее,—что за перемѣна! Какой огонь въ глазахъ, какъ горятъ ея щеки и губы, какъ она вся дрожитъ! Передъ ней стоялъ молодой человекъ и смотрѣлъ на нее безъ словъ, безъ движенія, также взволнованный, какъ и она. Видно было, что это свиданіе было не подготовленное, неожиданное.

— Какъ давно мы не видались! сказалъ онъ, наконецъ, вполголоса.

— Давно...повторила она шопотомъ, не спуская съ него огненного взора.

— Что такое выражало это *давно*—годъ, десять лѣтъ или одинъ день? но сколько въ немъ слышалось страданія!

— Вы будете танцовать, — не правда-ли? спросилъ молодой человѣкъ.

— Нѣтъ, я не танцую, отвѣчала она рѣшительно и твердо, но опуская глаза, какъ-бы страшась мольбы, которая была въ его глазахъ.

— Всё та же непреклонность! но можетъ-быть это наше послѣднее свиданіе, продолжалъ онъ, умоляющимъ голосомъ.

— Нѣтъ, наше послѣднее свиданіе уже было: развѣ мы не умерли другъ для друга?... Теперь, это не свиданіе.... это сонъ...видѣніе...

— Счастливы ли вы этимъ видѣніемъ? спросилъ онъ.

— О, отвѣчала она, сложивъ на груди руки и поднявъ снова на него свой блистающій взоръ:—еслибъ оно продолжалось вѣчно!

Она была чудно-хороша въ эту минуту. Сколько было восторга, любви въ выраженіи ея лица и голоса! Казалось, что они совершенно забыли, что не одни были въ залѣ, и если говорили почти шепотомъ, то не для того, чтобъ ихъ никто не слышалъ, а потому, что сильное волненіе сдерживало ихъ голосъ. Но немного успѣли они поговорить. Какой-то офицеръ подошелъ къ нимъ.

— Ахмарицъ, сказалъ онъ, тронувъ молодаго человѣка за локоть:—ты не забылъ, что общалъ быть монмъ *vis-à-vis* на эту кадрили?

— Что? спросилъ тотъ съ удивленіемъ:—ахъ, да, прибавилъ онъ, какъ бы опомнясь; но еще рано....

— Какъ рано? видишь ужъ всѣ становятся.

Бѣдный Ахмарицъ поневолѣ отправился отыскивать свою даму. Взглядъ Александры Сергѣевны слѣдилъ за нимъ, и когда Ахмарицъ остановился перелъ блондинкой съ довольно-пошлой физиономіей, слѣдившій за нимъ взглядъ перешелъ на нее и, сверкнувъ тревогой, внезапно смягчился и съ нѣжностью снова устремился на него. Александра Сергѣевна, какъ-будто бла-

годарила Ахмарина за то, что онъ выбралъ такую неинтересную даму. А сама она сказала, что они умерли другъ для друга... но, вѣроятно, не должны были жить и для другихъ. Я вспомнилъ стихи Лермонтова:

«Коснется ль чуждое дыханье
Твоихъ лавить,
Моя душа въ нѣмомъ страданьи
Вся задрожитъ...»

Весь вечеръ я наблюдалъ за ними. Они мало говорили, но видно было, что постоянно были заняты другъ другомъ.

Когда началась мазурка, Ахмаринъ снова подошелъ къ Александрѣ Сергѣевнѣ и мнѣ удалось слышать еще нѣсколько словъ, сказанныхъ ими.

— Вы слышали Гвельфовъ? спросилъ ее Ахмаринъ.

— Нѣтъ, отвѣчала она.

— Ихъ дають завтра,—поѣзжайте... наша исторія...

Она молчала.

— Поѣдете? спросилъ онъ.

— Да.

Вскорѣ послѣ этого Николай Петровичъ окончилъ свою партію и вошелъ въ залу. Онъ подошелъ къ Александрѣ Сергѣевнѣ и сказалъ ей:

— Не устала-ли ты? не пора ли намъ ѣхать?

— Пора, сказала она, вставая. Она бросила еще одинъ взглядъ на Ахмарина, взглядъ долгій, грустный, и вышла съ мужемъ изъ залы.

II.

На другой день, рано утромъ я отправился въ кассу Большаго театра добывать себѣ билетъ. Народу была бездна, но мнѣ посчастливилось достать кресло въ одномъ изъ послѣднихъ рядовъ. Я думаю, разъ двадцать смотрѣлъ я въ этотъ день на часы; давно уже не былъ я въ такомъ волненіи, въ такомъ ожиданіи. Наконецъ, мнѣ показалось, что пора отправляться въ театръ, но когда мои сани остановились у театральнаго подъѣзда, я съ досадою замѣтилъ, что пріѣхалъ слишкомъ рано, потому что не было еще ни одного экипажа. Я

вошелъ въ партеръ, — ни души. Только изъ райка и изъ двухъ, трехъ ложъ 4-го яруса, выглядывало нѣсколько головъ. — Вотъ истинные любители! — подумалъ я, смотря на нихъ съ чувствомъ: — видно, что понимаютъ Мейербера, не то, что другіе, которые такъ лѣниво собираются. А я самъ? развѣ отъ нетерпѣнія слышать оперу забрался такъ рано? Мнѣ стало что-то неловко отъ этого вопроса, который я задалъ самому себѣ и, чтобъ чѣмъ-нибудь занять себя, принялся усердно вытирать совершенно-свѣтлыя стекла моей зрительной трубочки. Вскорѣ, къ великому моему утѣшенію, въ партеръ зашумѣли сабли, шпоры, замелькали желтыя и бѣлыя перчатки, завитыя головы. Въ растворявшихся дверяхъ ложъ показались дамы, дурныя и хорошенькія, молодыя и старыя, но всѣ нарядныя, въ цвѣтахъ, брилліантахъ, лентахъ. Мой нетерпѣливый взглядъ вездѣ искалъ Александру Сергѣевну, но искалъ напрасно. Ни въ бельэтажѣ, ни въ бениарахъ, ни въ первомъ и второмъ ярусѣ ея не было. Вся моя надежда была теперь на третій и четвертый ярусъ, но съ моего мѣста невозможно было видѣть всѣхъ, сидѣвшихъ въ верхнихъ ярусахъ, и я сталъ помышлять, какъ бы мнѣ забраться въ райкъ. Но попытку эту отложилъ я до перваго антракта, потому-что капельмейстеръ поднялъ уже свой смычекъ, оркестръ началъ интродукцію, поднялась занавѣсъ и раздался хоръ. Увлеченный чудной музыкой, я мгновенно забылъ, что пришелъ въ этотъ вечеръ не для того, чтобъ ее слушать, но чтобъ прочитать еще нѣсколько страницъ изъ случайно раскрывшагося передомной романа. Но съ послѣднимъ звукомъ финала 1-го акта въ моемъ воображеніи снова всталъ образъ Александры Сергѣевны, и я отправился доставать себѣ мѣсто въ райкъ. Въ кассѣ мнѣ отказали на отрѣзъ, сказавъ, что нѣтъ ни одного билета, но я всё-таки отиралился наверхъ. Какой-то студентъ былъ такъ любезенъ, что согласился помѣняться со мною мѣстомъ. Я съ благодарностью вручилъ ему контрмарку на кресло и усѣлся въ 1-мъ ряду. Я не ошибся; напротивъ меня, въ 4 ярусѣ, въ лютерной ложѣ сидѣла Александра Сергѣевна. Она была совершенно одна въ ложѣ, и была одѣта еще проще, чѣмъ наканунѣ. На ней было бѣлое, кисейное платье, съ длинными рукавами и высокимъ воротомъ, ея черныя волосы были спущены на уши и, собранные на затылкѣ, закручены жгутомъ и припилены гребнемъ. Въ

ушахъ не было серегъ, руки были безъ браслетъ. Облокотясь правой рукой, она смотрѣла на сцену. Лицо ея было блѣдно и грустно, но довольно спокойно.

Много драматизма и поэзии нахожу я во второмъ актѣ Гвельфовъ. Живое участіе возбуждаетъ во мнѣ Валентина, отвергнутая, по какой-то тайной для нея причинѣ, Раулемъ, котораго она любитъ, и осужденная непреклонной волей отца стать подъ вѣнецъ съ другимъ. Окруженная свадебной процессіей, она приближается, трепещущая и грустная, къ храму, принести обѣтъ вѣчной вѣрности человѣку немилому.

Какъ сочувствовала Александра Сергѣвна бѣдной Валентинѣ, какъ болѣзненно сжались брови ея, когда печальная невѣста показалась на сценѣ. Сколько слезъ пролила она во время дуета Валентины съ Марчелло, вѣрнаго слуги Рауля. Но нѣтъ, это не сочувствіе, это истинное страданіе! Посмотрите, когда Рауль, думая, что брачный обрядъ еще не свершенъ, проситъ руки Валентины, когда отецъ ея злобно отвѣчаетъ ему: «d'un altro, d'un altro essa é la sposa», посмотрите, какое отчаяніе выразилось на лицѣ Александры Сергѣвны!

Бѣдная, бѣдная, она все это испытала! Свадебный пиръ, веселая музыка, иллюминированныя гондолы, какъ противорѣчьте вы настроенію души Валентины!

Съ этой минуты передо мной были двѣ Валентины. Одна на сценѣ, грустно поникнувъ головой, возбуждаетъ сочувствіе всего театра; другая, въ ложѣ, припавъ головой къ стѣнѣ, закрывъ руками лицо, безутѣшно рыдаетъ. Которая изъ нихъ была истинно любящая, истинно страдающая Валентина?

Съ такимъ же сочувствіемъ слѣдитъ она изъ своей ложи и за третьимъ актомъ Гвельфовъ. Къ ней также, въ ея домъ, приходилъ онъ, ея Рауль, и засталъ ее въ слезахъ надъ ихъ погибшей любовью. Она также слышала слова: «еще одинъ разъ тебя увидѣть и потомъ умереть!» Она испытала борьбу между долгомъ и любовью, и наконецъ, изнеможенная, трепещущая за жизнь своего милаго, она сказала ему: «ты долженъ жить, потому-что я люблю тебя!»

О, да, онъ будетъ жить! Если не слово любви, то какое же слово можетъ призвать къ жизни человѣка?... «Ты меня любишь!» восклицаетъ Рауль съ восторгомъ:—«любишь!» повторяетъ онъ съ упоеніемъ, упавъ къ ея ногамъ.

Теперь все забыто, всё страданія, сомнѣнія, забыть весь міръ; онъ знаетъ только одно: «Валентина его любитъ, Валентина принадлежитъ ему!» *Vien fuggiam, vien fuggiam*, повторяетъ онъ слабымъ голосомъ, изнемогая отъ счастья....

Да, Ахмаринъ былъ правъ, приглашая Александру Сергѣевну слушать Гвельфовъ: это точно ихъ исторія. Валентина на сценѣ была слабой копіей съ Валентины, которая была передо мной въ ложѣ. Каждое слово Рауля западало ей прямо въ сердце. Лихорадочнымъ огнемъ горѣли глаза ея, улыбка счастья озаряла прекрасное, выразительное лицо, руки были сжаты на груди, какъ-бы сдерживая бѣшеніе переполненнаго счастьемъ сердца....

Вотъ оно, ихъ послѣднее свиданіе....и снова переживаютъ они всё его восторги и страданія....

Когда опустилась занавѣсъ послѣ 3-го акта, Александра Сергѣевна встала и, взглянувъ на Ахмарина, вышла изъ ложи. Онъ поспѣшно вскочилъ съ своего мѣста и бросился въ коридоръ. Черезъ нѣсколько минутъ я встрѣтился съ ними на одномъ изъ маленькихъ подъѣздовъ. Александра Сергѣевна стояла недалеко отъ дверей. Она была блѣдна, какъ мраморъ, и вся дрожала, глаза горѣли, лицо было по-прежнему оживлено. Ахмаринъ стоялъ въ двухъ шагахъ отъ нея и смотрѣлъ на нее, но между ними не было сказано ни слова. Подали ея экипажъ.

— Когда мы увидимся? спросилъ ее Ахмаринъ, взявъ за руку и сажая въ карету.

— Я завтра уѣзжаю, отвѣчала Александра Сергѣевна.

— Куда? спросилъ онъ.

Но кучеръ ударилъ по лошадямъ, карета промелькнула... былъ ли сказанъ отвѣтъ? до насъ онъ не долетѣлъ.

Впослѣдствіи я узналъ эту исторію: это исторія Валентины,—все несчастіе отъ какого-то недоразумѣнія, но конецъ былъ не тотъ.

Николай Петровичъ, женивъ на Александрѣ Сергѣевнѣ, зналъ, что ея сердце не свободно, но надѣялся, что разлука, его любовь и время изгладятъ ея страсть. Онъ только взялъ слово съ невѣсты, что она будетъ избѣгать встрѣчи съ Ахмаринымъ. Ей казалось нетруднымъ сдерживать это обѣщаніе: она думала, что Ахмаринъ къ ней равнодушенъ. Но когда она узнала, услышала отъ него, что онъ ее любитъ, ей нужно

было призвать все свое мужество, всю твердость, чтобъ избѣгать его.

На другой день послѣ представленія Гвельфовъ, Александра Сергѣевна, сильно потрясенная двумя послѣдними встрѣчами съ Ахмаринымъ, уѣхала съ мужемъ въ деревню. Напрасно боролась она съ своей любовью, напрасно старалась поддерживать свою горестную жизнь для мужа, который ее нѣжно любилъ, — черезъ годъ она изныла, умерла отъ тоски. А тотъ, котораго она любила, для котораго умирала, въ самую минуту ея смерти, за тысячу верстъ отъ нея, веселый, счастливый, спѣшилъ подъ вѣнецъ съ другой.....

На могилѣ Александры Сергѣевны нѣтъ памятника; она круглый годъ усыпана цвѣтами. Любовь мужа постоянно надъ ней бодрствуетъ.

Теперь, всякій разъ, какъ я слушаю Гвельфовъ, мнѣ живо представляется въ одной изъ литерныхъ ложъ прекрасная женщина, вся въ бѣломъ, съ черными, огненными глазами, и слышатся мнѣ ея рыданія, когда на сценѣ начинается свадебный пиръ и показываются иллюминированныя gondoles....

Я твердо убѣжденъ, что во время представленія каждой оперы, каждой сколько-нибудь естественной драмы, есть въ толпѣ зрителей хотя одно сердце, въ которое западаетъ каждое слово, сказанное на сценѣ, и передъ которымъ разнырывается его собственная, бывшая исторія. Прекрасно и велико искусство, которое можетъ хотя на нѣсколько часовъ возвратить человѣку его прошлое. Снова переживаетъ онъ его, снова плачетъ, надѣется и любитъ.....

Напрасно называютъ жизнь прозаичной, не она, а мы сами виноваты, если не находимъ въ ней поэзіи. Конечно, каждому изъ насъ пришлось хотя разъ въ жизни встрѣтить въ дѣйствительности поэтическую личность Валентины, но поглощенные мелочными, вседневными заботами, мы ихъ не замѣчали, не узнавали. Счастливы тѣ изъ насъ, которые, восхищаясь созданіями бессмертныхъ поэтовъ, видятъ въ этихъ созданіяхъ не одинъ прекрасный вымыселъ, но отраженіе своей собственной, жизни.

СБАЗАНІЕ О ПТИЦАХЪ.

Прежде всего нужно объяснить, что мы вовсе не намѣрены представить читателямъ въ этой статьѣ серьезнаго орнитологическаго трактата. Мы хотѣли только разсмотрѣть птицъ со стороны ихъ прямыхъ или символическихъ отношеній къ человѣку.

Птицы, безспорно, служили человѣку первымъ календаремъ съ самаго начала міра, и въ одной изъ комедій Аристофана, подъ названіемъ «Птицы», говорится о нихъ именно въ этомъ отношеніи.

«Мы (то есть птицы) показываемъ людямъ теченіе времени года: когда журавль полетѣлъ черезъ Средиземное море, то это возвѣщаетъ, что наступило время посѣва; для моряка оно значитъ, что пора сушить дерево, и обтесывать его. Коршунъ даетъ людямъ знать, когда придетъ время стричь овецъ. Ласточка возвѣщаетъ, что пора продать тяжелое зимнее платье и запасться легкимъ для лѣта. Мы руководствуемъ васъ во всемъ, устраиваемъ дѣла ваши, кормимъ васъ, поимъ и, наконецъ, — женимъ.»

Если вникнуть поглубже въ смыслъ этихъ словъ, то окажется, что птицы не совсѣмъ неправы въ этомъ случаѣ. И если все то, что о нихъ было говорено и писано, — правда, то поневолѣ придетъ въ голову, что едвали птицы въ цѣпи живыхъ существъ стоятъ *не выше* насъ. Если точно они въ древности играли большую роль во всѣхъ человѣческихъ дѣлахъ: питали людей и соединяли ихъ, такъ зато и теперь они управляютъ, такъ сказать, потокомъ общественной и частной жизни нашей. Будучи часто предвѣстницами различныхъ

важныхъ событій, въ которыхъ видѣнь персть божественнаго Провидѣнія, онѣ утвердили за собою славу какихъ-то таинственныхъ, существъ, почему и до сихъ поръ многіе изъ дикихъ народовъ воздають имъ божескія почести. По объясненію древней космогоніи, — міръ и все, что заключается въ немъ, создано изъ яйца, которое Ночь положила во внутренности Эрева. Такимъ образомъ яйцо сдѣлалось символомъ творенія. Желтокъ изображалъ земной шаръ, а бѣлокъ — окружающую его атмосферу; эмблема эта встрѣчается весьма часто на древнихъ египетскихъ и восточныхъ памятникахъ. Весьма любопытно, что греческіе и римскіе философы были убѣждены, что земля имѣетъ плоскую фигуру.

Крылья сдѣлались эмблемой покровительства и быстроты. Египетскій богъ Кнефъ изображался весь въ перьяхъ съ яйцомъ во рту. Атрибуты эти служили выраженіемъ безплотнаго существа, могущества давать жизнь, всеобщее господство и невещественность его дѣлъ.

Друиды не употребляли яицъ въ пищу, потому что считали нечестіемъ разрушать жизненное начало, а можетъ-быть это обстоятельство было причиною обычая, существующаго въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сѣверной Англіи, а впоследствии и у насъ въ Россіи, дарить въ праздникъ Пасхи другъ друга яйцами.

Въ древнія времена птицы служили предсказательницами; Парнассій — первый открылъ въ нихъ эту способность. Халкасъ основалъ на этомъ открытіи цѣлую науку, которая была принята всѣми, и которая въ достовѣрности своей равнялась астрологіи, явившейся гораздо позднѣе. Авгуры — не говоря уже о Троянской войнѣ — но при спартанскихъ царяхъ и консулахъ Римской Имперіи, имѣли важное государственное значеніе. Извѣстно, что они наблюдали птичій полетъ, и что безъ ихъ разрѣшенія не предпринималось никакого важнаго дѣла. Можно себѣ представить, что спартанскіе и римскіе властители употребляли это обстоятельство съ великой пользой. Вѣроятно эта политическая причина возвысила еще болѣе значеніе, которое вообще придавалось птицамъ; будучи прежде естественнымъ календаремъ, они сдѣлались впоследствии предметами религіознаго обожанія, предсказательницами, эмблемами и предметами поэтическихъ басенъ; впоследствии онѣ блистали на военныхъ знаменахъ и въ гербахъ.

Если стая птицъ кружилась надъ чьей-нибудь головой, то

это считалось самымъ счастливымъ для него предзнаменованіемъ и это повѣрье послужило началомъ исторіи эіопскаго царя Мемнона, сына Тифона и Авроры, который былъ убитъ во время осады Трои. Тѣло его было погребено во Фригіи; на могилѣ его сѣла стая перелетныхъ птицъ,—обстоятельство очень обыкновенное, потому—что могила богатыря, естественно, имѣла довольно высокую насыпь или курганъ, который среди совершенно плоской мѣстности долженъ былъ привлечь вниманіе птицъ, которыя, какъ извѣстно, стараются садиться на что-нибудь высокое. Но въ то время придумали, что птицы эти родились изъ его праха. Ихъ называли «мемнонидами». Преданіе прибавляетъ, что каждый годъ птицы эти прилетали на могилу, послужившую имъ колыбелью; вырывали сорныя травы, выраставшія вокругъ мавзолея, и поливали землю водою, которую черпали крыльями въ сосѣдней рѣкѣ; потомъ онѣ, раздѣлившись на двѣ партіи, начинали биться до тѣхъ поръ, пока одна партія не падала мертвою; они представляли такимъ образомъ изъ себя гладиаторовъ въ надгробныхъ играхъ, совершавшихся на могилахъ богатырей.

Почти точно такую сказку рассказываетъ и Арріонъ, почерпнувшій ее, безъ сомнѣнія, въ какомъ-нибудь старинномъ преданіи. Змѣиный островъ, лежащій въ устьѣ Дуная, вышелъ изъ моря по повелѣнію Фетисы; она подарила его сыну своему, Ахиллесу, который потомъ былъ погребенъ на немъ вмѣстѣ съ другомъ своимъ Патрокломъ. Повидимому Арріонъ сомнѣвался въ подлинности гробницы, воздвигнутой двоимъ друзьямъ въ троянской равнинѣ или, можетъ-быть, онъ предполагалъ, что остатки ихъ были перенесены оттуда. Какъ бы то ни было, на Змѣиномъ островѣ былъ храмъ еще ни разу не оскверненный прикосновеніемъ чловѣка; вѣтры небесныя обвѣвали это святилище и богиня посылала морскихъ птицъ, которыя летали туда каждый день, зачерпывали крыльями воду и употребляли ее для очистительныхъ церемоній. Преданіе прибавляетъ, что оракулами въ этомъ храмѣ были тѣни Ахиллеса и Патрокла, являвшіяся тамъ ночью, онѣ давали отвѣты только на вопросы подобныхъ имъ героевъ, и великіе полководцы часто проходили совѣщаться съ ними, когда предпринимали важныя походы.

Замѣчательно, что въ нынѣшнюю кампанію лордъ Рагланъ и Сент-Арно, также, кажется, считавшіе себя великими полко-

водцами, выбрали именно Змѣиный островъ сборнымъ пунктомъ для судовъ союзнаго флота, передъ началомъ крымской экспедиціи.

Но птицы не всегда бываютъ благодѣтельны для человѣка. *Стимфалиды*, водившіяся въ окрестностяхъ озера Стимфалиса, въ Аркадіи,—были птицы съ желѣзными клювами и когтями, питавшіяся человѣческимъ мясомъ; онѣ въ такой степени всѣмъ были страшны, что даже Геркулесъ не рѣшился сразиться съ ними.

Полагаемъ, что тому блестящему мѣсту, которое птицы занимаютъ въ геральдикѣ, онѣ обязаны не достоинствомъ своимъ, а напротивъ, дурнымъ наклонностямъ. Хищныя птицы встрѣчаются въ гербахъ несравненно чаще другихъ; такъ, что павлиновъ, лебедей и ласточекъ, вообще птицъ, которыя нравомъ своимъ возбуждаютъ понятія о невинности и кротости, какъ-бы умышленно стараются избѣгать въ гербахъ именно по благотворительнымъ и полезнымъ ихъ качествамъ. Крестунскій журавль, наиримѣръ, могъ бы внушить мысль о дѣтской любви, потому-что есть преданіе, будто эта птица разгрызаетъ иногда Энея, носить отца своего на плечахъ; но подъ этимъ изображеніемъ находится девизъ, совершенно уничтожающій понятіе о дѣтской любви.

Птицы храбраго Альфонса Генринеца, выбраны были, по видимому, какъ символъ независимости. Въ 1147, Альфонсъ успѣлъ изгнать мавровъ и упрочить Португаліи независимость королевства. Въ память этого славнаго событія онъ учредилъ въ городѣ Эворѣ рыцарскій орденъ, который и названъ *Avis* или Птицей.

Впоследствии рыцари назвали именемъ *Avis* укрѣпленный замокъ, отнятый у мавровъ, въ которомъ они учредили свою главную квартиру. Знакомъ этого ордена былъ зеленый крестъ въ цвѣтахъ на золотомъ полѣ, съ двумя птицами внизу. На геральдическомъ языкѣ крестъ въ цвѣтахъ служитъ символомъ спасенія, а птицы—преобразования португальскаго народа. Аллегорическое это изображеніе выражало мысль: «Сила креста даровала намъ свободу».

Орель совершенно основательно признанъ царемъ птицъ, и эмблеммой благородства. Отличіе это присвоено ему за силу крыльевъ и также за то, что онъ прямо можетъ смотрѣть на солнце, и притомъ мужественъ, гордъ и пренебрегаетъ вся-

кой добычей, не стоящей его силы. *Aquila non captat muscas* (то есть, орелъ не ловить мухъ)—вотъ девизъ одного англійскаго пѣра. Орелъ между всѣми геральдическими знаками занимаетъ самое почетное мѣсто, и у птицегадателей Греціи и Рима царственная птица эта считалась самымъ счастливымъ предзнаменованіемъ. Язычники всякихъ сектъ обыкновенно приносили орла въ жертву главнѣйшему изъ своихъ божествъ: греки и римляне вѣрили, что орелъ—любимая птица Юпитера, и въ когтяхъ своихъ держитъ перуны. Эврипидъ говоритъ, что птицы вообще—посланицы боговъ, но что орелъ—царь ихъ, единственный провозвѣстникъ воли Юпитера, царя боговъ. Оивандскіе египтяне посвятили орла главнѣйшему своему богу Аммону, а отсюда получило начало обыкновеніе у другихъ народовъ посвящать всѣхъ хищныхъ птицъ своимъ божествамъ. Потому самому и Моисей въ законѣ, который данъ евреямъ, говоритъ, что птица эта — нечиста, чтобы отвратить избранный Богомъ народъ отъ идолопоклонства. Тѣмъ не меньше орелъ — эмблема силы и могущества. Въ скандинавской мифологіи есть очень счастливая мысль, орелъ помѣщенъ на самой верхней вѣтви мистическаго дерева жизни, а соколъ между глазами орла; эта двойная эмблема представляетъ отдохновеніе силы и неусыпную бдительность, которую мы называемъ — Провидѣніемъ.

Древніе мексиканцы, вслѣдствіе особеннаго преданія, посвятили орла Витципутцли, своему охранительному божеству. Мексиканцы первоначально жили на сѣверѣ Мехики, въ странѣ, которая дотолѣ была занята племенемъ дикарей; при вступленіи въ страну, составляющую нынѣшнюю Мексику, они совѣщались съ оракулами Витципутцли, который и велѣлъ имъ переселиться. Они шли подъ предводительствомъ своего вождя Мехи, и несли съ собою изображеніе Витципутцли, въ камышевой корзинкѣ, при каждой остановкѣ помѣщали его посреди стана, и рѣшительно ничего не предпринимали, не посоветовавшись съ своимъ богомъ. Когда вся Мехика была окончательно завоевана, Витципутцли явился Мехи во снѣ и повелѣлъ ему водвориться съ народомъ своимъ въ той странѣ, гдѣ онъ увидитъ посреди озера скалу, на ней—смоковницу, а на смоковницѣ—орла. Мѣсто было очень скоро отыскано по этимъ признакамъ и тутъ было положено начало городу Мехико. Онъ былъ

раздѣленъ на четыре части и посреди его временно поставлена была божеству палатка, до тѣхъ поръ, покуда представилась возможность воздвигнуть ему приличный храмъ. У Индѣйцевъ сѣверной и южной Америки сохранилось множество преданій и обычаевъ, чрезвычайно сходныхъ съ древне-еврейскими.

Акваріи *, или Январь, иногда изображался подъ видомъ Ганимеда съ сосудомъ съ водой, несомымъ орломъ Юпитера. На самомъ дѣлѣ, Ганимедъ, избранный Юпитеромъ богомъ воздуха и особенно дождя (*Jupiter pluvialis*), былъ его виночерпиемъ, вмѣсто Гебы, богини молодости. Онъ представляетъ аллегорію, смыслъ которой заключается въ мнѣніи, что проходящая юность и ослабѣвающія силы, обновляются и укрѣпляются дождемъ и росой, ниспадающими съ неба.

Появленіе орла всегда было вѣстью побѣды и владычества. Мы видимъ этому примѣръ въ исторіи Гордія. Онъ былъ простой фригійскій крестьянинъ и разъ, когда былъ въ полѣ и пахалъ, съ неба спустился орелъ и сѣлъ на его соху. Нѣсколько лѣтъ спустя, когда Фригія была потрясена гражданскими смутами, всѣ жители рѣшились спросить оракула, который отвѣчалъ, что телѣга привезетъ имъ царя, который положить конецъ всѣмъ ихъ несогласіямъ. Въ эту самую минуту къ толпѣ подѣхалъ на телѣгѣ Гордій, съ сыномъ своимъ Мидасомъ; народъ увидѣлъ въ этомъ обстоятельствѣ исполненіе предсказанія оракула и объявилъ своимъ царемъ Мидаса, потому-что Гордій былъ уже очень старъ. Знаменитая телѣга была поставлена въ крѣпости и привязана такъ называемымъ гордіевымъ узломъ; этотъ знаменитый узелъ сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ кумира, съ которымъ была связана судьба госуларства и котораго не было никакой возможности развязать. Извѣстно, что впоследствии Александръ разсѣкъ его мечемъ.

Маркіанъ, военачальникъ арміи Феодосія II, сразился въ Африкѣ съ Гензерихомъ, вандалскимъ царемъ, сдѣлавшимъ набѣгъ на римскія провинціи. Армія была совершенно разбита (въ 431) и Маркіанъ взятъ въ плѣнъ. Но Гензерихъ, къ величайшему изумленію своему, увидѣлъ, что надъ плѣнникомъ показался орелъ и спустился къ нему на голову; онъ заключилъ изъ этого, что Маркіанъ предназначенъ судьбой къ чему-то великому, необыкновенному, и возвратилъ ему свободу, съ

* Знакъ Водолея.

однимъ только условіемъ, чтобъ онъ въ ту войну не поднималъ оружія противъ вандаловъ. Позднѣе, когда Θεодосій скончался, то сестра его, гордая Пульхерія, раздѣлявшая съ нимъ бремя правленія, въ 450 году вышла замужъ за Маркіана, которому было уже пятьдесятъ лѣтъ и такимъ образомъ доставила ему скипетръ. Гензерихъ, жившій до 476 года, могъ быть свидѣтелемъ исполнившагося предсказанія, которое когда-то угадалъ.

Въ настоящее время уже сдѣлалось несомнѣннымъ, что болышая часть чудесъ, приписанныхъ орламъ, была исполнена или искусно сдѣланными автоматами, или выдрессированными птицами. Кажется, къ этому же разряду должно отнести чудо, совершившееся съ Тарквиніемъ, пятымъ римскимъ царемъ. Когда онъ изъ роднаго города своего Тарквиніи, по настоянію своей жены, — которая слыла великой волшебницей — явился въ Римъ, то навстрѣчу ему вылетѣлъ орелъ: схватилъ съ него шапку, и облетѣвъ вокругъ колесницы, снова надѣлъ ему на голову. Очевидно, что вся эта штука заранѣе была подготовлена его женой, которая, будучи прорицательницей, знала всѣ греческія тайны, и воспользовалась случаемъ подѣйствовать на невѣжество и суевѣріе народа въ пользу честолюбивыхъ замысловъ своего мужа. Она объявила, что чудо это служило вѣрнымъ предзнаменованіемъ, что мужъ ея будетъ носить вѣнецъ, и посредствомъ разныхъ интригъ и происковъ, достигла наконецъ до того, что предсказаніе это исполнилось. И точно, послѣ смерти Анка Марція, сенатъ избралъ Тарквинія царемъ, совершенно отстранивъ сына умершаго монарха, но участіе боговъ во всей этой исторіи — болѣе нежели сомнительно.

Сначала скипетромъ первыхъ римскихъ царей было простое копьё, безъ всякихъ украшеній; Тарквиній, въ память бывшаго съ нимъ приключенія, велѣлъ придѣлать къ концу этого копьёя — орлиную голову. Скипетръ византійскихъ императоровъ также оканчивался небольшимъ орломъ, державшимъ въ когтяхъ своихъ земной шаръ. Это украшеніе, по всей вѣроятности, обязано своимъ происхожденіемъ слѣдующему случаю: Константинъ Великій, принявъ христіанскую вѣру, не захотѣлъ оставаться болѣе въ языческомъ Римѣ и рѣшился перенести резиденцію свою въ какой-нибудь другой городъ и съ этой цѣлью началъ уже постройки на одномъ мѣстѣ, близъ троянскихъ развалинъ; но вскорѣ онъ понялъ, какія неоцѣ-

ненныя выгоды представляла въ этомъ отношеніи Византія и потому переѣхалъ свое намѣреніе. Но чтобы не подать повода суевѣрнымъ работникамъ выводить изъ этого случая предзнаменованій какихъ-нибудь несчастій, ихъ увѣрили, что новое мѣсто для поселенія, избрано по повелѣнію неба; что на первое спустился орелъ, схватилъ веревку, которая употреблялась для размѣренія земли и, снова поднявшись на воздухъ, опустилъ ее на Византію. Въ дополненіе къ этому рассказывали еще, что избраніе новаго мѣста для столицы назначено было Константиномъ въ сновидѣніи. Такимъ образомъ онъ заключилъ древнюю Византію между стѣнами нынѣшняго Константинополя.

Плиній очень серьезно рассказываетъ одну исторію объ орлѣ, который, если вѣрить словамъ его, обнаружилъ чувства, превосходящія всякую мѣру простаго инстинкта: онъ говоритъ, что въ Сестосѣ одна дѣвушка выкормила орла, который обнаружилъ къ ней чрезвычайную привязанность и, если можно сказать, нѣжность. Дѣвушка эта умерла и ее положили на погребальный костеръ; въ ту минуту когда начали его поджигать, орелъ бросился къ костру, опустился на трупъ дѣвушки и сгорѣлъ вмѣстѣ съ нимъ. Надобно замѣтить, что Плиній былъ римскимъ адмираломъ и, вѣроятно, это трогательное заключеніе передалъ ему какой-нибудь морякъ.

Эсхилъ, въ своей трагедіи «Агамемнонъ» рассказываетъ, что разъ видѣли, какъ два орла кинулись на зайчиху и зайченка и растерзали ихъ, и на этомъ основали предсказаніе о разрушеніи Трои. Гадатель Халкъосъ приложилъ это обстоятельство къ умерщвленію героемъ греческихъ войскъ Пріама и его дѣтей. Казалось бы, что изъ этого случая трудно вывести какое-нибудь опредѣленное предзнаменованіе и въ немъ можно было бы точно такъ же видѣть и предсказаніе торжества троянцевъ, еслибъ они остались побѣдителями; послѣдующее обстоятельство, совершившееся во время той же самой осады, подтверждаетъ случай, о которомъ мы говорили, самымъ сверхъестественнымъ образомъ.

Разъ случилось, что орелъ, схвативъ молоденькаго оленя, положилъ его на алтарь Юпитера. Увидя это неслыханное чудо, осаждающіе, совершенно упавшіе духомъ отъ неудачъ, запылали мужествомъ и требовали сраженія, которое имѣло слѣдствіемъ окончательную погибель троянцевъ. Почти съ достовѣрностью можно сказать, что эта птица, явившаяся такъ кстати, была

выучена греческими жрецами, чтобы возбудить мужество въ ихъ соотечественникахъ.

Когда Телемакъ, отыскивая отца своего, пріѣхалъ въ Спарту, то на правую руку къ нему опустился орелъ, державшій въ клювъ ляку утку. Изъ этого вывели предсказаніе, что Улиссъ, возвратившись къ себѣ на островъ, застанетъ въ своемъ домѣ любовниковъ Пенелопы и предастъ ихъ смерти. Кажется, что въ выборѣ птицы, которой назначено было представлять несчастныхъ любовниковъ Пенелопы, заключалась насмѣшка; но если вѣрить свидѣтельству Одиссея, то предсказаніе это сбылось въ точности.

Орелъ выхватилъ копье изъ рукъ одного изъ стражей Діонисія, сиракузскаго тирана, и въ этомъ видѣли предзнаменованіе скорой гибели деспота.

Прометей, навлекшій на себя гнѣвъ Юпитера за то, что похитилъ и передалъ людямъ небесный огонь, былъ прикованъ къ вершинѣ кавказской горы и преданъ въ жертву орлу *, который пожиралъ его печень, безпрестанно нарастающую вновь. Вся эта исторія ни больше ни меньше какъ классическій каламбуръ. Аэцій — такъ по-гречески называется орелъ — есть имя одной скиѣской рѣки, названной такъ по своей быстротѣ.

Рѣка эта, которая въ половодье часто опустошала наводненіемъ родину Прометея, послужила началомъ баснѣ объ орлѣ, пожиравшемъ его безпрестанно. Воображеніе поэтовъ прибавило къ этому сказанію, что Геркулесъ убилъ орла и освободилъ Прометея, и стрѣла, которою онъ совершилъ этотъ подвигъ, была помѣщена въ число знаковъ Зодіака, подъ именемъ Стрѣльца.

Смысль этой аллегоріи заключается въ томъ, что всеобщій преобразователь, Геркулесъ, выучилъ Прометея устроить каналы, или вѣрнѣе родъ подземныхъ трубъ для осушенія болотъ, и это изобрѣтеніе даже и теперь пользуется большимъ почетомъ у земледѣльцевъ.

Нилъ часто называется Аэціемъ или орломъ, и эмблеммой его поэтому изображается орелъ — цвѣта воды, съ ошипанной головой и шеей.

Плутархъ повѣствуетъ, что однажды орелъ оказалъ аэция —

* Нѣкоторые писатели утверждаютъ, что — *коршуну*; но мифологическое объясненіе этой басни доказываетъ, что это былъ именно орелъ.

намъ услугу, когда по окончаніи Пуническихъ войнъ, оракулъ Аполлова повелѣлъ имъ съ почестями перенести въ свой городъ останки Тезея, который задолго до того погребенъ былъ на островѣ Скиросѣ. Гробницу его было очень трудно отыскать на островѣ, населенномъ дикимъ народомъ; но Книмонъ овладѣлъ островомъ и приказалъ произвести поиски, долгое время бывшіе безплодными. Однажды замѣтивъ на невысокомъ холмѣ орла, старавшагося разрыть землю клювомъ, онъ приказалъ поискать въ этомъ мѣстѣ и дѣйствительно тамъ оказался скелетъ челоуѣка, очень большаго роста, и возлѣ него копье и мечъ. Эти останки съ восторгомъ были встрѣчены аѳинянами и торжественно преданы землѣ посреди города. Впослѣдствіи на этомъ мѣстѣ воздвигнутъ былъ великолѣпный храмъ Тезея, котораго святилище, въ древности, было прибѣжищемъ для рабовъ, спасавшихся отъ преслѣдованія своихъ владѣльцевъ. Въ настоящее время развалины этого храма служатъ сборнымъ пунктомъ для французскихъ и англійскихъ солдатъ.

Есть одно старинное нормандское преданіе о подобномъ же почти случаѣ. Святой Адьюторъ, бывшій при жизни княземъ города Вернона, отправился въ крестовый походъ и умеръ въ Палестинѣ, въ плѣну у саррациновъ; тѣло его осталось во власти невѣрныхъ, вассалы старались отыскать его могилу, чтобъ, вырвавъ его прахъ, перенести на родину; но все было напрасно. Разъ какой-то монахъ гулялъ въ полѣ, въ окрестностяхъ Вернона, и увидѣлъ, что надъ кустомъ кружилась стая птичекъ и стройно пѣла какой-то цѣрковный гимнъ. Онъ далъ знать объ этомъ чудѣ кому слѣдовало; стали рыть землю и нашли тамъ совершенно сохранившееся тѣло князя, чудесно перенесенное изъ Палестины. Святой мужъ торжественно былъ преданъ землѣ въ этомъ мѣстѣ, и впослѣдствіи тутъ выстроены пріоратъ во имя Св. Магдалины.

И такъ орелъ заставилъ воздать почести погребенія праху аѳинскаго героя, и орелъ же былъ причиною смерти другаго, не менѣ славнаго мужа,—трагическаго поэта Эхила; известно, что пролетавшій орелъ уронилъ на обнаженную голову Эхила черепаху, которую несъ въ когтяхъ, и такимъ образомъ убилъ его. Пріключеніе это не такъ изумительно, какъ кажется съ перваго взгляда. Очевидно, что оно аллегорія, и бѣдный

Эсхилъ—не первый орелъ, который въ своемъ рвеніи не могъ перенести невѣжества современниковъ, задавившаго его своей тяжестью.

Но если одинъ орелъ раздробилъ черепъ мудрому старцу, такъ другой въ Спартѣ спасъ отъ мучительной смерти молодую и прекрасную принцессу. Знаменитая троянская героиня, Елена, въ юности своей была назначена къ сожженію, въ видѣ искупительной жертвы богамъ, чтобы умилостивить ихъ, во время какой-то заразной поваральной болѣзни, опустошавшей страну. По объявленію оракула, гнѣвъ боговъ могъ смягчиться только приношеніями въ жертву молодой дѣвушки, самой высокой красоты и знатнаго происхожденія. Выборъ палъ на Елену. Она была уже возложена на алтарь, приготовленный для ужаснаго обряда; какъ-вдругъ орелъ выхватилъ жертвенный ножъ изъ рукъ жреца и положилъ его на голову телицы, которая по этому случаю и принесена была въ жертву вмѣсто Елены. По всей вѣроятности штука эта заблаговременно улажена была жрецомъ и родственниками молодой дѣвушки. Нѣкоторые изъ древнихъ писателей относятъ это приключеніе не къ женѣ Менелая, а какой-то другой Еленѣ.

Въ Ирландіи есть очень любопытное народное преданіе, въ которомъ повѣствуется, какимъ образомъ орлы помогли одной знатной дамѣ. Въ царствованіе королевы Елизаветы начальниками округовъ Бера и Бентри, въ Коркскомъ графствѣ, были О'Селливанъ. Филипъ О'Селливанъ, старшій изъ братьевъ, присоединился къ союзу О'Нейля и О'Доннея, подкрѣпленному испанцами, которые высадились въ Ирландію съ цѣлю помочь ей отторгнуться отъ Англій. Взятіе англійскими войсками Квинзала разсѣяло всѣ надежды, и уничтожило замыслы союзниковъ. Замокъ Денбей, принадлежавшій О'Селливану, былъ осажденъ англичанами (въ числѣ осаждавшихъ былъ также сэръ Вальтеръ Рэли) и послѣ мужественной обороны взятъ приступомъ.

Сэръ Джоржъ Керью (Cagew), лордъ-президентъ Менстера, приказалъ умертвить всѣхъ жителей замка. Земли О'Селливана были совершенно опустошены. Самъ владѣлецъ принужденъ былъ удалиться въ Эльстеръ, поручивъ жену свою и ребенка попеченіямъ одного преданнаго вассала, Горрена Макъ-Суайни, который выстроилъ благородной госпожѣ своей въ Корк-

скомъ графствѣ, въ долину Гленгорифъ, у подножія высочайшихъ скалъ, извѣстныхъ подъ именемъ «Орлиной пропасти», дерновій шалашъ. Голодъ, порожденный этою гражданскою войною, господствовалъ во всемъ округѣ и потому въ скоромъ времени несчастной жевщицѣ и ребѣнку ея, стала угрожать голодная смерть. Разъ, когда бѣдные изгнанники доведены были до послѣдней стени отчаянія и уже потеряли всякую надежду, Горренъ замѣтилъ орла, летѣвшаго къ своему гнѣзду съ зайцемъ въ когтяхъ. Въ головѣ его въ ту же минуту блеснула мысль—заставить этого орла питать несчастную его госпожу. Онъ смелъ крѣпкую веревку изъ волоконъ пихты, которая на ирландскихъ болотахъ растетъ повсемѣстно, и на слѣдующее утро, съ помощью этой веревки, поднялся на самую окраину орлиной бездны и тамъ дождался, когда орелъ съ орлицей улетѣли за кормомъ. Тогда онъ, обвязавъ веревкой своего сына, заставилъ его вскарабкаться наверхъ, на площадку, гдѣ было орлиное гнѣздо. Тамъ молодой человекъ, по наставленію своего отца, обмоталъ орлятамъ шею веревкой и завязалъ узломъ, но не такъ, однакожь, крѣпко, чтобъ ихъ задавить, а чтобъ только они не могли ничего глотать. Тогда онъ подаль отцу знакъ, чтобъ онъ помогъ ему воротиться на прежнее мѣсто, гдѣ они дождались возвращенія орловъ, которые вскорѣ и прилетѣли, одинъ съ кроликомъ, а другой—съ тетеревомъ. Положивъ добычу свою передъ орлятами, птицы тотчасъ снова улетѣли. Молодой Мак-Суайни вскарабкался въ гнѣздо и досталъ оттуда орлиную добычу, которая, благодаря принятымъ предосторожностямъ, была не тронута, разрѣзалъ кролика и тетерева, и отдалъ ихъ потрохи орлятамъ, которымъ разумѣется развязалъ шею, чтобы имъ можно было ѣсть и съ торжествомъ воротился назадъ. На другой, третій и слѣдующіе за тѣмъ дни Горренъ повторялъ, съ безстрашнымъ своимъ спутникомъ, путешествія въ орлиное гнѣздо за добычей и прокормилъ такимъ образомъ жену своего господина до тѣхъ поръ, пока англійскія войска не вышли изъ владѣній О'Селливановъ, и благородная лама могла найти себѣ болѣе удобное и приличное пристанище.

Орлы съ древнихъ временъ заняли блистательное мѣсто на королевскихъ и народныхъ знаменахъ. Они были символами персидскихъ и вавилонскихъ царей. Римляне помѣстили на зна-

мена свои нѣкоторыя другія фигуры; но Марій постановилъ правиломъ, чтобы въ легіонахъ знаменемъ былъ непременно орелъ, а прочія изображенія предоставилъ когортамъ. Во время имперіи, Франція избрала гербомъ себѣ римскаго орла. Западные императоры знаменовались чернымъ орломъ, а восточные золотымъ.

Двуглавый орелъ, принятый нынѣ Австріей, служилъ какъ-бы эмблеммой Восточной и Западной Имперіи; въ настоящее время онъ считается государственнымъ гербомъ священной Римской Имперіи, которой австрійскіе императоры считаются какъ-будто представителями.

Во всѣхъ гербахъ изъ всѣхъ орловъ почетнѣйшимъ считается черный орелъ, особенно, если онъ изображенъ на золотомъ полѣ.

Алмазъ считается первымъ изъ брилліантовъ, золото — первымъ изъ металловъ, но не потому, чтобы они заключали въ себѣ какія-нибудь особенныя полезныя свойства; точно такъ же и орелъ — у котораго много дурныхъ качествъ и очень мало хорошихъ, кромѣ красоты своей, величаваго вида и силы, — общимъ приговоромъ былъ признанъ царемъ птицъ.

Но если въ отношеніяхъ птицъ къ людямъ, орелъ занимаетъ и первое мѣсто, то есть, кромѣ его, другія птицы; имѣющія историческое и эмблематическое значеніе.

Коршунъ, напримѣръ, былъ посвященъ Марсу, и считается всегдашнимъ, постояннымъ его спутникомъ. Онъ существенно отличается отъ орла тѣмъ, что тотъ не станетъ ѣсть добычу, которую не убилъ самъ; коршунъ, напротивъ, обыкновенно послѣ сраженій пожираетъ тѣла павшихъ воиновъ. Марсъ теперь уже началъ выходить изъ моды; но птица его еще не утратила своего прежняго, священнаго характера, и въ Индіи, даже еще и теперь состоитъ подъ защитою военныхъ законовъ... Я думаю, многіе помнятъ исторію бѣднаго англійскаго мичмана, котораго прогнали съ корабля за то, что онъ кинулъ коршуну кость, начиненную порохомъ, съ приложеннымъ къ ней фитилемъ, которую тотъ проглотилъ и его разорвало. Въ древности Гераклесъ принялъ эту птицу подъ особенное свое покровительство, какъ говорятъ, за справедливость ея и добродѣтель; потому-что, надобно замѣтить, коршунъ не нападаетъ ни на что живущее и ѣсть только мертвечину. Оригинальная

идея эта приноситъ много чести полубогу Геркулесу, потому что въ то время добродѣтель была на Олимпѣ не слишкомъ обыкновенна.

Аполлонъ прозванъ былъ *Вультуриемъ* (т. е. Коршуномъ) по слѣдующему обстоятельству: двое пастуховъ, которые пасли стада на горѣ Лиссѣ, близъ Эфеса, увидѣли, что изъ какой-то подземной пещеры выметѣли пчелы. Желая воспользоваться медомъ, одинъ изъ нихъ сѣлъ въ корзинку, которую другой спустилъ въ пропасть на веревкѣ. На днѣ пропасти онъ, вмѣсто меда, нашелъ сокровище, и сложилъ его въ корзину, которую товарищъ его поднялъ въ ту же минуту, и взявъ сокровище себѣ, бросилъ друга на жертву мучительной неизбѣжной смерти. Несчастный, покинутый товарищемъ, пастухъ, предался глубочайшему отчаянію; но вскорѣ, измученный усталостью и скорбью, онъ заснулъ тревожнымъ сномъ и увидѣлъ, будто къ нему явился Аполлонъ и совѣтовалъ поранить себя въ нѣсколькихъ мѣстахъ острымъ кремнемъ. Проснувшись, онъ поспѣшилъ исполнить повелѣніе Аполлона и вскорѣ замѣтилъ, что къ нему въ пещеру начали спускаться коршуны, привлеченные запахомъ крови. Пастухъ смѣло поймалъ за лапы этихъ птицъ и они, бросившись въ испугѣ изъ пещеры, понесли его за собою и, поднявъ на воздухъ, опустили гдѣ-то въ поле. Пастухъ поспѣшилъ принести жалобу эфесскому магистрату, который и приговорилъ коварнаго товарища его къ смертной казни, а ему присудилъ отдать половину сокровища. Богатство свое онъ употребилъ на сооруженіе на горѣ Лиссѣ храма въ честь избавителя своего, Аполлона, которая поэтому случаю и названа *Вультуромъ*.

Египетскій коршунъ (*рохалъ*) очень уважается туземными жителями, потому что пожираетъ всякія нечистоты, которыя могли бы произвести заразительныя болѣзни. Благочестивые мусульмане даже нарочно убиваютъ животныхъ, чтобы накормить этихъ полезныхъ птицъ.

Есть коршуны громаднаго роста; полагаютъ, что эти птицы — первообразъ чудовищной птицы, *роха* арабскихъ сказокъ и *баръ-юхна* — талмуда, такъ ужасно преувеличенныхъ воображеніемъ восточныхъ народовъ. Между-тѣмъ должно признаться, что еврейская птица далеко превосходитъ размерами своими магометанскаго *роха*. По свидѣтельству талмуда, раввинъ Баръ-Хана увидѣлъ разъ на рѣкѣ птицу *Баръ-Юхну*,

которая стояла по журавлиному. Равнинъ подумалъ, что рѣка была не глубока, но послѣ узналъ, что за шесть лѣтъ въ этомъ мѣстѣ одинъ плотникъ уронилъ въ воду свой топоръ и, отыскивая его, викакъ не могъ достать до дна. Равнинъ замѣтилъ, что птицѣ вода доходила только до колѣна, и что голова ея почти касалась облаковъ. Яйцо *Баръ-Юхны*, упавъ изъ гнѣзда и разбившись, затопило шестьдесятъ городовъ и уничтожило триста кедровъ.

Въ Египтѣ коршунъ былъ посвященъ главнѣйшему изъ божествъ — Озирису, который даже изображался съ коршуновой головой, потому-что эта птица могла прямо смотрѣть на солнце. Священный коршунъ содержался въ клеткѣ въ Филѣ, гдѣ, говорятъ, былъ погребенъ Озирисъ. Въ Гелиополисѣ ему поклонялись, какъ эмблемѣ солнца. Въ Оивахъ и другихъ египетскихъ городахъ были находимы мумія коршуновъ. Коршунъ съ человѣческой головой былъ у древнихъ египтянъ символомъ души; словомъ, коршунъ въ такой степени уважался въ древности, что если кому-нибудь случалось убить коршуна, тотъ самъ немедленно подвергался смертной казни.

У древнихъ народовъ коршунъ былъ посвященъ богу солнца, Аполлону, за провидательный свой взоръ; но, по какой-то странной аномаліи, его, какъ вѣчнаго врага стада, приносили въ жертву Аполлону Номію (*Nomius*), или богу пастуховъ.

Хіона, дочь Дедала, умерщвленная Діаной, за то, что считала себя красивѣе ея, была превращена въ коршуна, и отецъ ея, бросившійся въ порывѣ отчаянія съ Парнасса, также былъ превращенъ Аполлономъ въ эту птицу.

Іо, любимца Юпитера, впоследствии превращенная въ телку, была поручена Юнодой охраненію Аргуса и Гиракса: перваго Меркурій усыпилъ звуками флейты, а втораго Юпитеръ превратилъ въ коршуна. Но послѣднее обстоятельство просто игра словъ, потому-что Гираксъ (*Hiera*) значитъ — *коршунъ*. Аббатъ Банье, въ своей мифологіи также объясняетъ исторію Іо. Эта дѣвушка, — говоритъ онъ, — была любима однимъ аргосскимъ царемъ, по имени Юпитеромъ Аписомъ; жена его, изъ ревности, приказала заключить Іо въ темницу. Но царь освободилъ ее отъ стражей Аргуса и Гиракса, и велѣлъ увезти ее подальше отъ соперницы, на корабль, у котораго на кормѣ изображена была корова; это послужило началомъ баснѣ о превращеніи Іо въ телку.

Ястребиная охота была извѣстна древнимъ, хотя производилась и не на тѣхъ правилахъ, какъ теперь. Она сдѣлалась извѣстна въ Англіи въ VIII вѣкѣ и съ того времени стала считаться въ числѣ необходимыхъ предметовъ воспитанія благородныхъ англо-саксовъ. Охота эта долгое время считалась самою аристократическою; но послѣ изобрѣтенія пороха мало-по-малу начала приходить въ упадокъ. Всякій, желавшій представить себя на портретѣ или въ статуѣ, такъ, чтобы было видно, что онъ благороднаго происхожденія, долженъ былъ для этого быть изображенъ непременно съ ястребомъ на рукѣ.

Въ стѣнахъ развалинъ Кнокмойскаго аббатства, въ Галлвейскомъ графствѣ, видны еще полууничтоженные сыростью рисунки альфреско, представляющіе трехъ ирландскихъ королей, какъ кажется, Родерика, жившаго XII вѣкѣ и двухъ его данниковъ, съ ястребами на рукахъ.

Въ Англіи Эдмондъ, графъ Ламаршскій, правнукъ Ліонеля, сынъ Эдуарда III, который парламентскимъ актомъ объявленъ былъ наслѣдникомъ Ричарда II, имѣлъ на шлемѣ изображеніе ястреба съ запертымъ вислчимъ замкомъ, что служило знакомъ того, что онъ былъ лишенъ престола, похищеннаго Генрихомъ IV, отправившимъ Мортимера въ заточеніе. Впоследствии Эдуардъ IV, внукъ графа Ламаршскаго, носилъ на шлемѣ также изображеніе ястреба, но съ отпертымъ замкомъ, въ ознаменованіе того, что онъ достигъ своей цѣли, то есть, престола.

Ястребъ въ геральдикѣ считается очень почтеннымъ изображеніемъ. Одна англійская, дворянская фамилія, по имени Уиль, имѣетъ гербъ, изображающій на песочномъ полѣ золотого ястреба, съ оружіемъ въ когтяхъ, сидящаго на суку, что на геральдическомъ языкѣ значитъ, что владѣлецъ герба всегда готовъ и способенъ къ великимъ подвигамъ, даже во время своего отдохновенія.

У египтянъ сова почитается символомъ ихъ Минервы или Изиды, дочери Нила. Изидѣ воздавались поклоненія въ Салсѣ, въ ночныхъ, торжественныхъ празднествахъ, которыя назывались празднествомъ свѣтильниковъ, потому-что въ эту ночь былъ освѣщенъ огнями не только храмъ, но и весь городъ. У ногъ статуй этой богини всегда изображается сова, какъ эмблема мудрости и ночнаго мрака. Въ Египтѣ было найдено въ разное время множество бальзамированныхъ совъ. У египтянъ аоняне заимствовали свою Минерву и украсили

ее всѣми атрибутами Изиды, изображая вмѣстѣ съ нею, между прочимъ, и сову, которую считали предзнаменованіемъ побѣды; впрочемъ, нѣкоторые изъ грековъ считали ее почему-то несчастной птицей и предвѣстницей смерти.

На копье Пирра, сына Ахиллесова, опустилась сова, и изъ этого выведено было заключеніе о скорой его смерти, и въ самомъ-дѣлѣ, онъ черезъ нѣкоторое время былъ убитъ Орестомъ, въ храмѣ Аполлона, въ Дельвахъ. Известно, что Орестъ искалъ случая отомстить Пирру за бракъ его съ прекрасной Герміоной, дочерью Елены и Менелая, который обѣщалъ выдать ее за него.

Когда Церера успѣла выпросить у Юпитера дозволеніе Прозерпинѣ возвратиться изъ адскихъ странъ, съ условіемъ, если она въ томъ мрачномъ царствѣ не вкусила еще ни какой пищи, то Аскольфъ, сынъ Ахерона, объявилъ, что видѣлъ, какъ она ѣла гранату. Бѣдная, приведенная въ отчаяніе, мать превратила этого нехоти услужливаго свидѣтеля въ сову. По законамъ, существующимъ въ царствѣ волшебницъ, каждый человѣкъ, завлеченный въ ихъ подземныя палаты, послѣ совершенія извѣстныхъ обрядовъ, могъ быть возвращенъ своимъ друзьямъ, если только онъ не вкусилъ въ волшебныхъ странахъ никакой пищи; но если онъ принималъ хоть небольшое участіе въ пиршествѣ, то навсегда безвозвратно терялъ надежду когда-либо воротиться на землю. Это волшебное преданіе, кажется намъ, получило начало отъ исторіи Прозерпины.

У абиссинцевъ,—которые подобно многимъ другимъ народамъ, считали сову признакомъ смерти,—былъ обычай, что если кто-нибудь изъ подданныхъ короля впадалъ въ немилость, то посылалъ ему сову, и тотъ, получивъ этотъ пагубный подарокъ, долженъ былъ лишиться себя жизни.

Нѣкогда въ Англіи былъ обычай въ день Рождества Христова травить сову, которая считалась вѣстницей несчастія.

Но между-тѣмъ, несмотря на то, что сова вообще считалась предвѣстницей разныхъ несчастій, въ гербахъ она занимала всегда почетное мѣсто, ибо издавна за ней утвердилась слава глубокомыслія и мудрости, которая ей была приписана за способность ея видѣть во мракѣ. Въ гербахъ англійскихъ дворянскихъ домовъ изображеніе совы встрѣчается

очень часто. Между прочимъ есть одинъ гербъ, на которомъ изображены на песчаномъ полѣ три серебрянныя совы надъ золотой зубчатой полосой; подъ ними слово «*hewet*». Этотъ гербъ можетъ почестся образцомъ такъ называемыхъ *говорящихъ* гербовъ, то есть такихъ, въ которыхъ въ фигурахъ изображена самая фамилія дома, которому онъ принадлежитъ. По всему кажется, что англійское слово «*hewet*» происходитъ отъ французскаго *chouette* (сова) и фамилія нормандскаго происхождения получила этотъ гербъ собственно потому, что въ немъ изображаются птицы, именемъ которыхъ она называется. Есть другой подобный же примѣръ говорящаго герба; онъ имѣетъ совиную голову на серебряномъ полѣ, съ надписью «*herwart*»; это слово германскаго происхождения, и теперь въ Англии употребляется очень рѣдко. По-англійски «*herwart*» значить: *Неге wott* (болрствую здѣсь) в томъ лицу, которое называлось этимъ именемъ, присвоено было изображеніе совы за способность ее видѣть ночью.

Воронъ, котораго черныя перья такъ рѣзко противорѣчатъ свѣту — былъ посвященъ солнцу. Но, съ другой стороны, за способность свою предсказывать будущее, онъ былъ посвященъ греками Аполлону, египтянами — Орусу, сыну Озираса и Изиды, богу свѣта. Жрецы Минераса, бога солнца у Персовъ, назывались *корасы* и *хиро корасы* (вороны и священные вороны). Воронъ былъ собственно птицей Минервы; но какъ онъ донесъ на Херза, сына Некроуса, основавшаго колонію въ Атикѣ, что онъ принималъ къ себѣ Меркурія, то былъ изгнанъ и мѣсто его заняла сова, въ знакъ того, что подобныя посѣщенія должны происходить во мракѣ ночи, а не тогда, когда глаза у всѣхъ открыты.

Старинныя преданія утверждаютъ, что если кормить ребенка однимъ мозгомъ ворона, такъ оно, войдя въ дѣта, можетъ получить способность предсказывать будущее и понимать языкъ птицъ.

Говорятъ, одинъ скандинавскій богъ имѣлъ двухъ вороновъ. Первый по имени Гузинъ, представлялъ разумъ или мысль; второй, Муниъ, — память. Каждый день по утрамъ онъ посылалъ ихъ облетѣть свѣтъ, и по возвращеніи они доносили ему о томъ, что узнавали; отсюда его — всевѣдѣніе, посредствомъ мысли и памяти. Въ честь Одина датчане помѣстили вороновъ на своихъ знаменахъ, и какъ эти языческія полчища, во вре-

мя опустошительныхъ набѣговъ своихъ въ Англію, Ирландію и Шотландію, производили различныя варварства, то англичане сдѣлали вѣрона эмблемою бѣдствій и смерти; они даже вѣрили, что когда демонъ хотѣлъ воплотиться, то немедленно превращался въ эту птицу.

Англійская фамилія Корбетъ приняла изображеніе вѣрона своимъ говорящимъ гербомъ. Она—нормандскаго происхожденіе и имя ея, очевидно, происходитъ отъ французскаго слова corbeau (вѣронъ).

Въ Швейцаріи есть преданіе, что одинъ отшельникъ, имени Мейнродъ, жившій въ благочестивомъ уединеніи, прикормилъ двухъ вѣроновъ. Разъ, ночью, сидѣлъ онъ, погруженный въ размышленія, передъ огнемъ, горѣвшимъ въ серебряномъ свѣтильникѣ, подаренномъ ему однимъ вельможей, котораго онъ вымечилъ отъ ранъ, полученныхъ на охотѣ, какъ вдругъ въ пещеру его вбѣжали два разбойника; убивъ его и взявъ свѣтильникъ, они скрылись. Но вѣроны, бывшіе свидѣтелями злодѣйства, полетѣли вслѣдъ за убійцами и неотступно, съ криками, кружились надъ ними, поражая своими клювами и царапая когтями. Напрасно разбойники старались убить ихъ или даже отогнать. Эта странная битва привлекла вниманіе поселянъ, тотчасъ узнавшихъ въ этихъ птицахъ, любимыхъ вѣроновъ глубоко-чтимаго отшельника и сообразили, что тутъ кроется что-нибудь необыкновенное. Они задержали этихъ двухъ людей и повели ихъ, все-таки въ сопровожденіи вѣроновъ, въ пещеру Мейнрода, гдѣ и нашли его бездыханное тѣло. Бросились обыскивать разбойниковъ и нашли у одного изъ нихъ серебряный свѣтильникъ. Ихъ отвели къ судьямъ и представили вмѣстѣ съ уликой ихъ злодѣйства; тамъ они во всемъ признались и были преданы смерти. Древніе поэты утверждаютъ, что первоначально вѣроны были бѣлы, но одна изъ этихъ птицъ объявила Аполлону, что Корониса (дочь Флегія, царя ессалійскаго,) которую онъ любилъ — ему невѣрна; въ припадкѣ бѣшенства и ревности, Аполлонъ убилъ свою любовницу; но потомъ, раскаявшись въ своемъ поступкѣ, чтобы отомстить донощику, вѣрону, навсегда превратилъ бѣлый цвѣтъ его — въ черный.

По свидѣтельству сочинителей эмблемъ, въ древности изображеніе двухъ сосудовъ, съ сидящими на нихъ попугаями, и

маковый цвѣтокъ между ними, было символомъ опьяненія потому-что тогда было обыкновеніе поить этихъ птицъ виномъ, чтобъ они были веселѣе и забавнѣе. Хотя попугаевъ вообще считаютъ первообразомъ болтуновъ, но между-тѣмъ случается, что они говорятъ иногда очень кстати и исторія приводитъ намъ нѣсколько тому примѣровъ. Въ VIII вѣкѣ въ Константинополѣ былъ императоромъ Василій Македонянинъ, а любимцемъ его былъ нѣкто Теодоръ Сантабріонъ, низкій и завистливый негодяй. Онъ разными происками успѣлъ возбудить гнѣвъ Василія противъ сына его Льва, который былъ прозванъ Философомъ, за добродѣтели свои и склонность къ наукамъ. Онъ продолжалъ раздувать въ отцовской груди этотъ гнѣвъ, и успѣлъ довести его до такихъ размѣровъ, что разъ Василій совершенно безвинно приказалъ заключить сына своего въ темницу, гдѣ онъ и пробылъ семь лѣтъ.

Однажды, по случаю какого-то торжества, императоръ пригласилъ къ себѣ на пиръ самыхъ значительныхъ изъ своихъ приближенныхъ и первѣйшихъ сановниковъ въ государствѣ. Нѣкоторые изъ нихъ, условившись между собою, приказали тайно помѣстить въ залѣ пиршества выученнаго попугая... Когда гости сѣли за столъ, попугай началъ жалобно восклицать:

— Увы! увь! бѣдный Левъ... Увы! бѣдный Левъ!..

Жалобныя восклицанія эти, напоминавшія о несчастіи юнаго принца, возбудили въ гостяхъ императора глубокую грусть, которая вскорѣ сообщилась и самому Василю... Въ душѣ его пробудилось сожалѣніе... Въ тотъ же день, узнавъ истину, онъ приказалъ освободить сына и заключить въ темницу Теодосія.

Впослѣдствіи этотъ Левъ вошелъ на престолъ подъ именемъ Льва VI.

Былъ еще одинъ историческій случай съ попугаемъ, но только гораздо забавнѣе. У Генриха VII, англійскаго короля, въ Вестминстерскомъ дворцѣ былъ попугай, котораго иногда ставили на окно, выходящее на Темзу. Тамъ онъ часто слышалъ разговоры пассажировъ съ лодочниками, и затвердилъ нѣкоторыя фразы. Разъ, попугай этотъ упалъ съ окна и въ величайшемъ страхѣ закричалъ, что только было силы:

— Лодку! лодку!... Двадцать червонцевъ за лодку!

Какой-то лодочникъ досталъ его изъ воды, отвесъ къ

королю и требовалъ награды, обѣщанной птицей. Король назвалъ его дуракомъ и рѣшительно отказался заплатить двадцать червонцевъ... Лодочникъ настаивалъ на своемъ требованіи. Наконецъ король, бывшій въ то время въ веселомъ расположеніи духа, объявилъ, что рѣшеніе этого вопроса онъ предоставляетъ самому попугаю.

Лодочникъ очень обрадовался этому, полагая, что попугай повторитъ свое обѣщаніе; но можно судить объ его удивленіи, когда попугай, увидѣвъ своего избавителя, закричалъ:

— Дайте этому болвану пенсъ!

Кампбелъ въ одной небольшой поэмѣ рассказываетъ, что попугай былъ однажды завезенъ изъ Испаніи на одинъ изъ Гебридскихъ острововъ. Онъ сдѣлался задумчивъ и молчаливъ, потому-что не слышалъ испанской рѣчи, къ которой привыкъ. Разъ къ хозяину попугая пришелъ съ визитомъ пріѣхавшій изъ Испаніи дворянинъ. Ему стало жаль бѣдной птицы и онъ, вѣроятно догадавшись о причинѣ ея печали, заговорилъ съ нею по-испански... Попугай весело захлопалъ крыльями, принялся скакать по клѣткѣ, всячески выражать свое удовольствіе и разразился потокомъ испанскихъ фразъ... Но радость эта была для него смертельна; онъ не выдержалъ напора чувствъ и на другой же день издохъ.

Римлянамъ, до Нерона, былъ извѣстенъ только одинъ родъ попугаевъ — азійскихъ; но въ царствованіе этого императора въ Римъ были въ первый разъ привезены попугаи, наловленные гдѣ-то близъ Краснаго моря... Сластолюбивый Геліогабаль часто во время шировъ приказывалъ подавать себѣ кушанье изъ попугаячьихъ языковъ и мозговъ. Это стоило ему баснословныхъ суммъ.

Древніе посвящали ласточекъ Ларамъ, или домашнимъ богамъ своимъ, потому-что эти птицы любятъ вить гнѣзда подъ крышками и окнами домовъ... Въѣсть съ тѣмъ онѣ считались предвѣстницами несчастій, и это суевѣрное преданіе получило начало отъ сказки, что жена Теревя, еракійскаго царя, Провія, была превращена въ ласточку. Она понесла это наказаніе за то, что желая отомстить Теревю, полюбившему сестру ея, Филомелу, убила одного изъ сыновей его и подала Теревю за обѣдомъ.

Въ древности, на островѣ Родосѣ въ ноябрѣ мѣсяцѣ ежегодно совершался праздникъ подъ названіемъ Хелдонія.

Дѣти выходили на улицу съ вѣтвями, къ которымъ привязаны были ласточки и распѣвали въ честь этой птицы пѣсню, называвшуюся *Хелидонизма* и, останавливаясь подъ окнами жителей, выпрашивали деньги. Говорятъ, что этотъ праздникъ былъ учрежденъ лидійцемъ Клеовуломъ, въ то время, когда страна была совершенно разорена, съ цѣлю собрать сколько-нибудь денегъ. Праздникъ этотъ очень напоминаетъ обычай, соблюдаемый въ Ирландіи въ день св. Стефана. Тамъ, совершенно также, какъ и въ Родосѣ, дѣти бѣгаютъ изъ дома въ домъ съ вѣтвю, разукрашенною лентами, и на вѣтви у нихъ, вмѣсто ласточки — мертвая птица, королѣкъ; они выпрашиваютъ деньги, распѣвая хоромъ довольно плохія вѣрши. Для образца прилагаемъ переводъ первой строфы:

Вотъ бѣдная птичка; ее мы поймали
Въ гвѣздѣ, въ день св. Стефана.
Она хоть мала, но довольно почтенна.
Подайте въ честь птички, честные господа!

Обычай этотъ, очевидно, воспоминаніе о мученіяхъ св. Стефана, потому-что птичка, служащая его изображеніемъ; въ утро, посвященнаго ему дня, убивается камнями.

Хелидонизмы родосскихъ дѣтей гораздо граціознѣе и мы представляемъ здѣсь одну изъ нихъ, заимствованную изъ Атенума.

• Чу! ласточекъ полетъ я внемлю:
Летятъ съ небезъ, какъ вѣтерокъ!
Онѣ несутъ съ собой на землю,
Тепло и зелень, и цвѣтокъ!

Вонъ облачко разсѣкла стая!
Такъ выносите-же скорѣй,
Гостей привѣтливо встрѣчая,
Плоды, и вина, и елей.

Вы не жалѣйте угощенья!
Не то гнѣздо у васъ совыютъ,
И съ ложа милую въ отщепенъ
На крыльяхъ быстрыхъ унесутъ.

Полету вешнихъ пташекъ внемля,
 Вы будьте щедры и добры.
 Блаженъ, кто даръ небесъ пріемля,
 Несетъ богамъ свои дары.

Ликуетъ міръ, природа рада
 Крылатымъ вѣстникамъ весны!
 Откройте жъ дверь, мы ваши чада,
 Несемъ дары другой страны »

Въ англійской геральдикѣ ласточка называется *mortinet* т. е. каменный стрижь, а по-французски *merlette*, то есть, маленькій черный дроздь. Въ гербахъ, англійскіе каменные стрижи представлены бывають съ длинными, свернутыми крыльями и короткими, подогнутыми ногами, непременно въ профиль. Они служатъ эмблемой младшихъ въ родѣ, которые, по словамъ Гиллина, не имѣя на землѣ угла, гдѣ могли бы преклонить голову, пренуждены подниматься на крыльяхъ достоинствъ и добродѣтели. Каменные стрижи—перелетныя птицы, и служатъ также объясненіемъ обычая младшихъ въ родѣ: искать счастья за предѣлами родной, наслѣдственной земли.

Прозваніе Арёнделей очевидно происходитъ отъ словъ *hirondelle* и заимствовано отъ Норманновъ. Гербъ св. Эдуарда Исповѣдника состоялъ изъ посоха и пяти ласточекъ.

У египтянъ, ласточка за быстроту полета признана была эмблемой Изиды, когда она изображалась въ ту минуту, когда ищетъ тѣло мужа своего Озириса, умерщвленнаго злымъ духомъ Тифономъ.

Сорока посвящена была Вакху, потому-что онъ во время похода своего въ Индію, для возбужденія бодрости духа въ своихъ воинахъ, старался, чтобъ они какъ-можно больше между собой болтали и позволялъ имъ сколько душѣ угодно смѣяться надъ побѣжденными.

Девять дочерей Пируса, имѣвшія желаніе состязаться въ искусствѣ пѣнія съ музами, были за свою дерзость превращены въ сорокъ; басня эта объясняется очень легко; Пирусъ былъ плохой стихотворецъ и дочери его — олицетвореніе его произведеній, наполненныхъ нелѣпостями всякаго рода и напоминающихъ сорочью болтовню.

Ирландскій крестьянинъ считаетъ большимъ несчастіемъ, если ему попадется на встрѣчу сорока. Чтобъ отвратить зло,

предвѣшаемое подобной встрѣчей, онъ учтиво и почтительно снимаетъ передъ каждой сорокой шляпу.

У скандинавовъ сорока также считается предвѣстницею несчастья, и обидѣть ее какъ-нибудь тамъ каждый боится, не потому, чтобы въ ней были какія-нибудь добрыя качества, а потому, что вѣрится, будто она находится подъ непосредственнымъ покровительствомъ демона, и по совѣсти можно подозрѣвать по норовскимъ ея вистивткамъ, что она имѣетъ нѣчто общее съ Мефистофелемъ. Вѣдьмы, отправляющіяся на шабашъ, должны, по принятому обыкновенію, предать проклятію землю, воду, воздухъ; словомъ — всю природу, но только не сороку, которая находится подъ защитою ихъ *старшого*.

Повѣрье это, какъ можно думать, очень пріятно сорокамъ, которыя въ этомъ отношеніи счастливѣе всѣхъ прочихъ птицъ.. Почти никто никогда не возмущаетъ ихъ покоя; школьники не разоряютъ ихъ гнѣздъ и потому эта птица на сѣверѣ — самая обыкновенная и самая ручная. Онѣ тамъ летаютъ стаями и во множествѣ попадаютъ на улицахъ и нерѣдко залетаютъ даже въ дома.

Нельзя при этомъ не вспомнить страннаго повѣрья, основаннаго будто бы на историческомъ происшествіи извѣстнаго, думаемъ, каждому русскому. Говорятъ, что Марива Мнишекъ, спасаясь отъ убійць, готовыхъ ворваться въ ея палаты, въ Кремлѣ, превратилась въ сороку — народъ и тогда считалъ ее колдуньей — и улетѣла такимъ образомъ изъ окна. Съ тѣхъ поръ дорога въ Москву заклата всѣмъ сорокамъ, которыя, дѣйствительно, по какому-то странному случаю въ окрестностяхъ Москвы, какъ говорятъ, — не водятся.

Разговорившись о птицахъ вообще, не можемъ, пользуясь этимъ случаемъ, — не привести одного заключенія, свидѣтельствующаго о присутствіи въ птицахъ способности, которую нужно поставить выше обыкновеннаго вистивкта. Предоставляемъ читателямъ объяснить это какими угодно предположеніями, и изложимъ дѣло такъ, какъ оно было.

Въ селѣ Сырокореньѣ, Смоленской губерніи, Краснинскаго уѣзда, нѣсколько времени тому назадъ стали показываться *аисты* (*Ciconia alba*). Эти птицы — рѣдкія гости въ той губерніи, онѣ появляются тамъ въ очень небольшомъ числѣ. Крестьяне не пугаютъ ихъ и аисты преспокойно располагаютъ свои гнѣзда въ срединѣ старыхъ, раскидистыхъ деревь. Конечно, это по-

мѣщеніе для нихъ не такъ удобно, какъ въ другихъ мѣстахъ, гдѣ они смѣло садятся на крышахъ домовъ. Деревенскіе жители очень рады такимъ гостямъ: по общему ихъ повѣрью, аисты приносятъ съ собою благоденствіе и изобиліе тому дому, на которомъ живутъ; мужичекъ не на шутку призадумывается, если аисты почему-нибудь бросятъ прежнѣе гнѣздо и перелетятъ на другое мѣсто; это — вѣрный знакъ, что какое-нибудь несчастіе постигнетъ домъ, брошенный перелетной птицей.

Въ селѣ, о которомъ мы упомянули, — церковь обсажена липами; липы эти очень стары. Когда-то, очень давно, неизвѣстно съ какой цѣлью, онѣ были срублены до половины и теперь пышно разрослись боковыми вѣтвями, такъ, что середина ихъ осталась пустою. На одной изъ этихъ липъ свила себѣ гнѣздо чета аистовъ и самка свесла два яйца.

Обыкновенно аисты высидиваютъ птенцовъ поочередно: одинъ отирается за пищей въ ближнее болото, а другой остается дома, пока первый не смѣнитъ его. До высидиванья, аисты бываютъ очень осторожны и пугливы; но, сидя на гнѣздѣ, подускаютъ къ себѣ человѣка довольно близко.

Гнѣздо на деревѣ доставляло обильную пищу любопытству крестьянскихъ мальчиковъ, слѣдившихъ издали за всѣми дѣйствіями диковинныхъ птицъ. Какъ-то разъ удалось имъ удовлетворить своей страсти къ естествознанію и рассмотреть гнѣздо вблизи: они согнали аиста, или онъ отлетѣлъ самъ; достовѣрно извѣстно только, что шалуны взобрались на дерево и принялись дѣлать свои наблюденія. Кому-то изъ нихъ пришла мысль: замѣнить одно изъ яицъ аиста вороньямъ, которое на ту пору нашлось подъ рукой. Такъ и сдѣлали мальчики; потомъ слѣзли съ дерева и продолжали свои наблюденія издали.

Аистъ возвратился и, не подозрѣвая подлога, спокойно усѣлся на свое мѣсто. Настало время птенцамъ явиться на свѣтъ. Самка крикомъ зоветъ самца сообщить ему свою радость. Прилетаетъ самецъ и видитъ въ гнѣздѣ возлѣ молодаго аиста какое-то странное, неизвѣстное ему существо. Аистъ начинаетъ тревожно кричать и кружиться около самки, хлопая крыльями. Наконецъ онъ улетаетъ, и самка, печально поворачивъ голову, остается въ гнѣздѣ.

Цѣлые сутки самецъ не возвращался. На другой день онъ

прилетаетъ въ сопровожденіи своихъ товарищей. Шумно столпились они около гнѣзда, съ котораго согнали самку и дивились на бѣднаго вороненка. Слышно было, что у аистовъ шла жаркая бесѣда; самка сидѣла поодаль и не принимала въ ней участія; наконецъ несчастный вороненокъ былъ заклеванъ и выброшенъ изъ гнѣзда. Этимъ, однако, не кончился несправедливый приговоръ. Аисты съ ожесточеніемъ бросились на самку; стали щипать ее со всѣхъ сторонъ и потомъ, схвативъ бѣдную длинными своими носами, цѣлою кучей поднялись съ нею на воздухъ. Воображаемъ, изумленіе зрителей при видѣ этой летящей массы.

Поднявшись на значительную высоту, аисты пустили истерзанную самку и она, ударившись объ землю, разбилась въ прахъ.

Стая улетѣла; остался одинъ печальный аистъ. Онъ не принималъ участія въ исполненіи жестокаго приговора своихъ товарищей и долго еще сидѣлъ, пѣвъсь носъ. Наконецъ улетѣлъ и онъ. Осиротѣлый птенецъ достался въ руки деревенскихъ натуралистовъ.

Изъ этого случая видно, въ какой замѣчательной степени развито въ птицахъ то, что столь уклончиво называемъ мы инстинктомъ, скрывая за этимъ темнымъ и слишкомъ общимъ названіемъ, какъ за ширмами, недостаточность нашихъ познаний въ естественной исторіи. Много еще нужно опытовъ и наблюденій, пока эта наука изъ мертвой классификаціи и анатоміи существъ природы, сдѣлается наукой о постепенномъ развитіи природы въ ея произведеніяхъ.

А. Н. Б.

СОВРЕМЕННОЕ .

I. ЛИТЕРАТУРА: Литература и общественная жизнь въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ.—Голландская литература.—Романы въ Португаліи.
II. ИСКУССТВА: Новости парижскихъ театровъ.—Поликратовъ перстень.
III. НОВОСТИ НАУКЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ: Свѣтъ, производимый свѣтящимися червячками.—Статистика желѣзныхъ дорогъ въ Англіи.—Большая каучуковая фабрика въ Нью-Йоркѣ.
IV. ПУТЕШЕСТВІЯ И ОЧЕРКИ ПРАВОВЪ: Индѣйцы Гуатузосы въ Никарагуа.—Путешествіе Мадьяра Лаццо въ Центральную Африку.—Триполійское регентство.—Восхожденіе на гору Попокатепетль.
V. МЕЛКІЯ ИЗВѢСТІЯ И РАЗСКАЗЫ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ: Смерть Шенке и Гейне.—Написалъ ли актеръ Вильямъ Шекспиръ всѣ драмы, которыя извѣстны подъ его именемъ?—Общество истребленія тигровъ.—Скоростипажная смерть скряги.—Желѣзная мостовая въ Лондонѣ.—Снѣгъ въ Сѣверной Америкѣ.—Невольники на Бразильскомъ берегу.—Лавина въ Швейцаріи.—Телеграфъ въ Австраліи.—Испанскіе разбойники.—Праздникъ Рождества въ Австраліи.—Королевская охота въ день святаго Губерта.

I. ЛИТЕРАТУРА.

ЛИТЕРАТУРА И ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ВЪ СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКИХЪ ШТАТАХЪ.

Американцы объявили, что желая имѣть все свое собственное, а не обзыватья метрополіи, они сами составятъ для себя всѣ отрасли литературы и даже драматическую. Эта литературная независимость была объявлена 17-го Сентября на

* Изъ журналовъ: Edinburgh-Review, Revue des deux mondes, Revue britannique, Revue de Paris, Voleur, Lesefruchte, Magazin der Litteratur, Art-Journal, Artiste, Literary, Gazette, Allgemeine Modezeitung, Illustration, Gartenlaube, и проч.

праздникъ, данномъ издателями Нью-Йорка національнымъ знаменитостямъ, между которыми была Вашингтонъ Ирвингъ, Брайнтъ, Валлисъ и его знаменитая сестра, которая, подъ псевдонимомъ Фавни Фернъ, признана президентшею американской литературы. Эта президентша, изобразившая недавно такъ безжалостно своего брата въ романѣ *Ruth Hall*, говорила спичъ, который долженъ быть очень замѣчателенъ, но къ несчастію журналы не передали намъ его. Зато они напечатали рѣчь поэта Брайнта, выразившаго желаніе, чтобъ нашелся новый Плутархъ, который бы описалъ жизнь нѣкоторыхъ издателей-меценатовъ, покровительствующихъ молодымъ писателямъ и ведущихъ ихъ въ храмъ славы по дорогѣ, усыпанной долларами. Г-жа Фавни описала въ своемъ романѣ одного издателя, Девелина, который никакъ не можетъ назваться образцовымъ, особенно въ обращеніи съ женщинами - писательницами. Но поэтъ-авторъ утверждалъ, что въ Соединенныхъ Штатахъ издатели заботятся только о выгодахъ литераторовъ, разумѣется не англійскихъ, потому-что всѣ заатлантическіе книгопродавцы нажились тѣмъ, что перепечатываютъ произведенія великобританскихъ авторовъ. Американцы не скрываютъ этого, но гордятся тѣмъ, что при умноженіи американскихъ писателей Англія дѣлаетъ то же самое. Въ 1854 году Англія перепечатала 950 американскихъ сочиненій.

Появилось въ свѣтъ замѣчательное классическое сочиненіе Тальбойсъ Велера, подъ названіемъ: *Жизнь и путешествія Геродота*. Изъ великаго историка и географа авторъ сдѣлалъ героя романа, путешествующаго по бѣлому свѣту въ сандаляхъ Авахаренса. Древній міръ представленъ въ романтическомъ видѣ и, наконецъ, Геродотъ отправляется въ Іерусалимъ. Книга эта любопытна во всѣхъ отношеніяхъ.

Въ *New-York Daily Times* напечатано слѣдующее любопытное замѣчаніе: англо-американская нація приходитъ въ упадокъ въ физическомъ отношеніи. Въ генералѣ Вашингтонѣ и въ офицерахъ его штаба было вѣсу по 200 фунтовъ (англійскихъ), хотя они были обыкновенные люди. И чтожь? теперь рѣдко можно встрѣтить въ Соединенныхъ Штатахъ такихъ тяжелыхъ, здоровыхъ людей. Миссіонеры, возвращающіеся въ Америку послѣ тридцатилѣтняго отсутствія, замѣчаютъ сильную перемену въ здоровьѣ народа. Цвѣтъ лица дѣлается блѣднѣе, тѣлы вѣживе,

сложениі слабѣе; къ тому присоединилась еще лихорадочная дѣятельность, несуществовавшая прежде у этого народа. Американскіе доктора утверждаютъ, что число болѣзней, происходящихъ отъ раздраженія нервной системы и мозга, замѣчается все чаще. Кровь портится замѣтно и золотуха овладѣла уже половиною жителей Штатовъ.

Правительство Соединенныхъ Штатовъ старается всѣми силами распространять просвѣщеніе въ массахъ, и частные люди содѣйствуютъ ему сколько могутъ. На послѣднемъ митингѣ Историческаго Общества въ Конектікутѣ, читали документы, изъ которыхъ видно, что въ 1854 году земли, назначенныя для пользы публичнаго воспитанія, простирались до 52.970,231 акра. Это пространство имѣло тогда цѣнность въ 56 милліоновъ долларовъ, но теперь представляетъ капиталъ въ 200 милліоновъ. Пожертвованія и подписки частныхъ людей на пользу просвѣщенія тоже значительны. Однѣнъ городъ Бостонъ, въ первой половинѣ нашего столѣтія пожертвовалъ больше четырехъ милліоновъ долларовъ.

Кажется, что положеніе издателя журнала въ Америкѣ не совсѣмъ покойно и завидно. Вотъ что пишетъ редакторъ газеты *Vaton rouge Comet*, выходящей въ Луизианѣ: «Какой-то негодяй уже два или три раза стрѣлялъ въ контору журнала. Третьяго дня ночью раздался опять выстрѣлъ и пуля пробила окошко въ первомъ этажѣ и двѣ двери. Не доказываетъ ли этотъ визкій поступокъ подлость врага, который не смѣетъ явно нападать на насъ? Предупреждаемъ его, что у насъ приготовленъ револьверъ съ шестью выстрѣлами, чтобъ разомъ отплатить за всѣ визиты. Негодяй не долженъ ждать пощады.»

Въ Соединенныхъ Штатахъ найдена еще одна вѣтвь для выгодной торговли. Употребленіе мѣди на корабли и другія вещи значительно возвысило цѣны на этотъ металлъ. Наконецъ въ послѣднее время начали чувствовать въ немъ совершенный недостатокъ, какъ вдругъ сдѣлалось важное открытіе, на которое уже набросились спекуляторы.— На югѣ Верхняго Озера, въ Мичиганскомъ Штатѣ нашли богатые мѣдные рудники и въ нихъ огромныя массы самородной мѣди. Есть куски въ сотни тоннъ и металлъ этотъ чистъ какъ русская мѣдь.

Обработка рудъ производится быстро нѣсколькими компаніями, изъ которыхъ одна французская. Въ 1854 году добыли уже

3,200 тоннъ мѣли, въ 1855 достоверно еще неизвѣстно, только въ нѣсколько разъ больше. Мѣсто, принадлежащее французской компаніи, особенно богато и изъ него добываютъ огромное количество мѣли.

Въ Цинцянати происходилъ еще одинъ замѣчательный женскій конгрессъ. Его составляли недовольныя дамы, завидующія правамъ мужчинъ, и въ этой конвенціи составлена была проебда, которая послана правительству. Вотъ переводъ этой любовитной просьбы, сочиненной хорошенькими, но пустыми головами. Ее прочтала извѣстная Люсь Стонъ Блакуэль послѣ рѣчи, отъ которой избавляемъ читателей.

«Женщины Штата Огіо, почитаются гражданками, но лишены всѣхъ правъ, подѣ предлогомъ ихъ пола, и мы смѣемъ требовать ихъ, потому-что подати и налоги распределены на всѣхъ,— вотъ почему мы виженодписавшіяся требуемъ, чтобъ правительство позаботилось о томъ, чтобъ наши права сравнены были съ правами другихъ гражданъ Штата.»

Кромѣ этой эксцентрической выходки, Америка славится многими другими: праздники Рождества послужили къ многимъ оригинальнымъ случаямъ. Хозяева трактировъ и кофейныхъ домовъ вздумали предложить публикѣ угощеніе даромъ. Огромный флагъ былъ вывѣшенъ предъ трактиромъ и на немъ, кромѣ приглашенія, нарисованы всѣ кушанья и посреди ихъ огромная чаша съ національнымъ блюдомъ *egg-nogg*, составленнымъ изъ молока, водки и пряностей. Хозяинъ беретъ самъ угощать своихъ гостей и хвалитъ заранѣе національное кушанье, безъ котораго не обходится ни одинъ праздникъ.

Одинъ сѣверо-американскій полковникъ топографическо-инженернаго корпуса находится теперь въ Берлинѣ и составляетъ большія карты со снятыхъ имъ здѣшнихъ береговъ. Гульль, состоящій тоже при томъ корпусѣ, прибылъ въ Берлинъ для заказа астрономическихъ инструментовъ на обсерваторію въ Альбани. Правительство Соединенныхъ Штатовъ намѣрено составить лучшія топографическія карты какъ атлантическихъ береговъ, такъ и внутреннихъ провинцій. Не многіе европейцы знаютъ теперь, что дѣлается въ Соединенныхъ Штатахъ для пользы наукъ. Кромѣ топографическихъ измѣреній береговъ, правительство учредило въ Кембриджѣ и Масачузетѣ контору для составленія календаря американскаго судоходства на

1856—1857 годъ. Онъ теперь вышелъ и свѣдѣнія въ немъ такъ точны и обширны, что совершенно вытѣснилъ употребленіе англійскаго календаря. Кромѣ обсерваторіи въ Кембриджѣ и Вашингтонѣ, существуетъ еще одна прекрасная обсерваторія въ Цинциннати. Подобныя же отърываются въ Анрборе и Альбани. Другія меньшаго объема и значительности при учебныхъ заведеніяхъ существуютъ въ Виліамстоунѣ, Нью-гевенѣ и Гутсонѣ. Съ тѣхъ поръ какъ Натаніель Бодвиджъ перевелъ *небесную механику* Лапласа съ учеными примѣчаніями и дополненіями, математическія науки сильно распространились въ Америкѣ. Открытія Франклина въ электричествѣ довели до изобрѣтенія электрическаго телеграфа и теперь производятъ здѣсь многочисленные опыты и наблюденія надъ магнетизмомъ земли и надъ отношеніями между магнетизмомъ, электричествомъ и сѣвернымъ сіяніемъ. Многіе штаты (Масачузетъ, Нью-Йоркъ, Пенсильванія, Огіо, Нью-Гемпшейръ и др.) опредѣлили геологовъ для изслѣдованія своей почвы, и изслѣдованія ихъ распространяютъ полезныя свѣдѣнія между народонаселеніемъ. Теперь всѣ жители охотно составляютъ подписки для ученой цѣли; фермеры, ремесленники и люди высшаго сословія пристрастились къ геологическимъ и другимъ ученымъ изслѣдованіямъ. Отъ этого цѣна книгъ въ Америкѣ весьма дешева, потому-что ихъ можно издавать въ огромномъ количествѣ, будучи увѣреннымъ въ сбытъ. Сочиненіе Витнеа о *минеральныхъ источникахъ Соединенныхъ Штатовъ* раскупается тысячами, и авторъ издалъ теперь отличное геологическое изслѣдованіе о мѣдныхъ рудахъ на южномъ берегу Верхняго Озера. Извѣстный Агасизъ, профессоръ въ Кембриджѣ, объявилъ за нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ, что онъ намѣренъ издать *естественную исторію Соединенныхъ Штатовъ* въ десяти томахъ, издавая по одному тому каждый годъ, цѣною десять долларовъ за всѣ. Но какъ онъ не имѣлъ средствъ для изданія этой книги, то и обнародовалъ подписку. Въ нѣсколько недѣль собралъ онъ 100,000 долларовъ.

Кромѣ этой книги профессоръ Веніаминъ Парсъ издалъ механику въ четырехъ томахъ. Въ первомъ томѣ изложена общая механика; во второмъ небесная механика и всемірныя законы тяготѣнія; въ третьемъ томѣ морфологія и изслѣдованія о формахъ животнаго и растительнаго царствъ; наконецъ въ четвертомъ томѣ изложена динамическая физика. Болѣе

всѣхъ народовъ Американцы дѣятельны въ изданіи книгъ касающихся до исторіи ихъ страны. Во всѣхъ штатахъ учреждены общества, собирающія всѣ матеріалы о происхожденіи и развитіи своей гражданской жизни. Нѣкоторые общества послали даже агентовъ въ Европу для пріобрѣтенія тамъ источниковъ. Усиленіе народонаселенія Америки посредствомъ эмиграціи изъ Германіи заставило обратить особенное вниманіе на нѣмецкихъ переселенцевъ. Англійскіе писатели всегда сваливали свои неудачи на Нѣмцевъ, но нынѣ историческими изслѣдованіями доказано, что германскіе офицеры и солдаты всегда исполняли свой долгъ, а англійскіе уступали имъ во многомъ.

Редакторъ газеты Tribune, Горасъ Грелли, убѣдилъ всѣхъ американцевъ, что первое достоинство человѣка—трудъ, и что благороднѣйшій изъ людей тотъ, кто болѣе трудится для своихъ согражданъ. Когда открыты были мѣдныя руды на берегахъ Верхняго Озера, онъ далъ огромныя суммы для разработки этихъ рудъ; когда же дѣло пошло въ ходъ и предпріятіе увѣчалось полнымъ успѣхомъ, онъ отказался быть акціонеромъ компаніи, говоря, что деньги давалъ не для барыша, а для развитія новой вѣтви американской промышленности. Въ 1841 г. предлагали Грелли званіе генералъ-почтмейстера, но онъ отказался отъ всякой публичной должности.

Американскіе романы замѣчательны тѣмъ, что характеры ихъ героевъ обыкновенно самые неправдоподобные, обстоятельства ихъ жизни всегда какія-то запутанныя и необыкновенныя. У американскихъ писателей страсть подражать французамъ. Они селятся писать какъ Бальзакъ, Дюма или Сю и, отъ этого усилія, ихъ произведенія выходятъ всегда еще хуже, чѣмъ онѣ могли бы быть безъ всякихъ подражаній. Въ-особенности проглядываетъ это подражаніе въ описаніи мѣстъ, характеровъ, въ разговорѣ и въ направленіи мысли. Вотъ два американскихъ романа, которыхъ содержаніе мы расскажемъ вкратцѣ:

Helen Luson. Елена красавица, дочь одного американскаго купца, который близокъ къ банкротству, и возлагаетъ всю свою надежду на то, что его дочь сдѣлаетъ какую-нибудь блестящую партію. Она дѣйствительно побѣждаетъ сердце богатаго лорда Кортнея. Елена уѣзжаетъ съ балу, гдѣ она

была прекраснѣе чѣмъ когда-нибудь, въ бѣломъ тюлевоиъ платьѣ, вышитомъ золотомъ, съ вѣнкомъ золотыхъ листьевъ на головѣ; она уѣзжаетъ съ балу въ три часа и мечтаетъ о лордѣ и о своей блестящей партіи. Вдругъ карета останавливается, къ ней вскакиваетъ незнакомый господинъ, и проситъ ее не пугаться, нашептывая ей разныя приторныя слова. Ей дѣлается дурно, онъ приводитъ ее въ чувство съ помощію eau de-Cologne, который онъ приготовилъ заранее. Ее привозятъ въ какой-то незнакомый домъ, гдѣ она видитъ священника и пожилаго человѣка, съ которыми ее вѣчаютъ. Она передъ вѣнцомъ срываетъ съ себя золотой вѣнокъ и бросаетъ его. Послѣ вѣчанія ее отвозятъ домой, гдѣ она, вспоминая все, что съ ней случилось, приходитъ въ отчаяніе. Черезъ вѣсколько времени ея мужъ приходитъ тоже въ отчаяніе, что она его не любитъ, и оставляетъ навсегда свою родину. Елена послѣ его отъѣзда предается всѣмъ удовольствіямъ, но потомъ вдругъ раскаивается, что отвергла любящее сердце и начинаетъ грустить по мужѣ. Потомъ она отправляется путешествовать по Европѣ, и въ Швейцаріи, гдѣ ее застигаетъ буря, она вдругъ является въ хижинѣ, великолѣпно убранной бархатомъ и золотомъ. Дорогой мраморный пьедесталь, на которомъ подъ стекломъ лежитъ ея золотой вѣнокъ, ясно доказываетъ ей, что здѣсь мѣстопробываніе ея мужа, а вмѣстѣ съ тѣмъ она видитъ, что мужъ все по-прежнему ее любитъ. За этимъ слѣдуетъ полное примиреніе и вѣчаніе, уже на этотъ разъ съ обоюдного согласія. Такъ же страненъ и другой романъ, *Lily*. Свѣтскій молодой человѣкъ обрученъ съ Lily, которая его страстно любитъ. Между-тѣмъ у него креолка любовница, которая, узнавъ это, отравляетъ Lily наканунѣ дня ея свадьбы, а сама бросается въ воду. Эта катастрофа такъ неожиданна, что даже не производитъ на читателя ровно никакого впечатлѣнія.

Аббатъ Бурбури открылъ въ Гватемалѣ древніе города Тзакъ, Покома и Сакуи, и будетъ продолжать свои изслѣдованія по сѣверо-восточной сторонѣ Гватемалы. Аббатъ, бывши еще очень молодымъ человѣкомъ, принадлежалъ къ партіи католическаго духовенства. Въ Парижѣ онъ написалъ романъ, который былъ хорошо принятъ, но скоро забытъ. Впослѣдствіи въ Римѣ онъ посвящалъ все свое время чтенію древней исторіи Америки, за которой много трудился. Герцогъ Валь-

ми доставилъ ему средства въ 1849 году отправиться въ Мексику для дальнѣйшаго изученія. Онъ объѣздилъ всю страну, списалъ нѣсколько старыхъ манускриптовъ на мексиканскомъ языкѣ, и возвратился въ 1852 году во Францію, чтобы собрать и опубликовать свои свѣдѣнiя. Бывши еще въ Мексикѣ, онъ написалъ 4 весьма интересныхъ письма о тамошней первобытной исторiи на французскомъ и испанскомъ языкахъ. Возвратясь во Францію, онъ написалъ исторiю Канады. Потомъ въ 1854 г. опять былъ въ Нью-Йоркѣ, въ Филадельфiи, а наконецъ и въ Гватемалѣ. Изъ всего этого мы видимъ, что Бурбури очень ревностный труженикъ, и потому въ правѣ ожидать еще многого отъ его изслѣдованiй мексиканскихъ древностей.

Вѣроятно всѣ русскiе читатели заинтересованы въ настоящее время прекрасною книгою г. Гончарова о Японiи, и потому мы считаемъ нелишнимъ сообщить здѣсь нѣсколько, встрѣченныхъ нами въ журналѣ *Athenaeum*, строкъ о книгѣ Спальдинга: «Путешествiе вокругъ свѣта и въ Японiю на паровомъ фрегатѣ *Миссиссипи*». Журналъ говоритъ:

Въ наше время, когда земля изрѣзана желѣзными дорогами, а море усыяно кораблями, ни одинъ народъ не долженъ держаться отдѣльно отъ прочихъ членовъ великаго семейства человѣчества. Отчего, наиримѣръ, не подѣлиться съ другими націями какимъ-нибудь продуктомъ, котораго въ одной странѣ—избытокъ, а въ другой—недостатокъ? Въ особенности чуждалась всегда иностранцевъ Японiя, и ясно выражала свое недоброжелательство къ посѣтителямъ. 24-го Ноября 1852 г., старый фрегатъ *Миссиссипи*, подъ начальствомъ коммодора Перри, посланника Соединенныхъ Штатовъ, отправился въ Японiю. Нельзя обвинять Перри въ излишней торопливости при исполненiи своего порученiя. Онъ останавливался въ постоянныхъ станціяхъ морскаго плаванiя, заходилъ въ Мадеру и на Островъ Св. Елены, пробылъ десять дней на Мысѣ Доброй Надежды, недѣлю на Иль-де-Франсъ, пять дней на Цейлонѣ, въ Сингапурѣ, Макао, Гон-Конгѣ, Шангаѣ, и на Ликейскихъ островахъ. 8-го Юля 1853, *Миссиссипи* прибылъ въ Японiю; посланникъ передалъ письмо отъ президента съ объявленiями отъ себя, согласился на семимѣсячную отерочку для разсмотрѣнiя сообщенныхъ имъ требованiй, и отправился въ Китай. Не ранѣе какъ 31-го Марта 1854 г., былъ заключенъ трактатъ между Японiей и Соединенными Штатами,

по которому порты Симода и Гакодаде были открыты для сѣверо-американцевъ, съ правомъ покупать припасы и проникать во внутренность страны на 7 японскихъ миль. Также обѣщано покровительство командамъ кораблей, претерпѣвающихъ крушенія. Несмотря, однако, на утвержденіе этого трактата, и «совершеннаго, постояннаго и всеобщаго мира, и искренней дружбы», которая имъ обезпечена, японцы ни сколько не утратили своей несообщительности. Вотъ что рассказываетъ Спальдингъ: «10-го Апрѣля былъ день рожденія коммодора, и онъ хотѣлъ отпраздновать его приближеніемъ къ Иедо; рано утромъ былъ данъ сигналъ сниматься съ якоря и идти вдоль по бухтѣ. Миссиссипи и прочіе корабли тронулись съ мѣста, одинъ только Лексингтонъ сталъ на мель. Какъ только движеніе кораблей было замѣчено съ берега, всѣ три японскихъ переводчика, въ томъ числѣ Гогаширо, сильно были взволнованы. Гогаширо, пріѣхалъ на Миссиссипи, а прочіе отправились на остальные корабли. Изъ переводчиковъ болѣе всѣхъ протестовалъ Эйвоске, говоря, что жизнь cadaго изъ уполномоченныхъ, такъ же какъ и его собственная, будутъ въ опасности, если они не предупредятъ своего правительства о намѣреніи американцевъ. Въ отвѣтъ на это коммодоръ объявилъ, что, по приказанію президента, онъ долженъ былъ идти въ Иедо, и только по дружбѣ къ уполномоченнымъ согласился остаться въ Юкогаска для конференцій. Эйвоске старался объяснить, что если онъ отпуститъ насъ въ Иедо, то за это будутъ подвергнуты «Гари-Кари», принятому у нихъ обычаю для спасенія себя и своихъ родныхъ отъ безчестія. Подвергнуться «Гари-Кари» у японцевъ значитъ разрѣзать себѣ животъ. Коммодоръ обѣщаль имъ, что мы только покажемся въ виду Иедо и потомъ вернемся. Это обѣщаніе ихъ значительно успокоило. Около 12-ти часовъ, когда Иедо былъ уже видѣнъ, вода вдругъ сильно убыва, какъ-будто даятого, чтобы остановить дальнѣйшее плаваніе. Мы спустились внизъ по бухтѣ и всѣ корабли бросили якорь у острова Вебстеръ, исключая Миссиссипи, который пошелъ на помощь Лексингтону; потомъ эти оба корабля присоединились къ намъ. Бѣдный Гогаширо, который былъ на нашемъ фрегатѣ, въ продолженіе цѣлаго дня былъ похожъ на человѣка, котораго послѣдній часъ насталъ. Онъ не обнаруживалъ никакого участія ко всему, что происходило вокругъ него. Онъ говорилъ, что чувствуетъ себя больнымъ, и

ямайскій инбирь не принесъ ему никакого облегченія; онъ оставилъ обѣ свои сабли и лежалъ въ каютѣ на софѣ; его сильное безпокойство длилось до тѣхъ поръ, пока мы не снялись съ якоря и не оставили Вебстера. Тогда онъ почувствовалъ сильное облегченіе, какъ-будто ему сняли веревку съ шеи. Среднее число людей подвергавшихъ себя въ Японіи «Гарикари» доходитъ до 400 въ годъ». Впрочемъ въ книгѣ, гдѣ Спальдингъ описываетъ появленіе американцевъ въ виду Японіи, мы находимъ мало интереснаго и заслуживающаго похвалы. Онъ пользуется каждымъ случаемъ, чтобы посмѣяться надъ коммодоромъ. Вотъ маленькій обращикъ: «Около 10-ти часовъ вечера въ эту ночь раздались крики: «человѣкъ упалъ за бортъ». Всѣ пришли въ смятеніе, лейтенантъ Веббъ и мичманъ Бризъ отправились въ лодкѣ, отыскивать несчастнаго. Пришелъ коммодоръ:—«Что значитъ эта звѣзда?» спросилъ онъ сверва, потомъ:— «Откуда упалъ этотъ человѣкъ?» Спустя пятнадцать или двадцать минутъ услышали шумъ возвращающейся лодки. Первымъ вопросомъ коммодора было: «г-нъ Веббъ?» — «Что прикажете?» — «Достали ли вы баканъ?» — «Достали». — «Спасли ли вы человѣка?» — «Спасли.» Несчастный набралъ въ себя столько морской воды, что всѣ думали что, онъ умретъ. Его имя Дрей (*Сухой*) было совершенно противоположно случившемуся съ нимъ происшествію. Внослѣдствіи онъ оказался помѣшаннымъ, и егоотправилъ на родину съ Мыса Доброй Надежды на одномъ купеческомъ суднѣ.» Слогъ Спальдинга мѣстами до такой степени вычуренъ, что мы рѣшительно должны отказаться понимать его. Нельзя не пожалѣть о томъ, что экспедиція такого неоспоримаго интереса какъ «Миссисипи» въ Японію, не описана искусиѣ, серьезнѣе и занимательнѣе. Вообще все путешествіе Спальдинга гораздо ниже сочиненія г. Гончарова, написаннаго о той же самой странѣ и ея оригинальныхъ обитателяхъ.

Недавно въ Ирландіи было весьма замѣчательное событіе: сотни эмигрантовъ возвратились туда изъ Нью-Йорка и другихъ частей Америки. Обстоятельство это весьма странно: эмигранты предпочли Ирландію Соединеннымъ Штатамъ. Это невѣроятно! Можно однако почти навѣрное предполагать, что предпочтеніе это не на долго. Еще въ Августѣ 1854 г. думали, что никогда не будетъ достаточнаго числа рабочихъ въ Соединенныхъ Штатахъ, какъ вдругъ въ 1855 г. остановка

торговли и распространения желѣзныхъ дорогъ, такъ же какъ и другіе перевороты, все измѣнили. Въ это же самое время Ирландія процвѣтала; нужны были рабочіе, и цѣлыми толпами началось обратное переселеніе изъ Америки въ Ирландію. Кстати объ эмигрантахъ. Вер-Форстеръ написалъ небольшую книгу подъ заглавіемъ: «Work and Wages», которая очень полезна для эмигрантовъ по тѣмъ практическимъ свѣдѣніямъ, которыя они могутъ почерпнуть изъ нея для улучшенія своего положенія. Форстеръ—замѣчательная личность; онъ изъ очень хорошаго круга, но совершенно отказался отъ общества и отъ всѣхъ свѣтскихъ удовольствій собственно для того, чтобы принять серьезное участіе въ бѣдныхъ эмигрантахъ, и какъ можно болѣе способствовать къ улучшенію ихъ положенія.

Впродолженіи 1855 г. пароходы восточной компаніи вывезли въ Индію и Китай серебра на шесть милліоновъ съ половиной стерлинговъ. Вѣсу въ немъ было 720 тоннъ.

ГОЛЛАНДСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Извѣстно, что голландскій языкъ сближается съ нѣмецкимъ нарѣчіемъ, называемымъ *Plattdeutsch*. Можетъ-быть это былъ древній языкъ германцевъ. Можетъ быть имъ говорили древніе саксонцы, боровшіеся съ Витикиндомъ противу Карла Великаго и, вѣроятно, тотъ же языкъ перенесенъ саксонцами въ Англію. Но тамъ онъ смѣшался сперва съ туземными нарѣчіями, а потомъ съ французско-нормандскимъ. Голландскій же языкъ болѣе всего смѣшался съ фрисландскимъ. Ни одинъ языкъ не сохранилъ первобытной простоты въ такой степени, какъ голландскій. Въ немъ нѣтъ ни высокаго, ни низкаго слога, ни книжнаго, ни всеневнаго; въ немъ однообразная простота и естественность, безъ всякихъ высокопарныхъ и утонченныхъ украшеній. Нѣмецъ и англичанинъ не могутъ быть писателями безъ начитанности и учености, но въ голландскомъ языкѣ нужно одно только чувство и нѣкоторая опытность. Нѣмецкій языкъ составляетъ довольно сложную систему для уразумѣнія читателей. Англійскій языкъ образуетъ мозаику, съ прекрасно подобранными камнями. Эти слова красивы,

гладки, но жестки и угловаты. Голландскій языкъ проще обихъ: онъ благороденъ, необдѣланъ и образуетъ почти новую литературу. Недавно вышла на немъ замѣчательная книга Een nieuwjaarswensch aan zijne vrienden, служащая лучшимъ доказательствомъ справедливости вышесказанныхъ словъ. Сюжетъ книги простъ, но производитъ сильное впечатлѣніе. Въ ней не много словъ, но много идей и еще болѣе чувства.

Человѣкъ среднихъ лѣтъ, посредственной образованности, не богатый и не слишкомъ красивый, однимъ словомъ, одно изъ тѣхъ лицъ, которыя ни кому не бросаются особенно въ глаза, сидитъ у камина ввечеру наканунѣ Нового Года и пишетъ. Что писать ему кромѣ поздравительнаго письма? И вотъ, что онъ самъ о себѣ рассказываетъ:

«Быстро приближается годъ къ концу. Всепожирающее время съ своею косою и песочными часами сдѣлало уже опредѣленные 52 шага къ вѣчности и безъ жалости косить все на этомъ пути.

«Это былъ первый періодъ фразы моего желанія на новый годъ. Съ нѣкоторымъ самодовольствомъ прочелъ я эту высокопарную фразу, какъ вдругъ съ удивленіемъ услышалъ голосъ, говорившій мнѣ: «Какая пустая болтовня и бессмыслица!»

«Это былъ не рѣзкій голосъ моей тетушки, къ которому я такъ привыкъ. Это былъ полный, мужской, энергическій голосъ. Я оборотился, чтобъ посмотреть, кто со мною говорилъ.

«Лампа на столѣ бросала слабый свѣтъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи сидѣла на стулѣ длинная, серьезная фигура, черты лица которой выражали очень мало сочувствія ко мнѣ. Мое авторское самолюбіе было затронуто и я внасмѣшливо спросилъ:

«— Вѣрно вы рецензентъ?»

«— И самый вѣрный, самый безпристрастный въ свѣтѣ.

«— Въ какой же газетѣ вы участвуете и какъ ваше имя?»

«— Я участвую въ книгѣ судебъ человѣческихъ, а зовутъ меня просто Время.» Далѣе авторъ продолжаетъ рассказывать, какъ *Время* посѣтило его, чтобъ опровергнуть ложныя мнѣнія писателя о значенія времени. Но авторъ упрекаетъ *Время* въ томъ, что пользуясь авторитетомъ общественнаго мнѣнія, оно истребляетъ прошедшее, бесполезно губитъ настоящее и обманываетъ въ будущемъ. Тогда *Время* начинаетъ опровергать его доводы. При свѣтѣ тускнѣющей лампы писатель ви-

дить передъ собою картину прошедшаго. Слезы навертываются на глазахъ его, видя, какъ передъ нимъ исчезаютъ мечты его юности: — «Вы у меня отняли эти волшебные дни, — говоритъ авторъ посѣтителю: — а что вы мнѣ дали въ замѣнъ ихъ? Богатство или славу?»

«— Взгляни еще разъ на прошедшее при свѣтѣ настоящаго, отвѣчаетъ Время.» Что тогда увидѣлъ бѣдный писатель! Какой дурной ребенокъ онъ былъ у своихъ родителей! Какъ его наказывали за злость и своенравіе. Какой злой учитель у него былъ. Какія огорченія претерпѣлъ онъ въ юности. По первому спорному пункту Время побѣдило. Такъ же умно и удовлетворительно опровергло оно и два остальныхъ обвиненія. Оно даетъ понять автору, что всякая радость настоящаго кажется кратковременною, кромѣ тѣхъ радостей, которыя мы доставляемъ другимъ. Въ будущемъ же оно никогда не обманывало, указывая ежеминутно, что все и всѣхъ ведетъ ко гробу.

Авторъ говоритъ въ заключеніи: «Желаю вамъ, друзья, чтобы Время явилось и къ вамъ въ той же истинѣ и откровенности, какъ мнѣ. Смотрите на него какъ на примирителя и утѣшителя въ прошедшемъ, какъ на вѣстника радости въ настоящемъ, какъ на предсказателя вѣчной будущности. Лучшаго желанія не могъ я вамъ сдѣлать на Новый Годъ.»

РОМАНЫ ВЪ ПОРТУГАЛІИ.

Новѣйшая португальская литература очень мало извѣстна въ Европѣ, — да и въ самой Португаліи романы Дюма и Сю вытѣснили все произведенія туземныхъ писателей. Спросите у образованнаго португальца о сочиненіяхъ его соотечественниковъ, и онъ сознается, что не читалъ ихъ, но зато очень хорошо знаетъ все французскіе романы. При подобномъ состояніи и оцѣнкѣ собственной литературы, не мудрено, что португальскіе писатели не славятся ни въ Европѣ, ни даже на своей родинѣ. Они стараются только подражать иностранцамъ, — а извѣстно, что подражанія никогда не ведутъ къ усовершенствованію. И однакожь въ ихъ попыткахъ много дарованія и самобытности. Недавно вышелъ романъ Гаррето: *Viagens na minha terra* (путешествія по родной странѣ). Это поѣздка изъ

Лиссабона въ Сантаремъ, съ эпизодами войны при донъ-Педро и съ политическими и философскими идеями автора.

Другой романъ Геркулано: *Enrico, o presbytero* содержитъ въ себѣ исторію и паденіе готовъ въ Испаніи, борьбы ихъ съ арабами при Пелаго. Чтобы читатели могли судить о португальскихъ романахъ, познакомямъ ихъ съ отрывкомъ изъ сочиненія Гаррето.

«Сантаремская долина принадлежитъ къ немногимъ привилегированнымъ мѣстамъ, гдѣ растительность, воздухъ и мѣстоположеніе соединены въ прекраснѣйшей гармоніи. Не ищите здѣсь ничего величественнаго, колоссальнаго: здѣсь царствуютъ только сельская красота, миръ и спокойствіе; здѣсь область любви и дружбы, чуждой дурныхъ страстей, мелочныхъ заботъ, печальныхъ идей и страданій; здѣсь истинный эдемъ, описанный поэтами. По лѣвой сторонѣ долины, защищаемой съ сѣвера круто-обрывистыми горами, видѣнъ лѣсъ самой роскошной растительности. Деревья братски сплелись вѣтвями, — а земля представляла коверъ изъ цвѣтовъ.

На окраинѣ этого лѣса, между деревьями, видѣнъ красивый домикъ; обнаруживающій довольство его жителей. Отъ времени и южныхъ вѣтровъ онъ нѣсколько почернѣлъ. Окна его широки и низки. Не знаю почему, эти окна обратили на себя мое вниманіе; я остановился и сталъ вглядываться, чувствуя непреодолимое желаніе познакомиться съ обитателями домика. Мнѣ казалось, что у бѣлой занавѣски я вижу даже какое-то существо. Если это дѣвушка, то романъ мой готовъ. Если она стоитъ у окна, чтобъ любоваться заходящимъ солнцемъ и слушать пѣніе соловья, расположеніе ея къ романтизму очевидно. Если же это мужчина, онъ долженъ быть поэтъ. Если, наконецъ, тутъ стоятъ два существа, то они другъ друга любятъ и повѣряютъ взаимно свои ощущенія, не воображая, чтобъ кто-нибудь приглядывалъ за ними.

Если мужчина и не поэтъ, то любясь красотами природы, необходимо одаренъ чувствомъ любви къ человѣчеству—и этого уже довольно. Женщина безъ любви быть не можетъ. Это ея мѣръ, ея условіе жизни, — а любовь и поэзія одно и то же. Ни физическія страданія, ни матеріальныя выгоды не дѣйствуютъ на любящую женщину.

Когда я всматривался въ это, соловей вдругъ зацѣлъ одну

изъ прекраснѣйшихъ мелодій, и пѣснь его раздавалась прямо надъ тѣмъ окномъ, въ которое я всматривался. Вскорѣ на противоположной сторонѣ отвѣчала другой соловей и начался между ними самый романическій дуэтъ. Лѣсъ, домикъ, окно, соловей, поздній вечеръ, половина романа было уже тутъ; чего же еще не доставало? Женщины, которая сидѣла бы на балконѣ въ бѣломъ платьѣ (непремѣнно въ бѣломъ), облокотясь головою на руку, другую свѣсивши съ балкона и поднявъ глаза къ небу. Оставалось бы только опредѣлить, какого цвѣта должны быть ея глаза; это все равно, однакожь лучше, если бы они были черные.

Всѣ эти сужденія происходили между мною и товарищемъ моего путешествія. Я общалъ ему рассказать романъ этого дома и мы вышли изъ кареты. Хотя наши дамы и щеголи увѣряютъ, что португальскій языкъ не годится для описанія любовныхъ происшествій, и только французскій способенъ на это, но я попытаюсь рассказать моимъ читателямъ все, что знаю. Пусть это не романъ, а простое происшествіе; пусть въ немъ нѣтъ чудесъ и необычайныхъ случаевъ, а простая всеневная исторія.

Въ печальныя времена владычества мавровъ стоялъ здѣсь монастырь. Но тогда это были самыя скромныя убѣжища, чтобъ не привлекать алчности мусульманъ. Болѣе всѣхъ подвергались тогда гоненіямъ женщины, искавшія спасенія въ монастырскихъ оградахъ. Несмотря на это, насильства мавровъ настигали ихъ и тамъ. Въ числѣ предводителей славился тогда нѣкто Свинтила, грозный на полѣ битвы для воиновъ и въ городахъ для женщинъ. Отъ одной побѣды переходилъ онъ къ другой и наводилъ повсюду ужасъ. Какъ-то разъ увидѣлъ онъ дѣвушку, набожно шедшую къ обѣдни и влюбился въ нее. Не смѣя слѣдовать за нею въ храмъ, онъ имѣлъ терпѣніе дожидаться ея возвращенія и послѣдовалъ за нею, чтобъ узнать, гдѣ она живетъ. Та видѣла мавра и поняла свою опасность. Она рассказала все родителямъ, и семейный совѣтъ рѣшилъ, чтобъ она въ тотъ же день вступила въ этотъ монастырь. Дѣйствительно, Свинтила въ тотъ же вечеръ съ двумя товарищами отправился къ жилищу красавицы, но еще не доходя до него увидѣлъ, что она со всѣми домашними шла къ монастырю. На этотъ разъ онъ рѣшился послѣдовать за ними въ самое святилище. Онъ изумился, однакожь, увидя, что толпа идетъ не въ главный

общій храмъ, а въ какое-то подземелье. Неустрашимо рѣшились всѣ три мавра проникнуть туда. Долго блуждали они по мрачнымъ переходамъ, тускло освѣщаемымъ слабою лампадою, но наконецъ вступили въ какую-то огромную залу, ярко освѣщенную множествомъ свѣчей. Вдали видно было множество духовенства, монаховъ и посѣтителей. Мавры хотѣли было присоединиться къ нимъ, но вдругъ посреди залы увидѣли они большую желѣзную рѣшетку, отдѣлявшую ихъ отъ всѣхъ прочихъ. Первою мыслию Свинтила было отысканіе другаго хода, чтобъ проникнуть за рѣшетку, но зрѣлище, которое ему представилось въ эту минуту, сдѣлало его неподвижнымъ. Къ ступенямъ алтаря приступила та самая дѣвушка, за которой онъ гнался поутру и которая теперь изъ рукъ настоятельницы прививала покрывало на вѣчное затворничество. Настоятельница предъ роковою минутою постриженія спросила: добровольно ли она посвящаетъ себя на вѣчное служеніе Богу, и та со смиреніемъ отвѣчала: «Мавры предоставляютъ намъ только выборъ между стыдомъ и смертію. Какая же христіанка не выберетъ лучше смерть, нежели срамъ.»

Постриженіе совершилось...

Свинтила яростно потрясъ рѣшеткою, но голосъ настоятельницы снова раздался, и новое зрѣлище оковало ужасомъ Свинтилу.

— Герментруда, приближься, сказала она. Тогда изъ рядовъ вышла блѣдная трепещущая дѣвушка, въ которой Свинтила узналъ одну изъ прежнихъ своихъ жертвъ.

— Ты знаешь свое преступленіе и свою участь?

— Я готова и получила уже отпущеніе грѣховъ.

Тогда служители монастыря подвiali камень въ подвалъ церкви и дѣвушка, тихими шагами, но съ твердою рѣшимостью, вошла внизъ по лѣстницѣ, прижимая къ груди мѣдное Распятіе. Невыразимый холодный взоръ упрека бросила она на рѣшетку, гдѣ стоялъ Свинтила, и скрылась въ своей могилѣ. Свинтила испустилъ вопль ужаса, и упалъ безъ чувствъ на помостъ.»

Этого отрывка довольно, чтобы видѣть, какъ пишутъ современные португальскіе писатели и какіе сюжеты избираютъ они для своихъ романовъ.

II. ИСКУССТВА.

НОВОСТИ ПАРИЖСКИХЪ ТЕАТРОВЪ.

Французская Комедія продолжаетъ свои возобновленія. Пьеса Седена *La Gageure imprévue* имѣла больше успѣха, чѣмъ «Мизантропъ», хотя составлена незанимательно и не совсѣмъ прилична, но талантъ Плессей умѣлъ сдѣлать изъ нея довольно правдоподобный эпизодъ, который публика смотритъ съ новымъ удовольствіемъ. Кромѣ того ставятъ на этой же сценѣ «Сяда», чтобъ показать, что трагедія еще не совсѣмъ умерла.

Театръ Веселости слѣдуетъ этому же полезному примѣру и за неимѣніемъ порялочныхъ новыхъ пьесъ, возобновилъ лучшую драму Александра Дюма: *Генрихъ III и его дворъ*. Хотя она не производитъ такого шумнаго эффекта какъ при первыхъ представленіяхъ, но все-таки публика охотно смотритъ эту старую пьесу и даже аплодируетъ старому Фредерику Леметру, отъ котораго остались одни развалины.

Но больше всего надѣлало шума — появленіе г-жи Ристори, которая была принята съ громкимъ выраженіемъ восторга. Она выбрала прекрасную, но ужасную роль Мирры, въ которой она неподражаема, несмотря на то, что пьеса слишкомъ длинна и суха, что въ ней нѣтъ дѣйствія и что даже стихи Альфьери не довольно увлекательны. Но превосходный талантъ актрисы дѣлаетъ изъ этой преступной сказки высокую поэму, полную любви, страданій, фатализма. Въ первое представленіе Ристори была вызвана девять разъ и сардинская труппа можетъ надѣяться на богатые сборы. Она разучиваетъ уже *Медео* новаго академика Легуве, переведенную МонгANELLI. Чтò-то скажетъ на это Рашель, отказавшаяся играть въ этой пьесѣ?

Стоитъ также упомянуть о домашнемъ спектаклѣ, исполненномъ однако настоящими артистами, а не любителями. Спектакль происходилъ у г. Кастелланъ и для него работали два автора, извѣстные уже публикѣ: остроумный фельетонистъ Жюль Леконтъ и авторъ *Дамы съ камеліями* Александръ Дюма-сынъ. Пьеса Дюма написана стихами и называется *Король и Королева*, а комедія Леконта въ прозѣ названа *Ожерелье*. Сюжетъ обѣихъ пьесъ имѣетъ сходство. У обѣихъ писателей королева желаетъ имѣть ожерелье и король отказывается ей въ этомъ; когда же король послѣ ссоры хочетъ помириться, ко-

ролева въ свою очередь отказывается, но ожерелье миритъ супруговъ окончательно.

Піеса Дюма написана блистательно, съ смѣлою фантазією, съ увлекательною поэзією, а маленькая комедія Леконта жива, остроумна, полна веселости, комизма. Словомъ, обѣ имѣли огромный успѣхъ и каждая въ своемъ родѣ можетъ назваться образцовою. *Le réveil du Mari*, маленькая комедія, поставленная на сценѣ Одеона, имѣла значительный успѣхъ, хотя въ ней нѣтъ ничего новаго. Одинъ супругъ дотого невнимателенъ къ своей прекрасной половинѣ, что, оставаясь съ ней наединѣ, не только зѣваетъ, но даже засыпаетъ. Однако одинъ изъ друзей его пробуждаетъ его неприятнымъ извѣстіемъ, что въ то время пока онъ спалъ, какой-то Фернандъ успѣлъ понравиться его женѣ. Мужъ просыпается совершенно, дѣлается любезнымъ, ловкимъ, остроумнымъ, словомъ — затмѣваетъ совсѣмъ своего соперника и мирится съ женою.

На театрѣ Монтансье аплодируютъ остроумной піесѣ г. Люрива *l'Homme aux bouquets*. Она написана такъ мило, умно, что могла бы сдѣлать честь одному изъ первыхъ театровъ, хотя сюжетъ не совсѣмъ пріятный для сцены. Это исторія одного *Артюра*, который ухаживаетъ за *Камелией*, преслѣдуетъ ее своими букетами и ссоритъ съ богатымъ покровителемъ, чтобъ занять его мѣсто, хотя самъ бѣденъ. Только блистательный слогъ выкупаютъ бѣдность сюжета. *Le sang mêlé*, драма Эдуарда Плуве, игранная на театрѣ Сенъ-Маргенскихъ воротъ, сдѣлала много шума, хотя успѣхъ ея былъ не блистательный. Сюжетъ дотого неблагоприятный, что не могъ показаться завидательнымъ публикѣ, которая встрѣчала его нѣсколько разъ въ романахъ, повѣстяхъ, піесахъ. Герой напоминаетъ Атаръ-Гюля Сю, только не такъ черенъ лицомъ, потому что мулатъ, а не негръ. Этотъ несчастный видитъ гибель своей матери, жены, братьевъ и мститъ жестоко правымъ и виноватымъ. Онъ поджигаетъ имѣнье своего хозяина, раззоряетъ все семейство, потомъ бѣжитъ въ Европу и тамъ въ Альпахъ сталкивается въ пропасть своего друга, лорда Фалькланда, чтобъ присвоить себѣ его имя и богатство. Неумолимый мститель влюбляется въ бѣдную дѣвушку, не зная, что она дочь бывшего его господина, и такъ какъ она противится ему, то онъ готовъ еще на новое преступленіе, но, къ счастью, является лордъ Фаль-

кандъ, не погибшій въ пропасти, который изобличаетъ злодѣя, спасаетъ дѣвушку и мулатъ съ отчаянія отравляется.

Всѣ эти ужасы кажется не производятъ болѣе эффекта надъ публикою. Однако драма составлена искусно, мастерски ведена. Есть сцены трогательныя и весь четвертый актъ занимателенъ; но все-таки мулатъ не долго останется на афишѣ, несмотря на превосходный языкъ драмы Эдуарда Плувье.

Calino на театрѣ Водевила очень понравился публикѣ. Это несчастная жертва въ мастерскихъ всѣхъ художниковъ. Калино, воображаетъ себя живописцемъ и служить только потѣхою для рапеновъ, которые непрерывно смѣются надъ нимъ, играютъ разныя штуки, обкрадываютъ его и такъ какъ бѣднякъ жевать, то шалуны не щадятъ и его жены. У Калино остается одно утѣшеніе—собака, которая, кажется, къ нему привязана, но безжалостные мучители отбиваютъ у него даже любовь собаки, причивъ ее къ себѣ разными лакомствами. Калино приходитъ въ отчаяніе. Онъ не вѣритъ уже ни во что въ свѣтѣ и рѣшается на самоубійство, какъ вдругъ судьба его совершенно измѣняется. Его перестаютъ мучить, оставляютъ въ покоѣ его жену и собаку, и даже признаютъ въ немъ талантъ. Причиною этого превращенія была молодая натурщица, Режина, которая пристыдила рапеновъ за ихъ поведеніе, умѣла ихъ тронуть своимъ краснорѣчіемъ и объявила себя защитницею бѣднаго Калино.

Типъ этотъ, полусмѣшной-полутрогательный, превосходно схваченъ, и вообще успѣхъ пьесы замѣчательный, что, впрочемъ, не удивительно, потому—что она написана извѣстнымъ любимымъ авторомъ, Барьеромъ.

Публика театра Разнообразія имѣла случай посмѣяться до слезъ въ пьесѣ *Gueu-gueu Manon Lescaut*, уморительной пародіи, которую невозможно разбирать, потому—что въ ней почти нѣтъ сюжета, но которую надобно видѣть, и даже не разъ, чтобъ поохотать до-сыта.

Вернемся опять къ италіанской драматической труппѣ, гдѣ Ристори явилась въ новой роли *Росмунды*. Эта пьеса Альфьери взята изъ мрачныхъ италіанскихъ хроникъ, полныхъ крови и слезъ, ужасовъ и преступленій. Дѣйствіе происходитъ въ VI вѣкѣ христіанской эры, когда старый міръ разрушался, а новый еще не образовался изъ хаоса. Варвары нахлынули на Римскую Имперію, дѣляли ее между собою, отнимали другъ у

друга лучшія части, ссорились, вели безпрестанныя войны. Альбойнъ побѣдилъ Гепидовъ, овладѣлъ Панноніею, убилъ короля Комунда и женился на его дочери, Росмундѣ. Возвратясь въ Верону, онъ даетъ свадебный пиръ и пьетъ вмѣсто чаши въ черепѣ, обдѣланномъ въ золото. Когда чаша доходитъ до Росмунды, Альбойнъ говоритъ ей: «пей изъ черепа твоего отца!» Королева выпила.

Но черезъ нѣсколько дней она рѣшилась отвѣчать на любовь одного изъ товарищей мужа, Амалькида, который убилъ Альбойна и женился на его вдовѣ. Позже Росмунда хотѣла отравить Амалькида, чтобъ выгнать за Лонгвина, но мужъ, зная привычки жены, заставилъ ее раздѣлится съ нимъ ядъ и оба умерли вмѣстѣ.

Въ прошедшемъ году французскій театръ представилъ одноактную трагедію *Росмунда*, которую можно скорѣе назвать *Веронскій пиръ*. Въ ней Амалькидъ, превращенный въ Дидея, мститъ за Комунда даромъ и Росмунда умираетъ неизвѣстно для чего.

Альдовери гораздо мрачнѣе Латуръ-де-Сентъ-Ибара, трагедія котораго покажется совершенно невинною въ сравненіи съ кровавою Росмундою, которая можетъ служить продолженіемъ *Веронскаго пира*. Піеса начинается послѣ смерти Альбойна, когда на престолъ Ломбардіи вошелъ убійца Амалькидъ съ своею сообщницею Росмундою. Царствованіе ихъ прерывается войнами и возмущеніями. Король умиряетъ враговъ и королева преслѣдуетъ своею ненавистью молодую Ромильду, дочь Альбойна, которую ревнуетъ къ Амалькиду. Но Ромильда кротко переноситъ упреки мачихи и презираетъ любовь убійцы отца, потому-что любитъ молодаго воина Идовольда, который возмущается противъ короля. Росмунда обѣщаетъ ему прощеніе, если онъ убьетъ Амалькида, но Идовольдъ отказывается и падаетъ подъ ударами стражи въ то время, какъ королева закалываетъ Ромильду.

Но ужасы этимъ не оканчиваются: Росмунда мститъ мужу и сама погибаетъ съ нимъ; занавѣсъ падаетъ, когда всѣ дѣйствующія лица убиты и никого не остается въ-живыхъ.

Росмунда даже собственно не трагедія, хотя написана Альфьери, но скорѣе мелодрама, достойная бульварныхъ театровъ. Характеръ героини не имѣетъ ни какой особенности.

Это не влюбленная женщина, какъ Мирра; не ревнивая, какъ Герміона; это просто злая мачиха, которая съ начала до конца проклинаетъ всѣхъ и ищетъ убійствъ. Амалькидъ совсѣмъ безъ характера, Идовольдъ просто глупъ, а молодая дѣвушка—страдательное существо, не возбуждающее никакого участія.

Г-жа Ристори съ искусствомъ исполнила эту роль, невозможную для другой артистки. Но цѣлые пять актовъ проклятій и ужасовъ—утомительны, и публика скорѣе жалѣла объ артисткѣ, чѣмъ восхищалась ею, потому-что такія неприятныя роли и невозможныя піесы не могутъ ни кому доставить удовольствія.

Наконецъ Италіанскій театръ доказалъ, что и онъ можетъ поставить что-нибудь новое. Тутъ уже не одни костюмы и декорачіи новые, но даже новое либретто и новая партитура. Стало быть напрасно говорили, что Италія не можетъ производить-талантовъ; правда, авторъ новой оперы *Assedio di Firenze*, Ботезини находится во Франціи и дирижруетъ въ нынѣшнемъ году оркестромъ Италіанской оперы. Кромѣ того онъ считается первымъ контрбасистомъ нашего времени, громадный инструментъ его въ модѣ, такъ-что безъ него не обойдется ни одного концерта и въ самомъ дѣлѣ онъ производитъ на немъ чудеса. Опера Ботезини не можетъ похвастаться образцовымъ произведеніемъ, но въ ней есть замѣчательныя качества, блистательная инструментовка, искусство въ составленіи *troupeaux d'ensemble* и нѣсколько удачныхъ *solo*, о которыхъ вообще мало заботятся современные композиторы. Ботезини, хорошій гармонистъ, его мелодическія формы правильны, только въ мотивахъ мало новаго и оригинальнаго, мало живости и воображенія: маэстро пріобрѣлъ все, что пріобрѣтается ученіемъ, стараніемъ, но не могъ возвыситься до геніальности, которая дается природою.

Вокальный и инструментальный стиль *Осады Флоренціи* тотъ же самый, какой ввелъ въ моду Верди, то есть сильный, тяжелый, изображающій отчаянныя положенія и чувства. Въ Италіи нынче не понимаютъ другой музыки, кромѣ этой. Во Франціи еще не дошли до этого, что доказывается неуспѣхомъ многихъ модныхъ италіанскихъ произведеній. Впрочемъ, все идетъ къ тому, что черезъ нѣсколько времени эти же авторы будутъ имѣть большой успѣхъ.

Нельзя сказать, чтобъ и опера Ботезини не имѣла успѣха. Напротивъ, ей много аплодировали и вызвали бы автора, если бы онъ не дирижировалъ оркестромъ, но весь этотъ шумъ, производимый друзьями и знакомыми не значить ничего. Въ первое представленіе *Фіорины*, вызывали Педротти пять или шесть разъ, но въ третье представленіе никто уже не слушалъ оперы.

Вотъ сюжетъ оперы. Въ 1529 году Флоренція была осаждена войсками Карла V и папы Климента VII, которые хотѣли возстановить владычество Медичи. Флорентинцы храбро защищали свою свободу и держались въ городѣ одиннадцать мѣсяцевъ. На этотъ историческій сюжетъ написанъ романъ Гверрацци, пользующійся въ Италіи большимъ успѣхомъ и изъ него-то Корджи взялъ свое либретто, то-есть одинъ только эпизодъ, когда флорентинецъ Лудовико Мартела вызываетъ на частный бой приверженца Медичи Джіовани Бандини. Оба они соперники, потому-что любятъ Марію Риччи, мужъ которой занимаетъ важную должность въ республикѣ. Къ защитникамъ Флоренціи присоединился великій Микель-Анджело и такъ какъ онъ былъ тоже искусный ювелиръ, то укрѣпилъ городъ и продолжилъ его защиту.—Марія не отвѣчаетъ на любовь Мартела, презираетъ угрозы и преслѣдованія Бандини, но когда послѣ поединка соперниковъ приносятъ умирающаго Лудовика, она бросается къ нему и открываетъ, что любила его давно. Тѣмъ и кончается опера, составленная неопытнымъ писателемъ, монотонно, скучно, безъ драматическаго интереса, хотя въ немъ много благородныхъ, патріотическихкихъ чувствъ, приводящихъ въ восторгъ италіянцевъ.

Комическая опера тоже явилась съ новымъ произведеніемъ; это *Манона Леско*, Обера и Скриба, и съ новою дебютанткою г-жею Кабель. Эти два имени привыкли къ успѣху, но безпрерывные триумфы, кажется, не состарѣли композитора и либреттиста, потому-что у нихъ все та же живость, легкость, пріятность, тѣ же качества, сдѣлавшія ихъ любимцами публики. Правда, что *Манона* Скриба не совсѣмъ похожа на героиню Престо, но что позволительно въ романѣ, то невозможно на сценѣ, гдѣ надобно соблюдать извѣстныя условія; Манона Скриба не такъ легкомысленна, не такъ порочна, какъ въ романѣ; она любитъ одного Дегриѣ и если рѣшается измѣнить ему, то для его же спасенія. Напрасно только знаменитый драматургъ

превращаетъ свое либретто въ мелодраму. Дегриѣ убиваетъ полковника Деринцъ на сценѣ Комической оперы, какъ будто это театръ Сень-Мартенскихъ воротъ. Отъѣздъ героини въ Миссисипи тоже не объясненъ и послѣднее дѣйствіе превратилось въ настоящую слезную драму. Манона убѣгаетъ въ степь съ Дегриѣ и умираетъ тамъ отъ жажды, пропѣвъ однако предлинный прощальный дуэтъ, который наскучилъ публикѣ до того, что она начала шептать: «скоро ли они умрутъ?»

На это немного растянутое либретто композиторъ набросалъ свою вѣчно-молодую, веселую музыку, которая заслужила громкіе аплодисменты, кромѣ послѣдняго дуэта, окончившагося немного холодно. Множество нумеровъ заслуживаютъ вниманіе и произвели большой эффектъ, но образцовымъ нумеромъ можетъ похвастаться квартетъ втораго дѣйствія, спѣтый вполгласа и въ которомъ Манона и Дегриѣ сговариваются бѣжать. Онъ составленъ превосходно и одинъ стоитъ того, чтобъ нѣсколько разъ прослушать всю оперу.

Лирическій театръ воскресъ съ новою силою, когда его считали почти погибшимъ, потому-что онъ потерялъ свою примадонну. Новая опера *Фаншонета*, музыка Клаписсона, либретто Левена и Сень-Жоржа, имѣла огромный успѣхъ. *Фаншонета* не совсѣмъ знаменитая *Фаншона*, новая или старая, но очень похожа на нее, и притомъ это почти историческое лицо, потому-что объ ней упоминается въ хроникахъ регентства. Вотъ ея исторія. Молодая дѣвушка, *Фаншонета*, была уличная пѣвица и пѣсни ея дотогу повравились старому герцогу Листене, что онъ, умирая, оставилъ ей наследство въ пять милліоновъ. Несмотря на это богатство, *Фаншонета* продолжаетъ пѣть по улицамъ и, встрѣчаясь съ племянникомъ герцога, *Гастономъ*, молодымъ повѣсою, беретъ на себя роль судьбы, чтобы помогать молодому человѣку, котораго любитъ. *Гастонъ* проигрывается и получаетъ, будто бы отъ неизвѣстной тетухки, большую сумму денегъ; онъ недоволенъ своимъ маленькимъ чвномъ въ полку и вдругъ ему присылаютъ дипломъ полковника; наконецъ онъ любитъ безнадежно молодую, богатую Елену и *Фаншонета* устраняетъ всѣ препятствія, чтобъ соединить влюбленныхъ и передаетъ *Гастону* отъ имени его тетки огромное состояніе.

Партитура новой оперы очень замѣчательна. Въ музыкѣ много прекрасныхъ нумеровъ и Клаписсонъ доказалъ въ *Фан-*

шонетѣ, что и безъ шумной модной инструментовки можно достигнуть эффекта и успѣха. Музыка его проста, легка, но натуральна и пріятна. Въ оперѣ есть два замѣчательные дуэта, маленькое тріо и удивительный оригинальный хоръ на площади, въ которомъ сливаются крики разношниковъ, пѣсни мушкетеровъ, фарсы уличныхъ комедіантовъ и романсъ Фаншонеты. Куплеты Гастона: *c'est mon dernier jour de folie* будутъ всегда повторяться, также какъ граціозныя мелодіи Фаншонеты и ея арія въ послѣднемъ актѣ, когда она, одѣтая старухою, является подъ именемъ тетки Гастона, чтобъ передать ему наслѣдство.

Увертюра этой оперы также очень мила, словомъ, Фаншонету можно почесть лучшимъ произведеніемъ Клаписсона, которое долго останется на сценѣ и будетъ привлекать публику, особенно если постановка и исполненіе будутъ также хороши.

Гризи явилась на италіанской сценѣ въ трехъ своихъ лучшихъ роляхъ: Нормѣ, Семирамидѣ, Лукреціи, и публика, только изъ уваженія къ ея лѣтамъ и прежнимъ воспоминаніямъ, не выразила явно своего неудовольствія. Странныя фантазіи бываютъ у прималоннъ, нажившихъ милліоны. Онѣ хотятъ непремѣнно, чтобъ ихъ ошакали въ ковчѣ поприща.

Публика что—то давно не видала на афишѣ имени Алана, который пріучилъ ее почти каждый мѣсяцъ слушать новую оперу. Наконецъ явилась *Женевьева*. Это молодая бретонская фермерша, которая не хочетъ слышать о любви и замужствѣ и хлопочетъ только о томъ, чтобъ составить счастье брата своего Даніеля, влюбленнаго въ богатую наслѣдницу Марію. Марія тоже любитъ его, но тетка хочетъ отдать ее за стараго нотаріуса. Даніель съ отчаянія уходитъ въ городъ, чтобъ не видать этой свадьбы, но Женевьева не теряетъ надежды и рѣшается поссорить жениха съ невѣстою. Такъ-какъ она очень похожа на брата, то одѣвается въ мужское платье, компрометируетъ Марію въ глазахъ всѣхъ и когда нотаріусъ отказывается отъ невѣсты, она призываетъ брата и передаетъ ему руку дѣвушки, а сама, увлеченная примѣромъ, протягиваетъ свою крестьянину Порнику, который давно влюбленъ въ нее.

Сюжетъ не замысловатый и музыкѣ предстояло выкупить его ничтожность, но Аланъ уже столько написалъ на своемъ

вѣку, что кажется утомился. Самые обильные источники наконецъ осушаются, а композиторъ этотъ такъ часто черпаетъ изъ своего воображенія, что ничего нѣтъ удивительнаго, если онъ нашелъ его наконецъ изсякшимъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, во всей оперѣ нѣтъ ни одной счастливой мысли, ни одного новаго мотива. Часто слышались знакомыя, избитыя фразы, скрытыя подъ новымъ акомпаниментомъ; увертюра написана на одинъ мотивъ, повторяемый до безконечности и прерывается безъ всякой надобности ноктюрномъ, пѣтымъ за занавѣсью. Для чего это? Самъ авторъ, вѣроятно, не знаетъ этого; только видя холодность публики, онъ, вѣрно, впередъ не будетъ работать такъ скоро и по заказу. Извѣстность его, правда, упрочена нѣкоторыми хорошими произведеніями, но зачѣмъ же унижать свой талантъ и писать не обдумавши и, главное, на слабое либретто?

ПЕРСТЕНЬ ПОЛИКРАТА.

Въ газетѣ *Siècle* сообщено слѣдующее извѣстіе: «Недавно сдѣлано открытіе самое важное и любопытное изъ открытій нашей эпохи, которое соберетъ въ Римѣ нумисматовъ всѣхъ частей свѣта. Одинъ выводѣлъ въ Альбано, нашелъ въ своемъ виноградникѣ перстень Поликрата. Извѣстно, что Поликрать былъ тираномъ Самоса. Онъ употреблялъ хитрость, силу, жестокость, праздники, зрѣлища и войну, чтобъ держать народъ въ унижительномъ повиновеніи. Однако его царствованіе было необыкновенно-счастливо во всѣхъ отношеніяхъ. Однажды египетскій царь Омасиесъ написалъ ему слѣдующія строки:

«Твое счастье пугаетъ меня; я желаю тѣмъ, кого люблю, — смѣшенія радостей и горя, потому-что завистливые боги не любятъ, чтобъ смертный пользовался совершеннымъ блаженствомъ. Желаю и тебѣ испытать неудачи или неудовольствія, чтобъ не раздражать боговъ.»

Пораженный этимъ письмомъ, Поликрать, котораго уже утомило это постоянное счастье, хотѣлъ испытать неудовольствіе и бросилъ въ море драгоценность, которою дорожилъ больше всего. Это былъ его перстень изъ золота съ изумрудомъ, самымъ рѣдкимъ камнемъ въ то время, когда еще не знали

алмаза. «Послѣ этого, говоритъ Геродотъ, чрезъ нѣсколько дней Поликрать разрѣзывалъ рыбу, пойманную поутру и нашель въ ея желудкѣ свой перстень.» Поликрать умеръ въ третьемъ году LXIV Олимпіады (522 года до христіанской эры). Этотъ перстень былъ позже привезенъ въ Римъ, гдѣ Плиніи говоритъ, что видѣлъ его и разсматривалъ. На изумрудѣ, служившемъ фронтно печатью, вырѣзана гравюра, работы Феодора Само-скаго, сына Таликлеса, знаменитаго скульптора того времени, который работалъ вазы для Креза. Рѣзьба замѣчательна по красотѣ и чистотѣ отдѣлки. Императоръ Августъ вдѣлалъ этотъ перстень въ золотой рогъ и положилъ его вмѣстѣ съ другими драгоценностями въ храмъ Конкордіи. Печать эта величиною съ піастръ (или пятифранковую монету), форма ея продолговатая. Вырѣзана на ней лира, надъ которой сверху летаютъ три челы; внизу же справа лежитъ дельфинъ, слѣва голова быка. Подъ этимъ греческая надпись, означающая имя артиста. Поверхность камня немного вогнутая, негладкая и мѣстами потертая.

Счастливымъ обладателемъ этой рѣдкости отказался уступить ее одному англичанину за пятьдесятъ тысячъ экю. Онъ, говорятъ, отправляется въ Петербургъ, гдѣ надѣется получить за перстень Поликрата вдвое больше. Очень бы было пріятно, если бы французскіе богатые нумисматы приобрѣли эту драгоценность.

Надобно слѣдять нѣсколько замѣчавій на это интересное извѣстіе. Прежде всего не надобно преувеличивать *тиранію* Поликрата, потому что греки понимали слово *тирань* не совсемъ такъ, какъ составители мелодрамъ. Не думаемъ также, чтобъ постоянное счастье *наскучило* Поликрату, когда онъ для сохраненія его жертвуетъ драгоценнымъ перстнемъ. Болѣе всего можетъ удивить выписка изъ Геродота, изображающая, какъ царь самъ разрѣзывалъ рыбу и нашель въ ней свой перстень.

Эти мелочи однако не такъ важны, чтобъ уменьшить интересъ драгоценной находки, слѣланной въ виноградникѣ Альбано. Что касается до Плинія, вотъ что онъ говоритъ о перстнѣ Поликрата: «*Sardonychem eam gemmam fuisse constat: ostenduntque Romae si credimus in Concordiae delubro, cornu aureo Augustae dono inclusam et novissimum prore locum, tot praelatis, obtinentem.*»

Дальше Плиніи говоритъ, что камень въ перстнѣ Поликрата

гладкій — стало быть на немъ нѣтъ рѣзбы. Правда, Геродотъ упоминаетъ, что перстень былъ работы Феолора Самоскаго, сына Таликлеса. Климентъ Александрійскій совѣтуетъ христіанамъ гравировать на своихъ печатахъ лиру, какъ на перстнѣ Поликрата. Печать такого размѣра, вѣланная въ перстень, кажется теперь необыкновенною и рѣзба на изумрудѣ такъ взяшна, что удивляетъ и заставляетъ сомнѣваться въ возможности, чтобъ она была сдѣлана во времена Поликрата. Во всякомъ случаѣ это рѣдкая, драгоценная находка, только винодѣль Альбано кажется дурно сдѣлалъ, не взявъ 350,000 франковъ, если они были ему въ-самомъ-дѣлѣ предложены англійскимъ туристомъ. Не напрасно ли думаетъ онъ получить отъ нумисматовъ больше? Нумисматы собираютъ медали, а не перстни, стало-быть они не оцѣняютъ находки какъ должно и ни въ какомъ случаѣ не предлагаютъ сумму выше 50,000 экю.

III. НОВОСТИ НАУКЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

СВѢТЪ, ПРОИЗВОДИМЫЙ СВѢТЯЩИМИСЯ ЧЕРВЯЧКАМИ.

До-сихъ-поръ не было еще удовлетворительнаго объясненія источника свѣта у свѣтящихся червячковъ. Когда вы вскрыете нижнюю часть самки свѣтящагося червячка (*lampyrus noctiluca*), то открывается бѣло-желтоватое вещество, издающее днемъ весьма слабый свѣтъ, но ночью часто довольно сильный. Этотъ свѣтъ сіяетъ и тогда, когда убьютъ насѣкомое или отдѣлятъ отъ тѣла свѣтящуюся матерію. Свѣтъ проявляется, когда высохшее это вещество вспрыскиваютъ водою. Двадцать четыре часа по отдѣленіи отъ тѣла, вещество это еще свѣтится. Въ водородѣ, азотѣ, углекислотѣ и вообще въ газахъ, неспособныхъ для дыханія, свѣтъ вещества почти погасаетъ, но возобновляется въ кислородѣ, гдѣ сперва горитъ ярко; потомъ однако тоже погасаетъ. Если насѣкомое, живое или мертвое, погрузить въ кипятокъ, то свѣтъ мгновенно исчезаетъ. Въ холодной водѣ свѣтъ только слабѣетъ, но весьма долго сохраняется. Когда животное вынуто изъ холодной воды, сильный свѣтъ опять возобновляется отъ соприкосновенія воздуха. Опытъ этотъ

можно повторять нѣсколько разъ. Если червячка погрузить въ оливковое масло, то яркій свѣтъ быстро уменьшается, но слабый долго сохраняется даже по смерти животнаго. Если положить свѣтящагося червячка на раскаленный листъ желѣза, то зеленоватый свѣтъ его быстро переходитъ въ желтый, потомъ въ красный, а наконецъ исчезаетъ совсѣмъ и навсегда. Въ парахъ эфира и хлороформа свѣтъ слабѣетъ, животное теряетъ чувство и движеніе. Микроскопическія изслѣдованія обнаружили, что свѣтящее вещество состоитъ изъ ткани ячеекъ и похоже на мягкій жиръ, пересекаемый множествомъ фибръ. Это вещество расположено слоями вдоль внутреннихъ брюшныхъ стѣнокъ. Самый свѣтъ червячковъ объясняютъ то фосфоричностью, то электрогальванизмомъ, но есть еще и другое мнѣніе. Вотъ опытъ, который бросаетъ важный свѣтъ на этотъ вопросъ. По отдѣленіи свѣтящейся матеріи отъ всѣхъ постороннихъ тѣлъ, въ-особенности отъ яицъ животнаго, она была нагрѣта въ платиновой капсулѣ съ чистою азотною кислотою. Развились дымящіяся пары и матерія обуглилась. При дальнѣйшемъ нагрѣваніи уголь сгаралъ и въ капсулѣ оставалось нѣсколько бѣловатаго вещества, которое, соединенное съ чистою водою, даетъ блѣдно-желтый остатокъ, распускающійся въ азотной кислотѣ и въ амоніакѣ. Эта же смѣсь съ водою и съ примѣсью амоніака, амоніаковой соли и сѣрнокислой магnezіи произвела бѣлый осадокъ.

Объ эти реакціи, нѣсколько разъ повторенныя, дали тотъ же результатъ, что означаетъ присутствіе фосфорной кислоты въ веществѣ. А чтобъ узнать, существовала ли эта кислота въ свѣтоносномъ веществѣ червячковъ, очищали эту матерію водою и алкогolemъ, но реакціи не показали никакого присутствія означенной кислоты.

Слѣдственно надобно полагать, что въ свѣтящемся веществѣ червячковъ есть фосфоръ. Если положить на стекло это свѣтящееся вещество и налить на него каплю эфира, то оно распускается, а по испареніи эфира, оказывается подъ микроскопомъ бѣлое зернисто-тонкое вещество, маслянистыя свѣтлыя капли и множество небольшихъ кристалловъ въ видѣ отдѣльныхъ или группированныхъ иглъ. Эти кристаллы похожи подъ микроскопомъ на кристаллы маргарической кислоты. Фосфоръ въ соприкосновеніи съ воздухомъ окружается свѣтящимся паромъ. Въ водѣ и маслѣ кусокъ фосфора не даетъ свѣта; въ холодной

водѣ яркій свѣтъ уменьшается, но слабый долго еще продолжается; въ горячей водѣ свѣтъ мгновенно прекращается. А потому вещество свѣтящихся червячковъ должно быть фосфорическое.

СТАТИСТИКА ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГЪ ВЪ АНГЛІИ.

Въ послѣднемъ засѣданіи института гражданскихъ инженеровъ въ Лондонѣ, Стефенсонъ сообщилъ слѣдующія любопытныя подробности о желѣзныхъ дорогахъ въ Англіи:

«Въ Соединенныхъ Королевствахъ,—говоритъ Стефенсонъ,—находится совершенно оконченныхъ желѣзныхъ дорогъ 8,054 мили. Если вытянуть въ одну линію всѣ эти дороги, то онѣ опояшутъ весь земной шаръ.

«Всѣ эти рельсы стоили 280 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Одни туннели составляютъ пространство въ 50 миль.

«На земляныя работы употреблено 550 милліоновъ кубическихъ ярдовъ, изъ которыхъ можно было бы составить пирамиду въ полторы мили вышиною, верхняя площадка которой была бы пространнѣе Сентъ-Джемскаго парка. Поѣзды проѣзжаютъ ежегодно 80,000 милліоновъ миль. По этому пространству разъѣзжаютъ 5,000 локомотивовъ и 150,000 вагоновъ.

«Каждый годъ употребляютъ на этихъ линіяхъ 2 милліона тоннъ угля, 20,000 тоннъ желѣза на починки и 300,000 деревьевъ для бревенъ; 90,000 людей работаютъ для желѣзныхъ дорогъ, 40,000 служатъ на нихъ.

«Эти 130,000 человекъ, съ ихъ женами и дѣтьми, представляютъ народонаселеніе въ 500,000, такъ-что изъ всего народонаселенія Англіи 1 изъ 50 зависитъ отъ желѣзныхъ дорогъ.

«Сто-одиннадцать милліоновъ путешественниковъ проѣхали въ 1854 году по великобританскимъ дорогамъ и каждый изъ нихъ проѣхалъ среднимъ числомъ 12 миль.

«Въ этомъ же году доходы съ дорогъ доходили до 20 милліоновъ 215,000 фунт. стер. Несчастные случаи бываютъ рѣдко. Электрической телеграфъ занимаетъ 7,200 миль и употребляетъ проволоку длиною въ 30,000 миль.

Несчастные случаи можно опредѣлить слѣдующими цифрами: 1 на 7 милліоновъ 195,343 путешественника. Стало-быть нельзя

сказать, чтобъ на желѣзныхъ дорогахъ погибало больше, чѣмъ на почтовыхъ и другихъ. По-крайней-мѣрѣ до-сихъ-поръ не слыхать было, чтобъ разбойники или воры останавливали поѣздъ вагоновъ, какъ бывало останавливали дилижансы и кареты и грабили путешественниковъ. Зато если на желѣзной дорогѣ случится несчастіе, то погибаетъ не одинъ, а нѣсколько людей, и оттого случаи эти считаются ужасными и долѣе остаются въ памяти.

БОЛЬШАЯ КАУЧУКОВАЯ ФАБРИКА ВЪ НЬЮ-ІОРКѢ.

Одно изъ огромнѣйшихъ заведеній промышленности составляетъ здѣсь каучуковая фабрика, основанная одною большою компаніею на акціяхъ. На-дняхъ посѣщали мы эту фабрику, и директоръ водилъ насъ по всеѣмъ заламъ. Вся машинная часть устроена въ такомъ совершенствѣ, что хотя видимо стоила огромныхъ сумъ, но по облегченію труда, можно быть увѣреннымъ, что эти избытки съ излишкомъ вознаграждаются. Въ нижней рабочей залѣ сортировали и разрѣзывали матеріалъ, который потомъ бросаютъ въ чанъ съ водою для очистки его отъ песку и другихъ постороннихъ тѣлъ. Потомъ мальчики и дѣвочки занимаются пропусканіемъ каучука между двумя чугунными цилиндрами, приводимыми въ движеніе посредствомъ паровой машины. Гумми течетъ черезъ горячій цилиндръ съ визгомъ, происходящимъ отъ эластичности. Этотъ процессъ нѣсколько разъ повторяется, пока каучукъ получитъ надлежащую гладкость и тонкость. Потомъ нажимаютъ его на трико, служащее подкладкою башмакамъ и галошамъ. Особенный механизмъ доставляетъ подошвѣ неровную поверхность, требуемую для обуви. Для легкихъ башмаковъ слой каучука чрезвычайно тонокъ и гладокъ.

Изготовленный каучукъ передается закройщику, а оттуда въ рабочую башмачницу, занимающихся окончательною отдѣлкою. Различныя части башмаковъ склеиваются родомъ гумми такъ крѣпко, что составляютъ потомъ, повидямому, одно цѣлое.

Въ 1844 г. были сдѣланы первые каучуковые башмаки въ Америкѣ, а 1846 открылась эта фабрика. Съ начала работали ежедневно 300,400 паръ и все думали, что некому будетъ сбы-

вать такое количество товаровъ. Теперь фабрика даетъ ежегодно 425,000 паръ; для чего употребляетъ сто тысячъ ярдъ трико и до ста пятидесяти тысячъ каучуку. И, однако же, требованія до того возрасли, что привуждены были пристроить еще флигель къ фабрикѣ и теперь ежедневно выдѣлываютъ по пяти тысячъ паръ. На фабрикѣ занято до 230 работниковъ и работницъ (съ новою пристройкою число это возрасло до 450 человекъ), которые получаютъ въ годъ до пятидесяти тысячъ долларовъ. Искусная работница изготовляетъ въ день отъ 30 до 40 паръ и получаетъ поштучную плату. Фабрика продала въ 1855 году на 400,000 долларовъ товару. Въ будущемъ доходъ этотъ весьма увеличится отъ новой пристройки. Акціи компаніи продаются весьма дорого и рѣдко появляются на биржѣ.

Кромѣ башмаковъ и галошъ болѣе всего изготовляютъ здѣсь бичей для кучеровъ, а именно: до 60,000 дюжинъ. Они чрезвычайно прочны и красивы.

IV. ПУТЕШЕСТВІЯ И СЦЕНЫ НРАВОВЪ.

ИНДѢЙЦЫ ГУАТУЗОСЫ, ВЪ НИКАРАГУА.

Американскій писатель Скуайръ (Squier), изучающій американскія племена и описывающій ихъ нравы и обычаи, сообщаетъ теперь слѣдующія свѣдѣнія о народѣ почти неизвѣстномъ, обитающемъ въ Никарагуа.

«На огромномъ американскомъ материкѣ есть туземныя племена, отдаленныя отъ городовъ и невмѣющія никакихъ сношеній съ образованными жителями, которые поэтому и не подозреваютъ ихъ существованія. Зато племена эти сохранили во всей первобытной простотѣ свои нравы, идеи, языкъ и составляютъ любопытный предметъ изученія. Гуатузосы, индѣйское племя, обитающее на рѣкѣ Фріо, которая протекаетъ по Никарагуа (въ Центральной Америкѣ), представляютъ замѣчательный образчикъ первобытныхъ дикарей. Ріо-Фріо вытекаетъ изъ горъ Коста-Рика, гдѣ находится вулканъ Картахо.

Рѣка эта течетъ на сѣверъ, принимая въ себя нѣсколько источниковъ, и впадаетъ въ озеро Никарагуа въ ста метрахъ отъ рѣки Сантъ-Хуанъ. Долина Рио-Фрiо, защищенная со всѣхъ сторонъ горами, была недоступна для испанскихъ завоевателей и жители ея могли сохранить свою независимость, отражая нападенiя мелкихъ сосѣдей.

Характеръ этого племени воинственный до такой степени, что про нихъ рассказываютъ чудеса. Говорятъ, что ростъ ихъ необыкновенный, что у нихъ волосы красные, но никто почти не видалъ ихъ, потому-что до конца послѣдняго столѣтiя никто не проникалъ въ неприступную долину, кромѣ нѣкоторыхъ миссионеровъ.

Въ 1849 году полковникъ Триндадъ-Салазаръ, начальникъ военнаго заведенiя Сантъ-Карлоса, при устьѣ озера Никарагуа, рѣшился составить экспедицію для посѣщенiя страны гуатузосовъ. Двѣ лодки, наполненныя солдатами, сопровождали экспедицію по Рио-Фрiо, но они трудно подвигались вверхъ по теченiю и черезъ нѣсколько дней гуатузоы напали на нихъ вдругъ съ обѣихъ сторонъ рѣки. Полковникъ Салазаръ былъ тяжело раненъ стрѣлами и принужденъ вернуться. По его словамъ, рѣка, до того мѣста, гдѣ на нихъ напали, была узка и чрезвычайно быстра; глубина въ ней значительная, берега низки и болотисты вблизи озера, но дальше дѣлаются возвышенны и составляютъ обширную, плодородную равнину. Этотъ рассказъ сходенъ съ донесенiемъ Дiега де-ла-Гаiа, королю испанскому въ 1719 году. Губернаторъ Коста-Рика говоритъ, что по рѣкѣ Фрiо есть долина, окруженная волканами, какъ крѣпостями и въ ней живутъ дикiя племена, съ которыми невозможно имѣть сообщенiя.

Съ тѣхъ поръ народоваселенiе долины вѣроятно умножилось и нѣтъ сомнѣнiя, что оно не выходило оттуда даже прежде эпохи открытiя Америки. Тристанъ, епископъ въ Никарагуа, (1775) говоритъ, что въ концѣ XVII вѣка индiйцы, жившіе по берегамъ Тихаго океана, безпokoимые пиратами, ушли въ землю и исчезли въ горахъ, такъ, что съ тѣхъ поръ никто не слышалъ объ нихъ. Тристанъ полагаетъ, что они-то и поселились въ долину Рио-Фрiо, смѣшались съ племенемъ, жившемъ тамъ до нихъ и составили сильное племя гуатузосовъ. Но это еще подвержено сомнѣнiю, и нѣкоторые писатели

увѣряли, что индѣйскія племена, выгнанныя пиратами—вымерли, а гуатузосы совсѣмъ не существуютъ.

Но подтвержденіемъ ихъ существованія служитъ то, что на пограничныхъ *гасіендахъ* поминутно пропадаютъ лошади, мулы и разный скотъ. Часто по слѣдамъ этихъ животныхъ доходили до самыхъ горъ, окружающихъ долину, но никто не смѣлъ перейти за это природное укрѣпленіе или тѣ, которые отваживались, не возвращались уже назадъ. Всѣ однако же увѣрены, что воры были гуатузосы. Францисканскій монахъ Зепада вздумалъ, въ 1750 году, посѣтить страну гуатузосовъ. Онъ прошелъ цѣпь Тиларанскихъ горъ, составленную изъ множества волкановъ, большихъ и малыхъ, перешелъ большое число рѣкъ, вытекающихъ изъ горъ и впадающихъ въ Рио-Фрѳю и Никарагуа, и видѣлъ, или воображалъ что видитъ, огромныя селенія, окруженныя садами. Дикіе обитатели этихъ жилищъ встрѣтили монаха ласково и онъ прожилъ у нихъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Въ 1756 году настоятель монастыря Эспарзы прислалъ губернатору Коста-Рики, рассказъ о путешествіи отца Зепады и просить послать экспедицію въ эту гостепріимную страну. Губернаторъ исполнилъ это, но экспедиція заблудилась и съ трудомъ вернулась назадъ, не замѣтя ничего похожаго на рассказы Францисканца.

Въ 1761 году въ горахъ взяты были четыре дикихъ изъ породы метисовъ или индѣйскихъ негровъ. Приведенные въ Эспарза, они объявили, что живутъ за горами въ долинѣ, гдѣ у нихъ много селеній. Съ удивленіемъ замѣтили, что люди эти имѣютъ понятіе о христіанской религіи, вѣроятно занесенной туда однимъ изъ миссіонеровъ.

Тогда составилась новая экспедиція къ гуатузосамъ, проводниками которой были назначены плѣнные дикари, но они завели любопытныхъ въ непроходимые лѣса и сами скрылись, оставя ихъ выпутываться, какъ хотятъ. Въ 1778 Томасъ Лопесъ отправился опять въ долину и прошелъ первые волканы, но дальше не было возможности продолжать пути и онъ рѣшился ѣхать водою. Съ трудомъ доплылъ онъ по Рио-Фрѳю до первыхъ плантацій и садовъ, но вдругъ гребцы увидѣли, что навстрѣчу имъ идетъ плотъ, наполненный гуатузосами, и повернувъ свою лодку начали быстро спускаться по рѣкѣ, несмотря на всѣ просьбы Лопеса, хотѣвшаго пристать къ берегу.

Нѣсколько другихъ экспедицій въ недоступную долину не имѣли тоже никакого успѣха, но всѣ онѣ заставляли предполагать богатство страны, многочисленность народонаселенія, большія села и даже города. Неумолимый Лопесъ участвовалъ во многихъ попыткахъ проникнуть въ эту страну и видѣлъ жителей, рыбаковъ, плантаторовъ; но всѣ они при приближеніи незнакомцевъ брали свои стрѣлы или скрывались, не слушая мирныхъ предложеній ни на какомъ языкѣ.

Однажды епископъ Триставъ, хотѣвшій во что бы то ни стало вступитъ въ сношенія съ дикарями, составилъ обширную экспедицію и вмѣсто авангарда послалъ Лопеса съ нѣкоторыми монахами, чтобъ приготовить жителей къ посѣщенію. Лодка ихъ незамѣтно доѣхала до большаго города, не встрѣтивъ никого. Но тутъ они увидѣли одного туземца на плоту, везущаго провизію. Лопесъ подѣхалъ къ нему, дѣлая ласковые жесты, выражая миръ и пріязнь, но индѣецъ громко вскрикнулъ и въ ту же минуту показались на двухъ берегахъ дикари и начали осыпая монаховъ стрѣлами. Переводчикъ былъ раненъ одинъ изъ первыхъ и не могъ ничего растолковать дикарямъ, которые, впрочемъ, его и не слушали. Тогда Лопесъ приказалъ своимъ товарищамъ вплавь добираться до экспедиціи, что они исполнили охотно, а самъ оставшись одинъ на лодкѣ всталъ и подвѣялъ надъ головою крестъ.

Индѣйцы, видя его одного, перестали стрѣлять и подошли къ нему. Увѣривъ, что у него нѣтъ оружія и дурныхъ намѣреній, они повели его въ селеніе, а между-тѣмъ товарищи его, плывшіе по рѣкѣ, были преслѣдуемы стрѣлами. Они добрались кое-какъ до другихъ лодокъ, ожидавшихъ, что будетъ дѣлать авангардъ; рассказали о нападеніи дикихъ и увѣрены, что Лопесъ уведень былъ ими и вѣроятно убитъ. При этомъ извѣстіи лодки поспѣшно отправились назадъ, чтобъ сообщить епископу объ этомъ приключеніи и боясь на каждомъ шагу нападенія гуатузосовъ.

На другой день нѣкоторые отставшіе товарищи Лопеса поймали свою лодку, плывшую по теченію и успокоили всѣхъ на счетъ участи смѣлаго миссіонера. Они видѣли, что дикари обращались съ нимъ почтительно, пораженные его твердостью, что за жизнь его вечаго бояться. Это извѣстіе обрадовало всѣхъ, но экспедиція, составляемая такъ долго и съ такими трудами подвинувшаяся чуть не до самаго города гуатузосовъ,

должна была вернуться въ фортъ Санъ-Карло при устьѣ рѣки, откуда за нѣсколько дней отпавилась съ надеждами на полный успѣхъ. Командантъ Брицціо тотчасъ же написалъ обо всемъ губернатору провинціи, прося его помощи для спасенія Лопеса. Но неизвѣстно, почему ничего не предприняли для этого, точно также, какъ никто не можетъ сказать, что было съ смѣлымъ Лопесомъ у дикарей, отъ которыхъ онъ вѣроятно не могъ уйти или можетъ быть самъ не захотѣлъ. Судьба его такъ же загадочна, какъ и судьба гуатусосовъ. Съ-тѣхъ-поръ до 1849 никто не предпринималъ экспедицій въ таинственную долину, и такъ какъ и послѣдняя не удалась, то можно сказать, что племя это осталось въ такой же неизвѣстности, какъ было до открытія Америки.

Что касается до породы, къ которой можно причислить гуатусосовъ, объ этомъ нѣтъ тоже вѣрныхъ свѣдѣній. Для переводчиковъ брали въ экспедиціи индѣйцевъ съ острововъ Ометепе и Солентенами, говорящихъ однимъ языкомъ съ жителями другихъ острововъ озера Никарагуа и твердой земли, между озеромъ и Тихимъ Океаномъ; стало-быть гуатусосы говорятъ однимъ съ ними языкомъ и принадлежатъ къ *нагуатсамъ*, то есть народу, происходящему отъ аzteковъ или мексиканцевъ. Впрочемъ, можетъ-быть они только понимаютъ языкъ индѣйцевъ, а говорятъ своимъ собственнымъ. Все это очень трудно изъяснить. Притомъ жители Эспарзы, находящейся не въ большомъ разстояніи отъ страны, населенной древними *нагуатсами*, понимаютъ языкъ гуатусосовъ и объяснялись съ тѣми, которые взяты были въ плѣнъ. Впрочемъ, это доказываетъ также, что индѣйцы, прогнанные пиратами отъ береговъ, соединились съ гуатусосами и сохранили свой языкъ. Всего же вѣроятнѣе, что племя это принадлежитъ къ *нагуатсамъ*, занимавшимъ всѣ земли на озерѣ въ эпоху покоренія страны Хиль Гонзалесомъ Авила, въ 1522 году, и жившихъ также въ Санъ-Сальвадорѣ и въ долинѣ Авагуакской, въ Мексикѣ. Долго ли еще этотъ загадочный народъ сумѣетъ сохранить свою самостоятельность и твердое намѣреніе избѣгать всѣхъ сношеній съ образованными людьми. Правда, что природная крѣпость вулканическихъ горъ защищаетъ ихъ отъ вторженій и произведенія земли достаточны для нихъ, но можно ли, чтобъ это сохранило ихъ отъ любви къ сосѣдямъ еще на долго? Китай и Японія уже перестали быть неприступными, и если долина Рио-

Фрiо окажется въ-самомъ-дѣлѣ богатою произведенiями, то вои-
каины не защитятъ ее отъ промышленниковъ и завоевателей на-
шего времени, отыскивающихъ новыя страны и народы, чтобъ
насилъно ввести у нихъ образованность и торговлю. Подождемъ
этого времени, оно можетъ-быть близко.

ПУТЕШЕСТВIЕ МАДЬЯРА ЛАЦЛО ВЪ ЦЕНТРАЛЬНУЮ АФРИКУ.

Между любопытными романтическими путешествiями на-
добно назвать путешествiе Венгерца Лацло въ Африку, на югъ
отъ экватора. Три года тому назадъ прислано было изъ Венг-
рiи въ Лондонское Географическое Общество донесенiе, въ кото-
ромъ праведены были отрывки изъ путевыхъ записокъ Лацло,
ваходившагося въ малоизвѣстныхъ странахъ съ Января 1849
до Апрѣля 1851. Но такъ какъ отрывки были не полны и при-
томъ не оригинальные, а переводные, то нельзя было судить о
нихъ окончателно; несмотря на это, Колей замѣтилъ, что въ
нихъ много новаго и занимательнаго. Теперь готовы эти запи-
ски вполне и содержатъ въ себѣ интересныя подробности о
самомъ авторѣ. Лацло родился въ Терезополѣ (въ Венгriи), съ
дѣтства изучалъ мореплаванiе и отправился въ Америку, въ
Бразилiю, гдѣ служилъ лейтенантомъ въ морской службѣ. Поз-
же онъ принялъ участiе въ кампанiи между Розасомъ и Уруг-
вайскою республикою и, наконецъ, отправился въ Африку, изслѣ-
довать ее на югъ отъ экватора. Для этого онъ выучился афри-
канскимъ языкамъ, женился тамъ на дочери короля области
Бибе (къ востоку отъ Бенгуэлы). Въ 1850 году онъ составилъ
экспедицию изъ нѣсколькихъ сотенъ туземцевъ, хорошо воору-
женныхъ и искусныхъ охотниковъ за слонами. Онъ осмотрѣлъ
все пространство между 4 и 22 градусами широты и 12 — 34
градусами долготы. Изъ послѣднихъ его писемъ видно, что
онъ вернулся изъ этой экспедици въ Биге. Здоровье его силь-
но пострадало и хотя ему только тридцать шесть лѣтъ, но онъ
самъ описываетъ себя какъ шестидесятилѣтняго старика. Онъ
описываетъ всѣ страны, посѣщенные имъ, означаетъ ихъ на
картѣ, приводитъ нравы и обычаи жителей. Онъ посылалъ въ
Европу свой журналъ частями, надѣясь вернуться въ свое оте-
чество и тогда издать его. Но вотъ уже восемнадцать мѣся-

цевъ, какъ о немъ нѣтъ никакого извѣстія и его отецъ послалъ въ Бенгуэлу къ португальскому властямъ узнать, что случилось съ его сыномъ и если онъ умеръ, то чтобы переслать его бумаги и карты.

Отвѣтъ еще не полученъ, но извѣстно, что португальское правительство предлагало Лаццо издать его путешествія на португальскомъ языкѣ.

ТРИПОЛІЙСКОЕ РЕГЕНТСТВО.

Регентство это составляетъ теперь одинъ изъ любопытныхъ современныхъ вопросовъ, и потому мы хотимъ познакомить читателей съ этой страной, исторіею ея, правами и обычаями жителей. Изъ Варварійскихъ владѣній на стѣвѣ Африки, бывшихъ подъ владычествомъ Турціи, одно сбѣжалось французскою Алжіріею, другое, Тунисъ, сохранило свою независимость и только третье, Триполи, осталось подъ властію Оттомановъ. Страна эта любопытна, какъ въ историческомъ отношеніи, такъ и въ политическомъ, потому что имѣла частыя сношенія съ Европою. Географическое ея положеніе также одно изъ замѣчательнѣйшихъ. Триполійское Регентство содержитъ въ себѣ страны, извѣстныя въ древности подъ названіями: Киренаика, Субвентаны или Триполитаны, земли Немловъ и Гарамантовъ. Оно граничитъ на югъ тропикомъ Рака и идетъ по Средиземному морю берегомъ въ четыреста миль съ западомъ. Однако это огромное пространство материка населено очень бѣдно, по причинѣ степей, гдѣ никакое правительство не можетъ устроить селеній, потому что природа не производитъ тамъ ни одного дерева.

Населенныя страны составляютъ четыре группы: Киренаика и Ливійскій оазисъ, Триполи, Гадамелъ и Феццавъ.

Киренаика имѣетъ гористое мѣстоположеніе, плодородна, климатъ здоровый и приморскій; ея городъ Бомба извѣстенъ всѣмъ морякамъ по превосходной гавани, какой нѣтъ на всемъ Средиземномъ морѣ и которая обратила на себя вниманіе правительствъ французскаго и англійскаго, хотѣвшихъ купить ее у триполійскаго паши, но переговоры не состоялись и Бомба осталась турецкою гаванью. Другой маленькій приморскій го-

роль Дерна замѣчательнѣе тѣмъ, что не допустилъ высадки французовъ въ 1801 году, хотѣвшихъ пройти отсюда въ Египетъ. Позже явились въ Триполи американцы и этотъ эпизодъ XIX вѣка почти забытъ исторіею, тогда какъ онъ стоить, чтобъ на него обратили вниманіе. Подъ предлогомъ поддержанія правъ какого-то претендента на триполійскій тронъ, американцы высадились въ Дерна, корабли ихъ блокировали триполійскій портъ, агенты сѣяли вражду между правителями, разжигали междоусобія и это положеніе продолжалось цѣлые четыре года, пока наконецъ паша подписалъ съ ними торговый трактатъ и заключилъ миръ. Американцы оставили Дерна, гдѣ выстроили укрѣпленія и мельницу, и съ-тѣхъ-поръ забыли о своемъ африканскомъ союзникѣ. Бенгази, жалкій портовый городъ, могъ бы имѣть значительную торговлю, но неизвѣстно почему по сіе время остается бѣднымъ и мало посѣщаемымъ. Вотъ все, что осталось отъ древней греческой Киренаики, про которую Геродотъ рассказывалъ чудныя исторіи, могущія показаться теперь сказками, еслибъ происшествія не оставили слѣдовъ и, главное, своихъ именъ. Городъ Киренаика былъ основанъ Баттомъ. Наслѣдники его, въ-продолженіе восьми поколѣній распространяли колоніи и царствовали покойно, но Киренайцы установили, наконецъ, демократическую республику, были покорены Александромъ, потомъ перешли подъ владычество Птоломеевъ. Позже римляне хотѣли возвратитъ независимость этой провинціи, но безпорядки не позволили этого сдѣлать и, наконецъ, арабы завладѣли республикою. Въ эти длинные періоды владычества грековъ и римлянъ, Киренаика не отставала отъ нихъ въ образованности, искусствахъ и промышленности, и можетъ гордиться знаменитыми именами философа Аристиппа, поэта Каллимаха и епископа Синезія, христіанскаго философа-поэта. Въ Киренайскомъ государствѣ было много цвѣтущихъ городовъ, но пять отличались отъ всѣхъ и потому страну эту называли также *Пентаполию*. Это были Киренаика, Аполонія, Птолемаида, Арсиноя и Береника. Теперь отъ нихъ остались одни развалины, изучаемыя археологами, а на мѣстѣ дворцовъ выстроены бѣдныя хижины и разбиты палатки кочующихъ племенъ.

Оазисъ Оджвагъ, извѣстный и во время Геродота подъ этимъ названіемъ, населенъ трудолюбивымъ торговымъ наро-

домъ, который можно назвать голландцами ливійской стени. Начальникъ этого десяти тысячнаго народа носилъ титулъ бея во время независимости Триполи, и когда страну эту посѣщаль ученый Пашо, оставившій любопытное описаніе ея, беємъ былъ Французскій ренегатъ, какой-то барабанщикъ египетской арміи, взятый въ плѣнъ двѣнадцати лѣтъ. Эгогъ оджилагскій бей умеръ только въ 1851 году и по смерти его европейскіе родственники вздумали было требовать его наслѣдства, которое было довольно значительно, но турецкіе законы не отдали имъ ничего, тѣмъ болѣе, что нельзя было доказать настоящаго имени бея.

Отъ Оджилагскаго оазиса до Сиртскаго залива, есть еще оазисъ Мерадагскій, а на востокъ оазисъ Сіуагскій, знаменитый въ древности по храму и оракулу Юпитера Аммона.

Въ Триполійскомъ округѣ замѣчательна страна Джебель, производящая оливы и богатая хлѣбомъ. Городъ Триполи построенъ на горѣ, но укрѣвленъ плохо, хотя защищенъ природою, которая разсыпала предъ нимъ множество маленькихъ острововъ и камней. Въ немъ до 12,000 жителей и онъ довольно опрятенъ для турецкаго города; только дворецъ паши такъ ветхъ, что разваливается и въ немъ страшно жить. Въ древности Триполи назывался *Эта* и отъ прежнихъ вѣковъ остались триумфальныя ворота, существующія и теперь. Знаменитый Апулей, авторъ латинскаго романа *Золотой Оселъ*, долго жилъ въ Этѣ, гдѣ и женился на богатой вдовѣ Пудентиллѣ; по поводу этого брака былъ процессъ, оставшійся потомству въ *Апологии* Апулея.

Феццанъ состоитъ изъ множества оазисовъ, разсыпанныхъ по океану стени, на которыхъ много селеній и даже городовъ. Арабы говорятъ, что тамъ сто одинъ городъ, но имъ нельзя вѣрить. Ячюзукъ считается столицею Феццана и въ немъ Турки содержатъ гарнизонъ. Вотъ все достопримѣчательныя мѣста бывшаго Триполійскаго регентства. Теперь бросимъ бѣглый взглядъ на его исторію.

Послѣ династїи Альмогадовъ Триполи былъ покоренъ тунисскимъ владѣтелемъ и въ 1510 году взятъ испанцами. Но турки не замедлили присоединить его къ Оттоманской имперіи вмѣстѣ съ Алжиромъ и Тунисомъ, и хотя все эти страны освобождались нѣсколько разъ, но Триполи все-таки остался во власти султана.

Жители всѣхъ этихъ странъ занимались морскимъ разбоемъ противъ христіанъ, и французы принуждены были нѣсколько разъ усмирять ихъ. Въ 1685 году маршалъ д'Эстре бомбардировалъ Триполи, взялъ сильную контрибуцію, освободилъ всѣхъ невольниковъ, но несмотря на этотъ урокъ, корсары не унимались и въ 1728 году городъ опять выдержалъ бомбардировку. Между-тѣмъ внутри страны происходили волненія и одинъ искатель приключеній безъ боя прогналъ пашу и занялъ его мѣсто, потомъ самъ былъ прогнанъ туписнами и сбѣжался въ послѣдствіи египетскимъ пашею. Подобные эпизоды случаются очень часто въ исторіи восточныхъ владѣній и къ нимъ всѣ привыкли. Во времена республики и консульства во Франціи, Триполи былъ преданъ правительству генерала Бонапарте, но угрожаемый англичанами, не смѣлъ явно выказывать этого. Въ 1825 году паша Юзефъ повелъ своихъ корсаровъ на защиту исламизма, но ограничился разбоями по берегамъ и вернулся съ потерями. Новое возстаніе произвело сильныя безпорядки; англичане требовали какихъ-то вознагражденій, угрожая войною; арабы волновались и, наконецъ, утвердилась другая династія, въ лицѣ Сидя-Али, который успѣлъ успокоить всѣхъ и примириться съ англичанами. Къ-несчастью, спокойствіе не было продолжительное. Англіійскіе агенты начали поддерживать бунтовщиковъ и безпорядки кончались тѣмъ, что Порта послала флотъ и войско, овладѣла городомъ и объявила Триполійское регентство турецкою провинціею, подъ начальствомъ Меджибъ-паши. Но нѣкоторые арабскія племена и дальнія селенія до-сихъ-поръ не признали владычества Турокъ и живутъ независимо; стало-быть между ними безпрестанная междоусобная война. Во время занятія Алжирія французами, триполійскій паша старался всѣми силами мѣшать успѣхамъ христіанъ, но возстанія арабскихъ предводителей его отвлекали и жестокость его только помогала французамъ. До настоящаго времени ссоры съ арабами не прекратились и въ нынѣшнемъ году изгнанникъ Гумма взволновалъ Триполи до такой степени, что Порта принуждена была послать туда сильное войско.

Про нравы, религію и управленіе турокъ такъ много писали и говорили въ послѣднее время, что излишне было бы повторять сказанное. Арабы же, которыхъ теперь въ Триполи меньше нежели турокъ, тоже извѣстны по описаніямъ алжирскихъ

жителей, потому-что Арабы вездѣ одни и тѣ же. Это народъ дивный, храбрый, умный, не любящій постоянныхъ жилищъ, ведущій строгую жизнь и способный понимать науки и искусства. Богатства земли неисчислимы, но они еще мало известны и находятся большею частью въ рукахъ европейцевъ. Страннѣе всего, что въ Триполи процвѣтаетъ торговля неграмъ; но всѣ невольники чернаго цвѣта, хотя предразсудокъ о цвѣтѣ кожи здѣсь не въ такой силѣ, какъ въ Америкѣ. Несмотря на всѣ усилія флотовъ Англiи и Францiи, торговля эта здѣсь не прекращается, потому-что невольниковъ приводятъ, а не привозятъ изъ внутреннихъ странъ. Притомъ же надобно признаться, что положенiе негровъ не такъ печально здѣсь, какъ у плантаторовъ Америки. Всѣ они принимаютъ религiю Магомета, а женщины, привозимыя на базаръ и наполняющiя гаремы, не промѣняютъ своей неволи на свободу и родную.

Триполи ведетъ значительный торгъ съ Центральною Африкою, хотя дороги для каравановъ опасны. Но европейскiе ученые уже проложили туда дорогу и негодiанты часто составляютъ экспедицiи, чтобъ войти въ торговыя сношенiя съ неизвѣстными странами и племенами.

Какая будущность ожидаетъ Триполiйское регентство? неизвѣстно, успеетъ ли оно возвратитъ себѣ независимость или останется подъ владычествомъ турокъ. Во всякомъ случаѣ страна эта, по положенiю своему, можетъ доставитъ большiя выгоды торговлѣ Англiи и Францiи, въ то же время, сношенiя ея съ Центральною Африкою могутъ открыть новыя богатства для мiра промышленности и наукъ.

ВОСХОЖДЕНIЕ НА ГОРУ ПОПОКАТЕПЕТЛЬ.

Одинъ изъ любопытнѣйшихъ предметовъ въ Мексикѣ — огнедышащая гора Попокатепетль. Отъ Пуэблы до Атлизко ходитъ дилижансъ, но далѣе путешественникъ долженъ ѣхать верхомъ. Атлизко заслуживаетъ особеннаго вниманiя по своему положенiю плодоноснѣйшей долины у подошвы Кеглеобразной горы, которая служитъ замѣчательнымъ мѣстомъ романическихъ преданiй въ народѣ. Изъ многихъ разскажу я одно, обнаруживающее состоянiе этой страны при управленiи вице-королей.

Старый гидалго жилъ въ плантаціи по близости города; онъ былъ богатъ и имѣлъ двухъ дочерей. Одинъ изъ кочующихъ фрaterовъ хотѣлъ похитить одну изъ дочерей, но отецъ поймалъ его на дѣлѣ и наказалъ нѣсколькими палочными ударами. Но фрaterъ возбудилъ всѣхъ своихъ собратій противу гидалго и тотъ долженъ былъ подумать о бѣгствѣ, для котораго придумалъ совершенно оригинальное средство. Едва фрaterъ успѣлъ представить свою жалобу въ Мексикѣ за полученные побои, какъ вдругъ въ городѣ распространилась вѣсть, что старый гидалго скоропостижно умеръ. Дѣйствительно, сосѣди собрались на его погребеніе и провожали гробъ его до могилы, гдѣ онъ былъ преданъ землѣ. Въ этотъ же день, въ-слѣдствіе жалобы фратера, домъ и имѣніе умершаго были секвестрованы, а дочери его удалены къ родственникамъ.

Черезъ нѣсколько недѣль начали являться въ одной пещерѣ горы близъ Атлизко разныя привидѣнія. Превеличественные слухи еще болѣе распространили всеобщій страхъ и даже однажды тотъ самый фрaterъ попался ночью близъ этой горы привидѣнію, которое его сильно поколотило палкою. Въ это время прибылъ въ Мексику новый вице-король Ревила Гигело, пользовавшійся славою человѣколюбиваго и правосуднаго вельможи. Къ нему вскорѣ явился старикъ и въ частной аудіенціи разсказалъ ему свою исторію, какъ онъ принужденъ былъ сказаться умершимъ и какъ, потомъ, блуждалъ въ видѣ привидѣнія въ горахъ. Вице-король совѣтовалъ старику удалиться въ свое убѣжище, по-прежнему, но приказать дочерямъ его подать просьбу на фратера. Получивъ эту просьбу, вице-король созвалъ все общество фрaterовъ и, объяснивъ имъ все дѣло, требовалъ, чтобъ они объявили гидалго невиннымъ, тѣ согласились и подписали рѣшеніе, и въ эту самую минуту вошелъ въ двери мнимоумершій старикъ и на колѣняхъ благодарилъ за оказанную ему милость.

Но возвратимся къ путешественникамъ. Кромѣ меня (говорить живописецъ Франкъ Теллотъ) были два помѣщика Корчадо и Мунезъ съ тремя дамами. Всѣ мы были верхомъ, а 16 видѣйцевъ были посланы рано поутру на гору, чтобъ приготовить все для удобнѣйшаго и пріятнѣйшаго путешествія. Весело поѣхали мы вверхъ по тропинкѣ на гору Равчозакоколко, составляющую одинъ изъ высочайшихъ пунктовъ на землѣ.

Почва изъ вулканическаго ила производитъ такую роскошную растительность, что на границѣ вѣчныхъ снѣговъ построены сараи для помѣщенія на почъ пасущихся тутъ стадъ. Отдохнувъ и позавтракавъ въ ранчо, продолжали мы путь далѣе. Деревья становились все малорослѣе и, наконецъ, на высотѣ 12,544 фут. сосны совершенно исчезли. Еще нѣсколько далѣе и на высотѣ 12,692 фут. была уже граница всякой растительности. Проѣхавъ еще около одной мили по мягкому песку, принуждены мы были съ 12-ью индѣйцами оставить нашихъ лошадей и итти пѣшкомъ. Не много пройла, двѣ наши дамы почувствовали дурноту и ихъ отправили къ лошадямъ. Третья дама смѣло шла впередъ и была бы вѣроятно первою женщиною, имѣвшею честь взойти на Попокатецетль, если бѣ одѣлась болѣе удобнымъ образомъ, т. е. въ мужское платье; но она для тепла одѣла нѣсколько юбокъ и когда прошла еще до 3,000 фут. по вулканическому песку, то не могла уже итти далѣе. Мы принуждены были оставить ее съ тремя служителями, которые и повели ее внизъ подъ гору. Къ-несчастью, мы забыли, что у одного изъ этихъ служителей былъ весь нашъ запасъ шоколада, который необходимъ при всѣхъ возшестьвіяхъ на горы для подкрѣвленія силъ. Мы достигли до базальтовыхъ скалъ, покрытыхъ льдомъ и съ трудомъ взбирались по нимъ, опираясь на палки съ желѣзными остріями.

Г. Корчачо рассказалъ въ это время исторію, какъ шесть работниковъ украли шесть корзинъ сѣры и унесли ихъ въ горы, чтобъ тамъ спрятать, но, застигнутые холодомъ, всѣ замерзли и тѣла ихъ найдены потомъ вмѣстѣ съ корзинами.

Базальтовая скала начинается на высотѣ 16.805 фут. и мы до вечера взбирались на нее, достигнувъ наконецъ до окраины кратера. Отверстіе имѣло до трехъ миль въ окружности. Мы спустились въ это отверстіе и достигли до нарочно-устроеннаго тутъ дома, гдѣ должны были почевать. Онъ построенъ совершенно отличнымъ образомъ, будучи на высотѣ 17,125 фут., гдѣ разряженіе воздуха и недостатокъ кислорода едва позволяли разводить огонь.

Этотъ домъ былъ устроенъ въ видѣ миниатюрной гѣры, имѣя посреди открытій дворъ, гдѣ раскладываютъ огонь для путешественниковъ, которые помѣщаются подъ арками. Не-

смотря на зеленые вуали, которыми мы были закрыты, глаза наши сильно пострадали отъ близны снѣга, а разряженіе воздуха производило тошноту. Лучшимъ средствомъ протавъ этого былъ бы шоколадъ, но у насъ его не было и мы старались заснуть.

Полутру не могли мы ни пить кофе, ни завтракать, и вновь пустились въ путь, который теперь шелъ уже внизъ, во внутренности кратера, гдѣ мы, пятьюстами футами ниже, достигли угольныхъ копей, изъ которыхъ работники выдѣлываютъ сѣру. Это мѣсто было грозно и великолѣпно; здѣсь проделано нѣсколько отверстій съ наружной части горы для пропуску воздуха. Далеко внизу подъ ногами нашими что-то грохотало, но работники увѣрили насъ, что всякое изверженіе извѣстно задолго впередъ.

Наконецъ мы поднялись опять на вершину горы. Видъ отсюда самый великолѣпный въ мірѣ. Какъ все мало передъ нами! Чистота атмосферы дозволяла намъ видѣть самые отдаленные предметы.

Всѣ деревни вокругъ казались кучками, взрытыми кротами, а люди и лошади едва подвигаются точками. Высшая точка горы находится въ 250 фут. надъ кратеромъ, но туда рѣдкіе путешественники достигаютъ, и вѣроятно послѣ насъ не многіе будутъ тамъ. Еще Кортцъ писалъ въ своихъ дописаніяхъ, что онъ добывалъ въ этой горѣ сѣру, но въ его время гора эта гораздо чаще производила изверженія. Берналь Діазъ рассказываетъ, что кратеръ былъ въ его время совершенно круглымъ и около одной мили въ окружности.

Въ 1830 г. помѣщикъ Корчачо совершилъ первое восхожденіе на эту гору съ многочисленною компаніею, но мало-помалу всѣ отстали на пути, а достигъ только онъ одинъ, съ индѣйцемъ. На возвратномъ пути взялъ онъ нѣсколько шлаковъ, доказывающихъ присутствіе сѣры въ почвѣ. Съ тѣхъ поръ тамъ устроена разработка сѣры.

V. МЕЛКІЯ ИЗВѢСТІЯ и РАЗСКАЗЫ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢ-
ЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ.

СМЕРТЬ ПЛЕНКЕ и ГЕЙНЕ.

Недавно умерла въ Генуѣ нѣмецкая писательница, занимавшая въ началѣ нынѣшняго столѣтія значительное мѣсто въ числѣ литературныхъ знаменитостей. Всѣ тогдашніе альманахи были наполнены ея повѣстями, а стихотворенія ея считались отголоскомъ древнихъ германскихъ трубадуровъ. Вильгельмина, урожденная Пленке, внука писательницы Таршимъ, была очень оригинальная женщина. Исторія ея жизни была бы любопытною картиною современныхъ нравовъ и литературы. Она вѣроятно оставила записки, которыя явятся въ свѣтъ. Въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ она вышла замужъ и вскорѣ потомъ развелась съ мужемъ. Не имѣя состоянія, она приняла мѣсто компаньонки у г-жи Жавлясь, въ Парижѣ. Тамъ она познакомилась съ Фридрихомъ Шлегелемъ и вышла замужъ за профессора санскритскаго языка. Бракъ этотъ нарушенъ былъ домашними неудовольствіями и Гейзе отправилъ молодую свою жену съ двумя сыновьями въ Германію. Тамъ была она принята въ общество поэтовъ: графа Оттона Лебена, Эрнста Мальзбурга, Квинда, Гелля и композитора Вебера. Въ Берлинѣ познакомилась она съ Шамиссо, Фарнгагеномъ, Гензелемъ, и Гейне увѣрялъ, что былъ ей обязанъ своимъ лирическимъ одушевленіемъ. Въ послѣднее время она соединилась опять съ своимъ супругомъ, который вскорѣ потомъ палъ жертвою холеры, а она получила отъ французскаго правительства пенсію, которую ей и выдавали до февральской революціи. Вѣдная и слѣпая, она умерла на 73-мъ году.

Журналы говорили, что нѣмцы, проживающіе въ Парижѣ, доказали при погребеніи Людвига Берне, какъ искренно оплакиваютъ смерть знаменитаго соотечественника. Этого нельзя было сказать при похоронахъ Гейне, который въ послѣднее время былъ гораздо извѣстнѣе во Франціи, нежели Берне. Въ продолженіи семилѣтней жестокой болѣзни, онъ не измѣнился ни въ юморѣ, ни въ рѣзкихъ остротахъ противу друзей и враговъ. Не оправдывая этого, мы должны замѣтить, что по характеру Гейне имѣлъ много сходства съ Вольтеромъ и Руссо. Восхи-

щаясь его поэтическимъ дарованіемъ, мы соболѣзуемъ о многихъ выходкахъ его, обнаруживающихъ одну бессильную злобу. На погребеніи Гейне было очень мало народа и этого желалъ самъ покойникъ. Онъ не любилъ, чтобъ о немъ соболѣзовали во время жизни, и не хотѣлъ милостыен по смерти. Онъ запретилъ хоронить его на кладбищѣ отца-Лашеза и требовалъ, въ послѣднее время, чтобъ его похоронили у Монмартрской заставы. Онъ жилъ у Елисейскихъ полей, въ Avenue Malignon гдѣ могъ дышать свѣжимъ воздухомъ и гдѣ его посѣщали друзья. Онъ имѣлъ въ Парижѣ очень мало знакомствъ, а всего менѣе съ нѣмцами, и говорилъ, что нѣмцы ходятъ къ нему только за тѣмъ, чтобъ потомъ клеветать на него. Изъ французскихъ писателей посѣщали его Беравже, Севъ-Рене-Тальянье, Теофиль-Готье и Александръ Дюма. Послѣдній написалъ о немъ прекрасную статью въ Mousquetaire. Прочія парижскія газеты тоже упоминали о немъ. Въ Монитерѣ напечатана была статья Готье, начинавшаяся словами: «Звѣзда первой величины погасла на горизонтѣ поэзіи и міръ не замѣтилъ этого. У него теперь другія заванія! Умеръ Гейне или, лучше сказать, скончалось полумертвое тѣло его, уже восемь лѣтъ лежавшее на одрѣ болѣзни. Онъ давно приналежалъ могилѣ, давно завернуть былъ въ саванъ, но и сквозь него слышны были отголоски поэзіи.» Въ Revue des deux mondes, гдѣ такъ часто были переводы его твореній, сказано: Посреди нынѣшнихъ великихъ политическихъ событій незамѣтно скончался человекъ съ рѣдкимъ дарованіемъ. Гейнрихъ Гейне умеръ или лучше сказать пересталъ всеневно умирать. Онъ нѣсколько лѣтъ страдалъ жестокою болѣзью, но и посреди страданій, гений его не засыпалъ. Онъ имѣлъ всѣ дары гения, кромѣ одного главнаго, а именно — уваженія ко всему великому и священному. Несчастная провія его простиралась на все и даже на самыя страданія его болѣзни. Въ завѣщаніи просить онъ только обезпечить судьбу своей жены и поручилъ это двоюродному своему брату, банкиру Карлу Гейне, въ Гамбургѣ.

НАПИСАЛЪ ЛИ АКТЕРЪ ВИЛЬЯМЪ ШЕКСПИРЪ ВСѢ ДРАМЫ, КОТОРЫЯ
ИЗВѢСТНЫ ПОДЪ ЕГО ИМЕНЕМЪ.

Этотъ вопросъ разсматриваютъ серьезно въ нѣмецкихъ и англійскихъ журналахъ. Одинъ неизвѣстный критикъ, изъ документовъ и источниковъ самихъ драмъ Шекспира, старается доказать, что актеръ лондонскаго театра Globe, бывшій браконьеръ и содержатель лошадей, никакъ не могъ написать всѣхъ этихъ драмъ. Истинный сочинитель этихъ образцовыхъ произведеній также похожъ на актера Шекспира, какъ Гамлетъ на актеровъ въ пьесѣ этого же имени. Истинный сочинитель училъ Шекспира не ревать на сценѣ, не махать руками, какъ всѣ тогда дѣлали, а главное не прибавлять и не убавлять изъ пьесъ ничего. Пьесами Шекспира названы они потому, что монтированы были и играны на его театрѣ. Ему отданы были въ собственность манускрипты челоуѣкомъ, жившимъ въ высшей сферѣ и не желавшимъ имѣть славы поэта, которая была тогда довольно двусмысленна. Впрочемъ, неизвѣстный авторъ отдавалъ свои произведенія и на другія сцены. Многія пьесы, напечатанныя по смерти Шекспира въ числѣ его сочиненій, были, по достовѣрнымъ свидѣтельствамъ, играны не его труппою. Даже нѣкоторыя изъ нихъ были извѣстны гораздо прежде, нежели страдфордскій актеръ Шекспиръ сталъ извѣстенъ публикѣ. Неизвѣстный критикъ говоритъ: «совершенно невозможно, чтобы въ XVI столѣтїи, когда науки, знаніе исторїи, философіи, правъ и явленій природы были исключительною привилегіею высшихъ званій, — необразованный актеръ могъ написать гениальныя пьесы, исполненныя, философіи и поэзіи». Не будемъ слѣдовать далѣе за писателемъ, который обѣщаетъ во второй статьѣ подробнѣе развить свои доказательства. Онъ указываетъ, что авторомъ этихъ пьесъ былъ кто-нибудь изъ лицъ, окружавшихъ королеву Елизавету, а именно: сиръ Вальтеръ Ралейгъ или лордъ Бэконъ Веруламскій. Это, конечно, бездоказательныя гипотезы, но однакожъ весьма любопытныя.

ОБЩЕСТВО ИСТРЕБЛЕНІЯ ТИГРОВЪ.

Подъ этимъ названіемъ въ Сингапурѣ составилось любопытное общество. Охотники запаслись всякаго рода оружіемъ. Да-

же куплено нѣкоторое количество стрихнина и общество, состоящее изъ двадцати человекъ на дняхъ отправляется на корабль въ Гонгъ-конгъ, а оттуда уже къ мѣсту назначенія. Въ числѣ членовъ общества два англичанина были уже нѣсколько лѣтъ въ Индіа и приобрѣли большую опытность въ охотѣ за тиграми, истребивъ ихъ болѣе 57. При устьѣ Ганга успѣли они захватить живаго тигра и продали его за 890 фун. стер. въ лондонскій звѣринецъ Вомбвеля. Изъ числа прочихъ членовъ три француза, участвовавшіе въ подвигахъ знаменитаго истребителя львовъ въ Алжиріи. Жерара; прочіе американцы, которые приобрѣли уже большую опытность въ борьбахъ съ американскимъ медвѣдемъ Регонтскихъ горъ. Потребность выписки этого общества въ Сингапуръ доказывается слѣдующими словами одной тамошней англійской газеты *Freess*; *Быстрое уменьшеніе народонаселенія въ Сингапуръ отъ тигровъ*: «Еженедѣльная смерть двухъ жителей, слѣдящихъ тиграми, составляетъ здѣсь самое обыкновенное явленіе. Известно, что въ послѣдніе 15, 20 лѣтъ погибло такимъ образомъ нѣсколько тысячъ людей. Англійское правительство, для устранинія этого зла, не приняло никакихъ другихъ мѣръ, какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выкопала ямы, въ которыя никто не попадаетъ и назначило сто рупій за кажлаго убитаго тигра, которыхъ однакожъ никто не убиваетъ. Подобное вознагражденіе слишкомъ незначительно и сант-франсиское общество *Tiger-killing company* будетъ здѣсь имѣть обширное поле для своихъ дѣйствій».

СКОРОСПОСТИЖНАЯ СМЕРТЬ СКРЫГИ.

Нѣкто Гофманъ, извѣстный въ Уэстминстерѣ своею бѣдностью, былъ нанятъ — торговцемъ брильянтовъ, Ротшильдомъ — служить у него на вечерѣ, который онъ давалъ въ февралѣ того года. Гофманъ явился для исполненія своей обязанности, — заключающейся въ приياتіи у гостей плясать — около 8 часовъ вечера. Во время ужина онъ былъ съ большою жалостью. Утромъ въ исходѣ 3 часа Гофманъ вдругъ заболѣлъ и несмотря на врачебныя пособія, подавныя ему немедленно, умеръ въ нѣсколько минутъ. При освидѣтельствованіи, въ кар-

манахъ Гофмана оказались: куски, спрятанные имъ во время ужина, 36 фунтовъ стерлинговъ золотомъ, 21 шиллингъ серебра, 100 фунтовъ стерлинговъ билетами англійскаго банка, книжка королевскаго британскаго банка, свидѣтельствовавшая, что у него тамъ лежить 1,225 фун. стерл., книжка лондонскаго и Уэстминстерскаго банка, изъ которой было видно, что тамъ у него лежало 500 фун. стерл., вексель на 15 гиней, другой на 25 фун. стерл., банковая росписка въ 150 фун. стерл., три пачки жемчуга, рубиновъ и брильянтовъ, и по одной ниткѣ изумрудовъ. Впослѣдствіи, въ карманѣ его нижняго платья нашли еще 41 фун. стерл. золотомъ. Этого человѣка считали такимъ бѣднякомъ, что въ пользу его составили подписку для отравленія его въ деревню поправить здоровье. — На слѣдствіи, бывшемъ въ эту же ночь, присяжные объявили, что онъ умеръ естественной смертью отъ апоплексіи.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАЗНЬ МАКОЛЕЯ.

Горные жители Гленмора въ Графствѣ Ивернессъ пришли въ негодованіе на то, что Маколей въ послѣднемъ томѣ своей *Исторіи Англій* не лестно отозвался о ихъ предкахъ, собрались всѣ вмѣстѣ и предводительствуемые Флейшикомъ, играющимъ «Rogue's March» (маршъ негодяя) отправились къ *Черной скаль*. Остановясь у того дома, гдѣ жилъ Маколей во время своего пребыванія, тамъ они сожгли портретъ этого замѣчательнаго историка. Когда все было кончено, вся толпа трижды и съ громкими проклятіями произнесла его имя.

ЖЕЛѢЗНАЯ МОСТОВАЯ ВЪ ЛОНДОНѢ.

Генералъ Кнепъ, въ Соединенныхъ Штатахъ, изобрѣлъ новый способъ мощенія дорогъ. Главный матеріалъ этого изобрѣтенія—жельзо; форма, по которой оно выливается, совершенно нова, имѣетъ видъ круглаго ящика и, судя по конструкціи, должна быть прочна. Кнепъ получилъ на это изобрѣтеніе привилегію въ Великобританіи и Ирландіи, и для опыта уже вымощена та кимъ образомъ Лиденгальская улица. Мостовая со-

стоятъ изъ этихъ круглыхъ ящиковъ, раздѣленныхъ внутри на мелкія отдѣленія, не пропускающія копыта лошади. Эти ящики особымъ способомъ и весьма плотно прикрѣплены одинъ къ другому, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ устроены, что лошадь не можетъ скользить. Промежутки между отдѣленіями наполняются мелкими камнями, залитыми гидравлическимъ цементомъ.

СНѢГЪ ВЪ СѢВЕРНОЙ АМЕРИКѢ.

Сѣверная часть этого континента бываетъ покрыта снѣгомъ отъ шести дюймовъ до сорока футовъ глубины. Недавно сильная бура, продолжавшаяся сорокъ восемь часовъ, обошла морскимъ берегомъ отъ Галифакса до Техаса. Она пронеслась 3,000 миль по этому направленію и по прямой линіи къ востоку, занесла континентъ снѣгомъ сверхъ телеграфическихъ линій. Это только второй случай въ этомъ столѣтіи, по количеству снѣга и льда, оставшихся на поверхности земли въ умѣренномъ поясѣ. Почти вездѣ сообщеніе водою прекращено, путешествіе не возможно ни въ какомъ направленіи, морской берегъ занесенъ обломками разбитыхъ кораблей. Въ Америкѣ была вообще суровая зима, принесшая много пользы; снѣгъ, падая на землю въ большомъ количествѣ и оставаясь долго, содержитъ землю въ теплѣ. Послѣ снѣжной зимы складочные магазины Америки должны богато и обильно наполниться хлѣбомъ и пшеницей. Морозъ не долженъ коснуться земли глубоко, и снѣгъ, растаявъ только съ появленіемъ весны, обѣщаетъ обильную жатву. Нью-Йоркъ и окрестности покрыты въ настоящее время снѣгомъ и льдомъ.

НЕВОЛЬНИКИ НА БРАЗИЛЬСКОМЪ БЕРЕГУ.

Американская шкуна «Mary Smith» намѣреваясь высадить 320 негровъ, которыхъ везла съ африканскаго берега, взята была въ плѣнъ бразильскимъ военнымъ бригадомъ, «Оливда», и отправила его въ Багію. Командиръ и вся команда были американцы и немедленно по выгрузкѣ были закованы и заклю-

чены въ тюрьму Багн. Число негровъ, находившихся на шкунѣ, простиралось до 500 человекъ: они были такъ тѣсно помѣщены, совсѣмъ нагіе, и такъ дурно кормлены во время путешествія, что 180 ч. изъ нихъ умерло въ дорогѣ и брошены въ море; изъ выгруженныхъ въ Багн умерло 64 ч. вскорѣ послѣ высадки. Оставшіеся въ-живыхъ были немедленно накормлены, одѣты и вообще хорошо содержимы до окончательнаго рѣшенія ихъ судьбы.

ЛАВИНА ВЪ ШВЕЙЦАРІИ.

Недавно вторая лавина обрушилась въ Швейцаріи. Поѣздъ въ десять саней былъ занесенъ снѣгомъ у Сенъ-Готара. Пять саней попали въ пропасть снѣга, только трое человекъ успѣли избѣгнуть этой пропасти: князь Лобковичъ, его слуга и одинъ изъ извозчиковъ. Съ помощію этихъ лицъ и другихъ, случившихся неподалеку, девятеро остальныхъ путешественниковъ были немедленно вытащены совершенно невредимыми, но десятый, Фрагнани, не могъ долго придти въ себя, такъ какъ ему пришлось пролежать около двадцати минутъ на глубинѣ пяти футовъ; онъ не былъ въ состояніи продолжать путь и нашли необходимымъ оставить его поправиться и отдохнуть въ сосѣднемъ домѣ; другіе же путешественники отправились дальше.

ТЕЛЕГРАФЪ ВЪ АВСТРАЛІЮ.

Общество, составившееся для проведенія черезъ Средиземное море электрическаго телеграфа между островомъ Сардиніей и Ла-Калемъ, на морскомъ берегу Африки, намѣревается устроить телеграфическое сообщеніе между Европой и Мельбурномъ, въ Южной Австраліи. Открывъ побочныя линіи между Ла-Кал-

лемъ, Боной, Бужией, Алжиромъ и Ораномъ, компанія предложила провести главныя линіи чрезъ Тунисъ, Триполи, Александрію, Каиръ, Суэць, Іерусалимъ, Дамаскъ, Багдадъ, вдоль сѣвернаго берега до Гейдерабада и Бомбея, гдѣ линія должна раздѣляться на двѣ вѣтви. Сѣверная вѣтвь пройдетъ прямо въ Агру, откуда проволока направлена будетъ къ Лагору и Пешауаръ и такимъ образомъ пройдетъ въ Кабуль и Кашмиръ. Изъ Агры телеграфическая линія пойдетъ чрезъ Бенаресъ и соединится въ Калькуттѣ съ южной вѣтвью, которая удаляясь отъ Бомбея должна идти чрезъ Бангалоръ и Мадрасъ. Изъ Калькутты линія слѣдуетъ сѣверо-восточнымъ берегомъ Бенгальскаго залива, Малаккскимъ полуостровомъ, отуда переходить на сѣверъ Австраліи и, обойдя ея восточный морской берегъ, наконецъ достигаетъ порта Аделаиды. Длина всей линіи составляетъ 20,000 километровъ.

ИСПАНСКІЕ РАЗБОЙНИКИ.

Въ одномъ письмѣ изъ Мадрита разсказываютъ слѣдующее: Графъ Вальярезо былъ схваченъ разбойниками въ горахъ Толело и выкупленъ семействомъ за 600 унцій золота, независимо отъ суммы въ 10,000 піастровъ, которую атаманъ захватилъ на дорогѣ. Оказывается, что эти разбойники имѣютъ нѣкоторую степень образованія. Прѣжде всего они предупредили графа, что ему нечего бояться за свою жизнь, но что они должны взять его съ собой въ Португалію.—«Намъ нужны только деньги», говорили они. Предлагали ему на ночь одѣяло, а когда у нихъ осталось мало провизіи, они уменьшили свою порцію, чтобы накормить его. Между прочимъ они спрашивали его, слышалъ ли онъ Ронкони въ послѣднее представленіе на Королевскомъ театрѣ и на отрицательный отвѣтъ, атаманъ замѣтилъ ему, что подобное равнодушіе къ искусству, съ его стороны, непростительно.

ПРАЗДНИКЪ РОЖДЕСТВА ВЪ АВСТРАЛИИ.

Кто повѣритъ, что Рождество бываетъ среди лѣта? Когда солнце жжетъ при двадцати градусахъ въ тѣни, когда все въ природѣ жаждетъ прохлады, когда насѣкомые роями наполняютъ воздухъ, а тропическіе плоды и цвѣты украшаютъ всѣ окрестности, кто изъ европейцевъ можетъ вообразить, что настала праздничная пора Рождества. И, однакожъ, это всегда бываетъ въ Австраліи, гдѣ самый бѣдный празднуетъ Рождество, наѣдаясь вкусными вишнями и пиваясь лимонадомъ. Лавки закрываются, ходятъ въ церковь молиться, дѣлаютъ визиты друзьямъ, а главный шумный праздникъ бываетъ у золотопромышленниковъ. Все, что живетъ около розсыпей, собирается туда на праздникъ. Тамъ открытый лагерь на зеленыхъ лугахъ и ирруютъ во всю ночь, тамъ стрѣляютъ на воздухъ изъ тысячи ружей и пистолетовъ; поютъ, пляшутъ, кричатъ, а болѣе всего пьютъ вино, ромъ, бранди и доставляютъ себѣ такое шумное блаженство, какого вѣроятно нигдѣ нѣтъ въ просвѣщенномъ мірѣ. Эти праздники называются Digger. Кто на другое утро довольно крѣпко, чтобъ встать, тотъ получаетъ къ завтраку плаумъ-пуддингъ и идетъ въ поле стрѣлять подугаевъ. На розсыпяхъ нѣтъ ни церквей, ни богослуженія. Вотъ на примѣръ семейная картина тамошней жизни:

На сибѣ рѣки Букландъ, у полошвы сибговыхъ горъ, стоятъ нѣсколько хижинъ изъ темноцвѣтной глины, рѣзко отличающихся отъ здѣшней роскошной зелени; кругомъ густой лѣсъ. Рѣка составляетъ родъ просѣки и оба берега наполнены толпами золотопромышленниковъ, отнимающихъ у русла золотистое дно его. Три вмѣстѣ построенныя хижины составляютъ одно семейство, изъ отца и матери, дочери и четырехъ сыновей. Всѣ они въ нынѣшній праздникъ разодѣты, въ чистомъ бѣльѣ и занимаются на воздухѣ приготовленіемъ горшковъ и котловъ.

Это семейство можетъ служить образцомъ для изображенія всѣхъ прочихъ; они приобрѣли часть русла рѣки, которое какъ бы вымощено золотомъ, добываемымъ однакожъ большимъ трудомъ посредствомъ насосовъ и земляныхъ валовъ. Съ утра всѣ уже за работою. Мужчины стоятъ по грудь въ

водѣ, черпають песокъ со дна и добываютъ золото. Изъ воды выходятъ только для завтрака, обѣда и ужина; при каждомъ необходима бутылка водки, за которую платятъ огромную цѣну, часто равняющуюся половинѣ добычи.

Подлѣ этого семейства живетъ англійскій лейтенантъ, умиравшій прежде отъ голода. Увы, счастье вездѣ счастье! Этому бѣдняку и здѣсь не удалось. Всѣ говорятъ, что его участокъ рѣчки хорошъ, но что онъ и семейство его слишкомъ слабы для этой работы. Ихъ запруды безпрестанно прорываются; пребываніе въ водѣ развиваетъ въ нихъ лихорадки и семейство по-прежнему умираетъ съ-голоду.

Можно судить о здѣшнихъ цѣнахъ по слѣдующему счету, подавному на лоскуткѣ одному золотопромышленнику, у котораго въ одинъ день была свадьба и крещеніе,

Шесть бутылокъ портвейну	30	доллер.
— — — — — бренди	40	—
12 бутылокъ элю	21	—
12 фунтовъ сахару	4	—
4 фунта масла	6	—
10 фунтовъ картофелю	5	—
10 яблоковъ	4	—

Вся эта мелочь стоила около 20 фунтовъ и покупщикъ бросилъ деньги, не требуя сдачи.

Далѣе живетъ пасторъ здѣшней пустыни. У него, правда, нѣтъ ни церкви, ни паствы, но тѣмъ болѣе могъ онъ дѣлать добра между страдальцами, больными и умирающими. Этихъ дикарей, жадныхъ къ одному золоту, соединялъ онъ между собою связью любви и христіанской вѣры. Кто не вѣрилъ ему, не слушался, онъ не негодовалъ на того и продолжалъ всѣмъ проповѣдывать вѣру, надежду и любовь, и всѣ любили его и были благодарны. И теперь, богачъ, и бѣднякъ откладываютъ всѣ въ Австралію свою лепту на построеніе храма Божія, и всѣ надѣются, что къ будущему Рождеству онъ будетъ готовъ.

КОРОЛЕВСКАЯ ОХОТА ВЪ ДЕНЬ СВЯТАГО ГУБЕРТА.

Я намѣренъ сообщить вамъ нѣкоторыя подробности о королевской охотѣ, происходившей въ день св. Губерта, въ Гринвальдскомъ лѣсу, между Шарлоттенбургомъ и Потсдамомъ. Этою охотою, какъ всегда, управлялъ принцъ Карлъ. Въ ней участвовали принцы Вильгельмъ, Альбертъ и другіе, также королева и принцессы, ѣхавшія въ каретахъ. Всѣ члены охоты, числомъ въ этотъ день около 100, собрались на назначенномъ мѣстѣ, въ изящныхъ красныхъ костюмахъ, на превосходныхъ лошадяхъ, чистой породы, потому-что, какъ вамъ извѣстно, наши офицеры не только большіе любители, но вмѣстѣ съ тѣмъ и хорошіе знатоки.

Все вообще общество, дѣйствительные члены и гости, должны были собраться въ Гринвальдскомъ дворцѣ. Въ назначенный часъ весь королевскій кортежъ двинулся въ путь. Видъ былъ очарователенъ. Въ главѣ кортежа находились охотники съ собаками, сопровождаемые гвардейцами, имѣвшими, охотничьи рога, чтобы наполнять лѣсъ своею пріятною игрою. Потомъ прибылъ король, также въ охотничьемъ нарядѣ, прикрытомъ сверху, только для виду, потому-что погода, вначалѣ охоты хотя довольно хорошая, но пасмурная и сырая, совѣтовала его величеству надѣть сверхъ платья, съ большими красными отворотами кафтанъ. Онъ былъ подпоясанъ португесю, на которой висѣлъ ножъ, долженствовавшій нанести послѣдній ударъ животному—преимущество, исключительно принадлежащее на охотахъ святаго Губерта, по праву, его величеству. Позади его и принцессы слѣдовали члены охоты, сопровождаемые каретами королевы и принцессы, также другими экипажами двора и гостей.

Кортежъ отправился прямо на сборное мѣсто, откуда спущенъ былъ вепрь, четвертью часа ранѣе начала охоты. Я позабылъ-было сказать вамъ, что, наоборотъ того, какъ это происходитъ въ другихъ охотахъ, гдѣ вепрь дѣйствительно выгоняется изъ лѣса, въ день св. Губерта существуетъ обыкновеніе спускать кабана, впрочемъ не домашняго, но пойманнаго за нѣсколько дней прежде тететами.

Толпа собравшихся здѣсь зрителей, прибывшихъ изъ города, кто въ каретѣ или верхомъ, а кто пѣшкомъ, съ большимъ нетерпѣніемъ ждала начала охоты. Въ-теченіе 20 минутъ радостнаго ожиданія не слышно было въ лѣсу ничего болѣе, кромѣ лая собакъ, крика охотниковъ, топота и ржанія лошадей. Весь этотъ шумъ, пробѣгая и расходясь по лѣсу во все стороны, заставлялъ сердце биться отъ радости и удовольствія—удовольствія истиннаго и самаго пріятнаго, какое только удаётся чувствовать человѣку.

Вы видите, я говорю, если не какъ зватокъ, то, по-крайней-мѣрѣ, какъ любитель. Между-тѣмъ кареты королевы и принцессъ, слѣдуя указанію охотниковъ, переѣхали лѣсъ окольными дорогами, чтобы нагнать охоту и, благодаря опытности, или счастливому случаю, первыя прибыли на мѣсто, гдѣ находился вепрь въ ту самую минуту, когда при звукахъ охотничьихъ роговъ онъ былъ остановленъ на бѣгу. Это по-англійски называется *at bay*, по-французски *aux abois*, т. е. поставить его въ невозможность спастись. Обыкновеніе остававливать вепря на королевскихъ охотахъ довольно любопытно. Тому или тѣмъ, которые первые придутъ на мѣсто, гдѣ находится вепрь, изнуренный и усталый, представляется крайность (*aux abois*), т. е. когда онъ повернется противъ стаи собакъ и станетъ защищаться клыками, они должны сойти съ лошади и стараться укрыться подъ деревомъ, наблюдая оттуда за увертками вепря, такимъ образомъ, однакожь, чтобы можно было избѣгнуть его ярости, поворачиваясь кругомъ дерева до тѣхъ поръ, пока не придетъ король, которому, какъ я сказалъ уже, предоставляется честь, въ день святаго Губерта, убивать звѣря. На другихъ охотахъ эта честь предоставляется принцу Карлу.

Когда рѣшительный ударъ былъ нанесенъ, все члены охоты, прибывшіе въ этотъ промежутокъ времени, принцы, карета королевы и принцессъ окружили короля. Тогда принцъ Карлъ сошелъ съ лошади и роздалъ наличнымъ членамъ маленькія еловыя вѣтви, какъ знаки дѣйствительнаго участія ихъ въ настоящемъ празднествѣ. Въ это время раздается собакамъ часть пойманной добычи, что возбуждаетъ отвращеніе у тѣхъ дамъ,

которыя въ первый разъ присутствуютъ и одарены нервическимъ и чувствительнымъ характеромъ. Разрѣзываютъ животное, вынимаютъ изъ него внутренности, потомъ рубятъ ихъ на мелкіе кусочки и бросаютъ вокругъ вепря, которому, съ помощію палокъ, стараются придать положеніе, болѣе или менѣе похожее на медвѣдя, взлѣзающаго на дерево; принцъ Карлъ трубитъ подлѣ поднятаго такимъ образомъ кабана и собаки, спущенныя со своры, бросаются на вкусную добычу. Это происходитъ по-старинному. Если романисты, описывающіе подобнаго рода охоту, почерпаютъ свѣдѣнія изъ хорошихъ источниковъ, то такое обыкновеніе, какъ вамъ уже извѣстно, не есть простой случай. У большихъ вельможъ и у полудуховныхъ, полубоевыхъ начальствъ въ Бранденбургъ и Силезіи, раздача собакамъ части пойманной ими добычи происходитъ вечеромъ, по возвращеніи съ охоты, въ окружности дворцовъ и особенно на дворѣ при свѣтѣ факеловъ.

По окончаніи кормленія собакъ, они были опять собраны, исключая двухъ, павшихъ жертвою своего мужественнаго ожесточенія, или привязанности къ предмету, доставляющему публичное удовольствіе. Все общество кортежа возвратилось въ Грянвальдскій дворецъ, гдѣ ожидалъ его блестящій обѣдъ, приготовленный во многихъ смежныхъ комнатахъ. По этой причинѣ начались тосты за короля, который, по обыкновенію, признавался счастливѣйшимъ, искуснѣйшимъ; также за того, кто первый успѣлъ остановить вепря. Въ настоящемъ случаѣ эта честь предоставлена была г. Мейерингу. Потомъ слѣдовали другіе тосты; въ концѣ обѣда г. Шнейдеръ, наставникъ короля, произнесъ стихи объ охотѣ св. Губерта въ прошедшемъ году, своего сочиненія, многія строфы, которыхъ исполненныя юмора и остроумія, были приняты съ удовольствіемъ и рукоплесканіями.

Послѣ обѣда король, королева, принцы и принцессы возвратились въ городъ; за ними и члены охоты, кто верхомъ, а кто въ каретѣ.

Король былъ весьма доволенъ и веселъ. Королеву сопровождали невѣстка ея — принцесса Александра Мекленбургская и ѣхавшія въ отдѣльныхъ каретахъ принцессы Каролина Прусская и Фридерика Каролина, съ дочерью принца Альберта.

Во время охоты не случилось ничего особеннаго. Г. Фрейеръ, уже преклонныхъ лѣтъ, былъ однимъ изъ лучшихъ нашихъ кавалеровъ и сѣлся на лошадь очень живо, несмотря на то, что ушибъ себѣ ногу о бревно. Подъ другимъ кавалеромъ пала лошадь, но онъ, какъ человѣкъ разсудительный, не показывалъ, что съ нимъ случилось несчастіе. Вотъ и всѣ дурные примѣры и случаи этого дня.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

I.

ЛИТЕРАТУРА.

Дѣятельность русской журналистики въ первую треть 1856 года. — Новые журналы и толки по случаю ихъ появленія. — Возраженія противъ увеличенія числа журналовъ. — Отсутствіе литературныхъ партій. — Первые книжки. — «Собраніе иностранныхъ романовъ». — «Музыкально-Театральный Вѣстникъ». — «Живописная Русская Библіотека». — Измѣненія въ старыхъ журналахъ. — Лирической безпорядокъ статей. — Необходимость рубрикъ. — Общій видъ журналовъ. — Первые четыре книжки «Отечественныхъ Записокъ» — «Рыбная ловля» и г. *Майкова*. — Г. *Фетъ* и его переводъ одъ Горация. — «Ямбы» г. *Щербини*. — «Переписка» г. *Тургенева*. — «Послѣднее дѣйствіе Комедіи» г-жи *Крестовской*. — «Шлѣкъ у Шамяля» г. *Вердеревскаго*. — Серьезныя статьи «Отечественныхъ Записокъ». — Отсутствіе въ нихъ журналистики и недостаточность литературной критики. — «Современникъ» въ первой трети года. — Разказы графа *Л. Толстаго*. — «Рудинъ» повѣсть г. *Тургенева*. — Беллетристика и стихотворенія. — Статьи серьезные и критическія. — Біографія Мартынова, написанная г. *Колбасинымъ*. — «Библіотека для Чтенія» въ первомъ мѣсяцѣ. — Бѣдность замѣчательныхъ статей. — Стихотворенія — «Софья» г. *Мел*.

1856 годъ составитъ эпоху въ исторіи русской журналистики. Новая эра дала новую жизнь литературѣ; вмѣстѣ со многими другими учрежденіями, развилось и укрѣпилось народное просвѣщеніе. Монополія періодическихъ изданій прекратилась и

если прежде старые монополисты повторяли со вздохомъ стихи стараго писателя :

И наконецъ я зрю въ странѣ моей родной
Журналовъ тысячи, а книги ни одной, —

что заговорятъ они теперь, когда число этихъ изданій увеличилось *семью* и, вѣроятно, еще болѣе увеличится? Жалобы на журналы не новость въ нашей литературѣ. Рьяные издатели тощакъ листовъ не разъ старались увѣрить «почтеннѣйшую» публику, что толстыя ежемѣсячныя книжки периодическихъ изданій—вредъ и гибель для литературы. По счастью, публика никогда не слушала этихъ іереміадъ и повторяя извѣстные слова Мольера: *Vous êtes orfèvre, monsieur Josse*, предоставляла имъ оплакивать упадокъ вкуса и это мнимое паденіе литературы.

Есть еще разрядъ лицъ, жалующихся на распространеніе и преобладаніе въ литературѣ журналовъ, — это нѣкоторые книгопродавцы. Они говорятъ, что публика, подписываясь на журналы, почти вовсе не покупаетъ книгъ. На это мы можемъ отвѣчать книгопродавцамъ тоже словами Мольера : *tu l'as voulu Georges Dandin!* До тѣхъ поръ, пока книжная торговля заключалась не въ томъ только, чтобы брать книги на комиссію за двадцать пять и даже тридцать процентовъ, а въ томъ, чтобы покупать у авторовъ рукописи и издавать ихъ — книги выходили отдѣльно и покупались въ Россіи. Примѣръ нѣсколькихъ раззорившихся издателей ни сколько не опровергаетъ возможности существованія книжной торговли. Спекуляторы, потерпѣвшіе крушеніе на этомъ поприщѣ, забыли, что для изданія книгъ, кромѣ капитала, необходимо имѣть еще познанія въ литературѣ, эстетическій вкусъ и здравый смыслъ. Само собою разумѣется, что неостанетъ никакихъ средствъ, если мы будемъ издавать всѣ сѣропечатныя произведенія голодныхъ литературщиковъ или вѣрнѣе какому-нибудь литературному кулаку, пожалуй и даровитому, но выдающему въ литературѣ не пѣль, а средство — нажитья или по-крайней-мѣрѣ пожить хорошенько на счетъ довѣрчиваго амфитріона. Меценатъ не тѣмъ великъ, что кормилъ ужинами писателей вѣка Августа и платилъ ихъ долги: онъ распространялъ ихъ произведенія и давалъ авторамъ средства къ безбѣдному существованію, въ то же время давалъ имъ возможность посвящать больше времени служенію музамъ. Поэтому-то *Виргиліи* съ такимъ восторгомъ воспѣ-

валъ досугъ , доставленный ему Августомъ : Deus nobis haec otia fecit ! А когда цезарь хмурился отъ какого-нибудь рѣзкаго стиха Проперція или посланія Горація къ опальному патрицію, Меценатъ оправдывалъ увлеченія музы свободнымъ полетомъ мысли, прихотью воображенія , объясняя разницу между словомъ и дѣломъ , между желаніемъ и приведеніемъ его въ исполненіе, между теоретической утопией и практической дѣйствительностью. Онъ не заслонялъ отъ писателей солнца, а напротивъ , старался , чтобы лучи его согрѣвали и оживляли ихъ .

Русскіе писатели могли по-крайней-мѣрѣ , ожидать, чтобы капиталистъ , напечатавъ ихъ трудъ , подѣлился съ ними хоть барышемъ отъ этого труда. Но и эти умѣренные ожиданія оставались напрасны. Книгопродавецъ-издатель или вовсе не покупалъ произведенія , въ которое авторъ положилъ часть своего существованія , или приобретаая за безпѣнокъ трудъ многихъ лѣтъ , одинъ пользовался всеми выгодами чужаго труда. При такомъ состояніи коммерціи , очевидно, не могло процвѣтать книгодѣліе и авторы обратились къ издателямъ журналовъ , обязывавшимся поставить въ извѣстные сроки извѣстное число литературныхъ произведеній и вознаграждавшимъ авторовъ , если не въ той мѣрѣ , какую они получили бы при отдѣльномъ изданіи своего труда, то во всякомъ случаѣ по мѣрѣ средствъ журнала и извѣстности автора. Мудрено-ли послѣ этого , что книги у насъ такъ упали , а журналы такъ поднялись въ послѣдніе десять , пятнадцать лѣтъ. Много-ли можно насчитать хорошихъ сочиненій , вышедшихъ въ этотъ періодъ времени и которые были бы изданы книгопродавцами ? Что печатали эти лица , которые могли бы играть такую важную дѣятельную роль посредниковъ между авторами и публикою ? Сочинки , пѣсенники ; поваренныя и дѣтскія книжонки или плохія изданія старыхъ авторовъ , которые , скончавшись двадцать пять лѣтъ тому назадъ , не требовали вознагражденія за новое изданіе своихъ сочиненій. Стало-быть , въ упадкѣ книжной торговли книгопродавцы не должны обвинять никого , кромѣ самихъ себя , и видя увеличеніе журналовъ могутъ повторить въ утѣшеніе себѣ стихи князя Вяземскаго :

«Дай Богъ побольше журналовъ ! —
Плодять читателей они.

Гдѣ есть повѣтріе на чтеніе —
 Въ чести тамъ грамота, перо ;
 Гдѣ грамота — тамъ просвѣщеніе,
 Гдѣ просвѣщеніе — тамъ добро.»

Самымъ лучшимъ доказательствомъ потребности новыхъ журналовъ въ публикѣ служитъ то, что всѣ они имѣютъ читателей. Въ другихъ странахъ, гдѣ всѣ бросаются на новости, это бы ничего не доказывало, но наша публика, напротивъ, не слишкомъ довѣряетъ всему новому, и прежде чѣмъ принять участіе въ какомъ бы то ни было предпріятіи, — литературномъ или коммерческомъ, — ждетъ, чтобы оно установилось, обрисовалось вполне, чтобы ясно высказались всѣ его хорошія стороны. Поэтому въ нашей журналистикѣ нѣтъ ничего легче, какъ издавать даже довольно плохой журналъ, пользовавшійся нѣкоторое время расположеніемъ публики, и нѣтъ ничего труднѣе, какъ поднять даже хорошій журналъ, но по какимъ-нибудь обстоятельствамъ упавшій однажды въ ея мѣнѣи. Есть, впрочемъ, и въ настоящее время между читателями пессимисты, находящіе, что для новыхъ журналовъ неостанетъ читателей, — и что увеличеніе періодическихъ изданій такъ же бесполезно, какъ напри- мѣръ открытіе новыхъ театровъ въ такомъ городѣ, гдѣ зрители не наполняютъ и старыхъ. Будущее, конечно, лучше всего покажетъ, въ какой мѣрѣ вновь вышедшіе журналы были необходимы для публики, но еслибы даже они всѣ прекратились за неимѣніемъ читателей, и тогда это доказывало бы не бесполезность журналовъ, а только неумѣнье издавать ихъ, незнаніе, чего именно хочетъ публика и какой родъ чтенія она предпочитаетъ.

Гораздо важнѣе то опасеніе, что для множества возникшихъ уже и еще возникающихъ журналовъ у насъ неостанетъ не читателей, а писателей. Всѣ наши авторы извѣстны на перечесть, и ихъ не такъ много, чтобы статьями ихъ могли наполняться всѣ журналы. Мы говоримъ, конечно, о такихъ лицахъ, чьи имена извѣстны публикѣ, а не о темныхъ журнальныхъ кропателяхъ, извѣстныхъ только въ своемъ муравейникѣ. Къ тому же самыя дѣятельныя писатели наши, по свойству русской природы, если и пишутъ скоро, то все-таки довольно лѣнны и создаютъ не много, сравнительно, напри- мѣръ, съ дѣятельностью французскихъ писателей. Зато передъ послѣдними, рус-

скіе литераторы имѣютъ то преимущество, что не составляютъ между собою партій и помѣщаютъ свои статьи во всѣхъ журналахъ, сколько-нибудь пользующихся извѣстностью, понимая, что у каждаго журнала есть свои читатели и, слѣдовательно, въ каждомъ сословіи общества необходимо развивать любовь къ чтенію и литературѣ. Оттого-то назначеніе русскаго писателя такъ высоко и благородно, и онъ, даже при небольшомъ дарованіи, дѣлается распространителемъ просвѣщенія во всѣхъ слояхъ его соотечественниковъ, между-тѣмъ какъ, напримѣръ во Франціи, при множествѣ замѣчательныхъ талантовъ, мы видимъ самые печальные примѣры вліянія литературныхъ и журнальныхъ партій. Какой-нибудь корыстный спекуляторъ, разумѣется, изъ желанія поскорѣе нажиться, подряжаетъ за извѣстную цѣну, не всегда даже и выплачиваемую, извѣстныхъ литераторовъ поставлять ихъ произведенія единственно и исключительно въ его изданіе, и бѣдные писатели, закабаливъ себя въ одинъ журналъ, сдѣлавшись крѣпкими ему, становятся собственностью этого журнала, не смѣютъ ни думать, ни говорить, ни писать иначе, какъ въ его видахъ; раздѣляютъ его участь, падаютъ и возвышаются въ цѣнѣ вмѣстѣ съ журналомъ; добровольно исключивъ себя изъ общей семьи литераторовъ, дѣлаются не представителями литературы своего отечества, а кoterіей; не ревнителями просвѣщенія, а шайкой стакнувшихся спекуляторовъ; дѣйствуютъ не по вдохновенію, а изъ разчетовъ; не для славы своей и славы родины, а изъ барыша. Мы рады, что у насъ не можетъ быть такихъ журнальныхъ партій, какъ во Франціи, гдѣ, кромѣ политическихъ мнѣній, реалистъ въ вѣчной враждѣ съ фантазёромъ (*fantaisiste*) и съ послѣдователемъ школы здраваго смысла (*L'école du bon sens*, съ ея органомъ *Revue de Paris*); гдѣ сотрудникъ *Revue contemporaine* не смѣетъ напечатать ни строчки въ *Revue des deux mondes* изъ боязни, что хозяинъ учитаетъ его при раздѣлѣ дивиденда или притянетъ въ судъ, требуя неустойки по контракту. Какъ не радоваться, что подобныя литературные случаи невозможны въ Россіи! Собственно говоря, у насъ только двѣ партіи писателей: хорошіе и плохіе, молодые и устарѣлые, современные и отсталые, натуральные и ненатуральные.

Первыя книжки журналовъ! Первые толки о томъ, что въ нихъ есть, что будетъ, и чего нѣтъ; первыя надежды и ожиданія; очень часто первыя и далеко не послѣднія разочарованія!..

Сколько мыслей, какія ощущенія производятъ въ читателѣ, въ критикѣ, даже въ самомъ редакторѣ эти толстые, свѣжіе томы, еще прочитанные запахомъ сырой бумаги, еще дѣвственные, не разрѣзанные петербургскою рукою читателя, не отмѣченные на поляхъ неумолимымъ карандашомъ критика. Есть люди, которые находятъ особенное наслажденіе въ разрѣзываніи листовъ новой книги; другіе любятъ перелистывать еще неизвѣстныя имъ статьи, прочитывать здѣсь и тамъ по отдѣльной фразѣ, предвкушать такимъ образомъ ожидающее ихъ удовольствіе; есть и такіе, которые любятъ по одному оглавленію статей выводить свое заключеніе, предугадывать ихъ значеніе и содержаніе; одни читаютъ по немногу, съ толкомъ, съ чувствомъ, съ разстановкой, начиная со статей серьезныхъ, оканчивая самыми интересными; останавливаясь, разсуждая, критикуя; другіе садятся за книгу съ угрюмымъ видомъ, читаютъ ее молча, сурово, отъ доски до доски, какъ-будто это ихъ непрѣмная обязанность, за неисполненіе которой ихъ ожидаетъ вѣчно въ родѣ пріятнаго созерцанія живописныхъ видовъ Константинополя, съ высоты отлично выстроганнаго кола. Есть и такіе читатели, которые въ каждомъ листѣ, испещренномъ буквами, видятъ только ущербъ и невозвратную утрату прекрасной чистой бумаги.... Какіхъ читателей не бываетъ на бѣломъ свѣтѣ!...

Но къ какому бы разряду ни принадлежали они, не думаемъ, чтобы кто-нибудь изъ нихъ остался доволенъ первыми номерами новыхъ журналовъ, вышедшихъ въ Петербургѣ. (О московскихъ мы поговоримъ впоследствии, замѣтивъ теперь только, что ни *Русскій Вѣстникъ*, ни *Русская Бесѣда* не оправдали первыми номерами надеждъ читателей.) Изъ петербургскихъ журналовъ вышло прежде другихъ «Собраніе иностранныхъ романовъ, повѣстей и разсказовъ, въ переводѣ на русскій языкъ». Этому длинному и тяжелому названію вполне соотвѣтствовали тяжелый языкъ переводныхъ романовъ, хотя самые романы были занимательны. Подобное изданіе не лишнее въ нашей литературѣ и можетъ-быть полезно даже въ томъ отношеніи, что заставитъ наши толстые журналы отказаться отъ безконечныхъ переводовъ скучныхъ романовъ, тянувшихся иногда по нѣскольку лѣтъ, какъ «Ньюкомы» уже второй годъ продолжающіеся въ «Современникѣ» и «Библіотекѣ для Чтенія». «Собраніе» будетъ очень полезно, если станетъ въ двухъ-трехъ книжкахъ

помѣщать иностранный романъ, растянутый книжечкѣ на двѣнадцатъ въ другихъ журналахъ и въ-особенности если будетъ переводить его гладкимъ и легкимъ языкомъ, чего до-сихъ-поръ не замѣтно въ этомъ изданіи. Изъ еженедѣльныхъ журналовъ — полнѣе другихъ «Музыкально-Театральный Вѣстникъ». Нѣкоторыя статьи г. Сѣрова въ немъ весьма замѣчательны; но специальное изданіе по части музыки и театра — совершенно лишнее въ настоящее время, когда бѣольшая часть читающей публики чужда музыкальнаго образованія. Сверхъ-того въ немъ подвизаются разные неизвѣстные литературные ратоборцы, позволяющіе себѣ по временамъ отзываться съ пренебреженіемъ о періодическихъ изданіяхъ, давно уже извѣстныхъ публикѣ и пользующихся ея благосклонностью. «Молодой» журналъ, какъ онъ самъ себя называетъ, долженъ былъ бы помнитъ поговорку: «молодо-зелено» и пріобрѣсти прежде самъ вѣсъ во мнѣніи публики, чѣмъ отзываться тономъ нецеремонности о журналѣ, уже обозначившемъ свое направленіе.

«Сынъ Отечества» до-сихъ-поръ еще не обнаружилъ ничѣмъ своего отличительнаго характера. Литературная часть его, покамѣсть, нѣсколько слаба, и повѣсть въ родѣ той, гдѣ весьма не остроумно осмѣиваются женщины-писательницы, не приноситъ чести ни любезности, ни эстетическому вкусу автора, переѣхавшаго въ этотъ журналъ изъ «Библиотекѣ для Чтенія». Политика «Сына Отечества» состоитъ покамѣсть въ выпискахъ изъ Петербургскихъ Вѣдомостей и Сѣверной Пчелы. Замѣчательна въ «Сынѣ Отечества», его дешевизна, и мы были бы очень рады, если бы онъ удержался и имѣлъ много подписчиковъ. Это доказывало бы, что журналъ читаютъ и тѣ лица, которыя не имѣютъ возможности выписывать лучшее и болѣе дорогое изданіе.

Но кто читаетъ «Живописную Русскую Библиотеку» и кому нужно это изданіе? Этого мы рѣшительно не понимаемъ. Независимыя, безыменныя статьи, плохіе политпажи, взятые бѣольшею частью изъ плохаго парижскаго журнала «Musée des familles», рисунки безъ всякаго объясненія, статьи, которыя еще темнѣе рисунковъ; широкій, разгонистый шрифтъ на четырехъ жидкихъ листочкахъ, — и за все это страшно дорогая цѣна... Надо быть слишкомъ щедрымъ и невзыскательнымъ любителемъ литературы, чтобы читать подобное изданіе. Зато, какъ легко издавать его! Не нужно ни сотрудииковъ, ни особыхъ

хлопотъ : стоить выписать изъ-за границы старыя клише и оттиснуть ихъ въ своемъ журналѣ, прибавивъ къ рисункамъ нѣсколько разглагольствованій о томъ, о семъ, а больше ни о чемъ. Издатель этой весьма не живописной библіотеки, — г. К. Полевой, братъ даровитаго писателя Николая Алексѣевича Полеваго, такъ рано погибшаго для русской литературы.

Кромѣ названныхъ нами журналовъ, въ Петербургѣ вышелъ еще пятый журналъ, художественный, для юношества, печатающій прописи и транспаранты, и общается шестой—«Журналъ Охоты», издаваемый г. Галлеромъ, лицомъ совершенно невзвѣстнымъ въ литературѣ.

Если мы отъ этихъ новыхъ журналовъ перейдемъ къ старымъ, то найдемъ и между ними много новаго, конечно по наружному виду, потому-что во внутреннемъ содержаніи и въ своихъ программахъ они не могутъ измѣниться. Измѣненіе это не важно, и нельзя сказать, чтобъ было полезно : оно состоитъ въ томъ, что «Отечественныя Записки», а за ними и «Библіотека», вачали перемѣшивать статьи беллетрическаго содержанія съ учеными. Отъ этого наши журналы оглавленіями своихъ статей стали походить на иностранныя «Обозрѣнія». Больше всего на эти «Обозрѣнія» походить «Русскій Вѣстникъ», выходящій два раза въ мѣсяцъ, такъ же, какъ большая часть парижскихъ Revues. Не думаемъ, чтобы литература выиграла что-нибудь отъ этого смѣшенія серьезнаго съ легкимъ. Рубрики въ журналѣ — вовсе не лишнія, и отдѣльныя названія статей, даже въ «Смѣси», какъ это дѣлалось прежде во всѣхъ журналахъ, значительно облегчали процессъ отыскиванія статей. Желаніе подражать французскому фельетону, заставило редакціи придавать мелкимъ извѣстіямъ видъ фельетоновъ, отчего нисколько не увеличился интересъ этихъ извѣстій. и, сверхъ-того, такъ какъ онѣ всегда очень разнообразны и разнородны, то приходится обыкновенно сивать ихъ на живую нитку стереотипными фразами: «теперь поговоримъ о томъ-то», наконецъ перейдемъ къ тому-то»; «посмотримъ, что дѣлается тамъ-то». Этимъ литературнымъ винегретомъ редакціи достигли до того, что, напримѣръ, археологъ, отыскивающая въ «Смѣси» извѣстія о новыхъ открытіяхъ и попадающій только на извѣстія о новыхъ покражахъ, броситъ съ досадою книгу и не будетъ вовсе читать «Смѣси». Въ отдѣлѣ «Словесности и Наукъ», соединенныхъ весьма подозрительнымъ бракомъ, статьи, конечно, носятъ разныя названія; но

неужели редакция, например, «Отечественныхъ Записокъ», думаетъ, что напечатать послѣ «Переписки» г. Тургенева, «Современную Турцію» г. Березина, заставитъ этимъ, послѣ занимательнаго разсказа нашего даровитаго беллетриста, прочесть хотя и дѣльную, но тяжелую статью оріенталиста? Есть статьи, составляющія нѣчто среднее между беллетрическимъ и ученымъ произведеніемъ; таковы, напримеръ, путешествія, очерки исторіи литературы или статьи въ родѣ «Плѣвъ у Шамиля», правдивой повѣсти, разсказанной г. Вердеревскимъ, — и такія произведенія можно, пожалуй, причислять къ Словесности или Наукамъ, ad libitum, но чтобы въ «Современной Турціи» или «Библиографическихъ отрывкахъ» было что-нибудь литературное, — съ этимъ никакъ нельзя согласиться.

Кромѣ этихъ нововведеній, не замѣтно особыхъ переменъ въ нашихъ трехъ ежемѣсячныхъ изданіяхъ. Въ «Отечественныхъ Запискахъ» меньше скучныхъ, спеціальныхъ статей, и въ «Критикѣ» ихъ начинаютъ появляться разборы чисто-литературныхъ произведеній, а не юридическихъ и статистическихъ трактатовъ или обзоровъ ценнаго дѣла. Пора бы, наконецъ, «Отечественнымъ Запискамъ» обратить вниманіе на критику и оцѣнку замѣчательнѣйшихъ нашихъ произведеній и авторовъ, вспоминая, что преимущественно статьями этого рода журналъ приобрѣлъ себѣ почетную извѣстность. Не мѣшало бы ему быть строже въ выборѣ стихотвореній и не печатать такихъ, которымъ ни по какимъ литературнымъ причинамъ не слѣдовало бы являться въ печати. «Современникъ» гораздо меньше острится надъ литературой, меньше толкуетъ о Дюссо и голландскихъ рубашкахъ, хотя въ немъ не прошла еще страсть откапывать разные стишки и выдавать ихъ за произведенія Пушкина и Лермонтова. Сверхъ-того критическія статьи этого журнала сильно отзываются эстетическими теоріями г. Чернышевскаго, что, конечно, говоритъ не въ пользу литературныхъ мнѣній самого журнала, хотя какая-нибудь теорія въ критикѣ все же лучше, чѣмъ ровно никакой, какъ въ статьяхъ другаго критика «Современника» г. Анненкова, который излагаетъ свои мнѣнія до того туманнымъ, напыщеннымъ и неправильнымъ языкомъ, что редакция не мѣшало бы прилагать разгадки къ этимъ критическимъ ребусамъ. «Библиотека для Чтенія», повидимому старается излечиться отъ своей страсти къ

географин, не печатаетъ географическихъ словарей и повѣстей, и вообще столько любопытныхъ статей въ нынѣшнемъ году, что мы даже боимся: будетъ ли она въ состояніи исполнить всѣ свои обѣщанія. Слѣдовательно, всѣ измѣненія въ нашихъ журналахъ — въ нынѣшнемъ году — къ лучшему, и книжки ихъ за первую треть года лучше и занимательнѣе прошлогоднихъ книгъ за тѣ же мѣсяцы.

Если мы взглянемъ теперь на дѣятельность каждаго журнала порознь, то найдемъ во всѣхъ четырехъ книжкахъ каждаго изъ нихъ очень много любопытнаго и замѣчательнаго. Начнемъ съ «Отечественныхъ Записокъ».

Стихотворенія этого журнала болѣею частью очень слабы. Изъ большихъ помѣщена поэма г. Майкова — *Рыбная Ловля*, о которой необходимо поговорить поподробнѣе.

Рецензентъ «Современника» восторгается этими «превосходными» стихотвореніями г. Майкова, говоря, что «вѣрилъ въ г. Майкова даже тогда, когда талантъ этотъ нѣсколько удался «отъ истинныхъ условій творчества и когда поэтъ начиналъ «внушать опасеніе, чтобъ талантъ его, принявшій направленіе «ему несвойственное, не остановился въ своемъ развитіи». Послѣ этихъ уклончивыхъ дипломатическихъ фразъ, рецензентъ «душевно радуется, что теперь уже подобное опасеніе должно «назвать совершенно неосновательнымъ». Доказательствомъ, что талантъ г. Майкова растетъ и совершенствуется, по мнѣнію рецензента, служить «Рыбная ловля», «которую, безспорно, можно назвать лучшимъ произведеніемъ поэта». Доказывается это выпискою тридцати двухъ стиховъ, послѣ которыхъ сказано, что любое мѣсто во всей поэмѣ не уступитъ этимъ превосходнымъ отрывкамъ въ поэтическомъ достоинствѣ. Такова критика «Современника». Надо не имѣть вовсе поэтическаго такта, чтобы выписавъ два хорошія стихотворенія 1847 года, какъ это слѣлалъ «Современникъ», разбирая «Рыбную ловлю» рядомъ съ ними восхищаться этимъ тяжелымъ, неграціознымъ, дидактическимъ стихотвореніемъ, названнымъ поэмою въ слѣдствіе какой-то странной претензіи. Чтò за содержаніе выбралъ г. Майковъ предметомъ своихъ вѣснопѣній въ «Рыбной ловлѣ». Мы не говоримъ, чтобы нельзя было посвятить нѣсколько стиховъ ловлѣ рыбы, этому неголоволомному занятію. Но написать пѣлунопэму, въ которой только и говорится о томъ, какъ въ грязномъ озерѣ мужики ловятъ рыбу, — это доказываетъ, напротивъ, рѣшительное отсутст-

віе всякаго поетическаго чувства. Послѣ этого отчего не восхищаться *Садами Делия* и другими описательными поэмами французскихъ классиковъ? Но у Делия, при всей холодности стиха, стихъ этотъ по-крайней-мѣрѣ правиленъ, а у г. Майкова нѣтъ и этого достоинства. Такъ «Современникъ» восхищается слѣдующими выписанными имъ стихами:

«Какъ ярки горы тамъ при солнцѣ заходящемъ,
Какъ здѣсь, вблизи меня, съ своимъ шатромъ сквозящимъ,
Краснѣютъ темныхъ соснъ (т. е. сосенъ) сторукіе стволы.»

Не говоримъ уже о томъ, какъ вѣрны природѣ эти сторукіе стволы сосенъ съ сквозящимъ шатромъ. Но гдѣ прежняя гармонія майковскаго стиха во всѣхъ этихъ шипящихъ: *заходящемъ, сквозящемъ*; можно ли прочесть не поперхнувшись выраженіе *соснъ сторукіе стволы*? И подобныхъ стиховъ въ «Рыбной ловлѣ» множество. Современникъ цитируетъ стихъ съ *симъ*:

Есть напряженіе(?) въ сей людной тишинѣ.

Есть еще кромѣ этого и другіе *сим*; чуть ли нѣтъ и оныхъ; есть множество странныхъ выраженій: рыбакъ *шаритъ* въ глубинѣ, заря струится надъ головою; *гнутое* (вѣроятное гибкое) удище; я *напрягся*; дождь *защлепалъ* сильнѣе; лещъ названъ *чудовищемъ*, и проч. и проч. Наконецъ есть стихи, составленные дотога неправильно, что ихъ не объяснишь никакими комментаріями, напримѣръ:

«И только комары, облившіе мнѣ щеки,
Обудываютъ гнѣвъ на промахъ мой жестокій...»

или:

«Облей въ пути лицо росистою рябинкой»

или, наконецъ, послѣдніе стихи поэмы:

«Исполнюсь *моцью* я и *счастьемъ* той свободы,
Въ которой праотецъ народовъ *дни катя*,»
Въ сребристой старости былъ счастливъ, какъ дитя.

Это выраженіе *дни катя* прямо заимствовано у Василія Ки-

риловича Тредіаковского, внушившаго также и слѣдующіе два стиха:

• Искусства нашего непризнанную музу
И Грекъ не пріобщишь къ парнасскому союзу.

Не говоримъ уже о томъ, что это несправедливо, что муза, внушившая г. Майкову его «Рыбную ловлю», была извѣстна и грекамъ, что Опіанъ, греческій поэтъ изъ Аназарба, въ Киликіи, жившій во время Септимія Севера, написалъ огромную поэму подъ тѣмъ же названіемъ (Галиевтика) и поднесъ ее вмѣстѣ съ другою поэмою объ охотѣ (Кинегетика) императору и его сыну, Антонину Каракаллѣ, за что Септимій Северъ приказалъ выдать поэту по золотому статеру за стихъ, а стиховъ въ обѣихъ поэмахъ было до двадцати тысячъ и статеръ ходилъ около восемнадцати съ половиной рублей асс. — что составило весьма порядочную сумму.

Искренно желали бы мы, чтобы г. Майковъ заставилъ насъ переѣхать объ немъ мнѣніе, обратился на прежній, истинный путь поэта, далъ намъ случай узнать въ немъ прежняго Майкова, похвалить по старому его новые стихи.

Лучшимъ стихотвореніемъ г. Майкова въ послѣднее время былъ отрывокъ изъ поэмы «Земная комедія», посвященной памяти Пушкина. Приведемъ изъ него окончательные стихи, къ которымъ. «Живописная Русская Библіотека» г. К. Полеваго могла бы скорѣе сдѣлать политипажъ, чѣмъ къ еокритовой идилии, переведенной Мерзляковымъ:

• Надъ прахомъ генія свершать святую тризну
Народъ притекъ. Кто холмъ цвѣтами украшалъ,
Кто звучные стихи усопшаго читалъ,
Гдѣ радовался онъ и плакалъ за отчизну...
Но вдругъ среди толпы я крикъ ужасный внемлю,
То на-земь кинулся, какъ жердь сухой, старикъ.
Онъ корчился, кусалъ и рылъ ногтями землю
И пѣну ярости точилъ его языкъ.
Его никто не зналъ, но старшіе въ народѣ
Припомнили, что то былъ старый клеветникъ,
Изъ тѣхъ, чья ненависть и немощная злоба
Шли слѣдомъ за лѣвцомъ, не смогли и у гроба,
Дерзая самый судъ потомства презирать.

И вотъ поднявшись и бормоча безъ связи,
 На холмъ могильный сталъ видать онъ комья грязи.
 Народъ, схвативъ его, готовъ былъ растерзать —
 Но вождь мой удержалъ... «Вашъ гвѣвъ пѣвца обидить,
 Сказалъ стекайтесь какъ прежде совершать
 Поэту память здѣсь и гробъ его вѣнчать,
 А сей несчастный пусть живетъ и видитъ.»

Еще неудачнѣе помѣщенный въ двухъ книжкахъ «Отечественныхъ Записокъ» переводъ г. Фета *Одъ Горация*. Латинскій языкъ до того несовѣтъ, а русскій до того изломанъ, изнасилованъ въ этомъ переводѣ, что намъ рѣшительно жаль поэта, взявшагося за трудъ не по силамъ, не ознакомившагося предварительно ни съ духомъ гораціанскаго стиха, ни съ литературой переводовъ Горация. Не говоримъ уже о томъ, что самый стихъ г. Фета, неопредѣленный, неясный, рисующій ощущенія мимолетныя, неуловимыя, совершенно неспособенъ передать картинный, образный, сжатый стихъ Горация. Г. Фетъ только затемнилъ подлинникъ, передавъ его тяжелымъ, неуклюжимъ, неправильнымъ стихомъ. Мы не нашли рѣшительно ни одной оды, удовлетворительно переведенной и, напротивъ, много такихъ, которыхъ не пойметъ читатель: Вотъ, для примѣра, первая строка первой оды «къ Меценату»:

Maecenas, avis edite regibus
 O et praesidium et dulce decus meum.
 О Меценатъ, царей древнѣйшихъ порожденье,
 Мое сокровище, оплотъ и украшенье. (*Сокровище въ подлинникѣ нѣтъ.*)

Иному радостно, что олимпійскій прахъ
 Не трогая меты, на жаркихъ колесахъ
 Онъ можетъ подымать и пальмою надменной (*nobilis не значить надменный*),
 Возвышенъ до боговъ, властителей вселенной;
 Тому, коль вѣтренной квиритскою толпой,
 Онъ предназначенъ вновь для почести тройной, и проч.

Если мы выпишемъ противъ этого перевода текстъ подлинника, то увидимъ, что почти ни одинъ стихъ не переданъ вѣрно и правильно; переводчикъ не называетъ почти ни одного собственнаго имени въ этихъ первыхъ стихахъ: ни Аттала, ни Кипра, ни Миртоса, ни Икара, а другія имена измѣняетъ со-

вершенно произвольно; такъ, вмѣсто вина съ Массики, горы въ Кампаніи близъ Сипуэссы и Фалерна, г. Фетъ пишетъ: массійское вино. Но даже оставивъ въ сторонѣ вѣрность подлиннику, сравненіе, съ которымъ повело бы насъ слишкомъ далеко, спросимъ всякаго: можно ли писать такіе плохіе русскіе стихи, какъ приведенные нами выше или слѣдующіе, ниже, изъ той же самой оды:

«Одъ путь пробороздилъ кормиломъ черезъ воды...

Премногимъ нравится шумъ лагерный и *зыкъ*....

Меня жъ зеленый плющъ, премудраго награда

Равняетъ божествамъ. Меня лѣсовъ прохлада,

Да хоры легкихъ нимфъ и фавновъ при лунѣ

Возносятъ надъ толпой, доволъ по старинѣ

Эвтерпа флейту мнѣ звончатую даруетъ

И Полигимвія съ ней лиру согласуетъ.»

Такими тяжелыми стихами можно было переводить Горация развѣ только въ сумароковскія времена. Кромѣ-того, эти устарѣлыя, риторическія выраженія перемѣшаны съ самыми простонародными, какъ напримѣръ: *день-деньской*, *жила* вдохновенія, *хата*, *смотри-ко*, *хватъ* и проч. Далѣе, у него попадаютъ слѣдующіе стишки:

Ужъ подъ его рукой, *красящей* громами,

Трепещетъ древній Римъ;

Трепещетъ и народъ, чтобъ Циррину годину,

Исподвѣнную чудъ, опять не встрѣтилъ взоръ,

Тотъ вѣкъ, когда Протей погналъ свою скотину,

Смотреть вершины горъ.

или, въ III-ей одѣ:

Богиня Кипра твой да сохраняетъ путь,

Елены братія, блестящія свѣтила,

И самъ отецъ вѣтровъ, не позволяя дутьъ

Всѣмъ прочимъ, одному Япигѣ давши крыла.

или далѣе:

Ужъ строгая зима отъ вѣснихъ устъ слетѣла...

А я Агриппа малъ на это отъ природы:

Ни Пеллеида гнѣвъ жестокий не спюю ,
 Ни Одиссея бѣгъ двойкой черезъ воды ...
 И музы давшей мнѣ наѣвъ небоевой...
 На юношей въ бою острящихъ ногу свой....
 Щипанной всѣми себѣ увѣнчивать кудри оливой....
 Ты Регулъ, вы Скавры, ты Павлъ, расточавшій
 Великую душу мечамъ Кароагена....
 Тебя и съ главою косматой Дентата
 На бравную доблесть, равно и Камила
 Суровая бѣдность да отчая хата
 Полей породила....
 Супруга *пахучаю* жены....
 Споешь про любовь и Цирцеи *кристальной*....
 Ты дерева , о Варъ не сѣй до винограда,
 Гдѣ обошла Тибуръ Катильская ограда....
 Черезъ дикій ли Кавказъ до чуждыхъ нелюбивый....
 Гдѣ стыдъ и мѣра гдѣ печали *несравненной*
 По *милой* головѣ.....
 Виргилій, но тебѣ больнѣй онъ много кратъ....
 Другъ музъ, я отлаю тоску и страхъ печальный
 Мчатъ къ морю критскому бунтующимъ вѣтрамъ,
 И думать позабылъ: какого сѣверъ дальній
 Страшится мощнаго по хладнымъ берегамъ.

Но довольно. Мы привели на выдержку эти стихи изъ первыхъ одъ первой книги. Недостанетъ мѣста выписывать всѣ плохіе стихи. Неудачный трудъ г. Фета не заслуживаетъ уваженія ни въ какомъ отношеніи, и «Отечественныя Записки», напечатавъ его, сдѣлали такой же промахъ, какъ помѣстивъ вѣкогда на своихъ страницахъ переводъ Иліады г. Ордынскаго, маленько-мужицкимъ слогомъ.

За плохой выборъ стиховъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» насъ вполне вознаградили нѣкоторые *ямбы* г. Щербинны, напечатанные въ апрѣльской книжкѣ. Лучшій ямбъ «Къ поэту» съ эпиграфомъ изъ Пророка Ісаи: «Горе глаголющимъ лукавое доброе и доброе лукавое, полагающимъ тму свѣтъ и свѣтъ тму» (V—10). Не можемъ не выписать этого превосходнаго стихотворенія:

О поэтъ, ты совѣсть вѣка ,
 Лучшій сынъ земли родной,
 Цвѣтъ роскошный человѣка ,

Человѣкъ передовой.
 Больно знать, что въ наше время
 Пало сердце не одно,
 Что глубоко порчи сѣмя
 У людей вкоренено,
 Что не вѣдаемъ добра мы;
 Но поэтъ, болевѣй того —
 Злу исходятъ оиміамы
 Изъ кадила твоего.
 Лжи лукавой, но могучей
 И твоя летитъ хвала,
 Что надъ міромъ новой тучей,
 Скрывшей солнце налегла...
 О, когда и вдохновенье
 Тму сгущаетъ нашихъ дней (?),
 То не знаменье ль паденья
 Невозстаннаго людей?
 Въ прахъ спускаются презрѣнный
 Свѣта горяго столпы,
 И жрецы непосвященной,
 Многомощной толпы.
 Но, воспрянь! — Твою лампаду,
 Прежнимъ пламенемъ зажги,
 Упованье и отраду
 Въ ней намъ *свято* береги;
 Не склоняй къ кумирамъ слуха
 И по Богѣ поборай;
 Ихъ грѣхи противу духа
Паче всѣхъ грѣховъ карай.
 Да звучитъ твой стихъ обрванный,
 Правды Божіей набатъ
 Въ пробужденье мысли сонной,
 Въ кару жизни беззаконной
 На погибель всѣхъ неправдъ.

Въ этихъ прекрасныхъ звучащихъ стихахъ столько энергіи, мысли, благородства и истинной поэзіи, что мы посовѣтовали бы поучиться у г. Щербаны г. Майкову и всѣмъ слабѣющимъ и падающимъ поэтамъ.

Изъ прозаическихъ произведеній беллетристики въ «Отечественныхъ Запискахъ» первое мѣсто занимаютъ повѣсть г. Тургенева: «Переписка», и романъ г-жи Крестовской: «Послѣднее дѣй-

ствіе Комедіи». Въ повѣсти прекрасно развита въ немногихъ письмахъ мысль о случайности и даже о *напрасности* (если можно такъ выразиться) чувства любви. Въ романѣ приведена исторія одной изъ тысячи жертвъ провинціального ханжества и ложныхъ родственныхъ привязанностей и отношеній. Г-жа Крестовская оставила далеко за собою въ этомъ романѣ всѣхъ дамъ писательницъ въ нашей литературѣ. «Плѣнь у Шамиля» княгини Орбеліани и Чавчавадзе съ семействами, также очень любопытный разсказъ. Событіе, описанное въ немъ, до того занимательно, что интересу не вредитъ даже напыщенность слога г. Вердеревскаго, растянутасть и лишніа подробности, которыми онъ съ избыткомъ наполнилъ свое сказаніе. Недурень также святочный разсказъ Диккенса. «Исторія семи бѣдныхъ путниковъ» и начало новаго романа того же писателя «Крошка Дорритъ». Съ четвертой книжки начался опять занимательный романъ г. Григоровича: «Переселенцы», прекращавшійся на три мѣсяца. Напрасно только редакція начинаетъ помѣщать такіа сочиненія, которыа Богъ знаетъ когда будутъ окончены. Разсказъ солдата Журавлева, бывшаго въ плѣну у Турковъ, также не лишень занимательности.

Изъ серьезныхъ статей очень замѣчательны: «обзоръ послѣднихъ пяти томовъ исторіи Карамзина», написанный г. Соловьевымъ; «Любитель литературы Екатерининскихъ временъ», статья г. Пекарскаго, и продолженіе статьи г. Кудрявцева: «Дантъ его вѣкъ и жизнь». Изъ критическихъ статей назовемъ: «Взглядъ на русскую критику», Восточная Европа въ XVII вѣкѣ г. Соловьева и «О русскихъ народныхъ сказкахъ» г. Пыпина. Журналистики вовсе не было во всю треть года и этимъ журналъ самъ добровольно лишилъ себя отдѣла живаго, всегда интересующаго читателей гораздо болѣе, чѣмъ глубокомысленныа изслѣдованія о голеницахъ ярославскихъ. Даже въ «Библиографической хроникѣ» этого журнала преобладають разборы книгъ специальныхъ, а не литературныхъ. Намъ кажется, что «Отечественныа Записки» уже черезъ-чуръ стараются о сохраненіи серьезнаго и важнаго вида, забывая, что эти качества, весьма похвальныа въ извѣстной степени, очень удобно переходятъ въ педантизмъ и скуку.

Совершенно противоположнымъ свойствомъ грѣшить «Современникъ». Онъ уже до того *фривольнъ*, съ такой легкой точки зрѣнія смотритъ на литературу и искусство, такъ непостояненъ

въ своихъ убѣжденіяхъ—что не знаешь, чему больше удивляться, странности ли его литературныхъ мнѣній или долготерпѣннѣе его читателей, которыхъ не утомляетъ флюгероподобность этого журнала. Собственно литературный отдѣлъ этого журнала, впрочемъ, всегда богатъ и разнообразенъ. Въ первыхъ четырехъ книжкахъ помѣщены: «Севастополь въ августѣ 1855 года», прекрасный разсказъ графа Л. Толстаго, хотя и несоотвѣтствующій своему заглавію и не дающій не только полнаго, но даже общаго понятія о томъ, что происходило въ Севастополѣ въ этотъ страшный мѣсяцъ. Второй разсказъ того же автора: «Метель»—хорошенькая картинка, но безъ всякой мысли и содержанія. Повѣсть г. Тургенева «Рудинъ» заключающая въ себѣ мастерскія отдѣльныя сцены, въ цѣломъ не выдержана, и главное лице ея, самъ Рудинъ, оставленъ необъясненнымъ. Авторъ называетъ его «ненатуральнымъ энтузіастомъ» и оправдываетъ это свойство, хотя мы сильно сомнѣваемся въ возможности существованія подобнаго свойства и, во всякомъ случаѣ, не видимъ никакого проку въ энтузіазмѣ поддѣльномъ. Вообще авторъ старается повидимому оправдать или извинить своего героя, тогда какъ очень многіе поступки его весьма неблаговодны и нисколько не извинительны. Такъ онъ, говоря громкія фразы, занимаетъ у всѣхъ деньги à la Хлестаковъ, и не думаетъ отдавать ихъ; молодого помѣщика, пріютившаго Рудина, этотъ благодѣтельствованный герой осмѣиваетъ самымъ циническимъ образомъ.—и между тѣмъ авторъ говоритъ, что Рудина сгубила, заѣла фраза. Нѣтъ, не фраза сгубила его, а дурныя поступки, и назвать его «инвалидомъ мысли» не только совершенно несправедливо, но такое названіе нимало не оправдывается всею исторіею Рудина. Въ повѣсти г. Тургенева интересуется болѣе всего самъ авторъ, выказывающійся не только умнымъ человѣкомъ, но и поэтомъ. Въ какихъ стихахъ встрѣчается, напримѣръ, такая мастерская картина ночи, очерченная четырьмя строками: «Рудинъ пошелъ къ раскрытому окну. Душистая мгла лежала мягкой «пеленою надъ садомъ: дремотною свѣжестью дышали близкія «деревья. Звѣзды тихо теплились. Лѣтняя ночь и нѣжилась, и «нѣжила.»—Остальныя беллетристическія статьи «Современника», кромѣ интереснаго, но слишкомъ короткаго очерка г. Гончарова — «Острова Бонинъ Сима» — довольно слабы; повѣсть г. Григоровича «Пахарь»,—пысканная идиллія, въ которой русскіе

мужички уже слишком подрумянены и приглажены. Повѣсть г. Панаева «Провинціальный хлыщъ», произведеніе черезъ чуръ не объективное, наполненное обыкновенными лицами и предметами, которые такъ любитъ изображать этотъ авторъ: кутилами, трактирными героями, камелями, рысаками, попойками, шармеровскими фраками, англійскими проборами и т. п. Скажемъ заодно, что тѣ же самыя лица и предметы преобладаютъ и въ его замѣткахъ общественной жизни въ Петербургѣ. «Деревня и городъ», разсказъ г. Михайлова, едва ли не самая плохая и приторная вещь изъ всего, что написалъ этотъ плодовитый авторъ, котораго губить поспѣшность и необдуманность работы. Не лишены интереса разсказы солдатъ и матросовъ, участниковъ крымской войны, но г. Сокальскій напрасно передаетъ эти разсказы неправильнымъ и ломаннымъ языкомъ. Напрасно также «Современникъ» перепечаталъ изъ Московскаго Городскаго Листка quasi—комедію г. Островскаго «Семейная картина» и еще напрасяѣе не объяснилъ до сихъ поръ перѣшенный вопросъ о томъ, почему въ томъ же Московскомъ Листкѣ сцены изъ другой комедіи г. Островскаго «Несостоятельный должникъ» названной впоследствии «Свои люди, — сочтемся» подписаны были буквами Д. Г., то есть Дмитрій Горевъ, вмѣстѣ съ буквами А. О. (Александръ Островскій). Не понимаемъ также, отчего самъ г. Островскій до-сихъ-поръ такъ упорно молчитъ объ этомъ предметѣ, бросающемъ довольно странную тѣнь на литературную извѣстность автора столькихъ комедій изъ русскаго быта.

Лучшее изъ стихотвореній «Современника» принадлежитъ неизвѣстному поэту и написано въ концѣ XVII столѣтія, называется оно «Горе-злочастіе» и обогащаетъ нашу древнюю литературу однимъ изъ лучшихъ народныхъ произведеній. Г. Некрасову принадлежитъ также нѣсколько замѣчательныхъ стихотвореній: «Умолкни муза мести и печали», «Внимая ужасамъ войны», *Филантропъ*, поэма *Саша*, немножко растянутая и не совсемъ ясная и прекрасный разсказъ *Княгиня*, въ которомъ передана спокойными, но грустными стихами исторія одной знатной дамы, въ пожилыхъ лѣтахъ влюбившейся въ болтливаго французика и потомъ ограбленной и брошенной имъ. Графъ А. Толстой помѣтилъ также нѣсколько хорошихъ стихотвореній. Зато г. Фетъ, разсказавъ въ стихахъ извѣстный судъ Париса, близко подошелъ въ этой пьесѣ къ своимъ перево-

дамъ изъ Горація. Парисъ отдалъ Афродитѣ яблоко за ея красоту, но онъ былъ бы вѣроятно въ затрудненіи, еслибъ ему предстояло отдать предпочтеніе той изъ богинь, которая говоритъ стихами глаже и правильѣе. Аѳина выражается у г. Фета такъ:

.. . . . Не меня ли
Царицей красоты *глаза твои признали.*
Поднявъ румяный плодъ вручи его *ты той,*
Что въ правѣ изо всѣхъ владѣть твоей душой.»

Въ свою очередь Гера изъясняется такимъ образомъ:

«Съ румянцемъ вспыхнувшимъ мгновенно *вдоль ла-*
нить: (а не поперегъ?)
.. . . . какъ почиваетъ громъ
Въ небесной синевѣ безмолвной и глубокой,
Такъ *силою* свѣтитъ взоръ у Геры волоокой.
Божественная грудь *чиста какъ горній цѣпть,*
Пріемлетъ лишь того кто потрясаетъ свѣтъ.»

Одна Афродита выражается чище и проще, и вѣроятно потому ей и достается яблоко.

О туманной или пристрастной критикѣ «Современника» мы уже говорили. Изъ серьезныхъ статей назовемъ: Георгъ Краббъ г. *Дружинина*, немножко длинный, но интересный разборъ мало извѣстнаго англійскаго поэта; отрывокъ изъ исторіи Петра Великаго г. *Устрялова*; наконецъ прекрасная біографія Мартынова, переволчка греческихъ классиковъ, составленная г. *Колбасинымъ*. Признаемся, что до этой статьи мы мало знали трудолюбиваго, благороднаго, добраго и безкорыстнаго Мартынова: кромѣ перевода Гомера, Каллимаха, Софокла, Эзопа, Лонгина, Геродота, Пиндара и Анакреона, составившаго еще нѣсколько ботаническихъ словарей, ученыхъ пособій, прозковъ, кромѣ литературы, ревностно занимавшагося службой и не устававшаго всю жизнь дѣлать добро. Изъ статьи г. Колбасина, мы, между прочимъ, въ первый разъ узнали, что Мартыновъ писалъ и стихи, немного тяжелые даже и для того времени, но въ которыхъ мысли всегда благородны и хорошо выражены. Г. Колбасинъ приво-

дять слѣдующее стихотвореніе его «на правило Эпиктета», которое мы цитируемъ для образца нѣкоторымъ поэтамъ:

«Помилуй, мудрый Эпиктеть?
Ни хули, ни хвали ты учишь....
 Какъ можно въ точность наиримѣрь
 Твое исполнить наставленье,
 Когда претовкій лицемѣрь
 Снуеть на святости ученья;
 Когда подъячій строить домъ
 Вы пятьсотъ ли тысячь или двѣсти,
 А служить онъ секретаремъ
 Въ правленіи строгой правды, чести.
 Зачѣмъ мнѣ не сказать: нашъ царь
 И добръ, и кротокъ, и чудесенъ?...
 Не льсти царю въ глаза, или
 Молчи, когда онъ бичь народа.
 О, такъ! тогда ты не хвали,
 Глагола жди съ небесна свода.
 Взгляни на дутиковъ пѣвцовъ,
 Сихъ геніевъ вощанокрилыхъ,
 За щедрю дачу имъ вѣнцовъ
 Они ткутъ тмы стиховъ посылыхъ.»

Много хорошихъ стиховъ помѣщено и въ «Библіотекѣ для Чтенія». Лучшія изъ нихъ: «Человѣкъ» г. Бенедиктова, «Юднью» переводъ еокритовой идилліи, «Рыбаки» г. Мея и переводы Курочкина изъ Беранже. Не дурны переводы г. Крешева изъ Горация и во всякомъ случаѣ лучше переводовъ г. Фета. Зато отдѣлъ Словесности очень слабъ. Въ четырехъ книжкахъ все еще тянется безконечный и утомительно-скучный романъ г. Потѣхина «Крушинскій», произведеніе дѣтское и рутинное. Всѣ остальные повѣсти и рассказы точно также слабы. Мы исключимъ изъ нихъ только небольшой рассказъ г. Мен «Софья», полный вѣрно подмѣченного и хорошо анализированнаго чувства, хотя дѣло идетъ о дворовомъ человѣкѣ и горничной, вышедшей замужъ за стараго купца. Изъ серьезныхъ статей можемъ назвать только одинъ отрывокъ изъ исторіи Петра Великаго и «Дневникъ Русскаго въ Пекинѣ» г. Черепанова. Все остальное очень слабо. О критикѣ этого журнала не говоримъ: это сборъ какихъ

то странвыхъ мнѣній, противорѣчащихъ одно другому, хвалящихъ и оуждающихъ произведенія бездоказательно и не логично, хотя замѣтна вообще новая и живая дѣятельность, старающаяся пробудить «Библіотеку для Чтенія изъ того усыпленія, къ которому она постоянно склонялась до послѣднихъ годовъ.

II.

ИСКУССТВА.

ПЕТЕРБУРГСКІЕ ТЕАТРЫ ВЪ 1855 ГОДУ.

До какой степени достовѣрна статистика въ произведеніяхъ искусства. — Значеніе прошлаго театральнаго сезона. — ИТАЛЬЯНСКАЯ ОПЕРА: Г-жа Бозіо и Трубадуръ. — Мейерберъ и Сѣверная Звѣзда. — Г-жи Лотти и Марай. — Составъ итальянской труппы. — РУССКАЯ ОПЕРА: Г. Сетовъ. — Оперный репертуаръ. — Г-жи Леонова и Булохова. — БАЛЕТЪ: Черито и Армида. — Маркизанта и Мраморная красавица. — Жизель и г-жа Богданова. — Возобновленные балеты. — Корифейки и корде-балетъ. — ФРАНЦУЗСКАЯ ТРУППА: Статистика спектаклей. — Что такое любовь? — Полусвѣтъ. — Драмы и комедіи прошлаго сезона. — Псевдо-историческія произведенія. — Водевиль. — Я объдаю у моей матушки. — Значеніе французскихъ артистовъ. — НѢМЕЦКІЙ ТЕАТРЪ: Старыя піесы. — Дѣятельность нѣмецкой труппы. РУССКІЙ ТЕАТРЪ: Дебюты. — Піесы гг. Писемскаго, графа Сологуба, Островскаго, Потѣхина и Тургенева. — Разбойничьи и фантастическія драмы. — Плохіе водевилы. — Піесы, не имѣвшія успѣха. — Молодые актеры и надежды въ будущемъ.

Въ искусствѣ, какъ въ жизни, иногда бываетъ очень полезно остановиться и посмотреть, что мы сдѣлали, обратиться къ прошедшему и извлечь изъ него общій выводъ нашей дѣятельности. Годичные обзоры и отчеты существуютъ во всѣхъ отрасляхъ, во всѣхъ проявленіяхъ жизни административной, литературной, художественной, промышленной. Статистика сдѣлалась теперь едва-ли не главною частію всѣхъ наукъ, учреждений, событій. Вѣкъ нашъ едва-ли не болѣе поклоняется цифрѣ, чѣмъ факту.

И несмотря на это, статистическія данныя не меньше отвлеченныхъ умозаключеній могутъ ввести въ заблужденіе. Какъ ни положительны кажутся число, цифра, но и они часто могутъ вести къ ложнымъ выводамъ, если мы возьмемъ

эти числа отдѣльно, безо всякой связи съ рядомъ другихъ цифръ, изъ которыхъ они истекаютъ, или къ которымъ ведутъ. Иногда даже по цѣлой массѣ цифръ нельзя судить о значеніи какого-нибудь явленія, обусловливаемого не годичнымъ выводомъ, а результатомъ извѣстной эпохи. Собственно говоря: сама по себѣ отдѣльная цифра ровно ничего не доказываетъ и получаетъ значеніе только по сравненію съ другими такими же цифрами въ хронологическомъ порядкѣ, или въ ряду другихъ цифръ, опредѣляющихъ однородныя явленія. Поэтому не удивительно, что статистика, еще такъ не давно пользовавшаяся огромнымъ авторитетомъ, потеряла въ наше время большую часть своего значенія, и научный скептицизмъ коснулся и ее своимъ разрушительнымъ скальпелемъ, какъ многихъ другихъ отраслей знанія и вѣрованія.

Въ искусствѣ цифры играютъ еще менѣе важную роль, хотя безъ нихъ невозможно обойтись. Такъ, обзрѣвая прошлогоднюю дѣятельность нашихъ театровъ, мы бы очень ошиблись, еслибъ по числу представленій и зрителей, наполнявшихъ эти представленія, вздумали судить о степени значенія спектаклей въ художественномъ и литературномъ отношеніи. Тысячи обстоительствъ, которые статистика не можетъ принять въ расчетъ, обусловливаютъ это значеніе. Стоить только припомнить, какъ тяжелъ былъ для Россіи вообще прошлый годъ, чтобы понять, что онъ не могъ быть легокъ и для искусства.

Начать съ того, что 1855 театральный годъ продолжался только полгода: отъ 30 августа по 26 февраля 1856 года. Если изъ этого исключить дни, свободные отъ спектаклей, то результатъ годичной дѣятельности нашей труппы окажется еще меньше. Несмотря на трудное время, общій выводъ дѣятельности нѣкоторыхъ театровъ былъ весьма удовлетворителенъ, а между отдѣльными явленіями было много замѣчательнаго.

Первое мѣсто въ этомъ отношеніи принадлежитъ Большому Театру. Итальянская опера имѣла такой успѣхъ, какого мы давно не запомнимъ. Успѣху этому она обязана новой примдоннѣ и новой оперѣ; примдоннѣ еще болѣе чѣмъ оперѣ, потому что съ другою пѣвицею, эта опера легко могла не произвести такого эффекта. Успѣхъ этотъ для многихъ былъ даже совершенно неожиданный. Г-жа Бозіо вышла на сцену въ такой роли, гдѣ ей почти нечего было пѣть. Каватина втораго акта и квартетъ четвертаго не выкупаютъ незначительности

роли Джильды, въ *Риголетто*. Голосъ пѣвицы не поразилъ ни обширностью, ни силою; нѣкоторыя ноты были даже нѣсколь-ко глухи (voilées). Мягкость и задумчивость этого голоса были оценены въ первое представленіе немногими дилетантами. Масса публики была на сторонѣ г-жи Лотти, дебютировавшей прежде въ *Сивардъ* и подѣйствовавшей на зрителей своимъ огромнымъ голосомъ, къ сожалѣнію малообработаннымъ и недовольно гибкимъ, недостатками, объяснявшимися молодостью г-жи Лотти, ея недавнимъ вступленіемъ на сцену и тѣмъ, что она не пѣла въ Парижѣ, прекрасной школѣ пѣвцовъ, разлающей и утверждающей извѣстность и славу. Второе появленіе г-жи Бозіо въ *Пуританахъ* произвело еще больше впечатлѣнія на публику, но за этой оперой послѣдовалъ *донъ-Паскуале*, гдѣ примадонна была слабѣе, потому-что комическій родъ совершенно не шель къ ней, и роль Норины, несмотря на блистательную вокализацию пѣвицы, не прибавила ничего къ извѣстности г-жи Бозіо. Многие стали даже сомнѣваться, выходить ли она изъ разряда хорошихъ, но обыкновенныхъ примадоннъ, встрѣчающихся на каждой оперной сценѣ, когда, въ бенефисъ Дебассини, дана была новая опера Верді *Трубадуръ*.

Первые три акта *Трубадура* публика прослушала довольно равнодушно. Много было тутъ хорошихъ номеровъ, но много весьма-обыкновенныхъ, на которыхъ лежалъ отпечатокъ немного избитой вердѣевской фактуры. Новая опера была, конечно, выше *Сиварда*, въ которомъ много драматизма и мало музыки, но ниже *Риголетто*, въ которомъ композиторъ умѣлъ соединить превосходные нумера съ высокою драмою положенія. Привыкнувъ видѣть въ этихъ послѣднихъ операхъ Верді занимательные сюжеты, почерпнутые изъ Гюго и Шекспира, публика безо всякаго участія слѣдила за нелѣпымъ либретто *Трубадура*, гдѣ совершаются самыя неправдоподобныя событія и между прочимъ цыганка сжигаетъ *ошибкою* своего сына вмѣсто чужаго, украденнаго ею изъ мщенія. Вдругъ четвертый актъ изумилъ всѣхъ простотою, чувствомъ, драматизмомъ музыки, принявшей здѣсь даже совершенно особенный характеръ. Подобные неожиданные переходы были и прежде у Верді и къ числу ихъ принадлежитъ знаменитый третій актъ *Эрнани*, такъ рѣзко не похожій на второй и четвертый; но въ *Трубадуръ* впечатлѣніе послѣдняго акта было еще сильнѣе и

полнѣе. Это полное глубокаго чувства *Miserege*, дуэтъ между Леонорою и бѣднымъ узникомъ, поющимъ въ башнѣ, и тихій хоръ товарищей его злополучія съ глухимъ акомпаниментомъ колокола, дуэтъ и тріо въ тюрьмѣ, наконецъ послѣдніе, раздирающіе сердце стоны отравившейся Леоноры, потрясли публику электрически и она не переставала наполнять театръ во всѣ послѣдующія цѣвторыенія *Трубадура*, играннаго одиннадцать разъ, заставляя всякій разъ повторять *Miserege*, приходя въ восторгъ отъ оперы вообще и четвертаго акта въ-особенности. Удивила также въ этой оперѣ и г-жа де-Мерикъ, въ первый разъ явившаяся въ драматической роли старой мстительной цыганки и исполнившая ее весьма удовлетворительно. Г. Тамберликъ производилъ также большой эффектъ своимъ сильнымъ, энергическимъ голосомъ и двумя высокими грудными нотами въ аріи третьяго акта. Г. Дебассини почему-то постоянно выбрасывалъ свою баритонную арію, одинъ изъ лучшихъ номеровъ оперы, пѣтый имъ всего раза два. Но верхъ торжества принадлежалъ все-таки г-жѣ Бозіо, лучше и выше которой трудно вообразить себѣ что-нибудь въ трудной, патетической роли Леоноры.

Послѣ *Трубадура* г-жа Бозіо пѣла *Севильскаго-Цирюльника* и также имѣла въ немъ успѣхъ. Особенно въ двухъ вставныхъ номерахъ урока пѣнія она доказала, что можетъ выдѣлывать всѣ тѣ же удивительные фокусы вокализации, которыми отличались прежнія знаменитости съ птичьими нотами, неизмѣвшая за то ничего кромѣ этихъ птичьихъ нотъ, тогда-какъ главное достоинство голоса г-жи Бозіо — чувство и задушевность. Несмотря однакожъ на успѣхъ ея въ этомъ удивительномъ водевиль Россини, мы думаемъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми любителями музыки, что комическій родъ не вполне соответствуетъ дарованію г-жи Бозіо и что она напрасно является въ роляхъ подобвыхъ Розинѣ и Норпинѣ. Г. Дебассини, такъ отчетливо исполнившій роль *Риголетто*, былъ также не на своемъ мѣстѣ въ роли Фигаро, которая вовсе нейдетъ къ нему ни по характеру лица, ни по свойству самой партіи, написанной не въ его голосѣ.

Шестою и послѣднею оперою, въ которой явилась г-жа Бозіо, была знаменитая *Сѣверная Звѣзда*, столько превозносимая всеми европейскими журналами, но не имѣвшая у насъ боль-

шаго успѣха. Дѣйствительно, только отчаянные мейерберисты, или лица, не имѣющія своего убѣжденія, привыкшіе вѣрить нѣ-слово имени музыкальной знаменитости, *jugate in verba magistri*, восторгаются отъ этого произведенія, которое нельзя назвать иначе, какъ неудавшимся. Самою собою разумѣется, что Мейерберъ не могъ написать совершенно пустой вещи, что мѣстами и въ этой оперѣ мелькаютъ проблески его дарованія, но въ цѣломъ она производитъ самое печальное впечатлѣніе. Даже тяжело видѣть, какъ талантливый композиторъ, первый музыкантъ нашего времени, гоняется за оригинальностью, за вычурностью оркестровки, изысканностью музыкальныхъ фразъ, ложными и натянутыми эффектами, изо всѣхъ силъ ухищряется сдѣлать что-нибудь не такъ, какъ другіе; пусть будетъ это и не хорошо, но все-таки—не такъ, какъ у другихъ. Музыка, конечно, допускаетъ нововведенія, но необходимо, чтобы эти нововведенія согласовались съ законами гармоніи и здраваго смысла. Оперы пишутся для массы, для публики, и если она не хочетъ ломать голову надъ какой-нибудь алгебраической теоремой оперъ Вагнера, то нельзя требовать, чтобы она интересовалась попытками извлечь изъ инструментовъ несвойственные имъ звуки или сочетать эти звуки такъ, какъ до тѣхъ поръ ей не приходилось слышать. На сценѣ публика хочетъ видѣть музыкальную драму, жизнь, чувство, мысль и мелодію, а не разрѣшеніе музыкальныхъ задачъ, для которыхъ существуютъ симфоніи, сонаты, концерты и тому подобныя произведенія комнатной музыки, въ которыхъ ноты могутъ развѣ играть всякаго рода фуги и убивать время за разборомъ какой-нибудь дикой симфоніи,

«Непонятной для грубаго духа,

Недоступной для смертныхъ ушей».

Въ музыкѣ этого рода, сыгравъ нѣсколько сотенъ разъ какой-нибудь неудобосваримый пассажъ, можно наконецъ привыкнуть къ нему и найти его гениальнымъ, но на сценѣ композиторъ долженъ высказывать свои мысли ясно, а не музыкальными ребусами. Приближаясь въ своей Сѣверной Звѣздѣ къ будущей музыкѣ (какъ называютъ оперы Вагнера и современныхъ ему нѣмцевъ), Мейерберъ оправдываетъ этимъ слова умнаго макаронофада Россіи, утверждающаго, что истинная

музыка возникнетъ, когдана оперныхъ сценахъ Европы кончится шабашъ. Но кромѣ того, творецъ Роберта и Гвельфовъ своими музыкальными странностями дѣлаетъ еще то огромное зло, что доморощенные сочинители разныхъ ораторій, въ родѣ г. Лазарева, потерпѣвшаго такое блистательное и вполне заслуженное паденіе въ Москвѣ и Петербургѣ,—легко могутъ также назвать свою музыку *будущею*, и съ улыбкой сожалѣнія выслушивать сужденія современниковъ объ ихъ невозможныхъ ораторіяхъ.

Съверная Звѣзда нелѣпностью содержанія превосходитъ даже *Трубадура*, вычурностью музыки—все, что намъ приходилось слышать до-сихъ-поръ. Если въ *Осадѣ Генга* Мейерберъ приобѣгнулъ для вящшаго эффекта къ электрическому солнцу, катанью на конькахъ и подражанію высѣканія огня огнивомъ изъ кремня, то въ *Съверной Звѣздѣ* система звукоподражанія развита до крайнихъ предѣловъ. Г. Лаблашъ въ аріи втораго акта цѣлые четверть часа трещитъ какъ барабанъ, хоръ выдѣлываетъ и *бумъ!* и *зонъ!* и *планъ!* и *трамъ!* и, кажется, даже *тпру!* Маркитантки подражаютъ треску игральныхъ костей, чоканью стакановъ; г-жа Бозио подражаетъ переливамъ флейтъ, одинъ Мейерберъ никому не подражаетъ, и потому опера можетъ-быть очень-оригинальна, но нисколько не интересна; ухо едва успѣетъ уловить какую-нибудь мелодію, какъ она уже исчезаетъ въ хаосѣ какихъ-то дикихъ звуковъ. Дарованіе композитора замѣтно слабѣетъ въ этой оперѣ: изъ весьма эффектнаго положенія въ концѣ втораго акта, когда Эрикъ обращаетъ на путь истинный заговорщиковъ и заставляетъ ихъ идти на битву за отечество, Мейерберъ сдѣлалъ холодный финаль, на вовсе не музыкальную тему дессаускаго марша и думалъ достигнуть успѣха тѣмъ, что ввелъ въ дѣло четыре оркестра, играющіе четыре различныя мелодіи. Странная фантазія эта, конечно, не могла произвести никакого впечатлѣнія и осталась незамѣченной. Артисты дѣлали все, что могли, чтобы сдѣлать что-нибудь изъ оперы, но усилія ихъ не увѣнчались успѣхомъ, и публика ходила на шесть представленій этой оперы больше изъ любопытства, изъ желанія что-нибудь найти въ ней. Г. Дебассини очень-добросовѣстно сыгралъ неблагодарную роль Эрика, г. Лаблашъ былъ прекрасенъ въ роли дикаря Ранкитто и даже пѣлъ очень-много. Г-жа Бозио въ совершенствѣ исполнила тріо съ двумя флейтами, была очень

мила въ мужскомъ платѣ, очень эффектно давала пощечину Ранкитто, но вся эта музыка не оставила по себѣ никакого впечатлѣнія, и если Мейерберъ узнаеть о томъ, что въ нынѣшній сезонъ въ Петербургѣ его *Звѣзда* имѣла гораздо меньше успѣха, чѣмъ *Трубадуръ* Вердѣ, то самолюбію его, какъ говорятъ, весьма обширному, это нанесетъ жестокой ударъ. *A vox populi*—все-таки будетъ правъ.

Кромѣ *Сѣверной Звѣзды* даны были еще двѣ оперы Мейербера: *Робертъ*, лучшее его произведеніе въ мелодическомъ отношеніи и *Осада Генга*, въ которой прекрасные нумера перемѣшаны съ достаточнымъ количествомъ странностей и изысканностей. Въ *Осадѣ Генга*, г-жа де-Мерикъ, вѣроятно побуждаемая успѣхомъ своимъ въ *Трубадурѣ*, взяла на себя трудную роль Фидесъ, но исполнила ее слабѣе своихъ предшественницъ, потому-что необходимаго условія для выполненія этой роли — чувства, нѣтъ вовсе въ г-жѣ де-Мерикъ. *Осаду Генга* дали всего одинъ разъ, *Роберта* — три раза, но и онъ былъ исполненъ такъ слабо, что можно было бы и не давать его; въ-особенности г. Дидо, съ своимъ необработаннымъ, надорваннымъ голосомъ возбуждалъ въ роли Бертрама вовсе не чувство страха.

Изъ вердѣевскихъ оперъ, кромѣ *Трубадура*, *Риголетто* и *Сивада*, давали еще *Эрнани* и *Ломбардцевъ*. Двѣ послѣднія оперы были лучшими въ репертуарѣ г-жи Лотти. Она же пѣла во *Фрейшюцъ* и *Зорь*; послѣдняя опера въ-особенности уже нѣсколько лѣтъ сряду имѣетъ у насъ большой успѣхъ, несмотря на то, что главную роль въ ней исполняетъ г. Дидо. Изъ россиниевскихъ оперъ больше *Зоры* у насъ нравится одинъ *Карлъ Смѣлый*, исполняемый очень хорошо. Г. Марай, пѣвица весьма старательная и добросовѣстная, когда не берется за исполненіе такихъ трудныхъ партій какъ *Лучи* и *Адины* въ *Любовномъ Напиткѣ*, прекрасно исполняетъ партію Матильды. Названныя нами шестнадцать оперъ были играны 75 разъ: 63 спектакля для абонемента, 5 не въ число абонемента и 7 бенефисовъ: гг. *Дебассини*, участвовавшему въ этомъ сезонѣ въ одиннадцати операхъ, по неимѣнію другаго баритона; *Кальцолари*, тенору старательному, но не одаренному чувствомъ, и напрасно поющему такія партіи, какъ *Элгарда* въ *Лучи*, или *Эрнани*, отъ которыхъ требуется энергія; *Лотти*, пѣвицѣ, которой еще много надо учиться; *Марай*, *Лаблашу*, *Тамберлику*, который, къ сожалѣнію уже не возвратится къ

намъ, и г-жѣ *Бозио*, возвратившей намъ тѣ времена, когда на нашей сценѣ такъ удивительно цѣли Гарсія, Грѣзи и въ нѣкоторыхъ роляхъ—Фреццоллини.

Заговоривъ объ оперѣ, мы должны перейти теперь въ театръ-циркъ и сказать нѣсколько словъ о русской оперѣ, возрожденіе которой мы такъ радостно привѣтствовали въ прошломъ году. Когда, въ этомъ прекрасномъ театрѣ совершенно переделанномъ, явился полу-русскій пѣвецъ, г. Сетовъ, заранѣе прославленный журналами, мы ждали много отъ этого дебюта, и хотя ожиданія наши сбылись далеко не вполне, но по крайней-мѣрѣ въ прошломъ году положено начало русской оперѣ, и намъ пріятно вѣрить, что она разовьется съ теченіемъ времени. Болѣе всего мы должны быть благодарны г. Сетову за то, что его появленіе въ русской оперѣ вызвало къ новой дѣятельности прежнихъ нашихъ пѣвцовъ и пѣвицъ. Такъ г-жа Леонова, не пѣвшая ничего кромѣ русскихъ пѣсенъ, явилась вдругъ въ роли *Лукреціи Борджіи* и исполнила ее превосходно, какъ и можно было ожидать отъ нея средствъ. Г-жа Булохова также очень-старательно спѣла *Лучію* и *Соннамбулу*. Даже г. Булоховъ замѣтно развернулся и въ его пѣніи были замѣтны игра и увлеченіе. Ветераны нашей сцены: гг. Петровъ и Леоновъ, были тѣ же, какъ всегда: голосъ г. Петрова нисколько не уменьшился, а г. Леонова нисколько не улучшился. Первый также хорошъ въ *Жизни за Царя*, второй въ *Аскольдовой Могилѣ*. Что касается до г. Сетова, который больше хворалъ, чѣмъ пѣлъ въ этомъ сезонѣ, намъ остается только сожалѣть, что природа дала ему такое слабое здоровье. Трудно сосчитать, сколько разъ изъ-за него отказывались спектакли, и какъ ни неприятно было это для публики, но иногда она предпочла бы вовсе не слышать пѣвца, нежели видѣть, что, изъ угожденія ей, онъ старается пересилить свое нездоровье и поетъ плохо, совершенно больной и усталый. Такъ изъ девяти представленій *Лучіи* едва-ли въ двухъ г. Сетовъ былъ совершенно въ голосѣ; въ *Страделль*, игранный четыре раза и *Лукреціи Борджіи*, восемь разъ,—онъ былъ все нездоровъ, а три представленія *Соннамбулы* пѣлъ такъ, что самыя искренніе приверженцы его были имъ недовольны. Вѣроятно разстройство голоса г. Сетова происходило отъ непривычки его къ петербургскому климату, потому что, какъ артистъ, любящій свое искусство, онъ не позволяетъ себѣ никакихъ излишествъ и избѣ-

гаетъ того круга друзей, которые имѣютъ обыкновеніе захватывать и угощать пѣвцовъ на-пропалую.

Кромѣ названныхъ нами оперъ, въ прошломъ году даны были двѣ новыя: *Чародѣй*, музыка князя Вяземскаго, слишкомъ серьезная для пустаго сюжета, и *Глухой*, передѣлка старой комедіи, настоящій водевиль, въ которомъ больше каламбуровъ, чѣмъ музыки; обѣ онѣ были даны по девяти разъ и имѣли успѣхъ. Кромѣ того были играны: *Швейцарская хижина* Алана, *Любовный напитокъ* Довидзетти, *Цампа* Герольда и *Нюрнбергская кукла*, пустая опера Алана съ хорошенькимъ сюжетомъ, всего двѣнадцать оперъ, изъ которыхъ г. Сетовъ пѣлъ четыре итальянскія. Бенефисовъ было пять: гг. *Булохова*, *Петрова*, *Соколова* (режиссера), *Леонова* и *Сетова*. Кромѣ г. Сетова дебютировали еще *Львовъ* и г-жа *Редеръ*.

Вернемся опять на Большой театръ, къ нашему великолѣпному балету, который въ прошломъ сезонѣ достигъ апогея своей славы. Конечно, въ настоящее время въ цѣломъ мірѣ не могло быть ни на одной сценѣ такого соединенія талантовъ, какъ г-жи Черито и Богданова, не говоря уже о нашемъ кордебалетѣ, которому нѣтъ ничего подобнаго на всѣхъ театрахъ. Г-жа Черито—единственная европейская знаменитость послѣ Тальони и Эльслеръ, и Петербургъ давно ждалъ ее съ нетерпѣніемъ. Она заставила себя немножко подождать, явившись только 8-го ноября въ новомъ балетѣ г. Перро: *Армида*. Первое появленіе знаменитой танцовщицы удовлетворило однако же не вполне и не всѣхъ. Балетъ, несмотря на отдѣльныя, превосходныя картины и па, въ цѣломъ былъ длиненъ, довольно безтолковъ и скученъ; у самой Черито роль была не блестящая, танцевъ не много. Сюжетъ, взятый отчасти изъ Освобожденнаго Иерусалима, былъ не совсѣмъ ловко дополненъ изображеніемъ балетмейстера; крестonosцы играли довольно ничтожную роль въ этомъ балетѣ; лучшая роль принадлежала едва ли не Амуру, сыгранному такъ г-жею Муравьевой, воспитанницею театральнаго училища, что публика, не ожидавшая встрѣтить такое дарованіе въ молодой дебютанткѣ, по чувству патриотизма, обратила на нее чуть-ли не больше вниманія, чѣмъ на Черито. Отдали только полную справедливость удивительной граціозности итальянской танцовщицы, не напомиравшей однако же ея соотечественницѣ, Тальони, а подходившей скорѣе къ Фанни Эльслеръ пластичностью позъ и роскошью движеній. Не-

смотря на то, что въ-теченіе сезона балетъ данъ былъ четырнадцать разъ, онъ не очень нравился публикѣ. Лучше всего въ немъ — дождь втораго акта, цвѣты — третьяго и солнце — четвертаго.

Во второй разъ Черито явилась въ новомъ двухъ-актномъ балетѣ Сен-Леона *Маркитантка*. Балетмейстеръ не много потратилъ воображенія на созданіе этого балета. Содержаніе его весьма не сложно. Въ какую-то венгерскую или польскую деревню возвращается маркитантка. У нея есть женихъ *почтарь*, какъ говоритъ афиша, но нѣтъ денегъ, чтобы выдти за него замужъ. За нею волочатся въ то же время бургомистръ этой деревни и какой-то вельможа, остановившійся въ ней проѣздомъ. Она назначаетъ обоемъ имъ свиданіе ночью, выманиваетъ у одного часы, у другаго перстень, — подарки ихъ женъ, выкупаемые потомъ мужьями, увидѣвшими, что маркитантка только смѣялась надъ ними. Этой интриги мало даже на два акта, или, собственно говоря, на одинъ, потому-что занавѣсъ опускается въ балетѣ только для того, чтобы дать отдохнуть дѣйствующимъ лицамъ. Мы не видимъ даже причины, зачѣмъ въ героини такого нехитраго событія выбрана маркитантка. Такъ могла бы поступить всякая крестьянка; ктому же во всемъ балетѣ нѣтъ ничего воинственнаго, кромѣ первой сцены, въ которой г-жа Черито рассказываетъ танцуя, какъ она пошла водкой солдатъ и ходила за ранеными въ сраженіи. Впрочемъ и въ этомъ нѣтъ ничего особенно хорошаго и оно не произвело эффекта. Гораздо болѣе понравилось очень хорошенькое *pas d'action*, названное въ афишѣ: *le pas de l'inconstance*, прекрасно исполненное г-жею Черито съ гг. Перро, Петипа и Кшесинскимъ. Хорошо также большое па кордебалета *grand polka*, хотя могло бы быть немного покороче, и характерный венгерскій танецъ, исполненный г-жею Черито и Петипа. Новая роль маркитантки не прибавила ничего къ извѣстности танцовки, хотя она и явилась въ немъ въ новомъ, отчасти комическомъ родѣ. Балетъ давали шесть разъ.

Лучшій балетъ цѣлаго сезона, *Мраморная красавица*, въ которомъ Черито выказала все свое дарованіе, былъ данъ, къ сожалѣнію, передъ самою масляницею и игранъ всего пять разъ. А между-тѣмъ въ этомъ балетѣ Черито удивительно-хороша. Самая идея его довольно-счастлива: оживленная статуя, безъ сердца, которая по приговору судьбы должна снова превратитъ-

ся въ безжизненную глыбу мрамора, если полюбитъ кого-нибудь истинною любовью,—сюжетъ поэтической, хотя балетмейстеръ и заставилъ свою статую сначала кокетничать съ нѣмецкими крестьянами, потомъ съ испанскимъ королемъ и влюбиться наконецъ въ мавританскаго принца. Но во всѣхъ четырехъ актахъ балета у г-жи Черито столько танцевъ и она выполняетъ ихъ такъ хорошо, что только одинъ квасной патріотизмъ можетъ не восхищаться ею. На перваго дѣйствія, оживленія статуи, или такъ называемое *на пяти чувствъ*, передается г-жею Черито пластически и художнически-вѣрно. Когда въ статуѣ пробуждаются въ первый разъ и постепенно чувство слуха, зрѣнія, обонанія, осязанія и вкуса, когда по мраморной, неподвижной глыбѣ пробѣгаетъ жизнь, огонь, чувство,—зритель очень ясно понимаетъ все это, смотря на удивительную мимику Черито. Во второмъ актѣ цыганское на ея также особенно граціозно; въ третьемъ, *pas diabolique*, когда она въ видѣ злого духа женскаго пола сводитъ съ ума жениха одной крестьянки, до того роскошно, увлекательно, соблазнительно, что никакая Эльслеръ въ лучшую пору своего таланта, не могла бы выполнить его лучше. О Тальони не говоримъ, потому-что роль ея танцевъ была совершенно воздушный и выраженія земныхъ чувствъ выходили у нея очень холодны. Наконецъ испанское на, въ четвертомъ дѣйствіи, привело въ восторгъ зрителей и тѣ, кто не успѣлъ видѣть Черито въ этомъ балетѣ, не могутъ имѣть объ ней полнаго, настоящаго понятія.

Въ концѣ сезона, также неожиданно, явилась для Черито соперница, наша соотечественница, г-жа Богданова, учившаяся однакожъ въ Парижѣ и тамъ окончательно заслужившая извѣстность въ балетномъ мѣрѣ. Г-жа Богданова танцевала девять разъ въ одномъ старомъ балетѣ, *Жизель*, который все-таки лучше многихъ новыхъ, потому-что написанъ поэтомъ Теофиломъ Готье. Постоянный успѣхъ сопровождалъ эти лебюты и восторгъ публики доходилъ до крайнихъ предѣловъ. Дѣйствительно, г-жа Богданова очень замѣчательная танцовка и исполненіемъ такой трудной роли, какъ Жизель, доказала, что будетъ танцовкой первоклассною. Роль эта—пробный камень дарованія артистки; въ ней явилась первый разъ перель петербургскою публикою Фанни Эльслеръ и не имѣла далеко того успѣха, который ожидалъ ее въ послѣдующихъ балетахъ. Роль Жизели

распадается на двѣ совершенно противоположныя части: въ первомъ актѣ она простодушная крестьянка, слабая, нѣжная, страстно влюбленная въ танцы и въ своего обожателя, и умирающая отъ любви къ нему, когда узнаетъ, что онъ обманулъ ее и не можетъ жениться на ней, потому-что онъ не крестьянинъ, а герцогъ. Во второмъ дѣйствіи это существо фантастическое, воздушное, въ лунныя ночи порхающее надъ спящими озерами, танцующее въ дикихъ мѣстахъ и на болотахъ, увлекающее въ пропасть неосторожныхъ путниковъ, осмѣлившихся въ полночь придти на завѣтную поляну, гдѣ носятся виллисы въ фантастической пляскѣ. Сама Эльслеръ, неподражаемая въ первомъ актѣ этого балета, извлекавшая слезы у зрителей сценою ступамствія и смерти, во второмъ актѣ была не такъ легка и воздушна, какъ это требуется отъ виллисы. Г-жа Богданова была, напротивъ, прекрасна во второмъ актѣ; танцы перваго были сокращены для нея; исполнивъ очень отчетливо всѣ первыя сцены, полныя наивности, веселости и простоты, она была слаба въ сценѣ смерти и помѣшательства; это впрочемъ весьма понятно, если мы вспомнимъ, что г-жѣ Богдановой всего двадцать лѣтъ и что драматическое чувство не можетъ развиваться въ такіе молодые годы. Вообще въ г-жѣ Богдановой много жизни, граціи, искусства, даже силы, хотя есть также нѣсколько неграціозныхъ движеній и мѣстами видна французская жеманность, совершенно несвойственная русскому духу, отъ которой, впрочемъ, легко избавиться. Такъ, напримѣръ, превосходно округляя руки въ танцахъ (условіе весьма трудное въ хореграфическомъ отношеніи), она въ то же время постоянно соединяетъ большой палецъ съ среднимъ, можетъ-быть даже сама этого не замѣчая, отчего граціозный жестъ дѣлается манернымъ. Зато она привезла изъ Парижа и нѣсколько новыхъ позъ, между которыми въ-особенности замѣчательно откидываніе назадъ, во время прыжка, рукъ и ногъ, въ подражаніе полету—маневръ столько же трудный, какъ и живописный. Легкость въ г-жѣ Богдановой замѣчательная; но въ ней недостаетъ смѣлости въ томъ нѣ, когда Жизель, превратясь въ замогильное существо, виллису, описываетъ надъ землею кругъ быстрымъ движеніемъ, съ распростертыми руками и стоя на одной ногѣ. Это движеніе дѣлала гораздо лучше Люсиль Гранъ и въ-особенности г-жа Андреянова, изумлявшая быстротой и смѣлостью круга. Вообще хореграфическаго искусства въ г-жѣ Богдановой

менѣе, чѣмъ въ г-жѣ Ришаръ, а пластичностью позъ ей нельзя и равняться съ Черито, потому-что эта пластичность пріобрѣтается съ годами; зато въ ней столько жизни, одушевленія, молодости, что какъ-то легко и весело смотрѣть на эту милую стройную дѣвушку, которую ожидаетъ такая блестящая будущность, если ее не захвалятъ фанатическіе поклонники, или духъ спекуляцій не будетъ эксплуатировать ее въ цѣляхъ, не имѣющихъ ничего общаго съ искусствомъ.

Кромѣ новыхъ балетовъ и Жизели, балетная труппа наша возобновляла въ свои девять бенефисовъ (гг. Перо, Фредерика, Ришаръ, Марсель, Петипа, Гюге, Югансона, Теллы и Черито) еще нѣсколько балетовъ вполнѣ или по частямъ. Такъ мы видѣли въ прошломъ сезонѣ едва-ли не лучшей балетъ г. Перо: *Фаустъ*, въ которомъ очень не дурна г-жа Телла, танцовка страстная, но не граціозная, къ-сожалѣнію оставившая нашу сцену; *Маркоболбу*, маленькій комическій балетъ, довольно забавный; *Мечту художника*, граціозную картинку, такъ живо напоминающую Эльслеръ; *Тицетную предосторожность*—балетъ, которому чуть не сто лѣтъ, торжество той же Эльслеръ и въ которомъ теперь очень мила г-жа Прихунова; *Пахиту*, балетъ, безъ особыхъ затѣй, но въ которомъ есть прекрасные пѣ; наконецъ отдѣльные акты изъ *Гитаны*, *Пери*, *Наяды*, *Своенравной жены*, *Катарины* и *Газельды*. Въ послѣднемъ балетѣ танцевала и г-жа Черито, участвовавшая сверхъ-того въ нѣсколькихъ дивертисментахъ, игранныхъ въ бенефисы балетныхъ артистовъ. Между-прочимъ, въ бенефисъ г. Петипа, она танцевала стирійскій танецъ, который не произвелъ на насъ сильнаго впечатлѣнія, потому-что мы живо помнимъ еще Фавни Эльслеръ въ этомъ пѣ. Изъ молодыхъ нашихъ корифеекъ очень хороши были въ этихъ шестнадцати балетахъ: г-жа *Муравьева*, въ роли Амура и *Пери*, въ балетѣ того же имени; такой легкой, воздушной, граціозной *Пери* мы не видали еще на сценѣ нашего театра, что не мѣшало намъ однакожъ вспомнить съ благодарностью о г-жѣ Андреевской, исполнявшей нѣкогда эту роль съ большимъ искусствомъ. Бывшая артистка конечно порадовалась тому, что у нее есть такія преемницы. Г-жа *Прихунова* прекрасно исполнила роль жены корзищика въ балетѣ *Своенравная жена*, Лизу (въ *Тицетной предосторожности*) и кромѣ того нѣсколько отдѣльныхъ пѣ, между которыми мы запомнили увлекательную тарантеллу, въ бенефисъ Петипа. Г-жа Ри-

шаръ, не имѣющая соперницъ въ хореграфическомъ отношеніи, играла роли въ Гитанѣ и Жизели, въ послѣднемъ балетѣ до прибытія г-жи Богдановой; г-жа *Петина* (бывшая *Суровщикова*), отличающаяся въ испанскихъ и характерныхъ танцахъ, хорошо сыграла роль графини въ *Своеправной женѣ*; г-жа *Радица*, за болѣзнію Черито, сыграла однажды роль Армиды, — замѣчательная рѣшимость; вполне увѣнчавшаяся успѣхомъ; г-жа *Рюхина* очень живо исполнила роль крестьянки Берты въ балетѣ *Мраморная красавица*; остальныхъ не называемъ, потому — что пришлось бы перечислить всѣхъ корифеевъ нашего кордебалета, равнаго которому, безъ сомнѣнія, не найти въ цѣломъ мірѣ. О богатствѣ декораций, костюмовъ и вообще всей балетной монтаровки также излишне было бы упоминать; въ этомъ отношеніи мы можемъ смѣло соперничать съ театрами цѣлой Европы.

Съ Большаго театра перейдемъ на Михайловскій. Дѣятельность нашей французской труппы была изумительна. Меньше чѣмъ въ полгода, играя три и четыре раза въ недѣлю, эта труппа дала сто-шесть спектаклей (77 абонементныхъ, 11 не въ число абонементна и 18 бенефисовъ), выродолженій которыхъ поставила 74 новыхъ пьесы, только шестнадцатью меньше, чѣмъ въ полномъ 1854 году. — Изъ пьесъ этихъ, конечно, не многія сохраняются въ репертуарѣ, но въ этомъ виновата не наша труппа, всегда исполняющая самымъ добросовѣстнымъ образомъ самыя вздорныя пьесы, а упадокъ драматической литературы во Франціи, откуда наша сцена беретъ произведенія. Мы уже замѣчали, что главный и любимый сюжетъ французскихъ современныхъ пьесъ — брачныя невзгоды, ссоры мужей съ женами, обманутыя жены, обманутые мужья, дѣти неизвѣстнаго кому принадлежащія, отыскивающія своихъ родителей, или родители, скрывающіе своихъ дѣтей, явившихся на свѣтъ не согласно съ уставами кодекса. Обиліе такихъ сюжетовъ и въ нынѣшнемъ сезонѣ было весьма замѣчательно, но и тутъ, если бы мы захотѣли заключить по статистическому выводу о достоинствѣ пьесъ, сдѣлали бы большую ошибку. Чаше всего, именно двадцать разъ, давали пустую оперетку: *Что такое любовь?* (*L'amour qu'est-ce c'est que ça?*), основанная на самомъ неправдоподобномъ незнаніи взрослого парня-мельника и его работницы — что такое любовь? — оперетка эта имѣла громадный успѣхъ отъ превосходной игры г-жи Мила и Мейеръ

(молодой мельникъ). Живая, веселая, недлинная, съ легкой музыкой, оперетка эта давалась часто послѣ сухихъ драмъ и—говоря высокимъ слогомъ—срывала улыбку съ устъ, искаженныхъ зѣвотою. Поэтому, не основываясь на числѣ спектаклей, очень часто случайномъ и ничего не доказывающемъ, скажемъ нѣскольکو словъ о новыхъ пьесахъ прошлаго сезона, начиная съ драмъ и комедій.

Лучшею пьесою этого сезона была комедія Дюма-сына *Полусвѣтъ*, *Demi-Monde*, вѣрная и эффектная картина одной части парижскаго общества, живущей темными средствами, двусмысленными доходами, отличающаяся ложнымъ блескомъ, ложнымъ чувствомъ, ложными добродѣтелями. Дюма превосходно обрисовалъ этотъ полу-свѣтъ, наводвляющій понемногу и другія столицы Европы. Г-жа Солье, дебютантка, была хороша въ роли представительницы этого полу, свѣта, интригантки, баронессы д'Анжъ, хотя немножко холодна, — недостатокъ общій всѣмъ ея ролямъ. Пьеса прекрасно написана и разыграна съ рѣдкимъ ансамблемъ.

Почти въ такомъ же родѣ задуманы и составлены драмы: *Парижане времяя упадка* (*Les Parisiens de la décadence*) и *Хищныя птицы* (*Les oiseaux de proie*). Въ первой пьесѣ прекрасно выставлены всѣ пороки парижанъ нашего времени: эгоизмъ, жадность къ деньгамъ, пролажничество, плутни; во второй — мошенники, бросающіеся на богатаго провинціала, пріѣзжающаго въ Парижъ, какъ хищныя птицы на вѣрную добычу; въ-особенности хорошъ типъ венгерскаго или итальянскаго изгнанника, выдающаго себя за политическую жертву, объѣдающаго и обнивающаго своихъ пріятелей въ счетъ будущихъ доходовъ, которые онъ получитъ съ своихъ воображаемыхъ земель, и типъ сердобольнаго господина, посвящающаго свои услуги и старанія хѣжденію за безнадѣжными одинокими больвыми, которые не забываютъ въ завѣщаніи того, кто усладилъ ихъ послѣднія минуты.

Двѣ комедіи: *Золоченый поясъ* (*Ceinture dorée*) Емиля Ожье и *Опасность въ семейномъ быту* (*Peril en la demeure*), Октава Фелье, не имѣли большаго успѣха, хотя и принадлежатъ лучшимъ драматическимъ писателямъ Франціи. Мысль первой пьесы очень стара. Дочь богатаго банкира хочетъ, чтобы ее любили для нея самой, а не изъ-за трехъ миліоновъ приданаго; но, по несчастью, единственный человѣкъ котораго она любитъ, от-

казывается отъ ея руки, потому-что отецъ дѣвушки нажилъ состояніе довольно сомнительными биржевыми спекуляціями. Свадьба впрочемъ устраивается оттого, что банкиръ теряетъ состояніе вслѣдствіе упадка фондовъ на биржѣ, купленныхъ имъ въ огромномъ количествѣ, въ надеждѣ на возвышеніе курса. Все это не ново и очень длинно, хотя прекрасно написано. Самое заглавіе второй пьесы показываетъ, какого рода опасность можетъ быть для мужа въ его семейной жизни.

Комедія въ стихахъ, и весьма не дурныхъ—*Школа барановъ* (*L'école des agneaux*) написана по-крайней-мѣрѣ не на избитую тему: что въ свѣтѣ выгоды быть мясникомъ, чѣмъ бараномъ, злымъ чѣмъ добрымъ. Одному издателью сатирическаго журнала *Le serpent* всѣ угрожаютъ и льстятъ, боясь его насмѣшекъ и, чтобъ заслужить его благорасположеніе, отнимаютъ у другаго, добраго и тихаго человѣка, даже невѣсту. Но злой насмѣшникъ оказывается въ концѣ пьесы совершеннымъ добрякомъ, только притворявшимся всесвѣтнымъ зопломъ для того, чтобы его боялись. Притвориться такимъ образомъ очень трудно, и въ жизни гораздо чаще встрѣчаешь злыхъ людей, притворяющихся добрыми, нежели на оборотъ.—Длинная и скучная комедія; *Дайте бѣднымъ!* (*Donnez aux pauvres!*) не имѣла никакого успѣха.

Странную пьесу составили Барьеръ и Бопланъ изъ романа Бальзака *Лилия въ долинь* (*Le Lys dans la vallée*). Чисто психологическій этюдъ этотъ съ однимъ изъ лучшихъ типовъ бальзаковскихъ женщинъ, графиней Морсо, женою капризнаго, раздражительнаго, стараго эгоиста, мучающаго бѣдную женщину невыносимымъ обращеніемъ съ нею, на сценѣ вышелъ довольно блѣденъ и не развитъ. Въ сжатой драмѣ нельзя было передать всѣхъ оттѣнковъ страданій, испытываемыхъ графиней и рассказанныхъ знаменитымъ романистомъ съ необыкновеннымъ знаніемъ человѣческаго сердца. Исторія любви графини къ молодому Ванденесу, любви, не богатой катастрофами, заглавной въ сердцѣ, подавленной обстоятельствами—на сценѣ не могла возбудить большаго участія.—Довольно тонкая любовь одной артистки къ человѣку, обманывающему ее, составляетъ основу комедіи Альфреда Мюссе-Беттина (*Bettine*) и также не произвела никакого впечатлѣнія, потому-что въ пьесахъ невозможно психическое развитіе такого тонкаго чувства, какъ любовь съ ея безчисленными оттѣнками. Пьесы, основанныя

на этомъ чувствѣ, будутъ имѣть успѣхъ, когда вмѣсто внутренняго анализа, авторъ употребить все стараніе, чтобы сдѣлать занимательными внѣшнія событія, какъ бы они ни были неправдоподобны. И такого успѣха достигъ пресловутый Скрибъ въ своей комедіи *Д'Аранда или великія страсти* (*D'Aranda ou les grandes passions*), фокусъ драматическаго искусства, въ которомъ главное лице д'Аранда вовсе не является на сцену. Такимъ же тонкимъ чувствомъ полна старинная комедія Седена *Философъ самъ не зная того* (*Le philosophe sans le savoir*). Только чувство это не любовь, а долгъ, обязанность. Главная мысль комедіи состоитъ въ томъ, что человѣкъ, исполняющій гражданскія обязанности, не долженъ оставлять ихъ ни на минуту, даже въ то время, когда его постигаетъ личное семейное горе. Такихъ людей въ прошломъ вѣкѣ называли философами, въ наше время называютъ только строгими исполнителями своего долга.

— Въ послѣднее время, во французской литературѣ распространился родъ драмъ, которыя нельзя назвать иначе, какъ псевдо-историческими; въ драмахъ этихъ дѣйствуютъ лица, съ именами, извѣстными въ исторіи, основаніемъ драмъ берется какое-нибудь дѣйствительное событіе, но къ достиженію этого событія лица приводятся такими путями, въ которыхъ нѣтъ не только ничего историческаго, но даже ничего правдоподобнаго; у лицъ этихъ историческаго только одни имена ихъ, а поступаютъ, чувствуютъ и мыслятъ они согласно съ фантазіей автора. Къ такимъ драмамъ принадлежатъ: *Кто будетъ королевой?* (*Le gateau des reines*), *Графъ де Лаверни* (*Le comte de Lavernie*) и *Флорентинка* (*La Florentine*). Первая пьеса, написанная прекраснымъ языкомъ и принадлежащая Леону Гозлану, еще довольно церемонно обходится съ исторіей, и передавая придворныя интриги, бывшія при женитьбѣ Людовика XV на Маріи Лещинской, не слишкомъ искажаетъ лица королевы, ея отца, польскаго короля Станислава, герцога Бурбонскаго и маркизы де-При; вторая, написанная Огюстомъ Маре, компанейщикомъ Дюма-отца въ его подрадахъ на поставку романовъ коммерческой литературы—уже гораздо плоше. Людовикъ XIV, маркиза Ментенонъ и Лувуа являются у него какими-то маріонетками, которыми двигаетъ только рука автора, а не историческія или хотя бы человѣческія побужденія. Третья драма какого-то начинающаго драматурга—нельзя даже въ сценическомъ отно-

шеніи и передаетъ исторію казни извѣстной маршалши д'Анкръ. Публика предпочла всѣмъ этимъ мнимо-историческимъ піесамъ исторію сантиментальную, но не лишенную чувства и интереса драму *Дѣтскій Докторъ* (Le medecin des enfants), часто ходила смотрѣть ее и даже много плакала, хотя неизбежное обманываніе мужей и въ этой драмѣ свирѣпствуетъ во всей силѣ.

Въ піесѣ *Капитанъ-Шарлотта* (Le capitaine Charlotte) на сценѣ тоже португальская королева и ея обожатель, но эта піеса съ первыхъ сценъ показываетъ такое явное пренебреженіе къ исторіи и хлопочетъ только о томъ, чтобъ насмѣшить. Поэтому отъ нее и не требуешь ничего, кромѣ того, чтобъ было смѣшно. Смѣшить также комедія покойной г-жи Жирарденъ, *Шляпа часовщика* (Le chapeau d'un horloger). Но отъ этой даровитой писательницы мы вправѣ были требовать чего-нибудь получше этого пустаго фарса. Конечно, другая крайность: бездна терзаній, страданій, ревности, несчастій, которыми полна драма *Графиня Сеннесе* (La comtesse de Sennecey)—также очень скучна, но отъ Баяра и Деннери литература и не вправѣ требовать того, что могла создать г-жа Жирарденъ.

Странную исторію, и еще стихами, рассказалъ намъ г. Курнье въ драмѣ *Сомнѣніе и Вѣра* (Le doute et la croyance). Довѣрчивому итальянскому поэту, вѣрящему въ чистоту своей возлюбленной, открываетъ глаза его братъ, и злосчастная итальянка, отвергнутая имъ, бросается въ воду, а онъ закалывается. Для кого пишутся подобныя исторіи? Для чего также возобновлялась комедія Скриба *Эстелла или отецъ и дочь* (Estelle ou le père et la fille); развѣ для того, чтобы показать, какъ не хорошо г. Роже-Солье сыгралъ роль отца?

Пятиактная комедія, *Сынъ г-на Годара* (Le fils de m-r Godard) основана на томъ, что у этого сына оказывается отецъ, не господинъ Годаръ. Въ драмѣ Дюма-отца *Лѣсничіе* (Les gardes forestiers), невиннаго обвиняютъ въ убійствѣ. Въ комедіяхъ: *Радость Дома* (La joie de la maison), дѣвушка миритъ поссорившихся родителей; *Молодые люди* (Les jeunes gens), доказывається, что молодыхъ людей не надо держать очень строго; *Жоконда* (La Jaconde), что не слѣдуетъ жениться на актрисѣ, не слишкомъ строгаго поведенія; *Мадамъ Андре* (M-me André)—что умная жена можетъ исправить глупаго мужа; *По праву завоеванія* (Par droit de conquête), что умный мужъ можетъ придать значеніе необразованной женѣ,—все истинны дотого не

новья, что авторы напрасно трудились их доказывать. Наконец, возобновленная драма *Новая Фаншона* (La nouvelle Fanchon) доказала, что судьба всегда спасает невинность, что не слѣдовало бы возобновлять того, что черезъ-чуръ устарѣло, и то, что правилось десять лѣтъ тому назадъ — теперь можетъ не имѣть ни малѣйшаго успѣха.

Мы перечислили всѣ капитальныя произведенія прошлаго сезона. Намъ остается только назвать водевили и отмѣтить, которые изъ нихъ отличаются или особымъ интересомъ, или особой глупостью. Этотъ родъ произведеній преобладаетъ теперь во французской литературѣ, и, что всего убійственнѣе, съ каждымъ годомъ принимаетъ болѣе обширные размѣры. Теперь простой, безъискусственный, коротенькій фарсъ—большая рѣдкость; современный водевиль болѣею частью имѣетъ огромныя претензіи и еще большее число дѣйствій, называемыхъ изъ учтивости картинами. *Сорокъ-пять* водевилей блистали въ прошломъ году на нашей сценѣ, включая въ это число нѣсколько отдѣльныхъ сценъ и пѣсней, самаго скучнаго рода произведеній. Вотъ всѣ эти водевили, изъ которыхъ мы будемъ считать только тѣ, въ которыхъ есть мысль, правдоподобіе и веселость:

У камелька (Au coin de feu) мужъ съ женою ссорятся, потомъ мирятся. *Любовь въ офиклеидѣ* (L'amour dans un ophicleide) съ обманутымъ мужемъ. *Убійца изъ человеколюбія* (L'assassin par humanité) особенный вздоръ. *Любовь во всѣхъ кварталахъ* (L'amour dans tous les quartiers) семикартинный фарсъ. *Убилъ ли ты мандарина* (As-tu tué le mandarin)? не дурная мысль, съ которой не сладили авторы. *Сердце заговорило* (Un coeur qui parle), данный для дебюта г-жи Делавинь, полезной актрисы на маленькія роли. *Масляница мужей* (Le carnaval des maris) гдѣ система взаимнаго супружескаго обмана развита великолѣпно. *Серизетта въ карцерѣ* (Serizette en prison) главная роль для восьмилѣтней Тетаръ. *Двое слѣпыхъ* (Les deux aveugles) фарсъ-дуэтъ съ новаго парижскаго театра: Les bouffes parisiennes.

1) *Чортъ* (Le diable), не дурной водевиль, въ которомъ г. Леме-

ниль уморителенъ въ роли чорта противъ воли. *Два закорепныхъ злодѣя* (Les deux profonds scelerats). *Антрактъ въ театрѣ Амбигю-Комикъ* (L'Entracte) пѣсня г. Невилля. *Подвиги Цезаря* (Les exploits de Cesar), появившійся и на русской сценѣ въ передѣлкѣ г. Каратыгина. *Готовая квартира* (Furnished apartment) тоже, — только неизвѣстно кѣмъ передѣланный. *Женщина, которая кусается* (Une femme qui mord) особенно нелѣпъ. *Испанскія глупости* (Les folies d'Espagne); 2) *Женщина, бросающаяся въ окно* (Une femme qui se jette par la fenetre) премилый водевиль Скриба, хотя и не новый, въ которомъ жена, выскочившая отъ мужа изъ окна за то, что онъ не хотѣлъ исполнять ее капризовъ, чтобы помириться съ нимъ, принуждена возвратиться подъ супружескую кровлю, влѣзши въ то же самое окно. *Львица* (Fleaneuse), пѣса, разыгрываемая одною г-жею Мейеръ. *Зять господина Помье* (Le gendre de Mr. Pommier), пародія на извѣстную пѣсу: *Зять г-на Пуарье*, не дурная по идеѣ, слабая по исполненію. *Большая тобола* (La grande tombola) пѣсня г. Тетара. *Исторія одного Су* (L'histoire d'un sou). *Лизетта Беранже* (La Lisette de Beranger) пѣсня, очень мило сыѣтая г-жею Мила. *Избиеніе младенца* (Massacre d'un innocent). *Тайны лѣта* (Mystères de l'été) пяти-актный фарсъ. *Капельмейстеръ* (Le maitre de chapelle) опера Пера, въ которой пѣли гг. Тальяфико и Тетаръ и г-жа Тальяфико. *Потерянные часы и приличное награжденіе* (Montre perdue—recompense honnete). *Господинъ Лафлеръ* (Monsieur Lafleur); *Свадьба Мерлюше* (Les noces de Merluchet). *Пикколе* (Piccolet). *Вольтовъ столбъ* (La pile de volta). *Пенсменъ и Эперланъ* (Pincemain et Eperlan) пустой фарсъ, гдѣ г. Невилль представляетъ парижскихъ актеровъ. *Поливо на представленіи Фаворитки* (Poliveau etc) невыносимо—скучная пѣсня г. Невилля. *Пародія парижскихъ могоканъ* (La parode des Mohicans de Paris) тоже. 3) *Четверть свѣта* (Le quart de monde) очень умная пародія на комедію Дюма-сына: *Полусвѣтъ*. *Царство каламбура* (Le royaume de salambour) незанимательная шести-актная пѣса—обозрѣніе. *Сиръ де Фран-Буази* (Sire de Franc-Boisy) пѣсня г. Невилля. *Дружеская услуга* (Un service d'ami) пѣса, написанная въ Петербургѣ и доказы-

вающая, что здѣсь могутъ писать такъ же плохо, какъ въ Парижѣ. *Увеселительныя поѣздки или недѣля въ Лондонъ* (Les trains de plaisir) тринадцати-картинный фарсъ, который былъ бы занимательнѣе, если бы не былъ такъ длиненъ. *Турка, захлопнутый дверью* (Un turc pris dans une porte). *Слишкомъ хорошъ, чтобы что-нибудь дѣлать* (Etop beau pour rien faire). *Грудное до* (Un ut de poitrine). *Рюмка шампанскаго* (Un verre de champagne). *Путешествіе сверху внизъ* (Un voyage de haut en bas). *Заморъ и Жирофле* (Zamore et Giroflée) — пустые фарсы.

Оканчиваемъ этотъ длинный списокъ, въ которомъ мы отмѣтили только три хорошенькіе водевила; четвертымъ, лучшимъ изъ нихъ: *Я обѣдаю у моей матушки* (Je dîne chez ma mère). Малоизвѣстнымъ авторамъ этой прекрасной пьесы, Декурселю и Тиббѣ удалось написать такую умную, благородную, трогательную вещь, какихъ немного на нашей сценѣ. Содержаніе водевиля очень просто. Извѣстная актриса Софія Арну, у ногъ которой былъ весь Парижъ, въ первый день новаго года, наверху своей славы и счастья, не можетъ ни заставить, ни упротить не только ни одного изъ своихъ обожателей, но даже своего друга, свою служанку отобѣдать съ нею въ новый годъ, потому-что всѣ они, по принятому обыкновенію, обѣдаютъ въ этотъ день у своей матери. Долгъ уваженія къ матери ставится выше любви, дружбы, признательности. Къ этому не приучили насъ французскіе писатели, и поэтому такъ пріятно удивила насъ эта пьеса, основанная на такомъ оттѣнкѣ благороднаго чувства, и прекрасно составленная.

Отдавъ отчетъ о дѣятельности артистовъ нашей французской труппы, мы считаемъ долгомъ своимъ поблагодарить ихъ отъ имени зрителей и искусства за добросовѣстное исполненіе ролей, твердое знаніе ихъ, любовь къ театру, стараніе исполнить отчетливо самую незначительную роль, дружное содѣйствіе всѣми силами успѣху самой пустой пьесы, — за всѣ эти свойства, доставляющія почетное имя артисту, приобретающія ему общее уваженіе, къ-сожалѣнію, заслуживаемое далеко не всѣми

артистами на другихъ сценахъ. Мы попросили бы только объ одномъ французскихъ бенефициантовъ: не заставлятъ насъ просиживать въ ихъ бенефисахъ по семи часовъ, то есть почти треть сутокъ. Это одно отравляетъ удовольствіе, съ какимъ въ Михайловскомъ театрѣ смотришь самыя пустыя піесы, которыми игра добросовѣстныхъ артистовъ придаетъ занимательность.

О нѣмецкой труппѣ нашей, игравшей въ театрѣ-циркѣ, многого сказать нельзя. Труппа эта, не отличаясь отдѣльными замѣчательными сюжетами, играетъ піесы стариннаго и новаго нѣмецкаго репертуара съ тѣмъ же ансамблемъ, которому мы удивляемся во французской труппѣ. Новый репертуаръ въ Германіи впрочемъ еще бѣднѣе французскаго, и потому не мудрено, что нѣмецкіе артисты поднимаютъ такія піесы, какъ *Злой духъ Лумпаца вагабундусъ* или *Ветошникъ - миллионщикъ* (*Der Bauer als Millionär*), которымъ вѣроятно есть уже пятьдесятъ лѣтъ. Нѣмецкая дикція также имѣетъ свои особенности, къ которымъ надо привыкнуть, — и вотъ почему можетъ быть эта труппа интересуетъ почти однихъ петербургскихъ нѣмцевъ. И однакожь она чрезвычайно-дѣятельна и поставила въ прошломъ году новыхъ и возобновленныхъ драмъ 19, комедій 12 и 25 водевилей, всего 56 піесъ, данныхъ болѣею частью въ бенефисы, которыхъ было 22. Изъ піесъ, имѣвшихъ болѣеуспѣхъ и значеніе, назовемъ драмы: *Домъ Гольберговъ* (*Das Haus Holberg*); *Княжеская невѣста* (*Die Fürstenbraut*); *Семейство Вильденфельсъ* (*Die Familie Wildenfels*); *Братъ Каинъ* (*Bruder Kain*); *Морскіе разбойники* (*Die Seeräuber*); *Гризельду*, слезливую драму, никогда не старѣющую на нѣмецкой сценѣ, также какъ *Жельзную маску* и, наконецъ, историческую драму петербургскаго писателя г. Арнольда: *Андрей Брунау*. — Вообще всѣ нѣмецкія піесы исполняются нашей труппой весьма удовлетворительно, а переводы французскихъ, и въ-особенности водевилей, выходятъ часто очень смѣшны.

Русскую труппу мы оставили, какъ говорятъ, *roug la bonne*

bouche, на закуску, и если будемъ къ ней строже, то по тому понятному чувству, что своимъ мы бываемъ обыкновенно менѣе всего довольны, желая ему и ожидая отъ него возможнаго совершенства. Начнемъ со статистическихъ выводовъ.

Русскихъ спектаклей въ прошломъ году было 159; новыхъ и возобновленныхъ пьесъ дано было сто: 12 драмъ, 20 комедій, 59 водевилей; бенефисовъ было 18; въ продолженіе сезона дебютировало 12 лицъ: г-жи: Владимірова, Сабуровы (мать и дочь), Натарова, Гольцъ, Михайлова, Александрова; гг. Горбуновъ, Арнольдъ, Востоковъ, Котоминъ, Сабуровъ. Изъ этихъ лицъ у г. Горбунова замѣтно, рѣшительное комическое дарованіе, а г-жа Владимірова подаетъ надежды сдѣлаться современнымъ хорошей актрисой если не будетъ думать, что она уже совершенство и теперь.

Что же теперь останется въ исторіи русской литературы отъ сотни этихъ пьесъ? *Инокондрикъ* г. Писемскаго, какъ рядъ вѣрно-подмѣченныхъ, умныхъ и забавныхъ сценъ, не составляющихъ однакожъ комедіи; *Чиновникъ* графа Сологуба, гдѣ благородная цѣль втиснута въ такія узкія рамки и затемнена такою приторною, салонною болтовнею, что становится какъ-то мелкою. *Въ чужомъ пиру похмѣлье*, хотя очень слабая комедія г. Островскаго, но въ которой этотъ даровитый писатель, находящій особаго рода поэзію въ нагальномъ тулупѣ и необразованности, измѣнилъ своему взгляду на вещи и, къ общему удовольствію, вывелъ на сцену образованныхъ лицъ: учителя и его дочь—людьми весьма порядочными; а купца—упрямымъ, пустымъ человѣкомъ, отдавъ такимъ образомъ предпочтеніе воспитанію и порядочности; *Чужое добро въ прокъ нейдетъ*, драма г. Потѣхина, замѣчательная, какъ попытка вывести на сцену крестьянскій бытъ безъ квасной народности и дианпрямбовъ сивухѣ и кулачному бою, но не передающая никакихъ особенностей этого быта и невѣрная даже своему названію, потому-что въ прокъ не пойдетъ не только чужое, но

и свое добро, если его станутъ пропивать. Сильнѣе всего впечатлѣніе произвела на публику — въ этой пьесѣ та сцена, когда г. Мартыновъ пляшетъ въ присядку. Если мы прибавимъ къ этимъ новымъ пьесамъ прошлаго сезона двѣ возобновленныя комедіи И. С. Тургенева: *Завтракъ у Предводителя* и *Провинціалку*, очень милыя и умныя, то получимъ все, что можно прочесть, послѣ того, какъ видѣли на сценѣ. Изъ переводныхъ пьесъ причислимъ сюда комедіи *Минутное заблужденіе* и *Битва жизни*. Первая, передѣланная изъ Габріели, Ожье, написана хорошими стихами и съ доброю цѣлью; вторая очень ловко выкроена изъ повѣсти Диккенса подъ тѣмъ же названіемъ и въ ней была очень хороша г-жа Левкѣева, въ роли горничной.

Зато пьесами, принадлежащими къ литературѣ непечатной, прошлый годъ былъ особенно замѣчательнъ. На первомъ мѣстѣ стоятъ тутъ двѣ знаменитыя разбойничьи драмы: *Мандринъ, атаманъ разбойниковъ*, в *Сальваторъ Роза*, верхъ совершенства въ этомъ родѣ, взятые въ бенефисъ лучшими нашими артистами: гг. Максимовымъ и Самойловымъ; г. Мартыновъ также выбралъ для своего артистическаго праздника фантастическую безсмыслицу, устарѣвшую уже и на нѣмецкой сценѣ: *Дочь волшебнаго міра* (*Der Bauer als Millionair*). Эти же первые артисты нашей сцены, кромѣ такихъ капитальныхъ пьесъ, нашли возможнымъ подарить публику, за вниманіе и расположеніе, съ которыми она встрѣчаетъ ихъ на сценѣ въ роляхъ, иногда весьма не твердо выученныхъ, еще тремя маленькими пьесками: *Приключеніе съ Максимовымъ и Марковецкимъ*, *Простушка*, комедія г. Ленскаго, въ которой доказывается, что необразованная деревенская дѣвушка гораздо лучше и привлекательнѣе умной свѣтской барышни, и *Заговорило ретивое*, комедіей г. Григорьева-старшаго, въ которой ровно ничего не доказывается. Г-жа Самойлова также угостила публику *Осадой Чираха*; г-жа Владимірова — очень-плохой комедіей *Солманъ или Три Султаниши*, очень-слабо разыгранной; г. Григорьевъ — *Донъ-Карлосомъ*, сыграннымъ такъ

дурно, что пьесу дали только два раза; въ-особенности самъ бенефициантъ былъ исторически вѣренъ въ роли Филиппа II, имѣвшаго, какъ извѣстно, привычку сильно размахивать руками, раздвигать ноги и говорить въ носъ нетвердымъ голосомъ, путаясь во фразахъ. Г. Марковецкій — также подарилъ публику любопытнымъ образчикомъ плохаго перевода г. Сазикова съ французскаго языка на плохой русскій языкъ комедіи: *Зять любитъ взять, а тесть любитъ честь*, а г-жа Шубертъ страшной оригинальной драмой: *Картины современной Турціи*, игранный, къ-счастью, только два раза. О множествѣ водевилей и комедій такого же достоинства не упоминаемъ; назовемъ только тѣ, которые не имѣли успѣха даже у нашей снисходительной публики: *Свадьба на скорую руку*; *Жилецъ съ тромбономъ*; *Два съ полтиной*; *Бѣда быть такимъ*; *Сосѣдъ и Сосѣдка*; *Царскія милости*; *Подставной женихъ*; *Жертва отчизны*; *Рекрутчина*; *Вѣчный Жидъ*; *Тесть и зять въ западнѣ*; *Бездна удовольствій*; *Деньги*; *Золотопромышленники*; *13 января 1807 года*; *Понедѣльники*; *Дядюшка хлопотунъ*; *Горбунъ*; *Отцовское завѣщаніе*; и *Честное Слово*. И того 19 неудавшихся пьесъ, къ которымъ надо прибавить 10, названныхъ выше. Замѣтимъ, что послѣдняя драма была уже однажды передѣлана изъ той же французской повѣсти и играна лѣтъ десять тому назадъ подъ названіемъ *Наполеоновскій Гвардеецъ*.

Что касается до изумительнаго ансамбля нашей русской труппы, добросовѣстнаго исполненія и твердаго знанія ролей, любви къ искусству и проч. и проч. — мы считаемъ излишнимъ говорить объ этомъ. Замѣтимъ только, что въ молодыхъ артистахъ нашей труппы, гг. Бурдинъ, Зубровъ и Горбуновъ мы видимъ серьезное, видимое усовершенствованіе, общающее, что они современемъ вполне замѣнятъ ветерановъ нашей сцены: Ждемъ въ-особенности отъ нашей литературы, уже замѣтно развившейся въ прошломъ году, улучшенія нашего театра. Передъ молодыми писателями открыто широкое поприще; цѣль ихъ высока и благородна: создать чисто-русскую драму и

комедию, взятую изъ жизни всѣхъ сословій нашего общества, заговорить съ театральныхъ подмостокъ живымъ языкомъ противъ заблужденій и недостатковъ этого общества, образовать вкусъ публики, заставить артистовъ уважать искусство, согнать навсегда со сцены всѣхъ разбойниковъ, въ родѣ Мандривовъ и Картушей...

НАСТАВНИЦА,

или

ПАНСІОНЪ ВЪ БРЮССЕЛѢ.

АНГЛІЙСКІЙ РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

V.

Клякнули одну гувернантку, которая провела меня через узкій и длинный корридоръ въ большую, очень чистую кухню. Мнѣ страннымъ показалось, что въ ней, на мѣсто каминовъ и англійскихъ очаговъ, была одна большая, черная печь. Надо признаться, что мое самолюбіе начинало сильно страдать; но я не долго оставалась въ кухнѣ, меня пригласили войти въ маленькую комнату. Кухарка, въ короткой юбкѣ и деревянныхъ башмакахъ, принесла мнѣ ужинъ, изъ какой-то неизвѣстной говядины подъ кислымъ соусомъ, довольно пріятнаго, но страннаго вкуса; картофеля, нарѣзаннаго ломтиками и приправленнаго

уксусомъ съ сахаромъ; куска хлѣба съ масломъ и вареной груши. Я поужинала съ аппетитомъ и была очень признательна.

Послѣ вечерней молитвы, г-жа Бекъ вошла въ комнату и, подвергнувъ меня новому осмотру, пригласила итти вмѣстѣ съ нею. Черезъ маленькія дортуары, которые, какъ я узнала послѣ, служили когда-то кельями для монахинь (домъ былъ очень старинный), потомъ чрезъ аудиторію, длинную и печальную комнату, гдѣ между двумя лампами висѣлъ на стѣнѣ большой крестъ, г-жа Бекъ привела меня въ дортуаръ, въ которомъ спали трое дѣтей ея. Раскаленная печка дѣлала атмосферу этой комнаты невыносимою; кромѣ того воздухъ въ ней пропитанъ былъ сильнѣйшимъ запахомъ англійской виски и джина.

Возлѣ небольшого стола, на которомъ догоралъ огарокъ свѣчки, такъ-что сало текло по подсвѣчнику, сидѣла толстая женщина съ самымъ обыкновеннымъ лицомъ, въ шелковомъ, яркаго цвѣта, полосатомъ платьѣ и рабочемъ передникѣ. Она храпѣла на стулѣ. Для полноты картины, бутылка и опорожненная рюмка стояли подъ самымъ локтемъ усыпленной красавицы.

Г-жа Бекъ смотрѣла на эту замѣчательную картину съ совершеннымъ равнодушіемъ, даже не усмѣхнувшись не поморщившись; потомъ указала мнѣ на четвертую кровать, давая знать, что она будетъ моею. Наконецъ, погасивъ свѣчу и замѣнивъ ее лампадкой, вышла въ маленькую дверь, оставивъ ее несовсѣмъ затворенною, такъ-что можно было видѣть ея собственную, просторную и весьма-хорошо меблированную комнату.

Усердно помолилась я Богу; Провидѣніе не покинуло меня въ крайности. Едва прошло сорокъ-восемь часовъ, какъ я оставила Лондонъ, безъ всякаго покровительства, какъ перелѣтная птичка, съ самымъ слабымъ лучемъ надежды!

Я заснула, очень легкимъ сномъ и около по-

луночи вдругъ проснулась; всё было тихо, только одна бѣлая фигура двигалась въ комнату. Это была г-жа Бекъ; она осмотрѣла троихъ дѣтей и приблизилась ко мнѣ; я притворилась спящею, но продолжала за ней слѣдить. Простоявъ съ четверть часа у моихъ ногъ и разсматривая меня, она подошла къ моему изголовью, потихоньку приподняла мой чепчикъ, чтобъ лучше рассмотреть волосы: рука моя, протянутая поверхъ одеяла, привлекла на себя также ея вниманіе. По окончаніи осмотра, она обернулась къ стулу, на которомъ, возлѣ постели, лежало мое платьѣ. Она перебирала всѣ мои вещи, чтобъ по нимъ, вѣроятно, сдѣлать заключеніе обо мнѣ и моихъ привычкахъ; цѣль казалась извинительнѣе употребленныхъ средствъ. Въ платьѣ былъ одинъ карманъ; она его выворотила. Деньги въ кошелькѣ были пересчитаны съ осторожностію, чтобъ металлъ не издалъ звука. Потомъ г-жа Бекъ раскрыла мою записную книжку и прочитала въ ней все записанное; долго смотрѣла она на сѣдой локонъ волосъ миссъ Марчмонъ. Три ключа, связанные лентой отъ моего чемодана, маленькаго юпитра и рабочаго ящика, не ускользнули отъ ея особаго вниманія. Видя, что она уноситъ ихъ въ свою комнату, я тихонько приподнялась съ постели, чтобъ слѣдить за ней глазами. Ключи были принесены назадъ; но съ нихъ сняты восковые слѣпки, оставшіеся на туалетѣ г-жи Бекъ. Потомъ она положила платьѣ и всѣ мои вещи въ прежнемъ порядкѣ. Какое же она сдѣлала заключеніе обо мнѣ послѣ своихъ наблюденій? Вопросъ трудный! Искать отвѣта на мраморномъ лицѣ значило бы терять напрасно время.

Окончивъ свой безчестный досмотръ, г-жа Бекъ ушла изъ комнаты, какъ призракъ. Остановясь въ дверяхъ, она обернулась, пристально посматрѣвъ на героиню съ бутылкой, всё еще спящую. Мистрисъ Свини не знала, что ожидаетъ ее послѣ пробужденія.

Но участь ея была уже рѣшена холоднымъ, неподвижнымъ взглядомъ г-жи Бекъ.

На другой день я должна была познакомиться съ мистрисъ Свини. Она выдавала себя г-жѣ Бекъ за женщину хорошей фамиліи, урожденку изъ Мидльсекса, испытавшую несчастія и будто бы говорившую самымъ чистымъ англійскимъ языкомъ. Г-жа Бекъ, увѣренная, что сѣумѣетъ скоро открыть истину, вообще не отвергала предлагаемыхъ ей услугъ, что подтверждаетъ и мой собственный опытъ. Она опредѣлила мистрисъ Свини въ качествѣ гувернантки къ своимъ дѣтямъ. Безполезно будетъ объяснять читателямъ, что любительница виски была ирландка. Какое же положеніе занимала она прежде въ обществѣ — не берусь указывать. Свини хвалилась, что воспитывала сына и дочь какого-то маркиза. Я думаю, что она была въ какомъ-нибудь ирландскомъ семействѣ просто служанкой, нянькой, кормилицей, прачкой, или судомойкой. Она говорила извѣстнымъ нарѣчіемъ Зеленаго Эрина * съ примѣсю интонаціи, заимствованной отъ лондонскихъ уличныхъ мальчишекъ и зѣвакъ. У ней былъ гардеробъ подозрительнаго достоинства; дорогія шелковыя платья казались сшитыми не по мѣркѣ, равно какъ и чепцы съ удивительными кружевами; но самое главное, что заставляло весь домъ уважать и сковывало злорѣчивые языки гувернантокъ и служанокъ, это была индійская шаль, настоящій индійскій кашемиръ, какъ говорила г-жа Бекъ съ удивленіемъ и уваженіемъ къ кашемиру. Безъ этого талисмана, мистрисъ Свини, я увѣрена, не осталась бы и двухъ дней въ домѣ. Благодаря индійскому кашемиру, она держалась уже тутъ мѣсяць.

Когда г-жа Бекъ сказала мистрисъ Свини, что я займу ея мѣсто, бѣшенство ея не имѣло границъ;

* Такъ прозывается Ирландія.

сначала гнѣвъ ея разразился на начальницу пансіона, потомъ и на меня. Видя, съ какимъ стоицизмомъ г-жа Бекъ выдерживаетъ ругательства, я послѣдовала ея примѣру: наконецъ Свини вышла изъ комнаты и чрезъ десять минутъ явился полицейскій чиновникъ выпроводить ее изъ дому. Во время этой бурной сцены, въ лицѣ г-жи Бекъ незамѣтно было ни малѣйшей переменны, она не произнесла ни одного горячаго слова.

Всё это маленькое произшествіе окончилось до завтрака, полицейскій чиновникъ вывелъ притихшую Свини, комнату дѣтскую вымыли, выкурили и запахъ виски исчезъ: всё это случилось между появленіемъ г-жи Бекъ изъ своей спальни, какъ авроры съ розовыми перстами и первую чашкою кофе, который она преспокойно изволила пить.

Около полудня меня позвали одѣвать г-жу Бекъ. Видно, что въ кругъ моихъ обязанностей входила не одна должность гувернантки, но и служанки.

До полудня, г-жа Бекъ прохаживалась по дому въ ночномъ нарядѣ, туфляхъ и большомъ платкѣ. Чтò бы сказали о такой привычкѣ начальницы пансіона въ Англии!

Я, право, не знала, какъ приступить къ прическѣ ея головы. Начальница имѣла свѣтлорусые, густые волосы; въ нихъ не было замѣтно ни одного сѣдаго волоска, не смотря на ея полновѣсные сорокъ лѣтъ! Видя мое затрудненіе, она сказала:—вы не были служанкой въ вашей землѣ? Взявъ изъ рукъ моихъ гребень, легонько меня оттолкнула и сама причесалась. При дальнѣйшихъ подробностяхъ туалета, она давала мнѣ наставленія, не показывая ни малѣйшаго нетерпѣнія и дурнаго расположенія духа. *Nota bene:* въ первый и послѣдній разъ меня пригласили одѣвать ее. Съ этого дня обязанность эта возложена была на Розину, которая исправляла въ домѣ должность придверницы.

Г-жа Бекъ, въ полномъ туалетѣ, была та же самая маленькая женщина, съ полной таліей, но не безъ миловидности. Цвѣтъ лица у ней былъ здоровый, глаза голубые, немножко стеклянные, но ясные. Взоръ ея никогда не зажигался лучемъ сердечнымъ, черты лица были пріятны, но строги, губы тонкія.

Черное платье, изъ рукъ французскихъ швей, шло къ ней какъ-нельзя-лучше. Я узнала въ послѣдствіи, что Модеста — Марія Бекъ, урожденная Киндъ, могла бы къ своимъ различнымъ именамъ прибавить еще имя Игнаціи въ память наставника своего Игнація. Г-жа Бекъ казалась чрезвычайно тихаго нрава; она ни разу не разсердилась даже на мистрисъ Свини, не смотря на ея лѣвность, безпечность и скандалёзную невоздержность. Такъ она поступала съ учителями и гувернантками, никогда не слышали они отъ нея дурнаго слова, а между-тѣмъ она частенько ихъ перемѣняла, все дѣлалось тихо, одни вдругъ исчезали, другіе на мѣсто ихъ являлись.

Заведеніе г-жи Бекъ состояло изъ тридцати воспитанницъ, живущихъ въ пансіонѣ, и болѣе ста ученицъ приходящихъ. Начальница умѣла превосходно управлять и распорядиться всѣмъ этимъ молодымъ народомъ, четырьмя учителями, восемью гувернантками, шестью служанками, не считая многочисленныхъ сношеній съ родными и знакомыми своихъ воспитанницъ, что вообще бываетъ довольно трудновато; однако у г-жи Бекъ всё шло своимъ порядкомъ, безъ шума, замѣщательства, какъ заведенные часы. Правда, что у нея была особенная система управленія своимъ многосложнымъ механизмомъ, система, образецъ которой читатель уже видѣлъ въ ночномъ похожденіи ея для освидѣтельствованія моего платья, прочтенія записной книжки и взятія восковыхъ слѣпковъ съ моихъ ключей.

По вечерамъ, утомившись своимъ шпионствомъ, она приходила въ мою комнату, брала къ себѣ на колѣ-

ни дѣтей своихъ и заставляла ихъ читать молитвы. Мысли ея на счетъ воспитанія были здравы. Она понимала, что не довольно держать дѣтей въ большой строгости, но не должно давать имъ и лишней свободы. Средства, употребляемые ею для поддержанія въ пансіонѣ порядка, не всегда ей самой нравились, но она не могла употреблять лучшихъ и, послѣ длинныхъ со мною разсужденій, уходила отъ меня въ своихъ легкихъ башмакахъ, являясь по всюду какъ призракъ, наблюдая вездѣ чрезъ дырочки и замочныя скважинки и подслушивая у каждой двери.

Вообще система начальницы имѣла и хорошія стороны; въ этомъ надо отдать ей справедливость. Она заботилась, чтобъ воспитанницамъ было хорошо. Не обременяла ихъ большими уроками; гимнастика поддерживала и укрѣпляла ихъ здоровье; пищу онѣ имѣли здоровую и достаточную.

Въ пансіонѣ ея не встрѣчалось ни одного блѣднаго, болѣзненнаго личика. Времени довольно было на сонъ, туалетъ и ужинъ; вообще начальница старалась, чтобъ воспитанницамъ было у нея пріятно, что нисколько не вредило дисциплинѣ. Я думаю, многимъ содержательницамъ пансіоновъ въ этомъ отношеніи можно бы было съ пользою подражать г-жѣ Бекъ.

По несчастію, главная пружина управленія состояла въ шпионствѣ. Начальница не ограничивалась собственнымъ своимъ шпионствомъ; у нея были еще шпионы, она принимала въ эту должность всѣхъ безъ разбору и потомъ выбрасывала, какъ корку выжатаго лимона. Г-жа Бекъ была однакожъ довольно строга для выбора лицъ, употребляемыхъ ею въ высшія должности по пансіону и заботилась много о наружной благопристойности. Но горе тому, кто ожидалъ отъ нея болѣе, чѣмъ позволялъ ей собственный интересъ; собственный интересъ былъ главною, единственною пружиною всѣхъ ея поступковъ, аль-

фою и омегою всей жизни. Видя, впоследствии, какъ инныя прибѣгали къ ея состраданію, я улыбалась изъ сожалѣнія о напрасномъ трудѣ. Кто желалъ тронуть сердце г-жи Бекъ, тотъ внушалъ ей къ себѣ антипатію, дѣлалъ ее своимъ врагомъ. Начальница любила помогать другимъ и въ самомъ дѣлѣ помогала много, но помощь ея была рассчитанная, системическая. Она скорѣе помогала бѣднымъ учрежденіямъ, чѣмъ отдѣльнымъ лицамъ. Кошелекъ ея былъ открытъ, когда дѣлали сборъ публичный, и не доступенъ, когда кто прибѣгалъ къ ней не гласно. Всѣ филантропическія учрежденія могли рассчитывать на ея щедрость и никакое страданіе въ частности не возбуждало ея участія. Я часто говорила себѣ, что пансіонъ слишкомъ-малая сфера дѣятельности для г-жи Бекъ. По своимъ способностямъ, она могла бы управлять народомъ, господствовать надъ бурнымъ парламентомъ. Ни что не могло утратить, раздражить и вывести ее изъ терпѣнія. Она была въ своемъ пансіонѣ первый министръ и оберъ-полиціймейстеръ.

Разумѣется, не въ мѣсяць я сдѣлала всѣ эти наблюденія и изучила характеръ г-жи Бекъ. Сначала я видѣла одно только обширное цвѣтущее заведеніе, большой улей здоровыхъ и веселыхъ дѣвочекъ. Многія изъ нихъ могли считаться хорошенькими. Ихъ не обременяли науками, всячески стараясь облегчать методу ученія, такъ-что безъ большаго труда онѣ дѣлали замѣчательные успѣхи.

За домомъ простирался обширный садъ, гдѣ, лѣтомъ, воспитанницы почти жили на открытомъ воздухѣ, между кустами розъ и плодовыхъ деревьевъ. Въ большой бесѣдкѣ изъ зелени, начальница располагалась въ послѣ — обѣденное время и, по очереди, призывала къ себѣ тотъ или другой классъ, для чтенія и шитья. Учителя давали въ саду короткіе изустные уроки; нѣкоторыя воспитанницы тутъ же запи-

сывали слышанное, и изъ этихъ уроковъ всегда оставалось у дѣвицъ что-нибудь въ памяти.

Кромѣ ежемѣсячныхъ въ положенные дни отпусковъ, дѣвицъ увольняли домой на всѣ католическіе праздники, а ихъ въ году было не мало. Время отъ времени, въ прекрасныя лѣтнія утра или въ послѣобѣденное время осени, дѣвицъ водили прогуливаться за городъ. Тамъ угощали ихъ вафлями и бѣлымъ виномъ, чаще холоднымъ молокомъ съ чернымъ хлѣбомъ, или кофеемъ съ тартинками. Начальница казалась имъ тогда олицетворенною добротою и гувернантки не казались злыми; дѣвочки, какъ стадо овецъ, рѣзвились по лугу и были вполне счастливы.

Пришло время, когда эта картина должна была утратить для меня пастушескую прелесть. Смотри на вещи чрезъ живописную отдаленность, я должна была сойти съ моей обсерваторіи, изъ дѣтской комнаты, чтобъ имѣть непосредственное сношеніе съ маленькимъ міромъ, управляемымъ г-жею Бекъ.

Однажды, по обыкновенію, я прослушавала англійскіе уроки дѣтей и выворачивала въ тоже время старое шелковое платье начальницы, какъ вдругъ она вошла съ озабоченнымъ видомъ, что рѣдко съ нею случалось. Опустясь машинально на стоявшій противъ меня стулъ, она оставалась нѣсколько времени безмолвною. Старшая изъ дочерей Дезире должна была читать вслухъ одну дѣтскую книгу на англійскомъ языкѣ и тутъ же переводить на французскій, для доказательства, что понимаетъ прочитанное.

Вдругъ, безъ всякихъ предисловіи, начальница сказала мнѣ почти обвинительнымъ тономъ: — миссъ, (мимоходомъ нужно замѣтить, что она довольно странно произносила это слово) миссъ, вы были наставницей въ Англии?

— Нѣтъ, м-мъ Бекъ, отвѣчала я, улыбаясь, — еслибъ я была наставницей, то сказала бы вамъ.

— Занятія ваши съ моими дѣтьми — первый вашъ опытъ?

На утвердительный мой отвѣтъ, она снова замолчала; но, поднявъ голову, чтобъ вынуть изъ подушечки булавку, я замѣтила, что она меня наблюда-ла. Глаза ея были устремлены на бѣдную няньку, которую, кажется, перебирала она мысленно со всѣхъ сторонъ. Но для какой цѣли? Съ этого дня, втеченіи двухъ недѣль, шпионство начальницы въ отношеніи ко мнѣ удвоилось. Она подслушивала у двери, когда я давала урокъ дѣтямъ; нѣсколько разъ слѣдовала за мною въ почтительномъ разстояніи, когда я гуляла съ дѣтьми въ паркѣ или по бульварамъ, и скрывалась за деревьями, чтобъ меня подслушивать. Какая была этому цѣль? я рѣшительно не постигала.

Однажды утромъ она вбѣжала въ дѣтскую и сказала мнѣ, задыхаясь, что находится въ самомъ затруднительномъ положеніи. Г. Вильсонъ, преподаватель англійскаго языка, обыкновенно аккуратный, не пришелъ въ классъ; надо полагать, что сдѣлался боленъ; между-тѣмъ воспитанницы безъ учителя, а замѣнить его не кому. Не могу ли я что-нибудь продиктовать воспитанницамъ, чтобъ не сказали, что не было англійскаго класса?

— Вы желаете, мадамъ, чтобъ я пошла въ классъ?

— Да, во второе отдѣленіе?

— Но, вѣдь, тамъ сорокъ ученицъ! При моей врожденной робости, когда надлежало явиться предъ какою-нибудь публикой, я скрывалась, какъ улитка въ раковину. Еслибъ отъ меня зависѣло, я не рѣшилась бы расширить свой горизонтъ; я не желала ни какихъ переменъ и охотно бы всю жизнь учила дѣтей азбукъ, да шила имъ рубашки. Заработывать себѣ хлѣбъ — составляло всё мое честолюбіе.

— Оставьте эту работу, сказала мнѣ начальница, видя, что я шью съ необыкновеннымъ усердіемъ.

— Но Фифинъ нужна эта рубашка, мадамъ!

— Фифина обойдется безъ нея; вы мнѣ нужны.

Начальница дѣйствительно имѣла во мнѣ нужду; она давно не довольна была англійскимъ учителемъ и его методой. Приказавъ мнѣ положить иголку и наперстокъ, г-жа Бекъ взяла меня за руку и повела внизъ.

Когда мы пришли на площадку (такъ называлась рекреационная комната между классами и дортуарами), начальница остановилась, выпустила мою руку и стала смотрѣть мнѣ прямо въ глаза. Я была внѣ себя, тряслась съ головы до ногъ, кажется, слезы выступили изъ моихъ глазъ. Затрудненія, меня ожидавшія, существовали не въ воображеніи, а были дѣйствительны; неопытность моя во французскомъ языкѣ, на которомъ я должна была объяснять англійскій урокъ, не составляла главнѣйшаго. Съ самаго пріѣзда моего въ Брюссель, я очень старалась усовершенствоваться во французскомъ языкѣ; днемъ я имѣла практику, а вечеръ употребляла на теоретическое его изученіе до той минуты, какъ по заведенному порядку гасили огонь; но все еще я не говорила правильно.

— Ну, чтожъ, сказала мнѣ начальница, жесткимъ тономъ, признаете ли вы себя рѣшительно неспособною?

Еслибъ я сказала да, все было бы кончено и я возвратилась бы къ своей ничтожной должности; но г-жа Бекъ показала мнѣ какъ-то странно, такъ-что я не рѣшилась тотчасъ объявить свою неспособность. Въ эту минуту въ г-жѣ Бекъ было такъ мало женственности, что я не чувствовала себя побѣжденной, но скорѣе какъ бы вызванной на борьбу: уступить казалось мнѣ постыднымъ.

— Назадъ или впередъ, выбирайте же, сказала она, указывая мнѣ сначала на дверь въ дѣтскую, потомъ на большія двери въ классы.

— Впередъ! отвѣчала я.

— Но, продолжала она, приходя въ постепенно большее хладнокровіе, по мѣрѣ того, какъ я разгорячи-

лась, — имѣете ли вы смѣлость явиться передъ воспитанницами? Не слишкомъ полагайтесь на минутную восторженность? Въ послѣднихъ словахъ начальницы было много ироніи: восторженности она не жаловала.

— Я не чувствую восторженности и также холодна, какъ этотъ камень, сказала я, ударивъ каблукомъ по плитѣ и пристально посматрѣвъ на нее.

— Тѣмъ лучше! Но я должна васъ предупредить, вы не найдете передъ собой молодыхъ, спокойныхъ англичанокъ, рабынь приличія, но рѣзвыхъ горячихъ брюсселекъ.

— Знаю; знаю и то, что не смотря на мою старательность, я еще неправильно говорю по-французски. Я буду дѣлать ошибки, надъ которыми инья посмѣются, а всё-таки рѣшаюсь дать имъ урокъ.

— Смотрите, онѣ бросаютъ робкихъ учителей, какъ огненный конь трусливаго всадника.

— Знаю, мадамъ, я слышала, какую войну подняли онѣ противъ миссъ Турнеръ и какъ преслѣдовали эту бѣдную англичанку, которую начальница уволила изъ угожденія ученицамъ. Эта жалкая исторія мнѣ очень извѣстна.

— Что же мнѣ было съ нею дѣлать, отвѣчала г-жа Бекъ; миссъ Турнеръ имѣла надъ ними власти не больше кухарки. Не я даю власть учителямъ и учительницамъ, они сами должны приобрѣтать ее. У миссъ Турнеръ не было ни характера, ни рѣшимости; у ней не доставало такта, ума, достоинства; она не годилась ни для нихъ, ни для меня.

Не возражая ничего, я шла къ роковой двери.

— Послѣднее слово, прибавила начальница, не ждите помощи, ни отъ меня, ни отъ кого другаго. Берегитесь, чтобъ на первомъ разѣ не спотыкнуться.

Я отворила дверь и изъ учтивости дала ей дорогу. Начальница вошла первая, я послѣдовала за нею. Второе отдѣленіе, предъ которымъ я должна была

дебютировать, было самое многочисленное и самое своевольное. Первое отдѣленіе было гораздо покойнѣе, учтивѣе. Послѣ я часто сравнивала его съ верхнимъ, а второе отдѣленіе съ нижнимъ парламентомъ.

Съ перваго взгляда я замѣтила, что большая часть моихъ слушательницъ не похожа на ученицъ обыкновенныхъ; многія принадлежали къ бельгійской аристократіи; я не сомнѣвалась, что имъ извѣстна была моя низкая у начальницы должность. Когда я вошла на эстраду, площадку на одну ступень отъ пола, гдѣ стояло кресло и столикъ для учителя, я видѣла длинный рядъ поднятыхъ головокъ, предвѣщающихъ неминуемую бурю. Во всѣхъ глазкахъ свѣтилось что-то недоброе, личики были мраморныя, на нихъ не было и слѣда стыдливости. Дѣвушки континента не похожи на дѣвушекъ островскихъ. Такихъ лицъ, такихъ глазъ я никогда не видала въ Англіи.

Начальница не расточалась въ словахъ, чтобъ представить меня воспитанницамъ; отпустила имъ какую-то холодную фразу и вышла изъ класса, какъ бы говоря — дѣлай тебѣ теперь сама, какъ знаешь.

Никогда не забуду я этого перваго урока.

Три красавицы, сидѣвшія на первой скамьѣ, рѣшили, что нянька не должна давать имъ англійскихъ уроковъ. Доселѣ онѣ всегда успѣвали изгонять учителей и учительницъ, которые имъ не нравились; онѣ очень хорошо знали, что начальница, какъ искусный кормчій, всегда готова была выбросить за бортъ не любимыхъ ими преподавателей. Г-жа Бекъ не оказывала никакой помощи наставникамъ; если не умѣли они бороться и побѣждать трудностей—тѣмъ хуже было для нихъ, они погибали. Смотря съ насмѣшкой на бѣдную миссъ Люси Мортонъ, три красавицы ожидали легкой побѣды.

Дѣвицы Бланка, Виргинія и Анжелика открыли сраженіе лукавыми улыбками, стали перешептываться, роптать и насмѣхаться; на отдаленныхъ скамьяхъ успѣшили подражать имъ. Этотъ возникающій бунтъ

сорока воспитанницъ привелъ меня въ смущеніе. Еслибъ я могла говорить съ ними на природномъ своемъ языкѣ, я заставила бы ихъ меня выслушать, потому-что, при всѣхъ моихъ недостаткахъ, природа надѣлила меня по-крайней-мѣрѣ, голосомъ, способнымъ передавать сильныя ощущенія. Я бы могла оцѣнить ихъ поступокъ по достоинству его и, осмѣявъ зачинщицъ, приглубивъ ласковыми словами увлеченныхъ, могла бы начальствовать надъ этимъ необузданнымъ стадомъ и мало-по-малу приучить его къ послушанію. Я сдѣлала, что могла. Подойдя твердыми шагами къ Бланкѣ, молоденькой баронессѣ, которая была всѣхъ старше и всѣхъ дерзче, я взяла изъ рукъ ея тетрадь для упражненій въ англійскомъ языкѣ и вошла опять на эстраду. Прочитавъ ея переводъ, нашла его до такой степени слабымъ, что передъ всѣмъ классомъ разорвала страницу на двое. Это озадачило моихъ ученицъ и онѣ немного присмирѣли. Одна только воспитанница, на самой задней скамейкѣ, продолжала бунтовать; я не теряла ее изъ виду. У ней было блѣдное лице, волосы черные, какъ крыло ворона, длинныя густыя брови, черты лица какъ у мальчика, глаза огненные, бѣдовыя. Я замѣтила, что она находится подлѣ дверецъ маленькой комнатки, гдѣ хранились книги. Чтобъ больше шумѣть и кричать, она не сидѣла, а стояла. Дѣвочка эта была высокаго росту и казалась сильною; но, при внезапномъ на ея нападеніи, я должна была одержать верхъ.

Я отправилась къ моему неприятелю съ самымъ покойнымъ видомъ, такъ-что ничего нельзя было подозревать, какъ мнѣ рассказывали послѣ сами дѣвицы. Дверь въ комнатку была затворена: я отворила ее настежь, какъ будто бы изъ простаго любопытства, вдругъ обернулась и въ ту же секунду мятежная красавица очутилась въ кабинетѣ, дверь за нею затворилась и ключъ отъ темницы былъ у меня въ карманѣ.

Дѣвочка эта, по имени Долоресъ, была испанка; по ея дурному нраву, весь классъ ее ненавидѣлъ и боялся. Скорая съ нею расправа заслужила общее одобреніе; все второе отдѣленіе готово было рукоплескать мнѣ: тишина тотчасъ возстановилась; невольная улыбка пробѣжала по всѣмъ личикамъ. Когда я вошла на эстраду, то попросила дѣвицъ молчать и начала диктовку; перья заскрипѣли по тетрадамъ, какъ будто бы ничего не бывало и остальное время урока прошло въ совершенномъ порядкѣ.

— Хорошо, сказала начальница, когда я вышла изъ класса, не много утомившись, — это пойдетъ.

Она все слышала и видѣла чрезъ дырочку въ перегородкѣ.

Съ этого дня, начальница увеличила мнѣ жалованье; но за половинную плату противъ того, что получалъ Вильсонъ, заставляла меня въ три раза больше его трудиться.

Какъ бы то ни было, положеніе мое весьма улучшилось; нянька дѣтей превратилась въ учительницу англійскаго языка.

VI.

Съ-этихъ-поръ все мое время употреблялось, какъ на пользу другихъ, такъ и для себя самой. Уча воспитанницъ по-англійски, я вмѣстѣ съ тѣмъ сама училась по-французски. Съ другой стороны, приобрѣтала опытность въ жизни практической.

Послѣ первыхъ, еще опасныхъ для меня, уроковъ, непокорный духъ моихъ воспитанницъ укротился. Правда, что я долго не была увѣрена въ полномъ успѣхѣ и была на всегдашней стражѣ, зная, что не могу ожидать себѣ никакой помощи отъ начальницы. Г-жа Бекъ всего болѣе думала о своей собственной

популярности, хотя бы это было во вредъ учителямъ и учительницамъ: надлежало самой придумывать наилучшія средства.

Во первыхъ, я удостовѣрилась, что одною строгостью ничего не едѣлаешь съ моимъ своенравнымъ стадомъ. Надлежало войти въ образъ мыслей слушательницъ; спокойное и учтивое съ ними обращеніе, натурально, имъ нравилось. Подъ-часъ и насмѣшка производила хорошее на нихъ дѣйствіе. Я не могла обременять ихъ большими уроками. Брюссельская воспитанница, если ей покажется, что урокъ длиненъ или труденъ, въ глаза вамъ насмѣется и, бросивъ свою тетрадь, скажетъ — Боже мой, какой урокъ? да гдѣ это видано? и длиненъ, и скученъ, и труденъ. Пусть берется за него кто можетъ!

Учительница, если она смѣтлива, беретъ урокъ назадъ, перечитываетъ его со вниманіемъ, сокращаетъ его значительно и старается какъ можно упростить. Потомъ небольшая насмѣшка можетъ быть употреблена очень кстати и дѣвицы изъ самолюбія побѣдятъ свою лѣнь.

По мѣрѣ того, какъ я начала свободнѣе говорить по-французски, болѣе талантливыя ученицы стали со мною сближаться и любить меня по своему. Когда мнѣ удалось вселить въ нихъ искру соревнованія, все пошло еще лучше. Мнѣ даже начали приносить по утрамъ букеты цвѣтовъ и класть на мой столикъ. Изъ признательности къ такому вниманію, я часто въ рекреационное время прогуливалась съ тѣми, которыми больше была довольна. Раза два или три я позволила себѣ оговорить въ моихъ воспитанницахъ нѣкоторыя погрѣшности ихъ противъ правилъ нравственности.

Надо сознаться, что во всѣхъ пансіонахъ воспитанницы не много лгутъ, но у г-жи Бекъ ложь была обыкновеннымъ языкомъ въ домѣ; лгать ни кто не стыдился и не считалъ это за грѣхъ. Итакъ, я поз-

волила себѣ сказать во всеуслышаніе, что ложь для меня отвратительна, что, мнѣ кажется, простительнѣе не соблюсти иногда католическаго поста, нежели постоянно лгать.

Все, что говорили учительницы, доходило до ушей начальницы. Я скоро въ этомъ совершенно убѣдилась; что-то невидимое, неопредѣленное, безъимянное вкралось между мною и воспитанницами. Мнѣ приносили еще цвѣты, но я не могла уже разговаривать съ воспитанницами. Когда я прогуливалась по аллеѣ, или садилась въ бесѣдкѣ, лишь только подходила ко мнѣ справа какая воспитанница, тотчасъ слѣва какъ бы магически являлась гувернантка. Начальница въ своихъ молчаливыхъ туфляхъ удивляла меня своею вездѣсущностію. Кажется, никакой зефиръ не скользилъ такъ легко по зеркалу водъ или по листьямъ дѣреьевъ.

Общее мнѣніе въ домѣ объ ожидающей меня будущности, однажды, очень наивно было мнѣ высказано. Одна пансіонерка, которой удалось мнѣ сдѣлать какую-то небольшую услугу, сидя возлѣ меня, воскликнула, не помню при какомъ случаѣ:

- Какъ жаль, что вы протестантка!
- Почему же, Изабелла?
- Потому-что на томъ свѣтѣ будете въ аду.
- Отчего вы такъ думаете?
- Оттого, что такъ думаютъ всѣ въ домѣ.

Изабелла была оригинальная дѣвушка, она говорила все, что ни приходило ей въ голову и любила посмѣяться; она прибавила потихоньку:

- Есть однакожь одно средство для вашего на томъ свѣтѣ спасенія.
- Какое же?
- О! Вы не захотите испытать его.

— Все-таки скажите?

— Вамъ надо сжечь себя на этомъ свѣтѣ.

— Ахъ! миленькая, мнѣ не остается и этого средства. Ауто-да-фе уже болѣе не существуетъ.

Читатель, можетъ-быть, забылъ миссъ Женевру Фаншавъ? Пусть же позволить мнѣ въ этомъ случаѣ вновь представить ему эту молоденькую дѣвушку, какъ пансіонерку, какъ лучший цвѣтъ изъ процвѣтающаго пансіона г-жи Бекъ. Дня черезъ два или три послѣ вступленія моего въ заведеніе на улицѣ Фоссетъ, явилась туда же миссъ Женевра, ни сколько не удивленная встрѣчею со мною. Вѣрно у миссъ Женевры текла въ жилахъ кровь аристократическая; ни какая герцогиня не показывала такой безопасности и невниманія ко всему, что не касалось до собственной ея персоны. Расположеніе и самая антипатія были у ней столь же прочны, какъ нить паутины; за то эгоизмъ ея оставался неизмѣннымъ.

Чтобъ быть вполне справедливой къ миссъ Женеврѣ Фаншавъ, я должна прибавить, что она задавала такіе тоны не изъ гордости. Не смотря на то, что я сначала была нянькой при дѣтяхъ, она охотно сдѣлала бы меня своею повѣренною. Женевра преслѣдовала меня своими жалобами, ей все не нравилось. Столь былъ дурень, потому-что не французскій; она презирала воспитанницъ, учителей и гувернантокъ, потому-что это были не англичане. Соленая рыба по пятницамъ выводила ее изъ терпѣнія. Хлѣбъ, масло, кофе, молоко — все было дурно.

Сначала я слушала ее терпѣливо; но наскучивъ слушать всегда одно и то же, я просила ее пощадить мои уши. Тогда она стала мучить мои пальцы. Миссъ Фаншавъ имѣла довольно роскошный гардеробъ, но нуждалась въ вещахъ необходимыхъ. Послѣднія требовали нерѣдко исправленій, и какъ она не могла же унижить себя до обращенія съ иголкой, то почла го-

раздо удобнѣе возложить на меня всѣ эти штопанья, натурально, gratis. Нѣсколько недѣль я исполняла и эти требованія, но мое снисхожденіе не могло же не имѣть предѣловъ; я сказала ей наконецъ, что она могла бы и сама починить свое платье. Кажется, она заплакала тогда и упрекала меня, что не имѣю къ ней дружбы.

Не смотря на эти моральные недостатки, миссъ Женевра Фаншавъ, по наружности, была премиленькая дѣвушка. Особенно казалась она хороша, когда по воскресеньямъ являлась въ своемъ лиловомъ шелковомъ платьицѣ, съ своими русыми локонами, падавшими на бѣлыя плечики. Каждое воскресенье она уходила изъ пансіона къ своимъ знакомымъ, между которыми была одинъ, желавшій, по увѣренію ея, сдѣлаться къ ней очень-близкимъ; она называла его Исидоромъ, потому-что настоящее имя обожателя казалось ей слишкомъ обыкновеннымъ. Однажды, когда она тщеславилась своей побѣдой, я спросила ее, раздѣляетъ ли и она его чувства.

— Это еще вопросъ, отвѣчала она. Исидоръ не дурень собою и мнѣ не противенъ; но сходитъ по мнѣ съума; я забавляюсь глупостями, которыя заставляю его дѣлать: вотъ и все.

Такъ-какъ Женевра не давала мнѣ покоя своимъ Исидоромъ, то однажды я рѣшилась спросить ее, имѣетъ ли вѣрный ея обожатель всѣ условія, чтобъ быть не отвергнутымъ ея родными и въ особенности дядей, отъ котораго, казалось, преимущественно она зависитъ. Миссъ Женевра признавалась, что она въ этомъ сомнѣвается, потому-что Исидоръ не богатъ.

— Но если вы сомнѣваетесь, то зачѣмъ же обнадеживать его.

— Боже мой, да кто его обнадеживаетъ! Если онъ самъ надѣется, мнѣ какое дѣло.

— Но этотъ бѣдный человѣкъ надѣется на васъ жениться.

— Какія глупости! Развѣ я могу выдти замужъ въ мои годы.

— Зачѣмъ же по напрасну мучить?

— Кто вамъ говоритъ, что я его мучу? Онъ вздыхаетъ, когда меня видитъ, это правда; но мистрисъ Шолмондели увѣряетъ, что этотъ молодой человѣкъ имѣетъ умъ положительный и проложитъ себѣ дорогу своими личными достоинствами.

— Новая причина съ нимъ не кокетничать...

Миссъ Женевра, вмѣсто всякаго отвѣта на упрекъ мой въ кокетствѣ, залилась смѣхомъ, откинула локоны, упавшіе ей на глаза и убѣжала отъ меня совершенно довольная собою, какъ будто бы я ей наговорила кучу комплиментовъ.

Изъ длинной программы преподаванія въ пансіонѣ г-жи Бекъ, миссъ Женевра оказывала прилежаніе къ тремъ предметамъ: музыкѣ, пѣнію и танцамъ. Она охотно занималась также вышиваніемъ платковъ, потому-что не имѣла столько денегъ, чтобъ покупать платки уже вышитые. Что касается уроковъ исторіи, географіи, грамматики, ариѳметики, то она присутствовала на нихъ только для проформы, никогда не дѣлая задачъ или списывая ихъ у своихъ подругъ. Большую часть времени употребляла она на визиты. Начальница, зная, что она остается у нихъ не надолго, позволяла ей дѣлать такія отлучки. Мистрисъ Шолмондели, ея покровительница, любила удовольствія, приглашала ее на всѣ свои вечера и часто брала къ своимъ знакомымъ. Такой образъ жизни очень нравился миссъ Женеврѣ: только трудно было согласить туалетъ съ ея бюджетомъ. Она напрягала весь свой умъ, какъ бы преодолевать финансовыя затрудненія и я удивлялась дѣятельности ея ума, отъ

природы изобрѣтательнаго, когда являлось у нея желаніе гдѣ-нибудь блеснуть.

Она сама признавалась, какія употребляла средства, чтобъ получить отъ г-жи Шолмондели то или другое, н. п.: — дорогая мистрисъ, я право не знаю, что мнѣ надѣть на вашъ вечеръ? — Все, что ни наденешь, душенька, будешь хороша; молодость и красота не лучшей ли нарядъ? Надѣнь кисейное платье. — Кисейное платье съ небольшою отдѣлкою было бы всего лучше, но у меня ни гдѣ нѣтъ кредита. — Объ этомъ не беспокойся, мое дитя.

И въ-самомъ-дѣлѣ это нисколько не беспокоило миссъ Женевру; она такъ часто утруждала подобными просьбами мистрисъ Шолмондели, что та наконецъ перестала исполнять ихъ.

Между-тѣмъ миссъ Женевра не переставала выѣзжать въ свѣтъ, туалетъ ея былъ всегда хорошъ, не было недостатка въ перчаткахъ, букетахъ и даже дорогихъ вещицахъ. Послѣднія даже она отъ меня скрывала, какъ вдругъ, уѣзжая однажды на большой вечеръ, явилась во всемъ своемъ блескѣ.

Въ этотъ вечеръ она была точно прекрасна. Молодость, свѣжесть, бѣлизна, тонкая и гибкая талія составляли преимущества миссъ Женевры. Платье на ней было новое, элегантное, безукоризненное; она медленно оборачивалась, чтобъ дать разсмотрѣть себя со всѣхъ сторонъ; сознаніе своей красоты располагало ее къ веселости, ея большіе голубые глаза сіяли отъ удовольствія. Она хотѣла обнять меня отъ радости, но вдругъ меня поразила мысль, откуда взялось у ней такое богатство.

— Какъ вы меня находите? спросила она.

— Я нахожу, что вы хорошо одѣты.

Похвала показалась ей довольно холодною; она желала слышать болѣе и обратила для того вниманіе мое на подробности.

— Что вы скажете о моей прическѣ? Какъ вамъ нравятся брошка, серьги, браслеты? Во всемъ пансіонѣ нѣтъ лучшихъ, не выключая и г-жу Бекъ, которая такъ любитъ говорить о своихъ дорогихъ вещахъ.

— Вѣрно вамъ подарилъ ихъ г-нъ Бассомпьеръ?

— Нѣтъ, онъ ничего про нихъ не знаетъ.

— Такъ мистрисъ Шолмондели?

— И того менѣе. Давно уже она ничего не даетъ мнѣ: это эгоистка.

Я не почла нужнымъ распрашивать ее болѣе и повернулась къ ней спиной,

— Что это значитъ? вскричала она. — Диогенъ не доволенъ. Такъ называла она меня въ шутку, когда мы были съ ней въ чемъ-нибудь несогласны. — Не всѣмъ же жить въ бочкѣ.

— Нѣтъ, но если я не могу сказать вамъ теперь, какъ философъ Александру: — отойди, ты заслоняешь мнѣ солнце, то, по-крайней-мѣрѣ, могу сказать: оставьте меня съ моей бѣдной лампой и работой. Ваша роскошь меня не ослѣпляетъ и не прельщаетъ.

— Всегда та же, всегда воплощенная мудрость! отвѣчала она съ удивленіемъ. Вы, можетъ-быть, думаете, что я взяла эти вещи въ долгъ; нѣтъ, за одно платье не заплачено и дядюшка Бассомпьеръ не поспоритъ за нѣсколько лишнихъ гиней по счету швеи.

— Позвольте же мнѣ работать миссѣ Женевра. Вы хотите, чтобъ я хвалила вашъ туалетъ, но я какъ-то не расположена къ похваламъ; комплиментовъ вамъ будетъ довольно и безъ моихъ, на балѣ. Вы мнѣ казались лучше, когда увидѣла я васъ въ первый разъ на остендскомъ пакетботѣ, въ ситцевомъ платьѣ и соломенной шляпкѣ. У всякаго свой вкусъ.

— Слава Богу, возразила она, что не у всѣхъ пуританскіе вкусы. Если мы будемъ когда съ вами въ маскерадѣ, я наряжусь для вашего удовольствія квакеркой. Задѣтая заживо моею холодною и смущенною моею строгимъ видомъ, миссъ Женевра присовокупила: — какое однако имѣете вы право дѣлать мнѣ упреки?

— Натурально, никакого, но вы еще менѣе имѣете права распускать въ моей комнатѣ павлиный хвостъ и заставлять меня удивляться чужимъ перьямъ. Вспомните, миссъ Женевра, басню.

— Вы хотите выгнать меня изъ комнаты?

— Совсѣмъ нѣтъ, но я слышу шаги придверницы. Васъ вѣрно ищутъ.

— Спрашиваютъ миссъ Женевру Фаншавъ, раздался звонкій голосъ Розины, придверницы.

— Слышите?

— Прощайте, не сердитесь.

— Прощайте.

Черезъ два или три дня, миссъ Женевра призналась мнѣ, откуда взялись эти драгоценности.

— Отчего вы на меня все сердитесь?

— Я—сержусь на васъ?

— Да, вы меня осуждаете, вы думаете, что я дѣлаю долги, которые заплатитъ папенька, или г. Басомпьеръ. Увѣряю васъ, что кромѣ послѣднихъ платьевъ, я ничего не должна; все прочее заплачено.

— Но въ этомъ-то и состоитъ тайна, миссъ Женевра. Мистрисъ Шолмондели, вы сами говорите, скупая старуха; карманныхъ денегъ вы не любите тратить. Кто же заплатилъ за вещи ювелиру?

— Такъ слушайте: я все вамъ скажу, госпожа мудрость; тогда браните меня, сколько хотите. Папенька хочетъ, чтобъ я жила въ свѣтѣ и играла въ немъ роль; онъ просилъ мистрисъ Шолмондели, чтобъ она

отучила меня от пансионскихъ манеръ прежде дебюта моего въ англійскомъ обществѣ, гдѣ, вѣрно, желаетъ, чтобъ я прельстила какого-нибудь набаба. Итакъ, я должна хорошо одѣваться; но какъ это сдѣлать? Мистрисъ Шолмондели дрожитъ отъ скупости, мнѣ нельзя употреблять во зло доброту моего дяди и безпрестанно просить у него денегъ; вы мнѣ сами всегда это повторяете. Нашелся человѣкъ, который понялъ мое положеніе, которому я нравлюсь и который почитаетъ себя счастливымъ...

— Наряжать своего идола, перебила я ее, и идола это дозволяетъ. Вотъ, это прекрасно миссъ Женевра Фаншавъ!

— Еслибъ вы знали, продолжала она, какъ онъ дрожалъ...

— Передъ идоломъ, когда приносилъ ему жертвы. Не сомнѣваюсь въ этомъ, миссъ Женевра.

— Какъ колебался и краснѣлъ! какъ боялся отказа!

— Бѣдняжка! сначала вы брали отъ него цвѣты, потомъ перчатки, потомъ — драгоценныя вещи...

— Да; я уже вамъ это сказала. Боже мой, какъ вы на меня смотрите, миссъ Люси? развѣ я сдѣлала какое преступленіе?

— Преступленія, слава Богу, еще нѣтъ; но вы виноваты, очень виноваты, если хотите слышать отъ меня правду. Принять цвѣты, положимъ, еще можно; но принимать вещи отъ человѣка, который, можетъ-быть, будетъ отвергнутъ вашими родными...

— Я почти увѣрена въ этомъ.

— Увѣрены? такъ вы его не любите?

— Я спрашивала у цвѣтка маргаритки: «люблю, немного, много, страстно, совсѣмъ не люблю» — я когда-нибудь покажу вамъ, какъ это дѣлается. Отвѣтъ

вышелъ: *совсѣмъ не люблю*, и мнѣ кажется, что маргаритка отвѣчала правильно. Я его царица, но онъ не властелинъ мой.

— Я не могу вамъ вѣрить миссъ Женевра. Неужели вы можете получать подарки отъ человѣка, къ которому совершенно равнодушны. Дѣло идетъ конечно объ Исидорѣ. Я думаю, вы его любите и только не хотите въ томъ признаться.

Миссъ Женевра, подумавъ съ минуту, сказала:

— Вы знаете, что я съ вами не секретничаю. Я и сама удивляюсь, что такъ холодна къ Исидору; между тѣмъ всѣ его хвалятъ, находятъ достойнымъ человѣкомъ; многія женщины имъ восхищаются; не знаю, почему онъ мнѣ наскучаетъ. Какая разница съ молодымъ офицеромъ, съ которымъ я вальсировала на одномъ вечерѣ! Исидоръ слишкомъ серьезенъ; онъ считаетъ меня совершенствомъ, что меня затрудняетъ, заставляетъ казаться лучшею, нежели какова я есть. Мнѣ гораздо свободнѣе съ вами, Дюгенъ, хотя вы считаете меня невѣждой, кокеткой, вѣтренницей, глупой, и мало ли еще чѣмъ? вы приучили меня къ этимъ нѣжностямъ и я, признаюсь, отчасти ихъ заслуживаю.

Боясь, чтобъ эта комическая наивность не заставила меня расхохотаться, я сказала ей съ видомъ участія:—ваша откровенность заставляетъ меня дать вамъ, миссъ Женевра, добрый совѣтъ. Свяжите въ узелокъ все, что вы получили отъ Исидора, и, какъ честная, добрая дѣвушка, отошлите къ нему.

— Благодарю за совѣтъ; но подарки я оставлю у себя. Если отослать ихъ къ нему, онъ обидится и разсердится какъ «Рѣкинъ.»

— «Рѣкинъ!» что это значить?

— Во Франціи военные называютъ такъ статскихъ. Нѣтъ, рѣшительно Исидоръ слишкомъ для меня серь-

ёзень. Когда я бываю съ нимъ вмѣстѣ, мнѣ кажется что сижу на скамьѣ предъ судьей. Ротмистръ Альфредъ Дю-Гамель мнѣ несравненно болѣе нравится; онъ порхаетъ между нами, какъ мотылекъ вокругъ цвѣтовъ. Умные люди и философы не по мнѣ.

— Вы говорите справедливо, миссъ Женевра; но довольно намъ болтать.

— Я понимаю. Диогенъ хочетъ остаться одинъ въ своей бочкѣ.

— Именно.

— До свиданія. И она убѣжала, помирая со смѣха.

VII.

Снисходительная ко всѣмъ, г-жа Бекъ не показывала ни къ кому особой нѣжности, не выключая даже и собственныхъ своихъ дѣтей. Конечно она заботилась объ нихъ, пеклась объ ихъ будущности, но я никогда не видала, чтобъ она ихъ приголубила, поцѣловала.

Не менѣе странно было обращеніе ея съ старшею дочерью. Трудно представить себѣ дитя съ большими недостатками. Дезире — бѣдовое дитя! такъ отзывались о ней отъ классовъ до кухни. Она надоѣдала каждому и выводила всѣхъ изъ терпѣнія. Дезире частенько взбиралась на чердакъ къ служанкамъ, отворяла ихъ сундуки, мяла, рвала, бросала въ соръ ихъ чепчики, платья, платки. Проказамъ ея не было конца; она била стаканы и тарелки, взваливая вину на людей. Когда жаловались на Дезире матери, г-жа Бекъ отвѣчала равнодушно: — что жъ дѣлать? ребенокъ требуетъ лучшаго за собой присмотра. Но присмотръ самой г-жи Бекъ не достаточенъ былъ для этого маленькаго демона. Дезире не щадила ни туале-

та, ни рабочаго столика своей матери. Если только удавалось ей запустить туда свою удочку, тотчасъ какая-нибудь вещь скрывалась. Начальница все это хорошо видѣла, но дѣлала видъ, будто бы ни чего не замѣчаетъ. Тактика ея съ своею дочерью была слѣдующая: если пропадала дорогая вещь, г-жа Бекъ говорила: — Дезире взяла ее для шутки, и просила шалунью, чтобъ она отдала. Но Дезире на это не поддавалась, увѣряя, что у нея нѣтъ ни брошки, ни кольца, ни ножницъ. Матушка притворялась, что ей вѣрить, а между-тѣмъ подстерегала, куда упрямыя прячетъ пропавшія вещи и напоследокъ открывала щелку въ стѣнѣ сада, потаенный уголокъ на чердакѣ или въ амбарѣ, гдѣ все было спрятано. Послѣ того г-жа Бекъ посылала Дезире гулять съ своей нянькой, и во время ея отсутствія обворовывала воришку. Въ такомъ случаѣ Дезире показывала себя достойною дочерью своей матери и не показывала ни малѣйшаго вида, что ее поймали и обобрали.

Младшая дочь, Фифина, говорятъ, похожа была на своего покойнаго отца. Этотъ ребенокъ дѣйствительно имѣлъ прекрасную нравственность. Однажды Фифина упала съ лѣстницы, г-жа Бекъ услышала шумъ... ни какой шумъ не ускользалъ отъ ея уха. Она тотчасъ вышла изъ столовой, подняла свою дочь и сказала намъ съ невѣроятнымъ хладнокровіемъ: — дитя вывихнуло руку. Мы сначала думали, что она ошибается, но оказалось, что это правда.

— Миссъ Люси, поберегите ее, присовокупила г-жа Бекъ; сейчасъ послать за наемной каретой.

Карета пріѣхала, и я должна, къ чести г-жи Бекъ, сказать, что она поторопилась въ нее сѣсть и отправилась за докторомъ и всё это съ удивительнымъ хладнокровіемъ.

Пансіонскаго доктора не было дома; г-жа Бекъ отыскала его помощника и привезла съ собой; между-

тѣмъ я разрѣзала рукавъ у Фифины и уложила ее въ постель.

Никто изъ насъ, (я разумѣю здѣсь няньку, кухарку, придверницу и собственную мою персону — собранныхъ въ маленькой комнатѣ, въ которой развели большой огонь), никто изъ насъ, кажется, не обратилъ въ эту минуту большаго вниманія на новаго доктора. Я всячески старалась успокоить Фифину, которая кричала; крикъ ея еще усилился, когда докторъ подошелъ къ постелѣ. — Оставьте меня! сказала она, по-англійски, я не хочу васъ, а доктора Матиса.

— Докторъ Матисъ мой лучшій другъ, отвѣчалъ помощникъ тоже на чистомъ англійскомъ языкѣ, что заставило меня взглянуть на него; но теперь отсюда въ трехъ миляхъ, и прежде, чѣмъ возвратится, маленькая ручка, надѣюсь, будетъ вправлена. Онъ потребовалъ сахарной воды съ померанцевыми цвѣтами и заставилъ Фифину проглотить нѣсколько ложечекъ. Фифина была лакомка и этимъ онъ нашелъ лучшій путь къ ея расположенію. Онъ общалъ ей конфетъ, когда рученка будетъ вправлена и завязана, какъ у куклы; видя, что малютка становится смирише, онъ попросилъ кухарку, здоровую сильную женщину, быть на готовѣ немного ему помочь. Кухарка и за нею нянька и придверница тронулись съ мѣста. Я тоже протянула руку, но въ эту минуту вошла г-жа Бекъ; рука ея была тверда, между-тѣмъ моя дрожала.

— Это будетъ лучше, сказалъ докторъ, оборотясь къ г-жѣ Бекъ, ни кто не замѣнитъ матери.

Докторъ, говоря вообще, былъ правъ, но въ этомъ случаѣ могъ ошибаться въ отношеніи многихъ матерей. Не у всѣхъ можно найти такую твердость, какъ у г-жи Бекъ.

—Благодарю, сударыня, сказалъ онъ, окончивъ операцію. Такое хладнокровіе лучше въ тысячу разъ безполезной чувствительности. Г-жа Бекъ, казалось, была очень довольна такою похвалою.

Такъ-какъ становилось уже темно, то опустили шторы и принесли огня. Докторъ не тотчасъ ушелъ по окончаніи операціи; онъ долго еще разговаривалъ съ Фифиной, все по-англійски. Тутъ я могла разсматривать его на свободѣ: это былъ видный молодой человѣкъ, замѣчательной наружности; онъ казался высокаго росту, особенно въ маленькой комнатѣ между низенькими брюссельками. Профиль его лица былъ греческій, глаза голубые, ласковые: но слишкомъ уже подвижные для доктора. Можно было еще замѣтить тонкую иронию въ отвѣтахъ его на комплименты, которыми засыпала его г-жа Бекъ.

Хотя молодой докторъ очень бѣгло говорилъ по-французски, но еще лучше по-англійски, и всѣ манеры обличали въ немъ британца. Я ломала себѣ голову, чтобъ вспомнить, гдѣ видѣла это самое лицо, слышала этотъ самый голосъ. Не въ Англіи ли? Нѣтъ; наконецъ я вспомнила: это было въ остендской каретѣ, когда я просила моего соотечественника спросить о пропавшемъ чемоданѣ. Это былъ тотъ самый мужчина, который провелъ меня чрезъ темный паркъ. Прислушиваясь, когда онъ пошелъ по длинному коридору, ведущему на улицу, я также припомнила его шаги; именно тѣ же твердые, ровные шаги, за которыми я слѣдовала въ темнотѣ подъ деревьями, съ которыхъ лился дождь.

Первый визитъ молодаго доктора въ улицу Фоссетъ могъ быть и послѣднимъ; доктора Матиса ждали на завтра: не было причины замѣнить его другимъ, но судьбѣ угодно было сдѣлать иначе.

Призванный къ богатому ипохондрику, въ старинный городъ Лувенъ, докторъ Матисъ предписалъ больному перемѣну мѣста, и послѣдній, поймавъ доктора на словѣ, просилъ его отправиться съ нимъ на нѣсколько недѣль за значительную плату. По этому молодой докторъ часто къ намъ являлся и я много разъ его видѣла, потому-что начальница только мнѣ одной поручала надзоръ за дочерью въ свободные часы отъ англійскихъ уроковъ. Когда Фифина совершенно выздоровѣла, Дезире прикинулась больною; болѣзнь имѣла свои привилегіи для лѣнивицы, и она рѣшилась не вставать съ постели. Меня она не обманула такой комедіей, хотя Дезире хорошо разыгрывала свою роль, а матушка ея и того лучше; но начальница, вѣроятно, имѣла свои причины для такой легковѣрности.

Но меня болѣе всего удивляло, что и докторъ Жанъ, такъ называли его въ домѣ, поддался тактикѣ начальницы. Онъ при самомъ началѣ обнаружилъ довольно забавно сомнѣніе свое и насмѣшливо посматривалъ, то на мать, то на дочь; но изъ вѣжливости не хотѣлъ имъ поперечить. У Дезире былъ ненасытный аппетитъ; день и ночь она скакала на своей постелѣ; дѣлала палатки изъ простынь и одѣялъ; садилась, какъ турокъ на подушки, пускала туфли свои въ голову нянюшкѣ и дѣлала гримасы сестрамъ, а когда приходили мать и докторъ Жанъ, то принимала на себя видъ болѣзненный. Я понимала госпожу Бекъ; для нея лучше было имѣть свою дочь въ постелѣ, нежели дать ей свободу на шалости; но какъ изъяснить потачку доктора? Это оставалось для меня загадкою. Между-тѣмъ докторъ показывалъ примѣрную пунктуальность; г-жа Бекъ принимала его всегда съ откровеннымъ радушіемъ, средства, имъ прописываемыя были, разумѣется, самыя безвредныя. Изъ учтивости, или изъ снисхожденія къ матери, продолжалъ онъ на-

вѣщать Дезире, или былъ съ его стороны расчетъ и тайная надежда замѣнить совсѣмъ доктора Матиса и быть постояннымъ врачомъ при пансіонѣ? Нѣтъ, онъ былъ выше подобнаго расчета, или наружность его была совершенно обманчива: проницескій его взглядъ, который онъ скрывалъ отъ всѣхъ, кромѣ меня, считая бѣдную учительницу только за живую мебель и обращая на меня не больше вниманія, какъ на столы и стулья,—сбивалъ меня съ толку. Между-тѣмъ у меня были глаза для наблюденія за нимъ. — Докторъ Жанъ, если вы дѣйствительно джентльменъ, котораго я видѣла въ дилижансѣ, что заставляетъ васъ играть такую роль?

Однажды, поджидая г-жу Бекъ, онъ сидѣлъ противъ солнца; я замѣтила впервые отливъ его волосъ и бакенбардъ, отливъ золотистый, безъ сомнѣнія, со-общенный полуденнымъ свѣтиломъ, но я не знаю почему—сдѣлала сравненіе его головы съ золотымъ идо-ломъ Новуходоносора. Другая мысль также меня поразила. Я вспомнила о сынѣ моей крестной матери, мальчикѣ съ золотыми волосами; но какая глупая идея! взволнованная этимъ воспоминаніемъ, я невольно сдѣ-лала знакъ удивленія. Докторъ Жанъ замѣтилъ это чрезъ маленькое овальное зеркало, поставленное у ок-на такимъ образомъ, что г-жа Бекъ могла видѣть, что дѣлается въ саду, не бывъ сама замѣченною, почему и прозвано оно было шпиономъ. Докторъ Жанъ имѣлъ нѣкоторую странность, онъ не любилъ когда смотрѣ-ли на него пристально; ему отъ этого было какъ-то неловко. Мой взглядъ, мой жестъ отъ него не ускольз-нули, и онъ сказалъ мнѣ холодно и сухо:

— Что вы находите во мнѣ страннаго, сударыня? говорите откровенно, не щадя меня.

Я сконфузилась, но почла за лучшее принять на себя видъ удивленной, чѣмъ оправдываться. Я ни-

когда не разговаривала съ докторомъ; да и онъ никогда не удостоивалъ меня своимъ словомъ. И такъ, оставя его думать что хочеть, я принялась опять за свою работу, не подымая головы, пока онъ не вышелъ изъ комнаты.

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 3.

НЕСЧАСТЬЕ ОДНОГО РОДА.

КОМЕДИЯ ВЪ ОДНОМЪ ДВѢЙСТВІИ.

В. С. ПЕНЬКОВА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ВЛАДИМІРЪ СЕРГѢИЧЪ НИЛОВЪ, докторъ.

ВѢРА ЕГОРОВНА, жена его.

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ ДЫНИНЪ, ея дядя.

КАПИТОНЪ, слуга Нилова.

Дѣйствіе происходитъ на дачѣ, въ окрестностяхъ Петербурга.

И. С. НИКОНОВЪ

Со вкусом убранная угловая комната. В глубине сцены стеклянные двери въ садъ. Надъ два окна на улицу; у одного изъ нихъ небольшой столъ и стулъ. Направо дѣль двери: въ кабинетъ доктора и въ прихожую. Направо же софа; передъ ней на кругломъ столѣ приготовленъ завтракъ; между прочимъ графинъ воды и два стакана.

I.

НИЛОВЪ и ДЫНИНЪ входятъ изъ дверей прихожей.

Дынинъ (въ дорожномъ платьѣ; довольно толстый человекъ, съ выраженіемъ достатка и довольства). П протлично!.. А я не зналъ, что вы на дачѣ: женочка-то твоя, вѣтреница, ни слова объ этомъ не написала,—и проѣхалъ въ Питеръ. Тамъ, говорятъ: господа съ самаго Николаина дня изволятъ пробавляться на чистомъ воздухѣ. Ну, чтожь,—говорю,—нечего дѣлать, поворачивай оглобли, поглощаемъ еще пыли. Знаешь, по желѣзнымъ-то дорогамъ вашимъ я боюсь, то есть, не люблю ѣздить: все сѣши, да сѣши—точно на пожаръ! Того и смотри—опоздаешь!.. То ли дѣло какъ въ своемъ, этакъ, тарантасцѣ порастянешься!.. Да не о томъ рѣчь!.. Я пріѣхалъ, какъ ужъ имѣлъ честь объявить, потребовать отъ вашей милости самый строгій отчетъ... Должно же что нибудь быть —

Ниловъ. Увѣраю васъ — рѣшительно ничего.

Дынинъ. Тѣмъ лучше!.. Да я не вѣрю, извольте, не медля, каяться! Только, слышите, напередъ говорю: если вы виноваты, если вы мою Вѣрочку хоть на волосокъ чѣмъ-нибудь огорчили, — такъ, чортъ меня возьми, я готовъ на все! Готовъ старину вспомнить!.. Еще не разучились мы въ двадцати шагахъ въ туза попадать!

Ниловъ (смѣясь). Надѣюсь, дядюшка, до того у насъ не дойдетъ.

Дынинъ. Можетъ-быть! А отчего, смѣю спросить, вы такъ рѣшительно изволите утверждать, что не дойдетъ?.. Развѣ вамъ неизвѣстно, что мы, въ свое время, не хуже вашего рѣзали, да кололи?.. П если вы какъ-нибудь покривили противъ моей игрушечки, такъ вотъ вамъ моя рука, что — дойдетъ!..

Ниловъ (быстро). Тсъ!.. Не такъ громко!.. (Осматривается кругомъ).

Дынинъ (*спокойнѣе и добродушно, вполголоса*). Правда, правда!.. Хотя меня страхъ тянетъ расцѣловать моего херувимчика, а все не должна она до поры до времени знать, что я здѣсь. Надо прежде съ вами покончить, вывести все на свѣжую воду...

Ниловъ. Позвольте, чтобъ намъ спокойнѣе было —

Дынинъ. Что ты хочешь?

Ниловъ. Капитонъ!.. Надо такъ устроить, чтобъ Вѣра не застала насъ въ расплахъ.

Дынинъ. Дѣло.

II.

Прежніе. КАПИТОНЪ.

Капитонъ. Вы изволили, сударь, требовать —

Ниловъ. Если Вѣра Егоровна спроситъ, скажи—меня дома нѣтъ, ушелъ къ больному, но скоро буду назадъ.

Капитонъ. Слушаюсь—съ!

Дынинъ. Ты смотри же, Купидонъ, не проболтайся о моемъ прїездѣ. Я напоминаю для того, что у тебя встарь память была плоха. Мнѣ хочется удивить мою куколку. Понимаешь?

Капитонъ. Обоюбенно понимаю, сударь! Не мудрость какую изволите произъяснять!

Ниловъ. Ну, полно! Иди и не забудь дать намъ знать, когда барыня одѣнется и выйдетъ изъ своей комнаты.

Капитонъ. Да онѣ, сударь, часа съ два какъ ужъ одѣвши и ушедши въ садъ... То есть, осмѣлюсь я вамъ, батюшка, доложить: въ умъ не взять, что за причина съ ними съ нѣкотораго времени...

Дынинъ (*озабоченно*). Что?.. Что такое съ ней?.. (*Нилову*). Видите!.. Видите!..

Ниловъ. Не беспокойтесь, дядюшка! (*Капитону*). Что за вздоръ ты городишь?

Капитонъ. Никакъ нѣтъ, сударь!.. Хотя побойться, сушая правда!.. Ужъ невѣдомо, больны ли онѣ, али что...

Дынинъ (*испуганный*). Больна?.. Видите, сударь!.. (*Бѣдо*). Жена больна, жена при смерти, а супругъ любезный ничего не знаетъ!.. А еще докторъ! Что же вы за докторъ?.. Что вы за мужъ, послѣ этого?..

Ниловъ. Ахъ, дядюшка...

Дынинъ (*гнѣвно*). Только и знаете: ахъ, дядюшка! ахъ, дядюшка!..

Видно всё вы, господа доктора, на одинъ покрой!.. Какой-нибудь пациенткѣ вашей приключись самая капельная боль, вы вмигъ скорчите важную мину, то и дѣло за пульсъ, качаете глубокомысленно головой, и начнете проицсывать и предиссывать и то и се!.. А жена—такъ будь вотъ при послѣднемъ издыханіи—и усомъ не поведете!.. Это, молю, бездѣлица, вздоръ, такъ, ничего!.. (*Почти плачетъ*). Вы—тиранъ!.. Вы, сударь, извергъ!.. Какъ-будто жена ужъ и заболѣть не можетъ!..

Ниловъ (*смѣясь*). Да помилуйте, дядюшка! Жена моя вовсе не больна.

Дынинъ (*сурово*). Чтѣ?.. Не больна?.. Почему вы это знаете?

Ниловъ (*пожимая плечами*). Странное дѣло!.. Какъ мужъ и, чтѣ еще вѣрнѣе, какъ врачъ.

Дынинъ. Если такъ, то откуда всё эти!..

Ниловъ. Еще сегодня утромъ, какъ я уѣзжалъ, она была такъ свѣжа, здорова, рѣзва!..

Капитонъ. Гмъ!.. Не во гнѣвъ вашему здоровью, Владиміръ Сергѣичъ, а я запримѣтилъ—онѣ рѣзвятся только при васъ, а чуть вы, то есть, за дверь—барыня и головку повѣсили, словно!..

Дынинъ. Слышите! Слышите!.. Докторъ, я вамъ серьезно!..

Ниловъ. Право, дядюшка, старику мерещится.

Капитонъ. Напрасно, сударь, изволите сумлѣваться!.. Не мерещится, а доподлинно такъ!.. Не угодно-ли посмотрѣть? Съ часъ, коли не больше, онѣ сидятъ тамъ въ бесѣдкѣ, подперши ручкой головку и, почтай, ничего не видятъ и не слышатъ.

Дынинъ. Это ужасъ!.. Ничего не видятъ и не слышатъ!.. Докторъ!.. Чтѣжъ это такое?.. И вы ничего не знаете?..

Ниловъ. Увѣряю васъ, дядюшка!.. (*Капитону*). Отчегожъ ты до сихъ поръ мнѣ не сказалъ?..

Капитонъ. Хмъ?.. Отчего не сказалъ-то?.. Да оттого, что думалъ—авось пройдетъ!.. И никогда онѣ такъ долго не оставались на одномъ мѣстѣ, какъ сегодня!.. Словно приросши!.. Я раза два проходилъ мимо, а имъ меня и не въ примѣту, какъ-будто ихъ тамъ вовсе, то есть, нѣтъ. Сидятъ и вздыхаютъ, да таково тяжело, индо сердце поворачивается!.. Право слово!..

Дынинъ. Слышите?.. Слышите, докторъ?.. Тяжело вздыхаетъ!

Ниловъ (*сурово Капитону*). Однако довольно сказки сказывать!.. Ступай и приди доложить, когда барыня пойдетъ изъ саду.

Капитонъ. Слушаю-сь! (*Уходитъ въ садъ*).

III.

НИЛОВЪ, ДЫНИНЪ.

Дынинъ (*строго*). Ну-съ, господинъ докторъ!.. Чтò вы на это скажете?.. Отчего ваша жена въ такомъ положеніи?.. Отчего она скучаетъ?..

Ниловъ. Почему жь я знаю?.. Все, чтò Капитонъ говорилъ, слышу я въ первый разъ... Мнѣ это такъ же ново и непонятно, какъ и вамъ.

Дынинъ. Положимъ!.. Однако должно же съ ней происходить чтò-нибудь особенное, необыкновенное!.. Иначе съ чего бы ей называть себя несчастною?.. Въ послѣднемъ письмѣ, —говорить тетка, — такъ даже сказано: несчастна въ высшей степени!

Ниловъ. Какъ вамъ угодно, лядушка, вѣрьте мнѣ или не вѣрьте, но клянусь — это для меня непостижимо!.. Совершенная загадка!.. Мнѣ она никогда ни на чтò не жаловалась!.. Даже виду не подавала, чтобы...

Дынинъ. Воля твоя—не вѣрю!.. И ужь, во чтò-бы ни стало, допытаюсь до правды?.. Я былъ ей всегда второю матерью, то есть, вторымъ отцомъ—хотѣлъ я сказать, и если узнаю, что вы... Нѣтъ, скажите правду, какъ передъ Богомъ, въ-самомъ-дѣлѣ вы ничего за собой не знаете такого?.. Понимаете?..

Ниловъ. Рѣшительно ничего.

Дынинъ. Неужели такъ трудно признаться?.. Чтò бы ни было, я, какъ родной, который васъ любить, не буду слишкомъ строгъ... Можетъ, какая-нибудь маленькая слабость... Ну, чтòжъ?.. Нужно, такъ мы мастера и сквозь пальцы смотреть...

Ниловъ (*обиженный*). Сдѣлайте одолженіе, Петръ Петровичъ, смотрите, какъ угодно, сквозь чтò хотите!..

Дынинъ (*добродушно*). Послушай, милый Владиміръ! Съ покойнымъ отцомъ твоимъ мы были старинные, закадычные друзья... Тебя, съ самыхъ пеленокъ, я тоже очень любилъ. Эта любовь и заставила меня отдать мою красавицу тебѣ, а не кому другому... Знаешь, какая бездна была у ней жениховъ! Точно меду около мухъ, то есть, мухъ около меду, хотѣлъ я сказать... И несмотря тамъ на безграничную и безконечную любовь къ тебѣ Вѣрочки, жена моя, а ея тетка, хотѣла выдать ее не за тебя, а за Грибанова, и что единственно мое краснорѣчіе подѣйствовало на тетку и осчастливило

тебя... (*Добродушно*). Скажи-ка?... Ты вѣдь до-сихъ-поръ еще счастливъ?..

Ниловъ. Какъ-нельзя болѣ!

Дынинъ (*радостно*). Видишь ли!.. Такъ, въ знакъ благодарности, скажи мнѣ откровенно, мой милый, не погрѣшилъ ли ты въ самомъ-дѣлѣ въ чемъ-нибудь противъ нея?

Ниловъ. Какъ прикажете это понять?

Дынинъ. Какъ?... Очень просто!.. Я полагаю — ты молодой человѣкъ, хорошъ собою, извѣстный врачъ... Тебя любятъ, таскаютъ, то есть, приглашаютъ на-расхватъ... Гмъ?... Что?... Какая-нибудь хорошенькая пациентка...

Ниловъ. Нѣтъ, дядюшка, не туда попали!.. У меня у самого молодая прелестная жена.

Дынинъ. Оно такъ!.. (*Восторженно*). Вѣрочка моя, конечно, прелесть, чудо!.. Я старикъ, а — безъ памяти отъ нея!.. Все же могло случиться... Какъ ты думаешь?... А?... Знаешь—для перемѣны, для разнообразія!.. Понимаешь?... Хорошенькая дѣвушка... Человѣкъ, братъ, все — человѣкъ!.. Или молодая вдовушка, въ родѣ цвѣтка, этакъ?... Сколько бывало примѣровъ!.. Вѣдь вѣрно между твоими пациентками есть цвѣточки!

Ниловъ (*улыбаясь*). Какъ не быть.

Дынинъ. Ну, значить... Владиміръ! Прошу тебя, признайся!

Ниловъ (*смѣясь*). Дядюшка, вы меня смѣшите!

Дынинъ. Смѣйся, сколько душѣ твоей угодно!.. И я буду смѣяться, только признайся!

Ниловъ. Въ чемъ же?

Дынинъ. Видишь-ли... Согласись—врачъ до нѣкоторой степени все же—человѣкъ... Слѣдовательно, подчасъ и съ нимъ могутъ приключаться грѣшки... Положимъ, маленькіе, ничтожныя, какъ у васъ тамъ, по-ученому-то, прозывается — микроскопическіе что-ли, но все же... грѣшки?

Ниловъ. Нѣтъ, дядюшка! Врачъ долженъ быть выше человѣческихъ слабостей, и въ этомъ отношеніи я строже къ себѣ, чѣмъ кто-нибудь... Мнѣ все-равно, кто бы ни былъ мой пациентъ. Я думаю только о его болѣзни, какъ бы помочь ему... И холостой не поступалъ я иначе, тѣмъ болѣе теперь!.. Подумайте сами.

Дынинъ. Конечно, конечно!.. Стало ты, братъ, исключеніе изъ общаго правила, рѣдкость, такъ сказать. (*Про себя*). Совершенно въ моемъ родѣ! (*Гроико*). Нечего дѣлать, приходится пока повѣрить тебѣ.

Попробую отъ Вѣрочки попытаться, что у нея за горе; отчего она такъ несчастна?

Ниловъ. Ради Бога, дядюшка! Я буду чрезвычайно доволенъ, если вамъ удастся вывѣдать причину грусти, которую она отъ меня скрываетъ, и если я могу помочь этому горю...

IV.

Прежніе. КАПИТОНЪ изъ саду.

Капитонъ. Барыня изволили выдти изъ бесѣдки и сюда жалуютъ.

Ниловъ. Что вы станете теперь дѣлать, дядюшка?

Дынинъ. Ужъ это не твоя забота! Пиди въ свою комнату.

Ниловъ. Желаю вамъ успѣха! (*Входитъ въ кабинетъ*).

Дынинъ. Уйдемъ-ка, старый Амуръ, и мы покаместъ! Ступай скорѣй за мною! (*Уходитъ съ Капитономъ за двери*).

V.

ВѢРА, потомъ КАПИТОНЪ и ДЫНИНЪ.

ВѢРА (*въ изящномъ неглиже, съ цвѣткомъ въ рукѣ, идетъ изъ саду медленно и задумавшись; останавливается на срединѣ комнаты, взглядываетъ на небо, вздыхаетъ, поднимаетъ цвѣтокъ и, обрывая лепестки, говоритъ протяжно*). Любить!.. Очень!.. Немного!.. Почти не любить!.. (*Вздыхаетъ*). Почти не любить! (*Грустно*) Да! Онъ ужъ сталъ ко мнѣ равнодушень!.. Для него я — жена, не больше!.. Женщина — для присмотра за порядкомъ въ домѣ, за хозяйствомъ; его связываетъ со мной одна привычка!.. (*Дынинъ и Капитонъ подслушиваютъ у дверей*).

ВѢРА (*качаетъ медленно головою. Грустно*). Почти не любить! (*Смотритъ на небо; прижимаетъ руку къ сердцу*). Ахъ! лучше умереть! (*Тихо подходитъ къ окну, прислоняетъ къ нему печально голову и смотря въ него, говоритъ какъ-бы въ забытьи*). Почти не любить!

(*Ниловъ подслушиваетъ осторожно изъ кабинета. Дынинъ дѣлаетъ знакъ, чтобъ онъ спрятался. Ни-*

ловъ скрывается. Дынинъ вталкиваетъ Капитона въ комнату, а самъ прячется и подслушиваетъ, попутворивъ дверь).

КАПИТОНЪ (идетъ нѣсколько шаговъ впередъ и кашляетъ, чтобъ обратить на себя вниманіе).

ВЪРА (оборотясь). Что тебѣ нужно?

КАПИТОНЪ. Гмъ, гмъ! То есть я пришолъ доложить... баринъ приказали сказать... сію минуту будутъ. Ихъ позвали къ больному.

ВЪРА. Хорошо. (Снова принимаетъ прежнее положеніе и задумывается. Дынинъ показывается въ дверяхъ и дѣлаетъ знакъ Капитону).

КАПИТОНЪ (будто только что увидѣлъ Дынина). Эва, чудеса какія! Никакъ это вы, сударь, Петръ Петровичъ.

ДЫНИНЪ. Наслу наконецъ добрался я до васъ!.. Здравствуй, Вѣрочка! Здравствуй, дитя мое!..

ВЪРА (быстро оборачивается). Кто это?.. (Смотритъ на Дынина въ изумленіи). Дядя! Это ты?.. Добрый, милый дядя!.. (Бросается къ нему на шею). Ты ли это?.. Глазамъ не вѣрю!

ДЫНИНЪ. Я, я, моя звѣздочка!.. Самъ на лицо.

ВЪРА. Какъ я рада!.. Какъ я рада!.. (Кружитъ Дынина).

ДЫНИНЪ. Тихе, тихе!.. Советъ затормошила, шалунья!.. Я и то, съ дороги, еще опомниться не могу. (Цѣлуетъ ее въ лобъ). Ну, какъ ты поживаешь?.. Здорова ли?..

ВЪРА. Здорова, дядя, и весела, какъ птичка!

ДЫНИНЪ. И прекрасно, сердечко ты мое! (Разстегиваетъ медленно пальто).

ВЪРА. Дай, я помогу.

ДЫНИНЪ. Нѣтъ, оставь; вотъ старику, я вижу, дѣлать нечего... Поди-ка ко мнѣ, Купидонъ!

(Капитонъ не слышитъ).

ВЪРА. Какъ хочешь дядя! Такъ, постой же, я похлопочу пока по другой части. (Идетъ къ столу, гдѣ приготовленъ завтракъ и пересматриваетъ все ли въ порядкѣ).

ДЫНИНЪ (Капитону). О чемъ ты задумался? Эй! Помогни мнѣ!..

КАПИТОНЪ (быстро подходитъ къ нему и пособляетъ раздѣваться). Чтѣжь вы, сударь, на счетъ барыни, то есть, полагаете?

Дынинъ (*тихо*). Хоть убей, въ толкъ не возьму!
Капитонъ (*тихо*). И я, таперича, рукавъ врозь.
Дынинъ (*тихо*). Только, слышишь, она не больна.
Капитонъ (*тихо*). Чтѣжь за притча такая?..
Дынинъ (*тихо*). Я тебѣ говорю — здоровѣе ее быть нельзя!
(*громко*). Помогн-ка мой багажъ внести...
Капитонъ. Сейчасъ! (*Уходитъ въ прихожую*).

VI.

ДЫНИНЪ, ВЪРА.

Дынинъ. Вѣрочка, полно тебѣ тамъ хлопотать!.. Поди сюда, дитя мое!

Вѣра. Сію минуту, дядя! (*Подбѣгаетъ къ нему*). Ахъ, какъ я рада, что ты съ нами!.. Какъ Владиміръ обрадуется!...

Дынинъ. Право?.. Это хорошо!.. Что онъ дѣлаетъ?.. Тоже здоровъ? Веселъ?

Вѣра. Здоровъ-ли? Ахъ, дядя, можно ли объ этомъ спрашивать?.. Развѣ я стала бы такъ радоваться, прыгать, еслибъ онъ былъ боленъ?.. Однако, что это со мной?.. Я просто... извергъ!.. Съ радости, что тебя вижу, совсѣмъ забыла спросить про тетку... Что она?..

Дынинъ. Тоже здорова, только гораздо бодрѣе и веселѣе тебя.

Вѣра. Ха, ха, ха!... Бодрѣе и веселѣе меня?.. Ты шутишь!.. Въ ея лѣта?..

Дынинъ. Да вотъ поди же!.. Значить, съ-тѣхъ-поръ, какъ мы распрощались, у тебя не было ни минуты грустной, пасмурной?..

Вѣра. Ни полминуточки!.. Все это время я жила въ полномъ розовомъ блаженствѣ!

Дынинъ. Такъ и слѣдуетъ!.. Очень радъ!.. Ну, а когда, подчасъ, Владиміра ташутъ къ какой-нибудь хорошенькой женщицѣ или вдовуцѣ, что у тебя, чай, сердечко-то щемить, этакъ, немножко?.. Знаешь, отъ ревности?.. Ге?..

Вѣра (*съ чувствомъ собственнаго достоинства*). Клянусь честью, никогда!.. Выходя за доктора, надо вовсе забыть про ревность: а то жизнь бѣдетъ не жизнь, а каторга!.. Я все это прежде-разчитала... Владиміръ—само постоянство! Характеръ у него твердый, чудесный. На его вѣрность я полагаюсь, какъ на свою... Впрочемъ,

еслибъ ему и понравилась какая-нибудь страждущая красавица, такъ чтожь такое?.. Влюбится ужъ онъ никогда не влюбится. Намъ съ нимъ недосугъ этимъ заниматься...

Дынинъ. И прекрасно!.. Я тоже думаю.

ВѢРА (съ притворнымъ смѣхомъ). Ха, ха, ха!.. Кажется онъ и забылъ совсѣмъ, что такое любовь?

Дынинъ. Какъ это?.. (Про себя). Ага!.. Вотъ оно большее-то мѣсто!..

ВѢРА. Такъ, просто, взявъ да и забылъ, какъ влюбляются и любить...

Дынинъ. И чудесно!.. Лишь бы тебя любил!.. (Беретъ стулъ и садится посреди сцены).

ВѢРА (про себя, задумчиво). Да! еслибъ любил!.. (Съ грустнымъ взглядомъ и вздохомъ). Но онъ вовсе не любит!..

Дынинъ (быстро). Что ты сказала?..

ВѢРА (нѣсколько смутившись, но потомъ опять спокойно и быстро). Нѣтъ, дядя, ничего!.. Не хочешь ли позавтракать? Съ дороги у тебя долженъ быть отличный аистить.

Дынинъ. Еще уснѣю; дождемся Владимира; вмѣстѣ веселѣе... А покажѣсть поди-ка сюда, моя куколка; стань передо мной, вотъ тутъ, какъ въ сказкѣ—лицъ передъ травой, и гляди мнѣ прямо въ глаза.

ВѢРА (съ тревожнымъ смѣхомъ). Это что значить?.. Ужъ не пшеновъ ли какая?..

Дынинъ. Зачѣмъ ты просила тетю прѣхать сюда?

ВѢРА. Развѣ ты знаешь?..

Дынинъ. А ты думала... стануть отъ меня секретничать?.. Сю минуту извольте говорить... чѣмъ вы несчастны?... Ужъ не измѣнилъ ли сунругъ?..

ВѢРА. Что ты, дядя?.. Я тебѣ сказала: Владимиръ — сама вѣрность!

Дынинъ. Тѣмъ лучше!.. Эту причину, стало, въ сторону!.. Самую страшную изъ всѣхъ!.. Такъ вѣрно ты терпишь какія-нибудь лишения?.. Или, можетъ, мужъ держитъ тебя въ четырехъ стѣнахъ?.. Отказываетъ во всѣхъ удовольствіяхъ?.. Словомъ, тиранъ?..

ВѢРА. Ровно ничего этого нѣтъ, дядя!.. Увѣряю тебя!..

Дынинъ (вертится безпокойно на стулѣ). Чортъ возьми!.. Должно же что-нибудь быть?.. Какое-жъ, наконецъ, несчастье?

ВѢРА (съ стыдливою боязнью). Ахъ, дядя!..

Дынинъ. Ну, что, дядя?.. Что такое?..

ВЪРА. Ахъ, дядя, онъ...

ДЫНИНЪ. Кто онъ?

ВЪРА. Владиміръ...

ДЫНИНЪ (*нетерпливо*). Фу, пропасть!.. Что такое Владиміръ?.. Что съ нимъ?

ВЪРА. Ахъ, дядя!.. Владиміръ...

ДЫНИНЪ (*вспыльчиво*). Послушай!.. Ты убить меня собралась, что-ли?.. Говори, наконецъ, что такое?..

ВЪРА (*грустно*). Онъ, дядя, вовсе... не ревнивъ.

ДЫНИНЪ (*вздыхнувъ свободно*). И прекрасно!.. И пребезподно!.. Да не о томъ рѣчь... Я все не понимаю — въ чемъ твое несчастье?

ВЪРА. Это и есть мое несчастье!

ДЫНИНЪ. Какъ?.. Что?.. Что, ты сказала, твое ..

ВЪРА. Развѣ не слышишь?.. Онъ не ревнивъ!

(*Дынинъ слегка отталкиваетъ ее отъ себя, смотря на нее съ изумленіемъ. Вѣра опускаетъ глаза въ землю*).

ДЫНИНЪ. Да ты какъ?.. Ты что?.. Шутишь, что-ли?.. Смотри, не разсерди меня!..

ВЪРА. Нѣтъ, дядя, не шучу. Развѣ можно этимъ шутить?

ДЫНИНЪ. Не шутишь?.. Чортъ возьми, тѣмъ хуже?.. Не шутить!.. Пріѣзжаешь для нея за тридевять земель, въ жаръ, въ зной, въ пыль, въ самое рабочее время, чтобъ пособить какому-то страшному горю, и... прошу покорно!.. остаешься въ дуракахъ!..

ВЪРА. Какъ можно, дядя...

ДЫНИНЪ. Да такъ же!.. Вотъ я тебя съ часъ разспрашиваю, а ты, вмѣсто путнаго отвѣта, знай твердишь—(*передразнивая*,)—Онъ не ревнивъ!..

ВЪРА. Такъ, по-твоему, это не несчастье?.. (*Наставительнымъ тономъ*). Гдѣ нѣтъ ревности, нѣтъ и любви!.. Объ этомъ я ужъ нѣсколько разъ читала, и еще недавно — въ одной самой новой и модной повѣсти... А помнишь у Козлова въ «Безумной»:

Плата, быть-можетъ, чести дань,
Жену покинувъ молодую,
Влюбленный мужъ летитъ на брань.
Сомнѣнье духъ его волнуеть ..
Кто любить страстно — тотъ ревнуеть!..

Дынинъ. Гмъ!.. Въ безумной!.. Какъ не помнить?.. Была бы охота, а подобной сумбурщины можно съ три короба въ минуту набрать!.. То-то и есть!.. Вы всё... читаете, да не дочитываете!.. А помните не то, что надо!.. Съ позволенія сказать, ты, просто-напросто, дуришь!..

ВѢРА. Ахъ, дядя...

Дынинъ. Да, да! Дуришь!.. Я не шучу... Несчастье, что мужъ не ревнуетъ!.. Понимаешь-ли, что ты говоришь?.. Знаешь ли, что такое ревность?..

ВѢРА. Какъ же, дядя!

Дынинъ. Такъ же, что не знаешь!.. Рѣшительно не знаешь!.. Тысячи, миллионы женщинъ сочли бы себя блаженнѣйшими, еслибъ ихъ муженьки не ревновали, потому-что ревность... самая глупая и ужасная страсть!.. Это чортъ знаетъ что такое!.. Пстой! Дай Богъ памяти!.. Назадъ тому лѣтъ двадцать кто-то ее препотѣшно разукрасилъ... Я заучилъ даже наизусть...

Есть чувство адское: оно вскипитъ въ крови
И вызвавъ демоновъ, вселитъ ихъ въ рай любви!
Лобзанья отравить, оледенить объятья!
Вздохъ вѣги обратить въ охрипелый вопль проклятья!
Отниметь свѣтъ и жизнь и слезы у очей!
Въ кудряхъ прельстительныхъ укажетъ свитокъ змѣй,
Въ улыбкѣ алыхъ устъ — гienны ослабленье
И въ вѣжномъ шопотѣ—эхиднино шипѣнье!..

Видишь какая знатная, живописная штука—ваша ревность!.. Истинно—адская!..

ВѢРА. Ахъ, дядя, я все это знаю...

Дынинъ. Не мудреная-ли же ты, послѣ этого, женщина?.. Знаешь, и сама же напрашиваешься на мученье?..

ВѢРА. Я не хочу, чтобъ мужъ меня мучилъ, но чтобъ по-крайней-мѣрѣ видно было, что онъ немножко ревнуетъ...

Дынинъ. Вѣдь сама ты, говоришь, не ревнива?

ВѢРА. Нисколько.

Дынинъ. Такъ зачѣмъ же хочешь, чтобъ онъ...

ВѢРА (быстро перебивая его). Я—совсѣмъ другое дѣло!.. Я не

вижу, какъ онъ тамъ обходится съ своими больными красавицами... Впрочемъ (*кокетливо*) и я немножко ревнива...

Дынинъ. Вотъ-те на!..

ВѢРА (*быстро*). Только чуть-чуть!.. А ужъ Владиміръ, такъ вовсе не ревнивъ!.. Я тебѣ серьезно говорю, дядя: его равнодушіе меня убиваетъ!.. Я несчастна, какъ только можетъ женщина быть несчастна!..

Дынинъ. Признаюсь!.. Это несчастье совѣтъ особаго рода!.. Неслыханное!.. Исключительное!..

ВѢРА. Спокойствіе Владиміра невозмутимо!.. Какой-нибудь молодой человѣкъ говоритъ мнѣ любезности, поцѣлуетъ руку, а мужу и дѣла нѣтъ!..

Дынинъ. Неужели?.. Бѣдная женщина!..

ВѢРА. Часто, у насъ цѣлая толпа друзей; все преумные, премилые молодые люди... А онъ себѣ прелегально оставитъ меня одну съ ними и уйдетъ къ больнымъ.

Дынинъ. Не можетъ быть!.. Право, участь твоя прегорькая!

ВѢРА. Да, тебѣ хорошо шутить!.. Вѣдь это значить, что онъ меня вовсе не любитъ?

Дынинъ. Нисколько не значить!.. Ты подала ему поводъ къ ревности? (*Насмѣшливо*). Отвѣчала благосклоннымъ взглядомъ на какой-нибудь тамъ молящій объ участіи, наполненный страстью, тоскою и всякою подобною всячиною, темно-грустный взоръ?

ВѢРА. Фи, дядя!.. Стану ли я это дѣлать?..

Дынинъ. Значить и не позволяла никому серьезно строить тебѣ куры?

ВѢРА. Дядя!.. Я разсержусь на тебя!.. Какъ ты можешь такъ обо мнѣ думать? (*Съ достоинствомъ*). Женщина, у которой такой прекрасный, умный мужъ...

Дынинъ. Пожалуйста не больно расхваливай!

ВѢРА (*трагически*). Мой девизъ — вѣрность до гроба!..

Дынинъ. Какъ же ты хочешь, чтобъ мужъ, при такихъ благополучныхъ для него условіяхъ, вздумалъ ревновать?.. Для этого надо быть сумасшедшимъ или, по малой мѣрѣ, осломъ!.. Къ кому, вопросъ?.. Безъ причины...

ВѢРА (*обнимая Дынина*). А недурно, еслибъ хоть разъ нашлась причина.

Дынинъ (*изумленный*). Чтò? Чтò такое?

ВѢРА. Не бойся, дядя! Чтòбъ убѣдиться, точно-ли Владиміръ меня любитъ, я желала бы, такъ, для шутки, попробовать...

Дынинъ (*перебивая ее*). Попробовать позволить за собой ухаживать?... И не думай!.. Ты такъ молода, неопытна!.. Лукавый, того и гляди вмѣшается въ эту пробу и въ такомъ заманчивомъ видѣ ее представить, что тебѣ непременно захочется дальше идти...

ВѢРА. Ахъ, дядя, какія черныя мысли!

Дынинъ. Вовсе не черныя, а просто мысли — на-бѣло.

ВѢРА. Выслушай, прежде! Я рассчитываю на тебя, на твою мощь... Ты такъ добръ!.. Голубчикъ, дядя! Сдѣлай для меня!..

Дынинъ. Да что такое? Скажи толкомъ.

ВѢРА. Поможешь мнѣ въ этой пробѣ?.. Съ тобою, вѣдь, я могу быть какъ-нельзя больше нѣжна...

Дынинъ. Не понимаю, что за исторію ты затѣваешь?..

ВѢРА. Если Владиміръ хоть на волосъ приревнуетъ — я ужъ и счастлива!..

Дынинъ. Чистое сумасбродство!

ВѢРА (*быстро*). Ты любишь меня?

Дынинъ. Что за вопросъ?..

ВѢРА. Такъ сдѣлай мнѣ удовольствіе! Сыграй хоть минуточку роль влюбленнаго.

Дынинъ. Что?.. Я?.. Влюб... влюбленнаго!.. Ха, ха, ха!.. Еще что выдумашь?.. Часъ-отъ-часу не легче!.. Какъ могло тебѣ придти въ голову, чтобъ Владиміръ приревновалъ...

ВѢРА. Какой ты недогадливый!.. Конечно къ тебѣ, какъ къ дядѣ, онъ ревновать не станетъ... Надо сдѣлать, чтобъ тебя нельзя было узнать, чтобъ Владиміръ издали увидѣлъ твои любезности... А придетъ онъ сюда, я притворюсь смущенной, испуганной... Это будетъ чудесно!.. Ему не извѣстно еще, что ты пріѣхалъ... Ахъ, дядя! если ты хоть немножко меня любишь, такъ поможешь моему горю!.. Сдѣлай мнѣ это удовольствіе!..

Дынинъ. Хмъ!.. Удовольствіе!.. Помочь твоему горю?.. Дай подумать!.. (*Про себя*). Чортъ возьми, надо ее потѣшить!.. Еще счастье, что со мной, а не съ другимъ вздумалось ей сочинять эту пробу!..

ВѢРА. Чтожь ты задумался?

Дынинъ. Изволь!.. Такъ и быть!.. Помогу твоему горю... Объяснюсь тебѣ въ любви самымъ неистовымъ образомъ... Только какъ бы это лучше устроить?.. Конечно, кабы лѣтъ двадцать съ костей долой!..

ВЪРА (*быстро перебегаетъ его*). Тогда бы я тебя, будь уверенъ, не потревожила.

ДЫНИНЪ (*про себя*). Вотъ оно какъ!.. Поди, раскуси ихъ!.. О женщины, женщины!.. (*Върль*). Ладно, ладно! Скорчу такого влюбленного, что у супруга твоего отъ ревности волосъ дыбомъ встанетъ.

ВЪРА. Чудесно, чудесно!.. Сейчасъ велю принести, что нужно для переодѣванья.

ДЫНИНЪ. Переодѣванья?.. Развѣ надо замаскировываться?

ВЪРА. Разумѣется.

ДЫНИНЪ. Стало мы будемъ играть настоящую комедію?

ВЪРА. Непремѣнно. Вотъ въ это окно противный Владиміръ долженъ увидѣть вещи, которыхъ онъ никакъ не подозрѣваетъ, и если и тутъ онъ не сдѣлаетъ мнѣ ни малѣйшей сцены, тогда... тогда я, просто, умру отъ отчаянія!.. Къ чему мнѣ послѣ этого жить?..

ДЫНИНЪ. Ну, конечно!.. Однако шоторопись!.. Пожалуй, мужъ придетъ и весь планъ разстроится.

ВЪРА (*въ волненіи*). Еслижъ онъ хоть немного выйдетъ изъ себя, разсердится, назоветъ меня вѣроломной!.. ахъ, дядя, тогда... тогда... я счастливѣйшая изъ женъ!.. Душка, дядя!.. (*Обнимаетъ и кружитъ его*). Еслибъ это случилось!..

ДЫНИНЪ. Полно, полно! Замучила! Того и гляди—умру; некому будетъ и пробу дѣлать. (*Отдвигается и садится на софу*).

ВЪРА. Я сію минуту вернусь. (*Убѣгаетъ въ садовую дверь*).

VII.

ДЫНИНЪ одинъ.

ДЫНИНЪ. Уф! Не могу вздохнуть!.. Экая шалунья!.. Ну-съ, Петръ Петровичъ, только этого не доставало!.. Заставили васъ комедію играть!.. Ха, ха, ха!.. Придетъ же въ голову подобная блажь!.. Впрочемъ, чтожь?.. Очень естественно!.. Сидитъ себѣ одна, бѣдняжка, изо дня въ день; поневолѣ вздумается покуралесить... (*Подражая Върль*). Онъ не ревнивъ!.. Ха, ха, ха!.. Это у нихъ называется несчастьемъ!.. Заставляетъ тосковать!.. Желательно бы знать, многимъ ли женщинамъ доводится объ этомъ плакать?.. Пожалуй, до

свадьбы, пока предметъ—то не совѣмъ въ ихъ власти, можетъ еще нравиться, если онъ, подчасъ, порядкомъ побѣснуется; а какъ пройдетъ годикъ, другой... (*Машетъ рукой*). Ахъ, я и забылъ!.. (*Въ дверь кабинета*). Владиміръ!.. Докторъ!..

VIII.

НИЛОВЪ, ДЫНИНЪ.

Ниловъ (*выходитъ изъ комнаты*). Что вамъ угодно!

Дынинъ. Иди скорѣй!.. Или нѣтъ—постой!.. (*Осматривается кругомъ*). Надо тебѣ кое-что сказать.

Ниловъ. Все знаю, дядюшка.

Дынинъ. Какъ!.. Знаешь?..

Ниловъ. Я подслушала разговоръ вашъ съ Вѣрой.

Дынинъ. А! Такъ и дѣло въ шляпѣ!

Ниловъ (*смѣясь*). Смотрите-же! Естественнѣе играйте!.. До свиданія!.. (*Хочетъ идти*).

Дынинъ. Постой! Погоди!.. Скажи-ка, ты ни разу не ревновала ее?

Ниловъ. Любовь, какую я люблю Вѣру,—никогда не увидится до ревности... Да и Вѣра не подаетъ ни малѣйшей причины...

Дынинъ. Теперь же, доставишь ей эту пріятность?

Ниловъ. Судя потому, что я слышала, придется дать урокъ...

Дынинъ. Сдѣлай одолженіе, покажись какъ-нельзя свирѣпѣе!.. Она будетъ очень счастлива.

Ниловъ. Вѣрите, все сдѣлаю, чтобъ совершенно избавить ее отъ этой страшной болѣзни. (*Уходитъ*).

Дынинъ. И прекрасно!.. Именно отъ болѣзни!.. Ну, теперь у насъ маскарадъ начнется... Какъ погляжу я...

IX.

ДЫНИНЪ, ВѢРА, за нею КАПИТОНЪ несутъ шляпу съ перомъ и мундиръ и кладетъ ихъ на стулъ.

Капитонъ. Преотмѣнный костюмъ мы для васъ, сударь, съудобили!.. Съ форсомъ!..

ВѢРА. Ну, дядя, скорѣй наряжайся!

ДЫНИНЪ. Подумаешь, чего на свѣтъ не бываетъ?... Подъ старость пришлось комедию играть, представлять влюбленного, приводить въ отчаяніе молодого супруга... (*Раздвѣваясь*). Помоги же, старый!

КАПИТОНЪ (*помогая скидывать сюртукъ*). Эку, сударь, аллегорію приходится вамъ строить!

ДЫНИНЪ. Аллегорію?... Да, да!.. (*Указывая на мундиръ*). Откуда ты эту роскошь промыслилъ?

КАПИТОНЪ. Это на дворѣ отставной господинъ живетъ, такъ его лакей меня, по дружеству, снабдилъ.

ВѢРА. Ты смотри, Капитонъ, не говори барину, что Петръ Петровичъ пріѣхалъ.

КАПИТОНЪ. Что имъ, сударыня, говорить, коли они —

ВѢРА. То-то! Пожалуйста, не оплошай!

ДЫНИНЪ. Да, да, Купидонъ, не проболтайся!

КАПИТОНЪ (*въ недоумльи*). Я говорю, сударь, что баринъ, то есть, ужь...

ДЫНИНЪ (*перебивая его быстро*). Уѣхалъ къ больному и, стало, не видалъ меня, а барыня не велитъ сказывать, что я здѣсь, такъ ты и молчи знай!.. Понимаешь? Молчи!

КАПИТОНЪ. Понимаю, сударь! (*Иходя, про себя*). Хоть убей, словно въ потьмахъ брожу.

X.

ДЫНИНЪ, ВѢРА.

ДЫНИНЪ (*надвѣвъ шляпу, смотрится въ зеркало*). А, вѣдь, я еще молодецъ, хоть куда!.. А?... Чтѣжь теперь прикажете дѣлать?

ВѢРА. Иди сюда, дядя! (*Подводитъ его къ окну и ставитъ спиной къ улицѣ*).

ДЫНИНЪ. Безподобно!.. Дальше чтѣ?

ВѢРА (*отбрасывается отъ окна всторону*). Ахъ, Боже мой!

ДЫНИНЪ. Чтѣ случилось?

ВѢРА. Прошла одна страшная сплетница и взглянула въ окно.

ДЫНИНЪ. Чтѣжь за бѣда?

ВѢРА. Если она видѣла тебя, такъ Богъ знаетъ чтѣ выдумаетъ.

Дынинъ. И пусть себѣ на здоровье трудится. (*Въра опять отскакиваетъ отъ окна*). Опять?.. Еще какая-нибудь бѣда?.. (*Хочетъ оглянуться*).

ВЪРА (*быстро и громко*). Не оборачивайся!.. (*Становится по правую сторону Дынина*). Владиміръ близко.

Дынинъ. Значить, пора начинать?

ВЪРА (*смотритъ въ окно украдкой, чрезъ плечо Дынина*). Давно бы пора.

Дынинъ. Чтѣжъ ты молчала?.. (*Цѣлуетъ ей руку и обнимаетъ ее съ нѣжной grimасой*) Такъ, чтѣ-ли?

ВЪРА (*продолжая смотреть украдкой въ окно*). Будьте нѣжныѣ, страстиѣ!

Дынинъ. Какъ же мнѣ цѣловать тебя, если ты глядишь въ окно?

ВЪРА (*не слушая его*). Остановился!.. Это его поразило!.. Какъ глаза горятъ!.. (*Быстро*). Цѣлуй меня! дядя, цѣлуй!

Дынинъ. Да поверните же ко мнѣ ваше личико!

ВЪРА (*немного наклоняетъ къ нему голову*). Скорѣй! скорѣй!.. Онъ все-еще стоять.

(*Дынинъ цѣлуетъ ее*).

ВЪРА. Ахъ, дядя, ужъ слишкомъ крѣпко! Ахъ!.. (*Быстро отталкиваетъ Дынина отъ окна*). Поди прочь, поди прочь!

Дынинъ. Еще новая бѣда?.. Еще сплетница?

ВЪРА. Къ Владиміру подошелъ его пріятель и чтѣ-то показываетъ сюда. Неужели онъ видѣлъ, какъ ты цѣловала меня?

Дынинъ (*серьезно*). Не такъ-то ловко. Если видѣлъ, такъ про насъ могутъ выйти прескверные толки.

ВЪРА. Ктѣжъ знаетъ, что это ты? (*Осторожно подходитъ къ окну и смотритъ на улицу изъ-за занавѣски*).

Дынинъ. Правда!.. Такъ про тебя станутъ сочинять. А виновать ли я? Сама напросилась!.. Видишь, чтѣ выходитъ, если...

ВЪРА. Ровно ничего. Я знаю, что не виновата и могу всемъ смотрѣть смѣло въ глаза. (*Глядитъ въ окно*). Теперь поскорѣй раздѣнься!

Дынинъ (*переодѣваясь*). Потому чтѣ?

ВЪРА. Чтѣ потомъ?.. И сама не знаю... Увидимъ и услышимъ, чтѣ будетъ?.. Капштонъ! Скорѣй!

XI.

ТѢ же и КАПИТОНЪ.

ДЫНИНЪ. *(отдаетъ ему мундиръ и шляпу)*, Отнеси эти доспѣхи, куда слѣдуетъ.

КАПИТОНЪ. Слушаю, сударь.

ВЪРА. НѢтъ, одинъ мундиръ возьми, а шляпу оставь здѣсь.

ДЫНИНЪ. Ради какой благодати?

ВЪРА. Послѣ узнаешь!... Ступай, Капитонъ! *(Капитонъ уходитъ)*.

XII.

ВЪРА, ДЫНИНЪ.

ДЫНИНЪ. Понимаю!.. Вѣрно она будетъ играть роль предателя?

ВЪРА. Ты угадалъ.

ДЫНИНЪ. Не слишкомъ ли далеко вы заходите, сударыня?

ВЪРА. Ужъ я знаю, что дѣлаю.

ДЫНИНЪ. Какъ хочешь!.. Умываю руки.

ВЪРА *(глядитъ въ окно)*. Все-еще разговариваютъ. Владиміръ, кажется, старается отдѣлаться. *(Быстро отходитъ всторону и оборачиваетъ стулъ, на которомъ лежитъ шляпа, спинкой къ зрителямъ)*... Сю минуту придетъ... *(Смотритъ опять въ окно)*. Оба ушли.. Только бы сюла не пришли вмѣстѣ... Чтожъ мнѣ дѣлать?.. Ни книги нѣтъ, ни работы... Идутъ... Чей это голосъ!.. Неужели онъ не одинъ?.. Уйти покамѣсть... *(Уходитъ въ садъ)*.

ДЫНИНЪ. И мнѣ, до времени, лучше убраться. *(Уходитъ за Вѣрой)*.

XIII.

НИЛОВЪ, КАПИТОНЪ, потомъ ВЪРА.

Ниловъ. Такъ, такъ!.. У тебя всегда одинъ отвѣтъ!.. Никогда ничего не знаешь!.. Гдѣ барыня?

Капитонъ. Онъ сію минуту изволили тутъ быть. (*Оглядывается кругомъ, и увидя шляпу, быстро схватываетъ ее и прячетъ за спину*).

ВѢРА (*входитъ поспѣшно и какъ-бы въ испугъ*). Ахъ, Владимиръ! (*Хочетъ броситься къ нему*).

Ниловъ (*не допуская ее къ себѣ*). Остановитесь!.. Удержите ваши восторги! Надо съ вами поговорить.

ВѢРА (*радостно, про себя*). Вотъ счастье-то!.. Онъ ревнуетъ! (*Громко, съ притворнымъ замѣшательствомъ*). Что съ тобой?

Ниловъ. Сію-минуту узнаете.

(*Капитонъ отходитъ въ глубину сцены и украдкой указываетъ Вѣрѣ на шляпу*).

Ниловъ. Никого не принимать! Насъ дома нѣтъ! Слышишь? (*Быстро оборачивается, бросается съ яростью къ Капитону и вырываетъ у него шляпу*). Чья это шляпа?

Капитонъ (*съ принужденнымъ смѣхомъ, указывая на Вѣру*). Это вотъ онъ изволили.. Это, того...

Ниловъ (*тащитъ его на середину сцены*). Смотри, старый! Говори правду!.. Жизнь твоя на волоскѣ!..

Капитонъ (*боязливо*). Я и то правду... сударь... говорю. Это, того... какъ бышь... фамилья такая хитрая..

Ниловъ (*злбно смѣясь*). Хитрая?.. Признаться!.. Вы съ барыней тутъ, кажется, до-сыта нахитрились!.. Ха, ха, ха!..

ВѢРА (*про себя, радостно*). Я въ восторгѣ!

Ниловъ (*Капитону*). Пошелъ вонъ!.. Съ тобой расквитаюсь послѣ!.. Добромъ, видно, ничего изъ васъ не вытнешь.

Капитонъ. Я вамъ, сударь, самосушую, то есть...

Ниловъ (*грозно*). Вонъ!.. Говорятъ тебѣ!..

Капитонъ. Слушаю, батюшка, слушаю-сь! (*Уходя, про себя*). Экъ его разобрало!.. Словно бѣлены объѣлся!..

XIV.

НИЛОВЪ, ВѢРА.

Ниловъ (*держитъ шляпу передъ Вѣрой*). Ну-съ, сударыня!

ВѢРА (*опускаетъ глаза, какъ-бы въ замѣшательствѣ и боязливо*). Молчаніе).

Ниловъ (*яростно*). Что вы на этот счёт потрудитесь сказать?..

ВѢРА. Я не знаю...

Ниловъ. Не знаете?.. Скажите!.. Отчегожь вы не знаете?.. Вообразите, что передь вами владѣлецъ этой шляпы... Что бы вы ему пролетпали?..

ВѢРА. Не знаю...

Ниловъ. Не знаю! Не знаю!.. Такъ я знаю!.. Все знаю! Слышите-ли?.. Понимаете-ли?.. Все!.. Все!.. (*Пишетъ въ воздухъ: Все!*) Все!..

ВѢРА. Владиміръ, ради Бога, не думай... (*Хочетъ броситься къ нему*).

Ниловъ (*Отталкивая ее, гнѣвно*).

• Прочь, прочь, жена позорная!

Кипи душа моя!..

Твоя измѣна черная

Понятна мнѣ, змѣя!..

ВѢРА (*про себя*). Змѣя!.. Это прелесть!..

Ниловъ. Признаюсь! Увидя, съ улицы, происходившія здѣсь изумительныя вещи... я не повѣрилъ собственнымъ глазамъ... Думалъ— это бредъ, сонъ!.. Наконецъ пробудился... и пробужденіе это ужасно!.. (*Поднимая шляпу вверхъ*). Какой восхитительный видъ!.. Не правда-ли?.. И какъ много сладкаго онъ вамъ напоминаетъ!..

ВѢРА (*про себя*). Ахъ! Такъ бы и бросилась къ нему на шею!

Ниловъ. Чтожь? Долго-ли угодно вамъ будетъ молчать?.. Отвѣчайте же-съ хоть что-нибудь!

ВѢРА. Чтожь я тебѣ стану отвѣчать?

Ниловъ. Какъ что?.. Да, конечно, вы ничего не знаете!.. Я и не подозрѣвалъ, чтобъ вы умѣли такъ искусно разыгрывать роль невинности; вы, чудовище вѣроломства!..

ВѢРА (*въ восхищеніи, про себя*). Чудовище!.. Такъ бы и расцѣловала его!

Ниловъ. Или, можетъ-быть, вамъ угодно, чтобъ я удалился?.. Угодно еще разъ повторить прекрасную романическую сцену?..

ВѢРА (*развязно*). Я все еще не понимаю...

Ниловъ. Не понимаете?... Скажите!.. Я тоже не понимаю, какъ могъ я такъ страшно ошибаться?... Какъ могъ быть такъ непроходимо глушь?... Вѣрить въ добродѣтель, въ благоправіе такой отвѣренной!..

ВѢРА (*обидясь*). Однакожь, Владиміръ!..

Ниловъ (*грозно*). Молчать!

ВѢРА (*пораженная*). Алъ, Боже мой!..

Ниловъ. О, я безумный!.. Думалъ, что жена моя—чистое, прекрасное созданіе! Гордился моимъ воображаемымъ сокровищемъ! Считалъ себя любимымъ! Полагался на добродѣтель моей люб... О, проклятіе!.. Гдѣ, послѣ этого, нравственность, гдѣ добродѣтель, гдѣ вѣрность этой ехидны?..

ВѢРА (*неръшительно и грустно*). Владиміръ, ты не смѣешь сомнѣваться!..

Ниловъ. Не смѣю сомнѣваться?.. Да, да, разумѣется!.. Не смѣю сомнѣваться въ томъ, что видѣлъ собственными глазами.

ВѢРА (*съ боязливымъ смѣхомъ*). Еслибъ ты зналъ, что эта сцена!..

Ниловъ. Что эта сцена ужъ не разъ здѣсь повторялась и въ ней нѣтъ ничего новаго для васъ?.. Знаю съ! Знаю-съ!.. (*Грозно*). Говорите: кто этотъ презрѣнный?

ВѢРА (*неръшительно*). Владиміръ!..

Ниловъ (*громче*). Гдѣ онъ?.. Дайте мнѣ!.. сперва его!.. потомъ!..

(*ВѢРА съ испугъ отступаетъ назадъ*).

Ниловъ. Ни съ мѣста!

ВѢРА (*жалобно*). Послушай, другъ мой!..

Ниловъ. Признавайтесь, гдѣ онъ?.. Гдѣ вы его спрятали?.. Я убью его!.. Гдѣ ножъ?.. (*Бросается въ ярости къ столу*).

ВѢРА (*въ ужасъ кидается всторону, хочетъ бѣжать*). Алъ, Боже мой, Боже мой! Что я надѣлала!..

Ниловъ (*грозно*). Ни шагу дальше!.. Слышите?

ВѢРА. Владиміръ, успокойся!..

Ниловъ (*наливаетъ стаканъ воды*). Довольно, сударыня!.. Вамъ не угодно назвать оболъстителя, похитителя вашей чести, моего спокойствія, счастья?.. Не угодно?.. Такъ, мы сейчасъ же порѣшимъ!.. (*Вынимаетъ изъ кармана коробочку и высыпаетъ изъ нея что-то въ стаканъ*).

ВѢРА. Да послушай, Владиміръ... (*Хочетъ подойти къ нему*).
Ниловъ. Назадъ!.. Ни слова!.. Поздно!.. Гдѣ прикажете, послѣ
этого, искать любви и вѣрности?.. У эскимосовъ?.. У готтентот-
товъ?.. На лунѣ!..

ВѢРА (*въ слезахъ, про себя*). Чтѣжь это будетъ?.. Могла ли
я думать, чтобъ изъ пустяковъ вышла... (*Смотритъ на Нилова*).
Можетъ-быть, онъ успокоится...

Ниловъ (*помѣшывая въ стаканъ ложкою*). Ну, жизнь!
Свѣтъ! Люди!.. Нашъ расчетъ конченъ!.. Мы свитались!.. Ха,
ха, ха!..

ВѢРА (*въ испугъ*). Чтѣ ты хочешь дѣлать?

Ниловъ (*смысья, какъ-бы съ затаенною яростью*). Ха, ха,
ха!.. Адъ! вотъ твоя жертва!.. (*Быстро оборачивается къ Вѣрѣ
и, подавая ей стаканъ, говоритъ глухимъ голосомъ*). Извольте сію
минуту выпить, сударыня!

ВѢРА (*трепеща*). Чтѣ это? Чтѣ это?..

Ниловъ. Не пугайтесь! Не все!.. Съ васъ довольно половины.
Другая для меня.

ВѢРА (*въ испугъ не въ силахъ говорить*). Боже милостивый!..
Чтѣ со мною?..

Ниловъ (*съ угрожающимъ взоромъ и страшнымъ голосомъ*).
Ничего-съ! Ровно ничего-съ!.. Простой, невинный порошокъ... Такой
же невинный, какъ вы сами... (*Повелительно*). Извольте исполнить
приказаніе вашего мужа! (*Идетъ къ ней*).

ВѢРА. Ядъ?.. Ты хочешь отравить меня?.. (*Въ ужасъ убѣгаетъ
въ глубину сцены*). Ядъ!.. Ай, ай!.. Дядя! Дядя! Люди!.. Помо-
гите!.. (*Падаетъ почти безъ чувствъ на руки входящаго Ды-
ниня. Ниловъ ставитъ стаканъ на столъ*).

XV.

Тѣ же и ДЫНИНЪ.

Дынинъ. Здравствуй, Владиміръ!.. Это чтѣ?.. Чтѣ такое?..
Вѣрочка? Чтѣ съ тобою?..

ВѢРА (*въ слезахъ*). Ахъ, дядя! Владиміръ ..

ДЫНИНЪ. Что такое Владиміръ.. Да поздоровайтесь со мною порядкомъ, дѣтя!.. Что съ вами? Что за исторія?.. Никакъ поссорились?..

ВѢРА. Ахъ, дядя, еслибъ ты зналъ...

ДЫНИНЪ. Не хочу ничего знать! Отъ роду не вмѣшивался въ семейныя дѣла. Сядь и успокойся!

ВѢРА (*жалобно*). О, я несчастная! (*Садится на софу и закрываетъ лицо руками*).

ДЫНИНЪ (*дѣлаетъ Нилову знакъ, какъ-бы говоря: довольно, довольно*). Владиміръ...

Ниловъ (*холодно*). Очень радъ, что вы пріѣхали! Очень кстати! Сю-минуту узнаете, въ чемъ дѣло...

ДЫНИНЪ (*какъ-бы дѣйствуя за одно съ Ниловымъ*). Ужъ сказалъ... не хочу знать!.. Вѣрно докторъ дольше, чѣмъ слѣдуетъ, щупалъ пульсъ какой-нибудь хорошенькой больной и оттого...

Ниловъ (*сухо и отрывисто*). Вы ошиблись!

ДЫНИНЪ (*также*). И прекрасно.

ВѢРА (*приподнимается и говоритъ со слезами*). Ахъ, дядя, я не въ силахъ...

ДЫНИНЪ. Ничего! Успокойся! Сейчасъ все устроится, какъ-нельзя лучше.

ВѢРА. Развѣ ты это слѣлаешь?.. А ужъ я не могу... Расскажи ему все... Вѣдь ты знаешь...

ДЫНИНЪ. Да, да, знаю, и...

Ниловъ (*въ изумленіи и рѣзко*). Какъ? Вы все это знали?

ДЫНИНЪ (*смѣясь*). Конечно зналъ, а ты...

Ниловъ. Значить... дѣйствовали за-одно съ преступницей?

ДЫНИНЪ (*добродушно киваетъ головой и смѣясь*). За-одно, и теперь...

Ниловъ. Тысяча смертей!.. Стало-быть, все это было еще прежде условлено.

ДЫНИНЪ. То есть, какъ это... прежде?.. Разумѣется... условлено... (*Про себя*). Какъ онъ мастерски играет!

Ниловъ (*нигино и грустно*). О, люди! Все въ васъ обманъ и ложь!.. Отнынѣ прочь отъ меня вѢра въ честь и справедливость!..

ДЫНИНЪ (*нѣсколько огорченный*). Однако ужъ не довольно-ли, господинъ докторъ?

Ниловъ (*яростно*). Ни слова!.. Берегитесь!.. Я могу забыть, что предо мной... съдой старик!..

Дынинъ (*огорченный*). Да что ты?.. Шутить, или нѣтъ?

Ниловъ (*внѣ себя*). Старик!.. Въ могилу смотреть и безстыдно заводить янтриги!..

Дынинъ (*гнѣвно*). Чортъ возьми! Что ты городишь?..

Ниловъ. И когда все открыто, еще спрашиваетъ... не шутка ли это?..

Дынинъ (*быстро и гнѣвно Вѣръ*). Да что съ нимъ?.. Съ ума, что-ли, спятилъ?..

Вѣра (*боязливо*). Ахъ, дядя...

Дынинъ. Послушай-ка, племянничекъ, вѣдь и я тоже могу взбѣситься!.. (*Съ комическимъ смѣхомъ*). Господинъ докторъ! Я долженъ вамъ сказать...

Ниловъ. Ничего не должны и не можете!.. Все знаю!.. Знаю, что мнѣ осталось одно: отдать вамъ назадъ ваше сокровище, вашу несравненную родственницу!.. Извольте везти ее, куда угодно!.. Еслижъ вамъ вздумается оставить ее здѣсь... то я самъ уйду отсюда!.. Убѣгу, уѣду, навсегда!.. Прощайте!.. (*Стремительно уходитъ въ кабинетъ*).

XVI.

ДЫНИНЪ и ВѢРА.

Дынинъ (*смотритъ вслѣдъ Нилову въ совершенномъ недоумѣннн*). Чтожъ все это значитъ?.. Сплю я, что-ли?.. Подумаешь, что въ-самомъ-дѣлѣ ужалила его змѣя ревности!.. Между-тѣмъ... (*Принужденно смѣясь*) вѣдь это все вздоръ?..

Вѣра (*въ слезахъ*). Нѣтъ, дядя! Къ-несчастью, это правда!

Дынинъ (*озабоченно*).. Нечего сказать, славная была бы исторія, еслибъ онъ точно съ ума сошелъ!.. Эхъ, что я говорю?.. Чепуху какую!.. Это притворство!..

Вѣра. Нѣтъ, нѣтъ! Не притворство!

Дынинъ. Такъ поздравляю тебя съ успѣхомъ пробы!.. А еще увѣрала, что онъ не ревнивъ!.. Да онъ съумасшедшій! Ревнивѣе самаго Отелло!..

ВѢРА. Могла-ли я это предвидѣть!

Дынинъ. По-крайней-мѣрѣ, вы убѣдились въ чемъ слѣдуетъ. (*Садится къ столу направо*). Вотъ тебѣ и (*подражая Вѣрѣ*) «кто любить страстно, тотъ ревнуетъ!..» Вотъ она, ваша поэзія—на повѣрку выходить—не слишкомъ вкусна...

ВѢРА. Что мнѣ теперь дѣлать?.. (*Закрываетъ лицо руками*).

Дынинъ. Перестанешь-ли ты рюмить?.. К чему эти вопли?.. (*Беретъ стаканъ, въ который Ниловъ всыпалъ порошокъ и пьетъ*). Вотъ ужó, какъ онъ поуходится, мы ему зададимъ трезвонъ!.. (*Смотритъ на дно стакана и нюхаетъ*). Да кой чортъ?.. Что это въ водѣ-то было?..

ВѢРА (*взглянувъ на Дынина, въ ужасъ*). Оставь! Дядя! Оставь!..

Дынинъ. Что оставь?

ВѢРА. Не пей!

Дынинъ (*улыбаясь*). Я ужъ выпилъ. Что такое тамъ было?

ВѢРА (*въ отчаяніи*). Ядъ!...

Дынинъ. Никакъ и ты рехнулась?

ВѢРА. Ядъ, ядъ, настоящій ядъ!

Дынинъ (*хочетъ встать, но опять падаетъ, схватывая себя за животъ*). Ядъ?.. ядъ?.. Это ужасъ!.. Люди!.. Молока!.. Молока! Дайте молока!

ВѢРА (*бросается въ дверь прихожей*). Люди!.. Капитонъ!.. Молока!..

Дынинъ (*смотритъ безмысленно*). Возможно-ли это?.. Неужели я... Отчегожъ невозможно?.. Очень можетъ быть!.. (*Хватается за животъ*). Въ-самомъ-дѣлѣ!.. (*Прислушивается*). Да, да!.. Нужно же мнѣ было пріѣзжать сюда, въ этотъ сумасшедшій домъ!.. И зачѣмъ?.. Чтобъ умереть позорною смертю!.. Только нѣтъ!.. Не можетъ быть!.. Это не ядъ!.. (*Опять хватается за животъ*). Ухъ! Ухъ!.. Колеть! Рветъ!.. Люди!.. Батюшки!.. Помогите!.. Умираю!..

XVII.

ДЫНИНЪ, и НИЛОВЪ.

Ниловъ (*осторожно, осматриваясь*). Что съ вами, дядюшка?.. Въ чемъ вамъ помочь?

Дынинъ (*вскочивъ; яростно*). Сьумасшедшій! Извергъ! Чудовище! Убийца!.. (*Падаетъ на стулъ*). Неть... докторъ!.. Вѣдь ты докторъ?.. Ты долженъ все знать... Чтѣжъ ты стоишь, какъ вкопанный?.. Помоги мнѣ!.. Ой, ой!..

Ниловъ. Чтѣ съ вами?

Дынинъ. Ядъ! ядъ! Русскимъ языкомъ говорить тебѣ: ядъ!.. Я отравленъ!

Ниловъ. Откуда онъ къ вамъ попалъ?

Дынинъ (*указывая на стаканъ*). Вотъ въ этомъ проблятомъ стаканѣ... Я... Чтѣжъ ты разинулъ пасть-то?.. Слышишь-ли?.. Умираю!.. Помогай же!..

Ниловъ (*смѣясь*). Успокойтесь! Тутъ не было яду.

Дынинъ. Чтѣ?..

Ниловъ. Вы приняли ложку кремортартару — вотъ и все.

Дынинъ (*вскакиваетъ и смотритъ на него недоовѣрчиво*). Въ-самомъ-дѣлѣ?.. Ты не врешь?

Ниловъ. Честное слово! Я всыпалъ его для большаго эффекта.

Дынинъ (*бѣгаетъ, гнѣвно*). Экая глупая шутка!.. Экая дурацкая игра!..

Ниловъ. Вы сами желали, чтобъ я хорошенько...

Дынинъ. Да, да!.. Только... (*Хватается за животъ*). Ой, ой!.. Чтѣ это бурлигъ?.. Неужто яду не было?..

Ниловъ. Ахъ, дядюшка!.. Неужели я былъ-бы такъ равнодушенъ, еслибъ дѣйствительно вы приняли ядъ. Признаюсь, я зашелъ нѣсколько далеко, и прошу простить меня за жесткія слова—

Дынинъ. Провались ты съ своимъ прощеньемъ!.. Вотъ, Вѣрочка...

Ниловъ. Вѣрочку мнѣ очень жаль; и у ней буду просить помилованія; но, согласитесь, надо же было употребить сильныя средства противъ такого важнаго недуга...

Дынинъ. Правда, правда!..

Ниловъ. Теперь, сдѣлайте одолженіе; сядьте и прикиньтесь въ-самомъ-дѣлѣ умирающимъ.

Дынинъ. Покорнѣйшее спасибо! Этого ужъ не будетъ!.. Наигрался я до-сыта!..

Ниловъ. Изъ любви къ Вѣрочкѣ, она вѣрно станетъ просить меня помочь вамъ и я помогу, а вы...

ДЫНИНЪ (быстро и добродушно). А я, въ благодарность, помирю васъ?.. Ладно, ладно! Валяй!.. А потомъ—баста!..

НИЛОВЪ. Только не выдайте меня раньше времени!..

ДЫНИНЪ. Ужъ будьте благонадежны, господинъ докторъ!

НИЛОВЪ (прислушивается). Тсъ!.. Идутъ!.. (Облокачивается на спинку софы. Дынинъ бросается на стулъ, принимает комическую позу и стонетъ).

XVIII.

Прежніе, ВЪРА, КАПИТОНЪ несутъ на подносѣ стаканъ молока.

ВЪРА (не примѣчая Нилова идетъ быстро къ Дынину). Скорѣй, дядя... (Видитъ Нилова и останавливается, изумленная). Ахъ, Боже мой!..

ДЫНИНЪ (какъ-бы при послѣднемъ издыханіи). Ой! тошнехонько!.. Охъ!.. Конецъ прѣходить!..

ВЪРА (Нилову, умоляющимъ голосомъ). Владиміръ, другъ мой!..

НИЛОВЪ (обратясь спокойно). А! Это вы, сударыня!

ДЫНИНЪ. Докторъ, дождусь-ли я молока?

ВЪРА (въ замѣшательствѣ, беретъ стаканъ съ подноса). Вотъ... вотъ... здѣсь.

НИЛОВЪ (взявъ у нея стаканъ, пробуетъ). Молоко, кажется, очень... (Пьетъ).

ДЫНИНЪ (вполголоса, удерживая смѣхъ). Неужто все выпьешь?.. Злодѣй! Уморилъ, да и спастись не даетъ!..

КАПИТОНЪ (подходитъ къ Дынину). Чтò это, батюшка!.. Нибакъ васъ отравили?..

ДЫНИНЪ (тихо смѣясь). Развѣ не видишь?

КАПИТОНЪ. А чтò-жъ вы живы?.. Вишь какъ мудро!..

НИЛОВЪ (между-тѣмъ пьетъ медленно и, кончивъ, подаетъ стаканъ въжливю Вѣрѣ). Благодарю, милая Вѣрочка!.. Давно не пилъ я съ такимъ апшетитомъ!..

ВЪРА (изумленная и растерянная). А какъ-же дядя?.. Помоги ему.

ДЫНИНЪ (встаетъ). Ха, ха, ха!.. Ужъ онъ давно меня вылечилъ... Да, я думаю, и тебя тоже!..

ВѢРА (смотритъ нѣжно и со слезами на Нилова). Влад-
миръ!

Ниловъ (нѣжно и кротко). Простишь-ли мнѣ милый, без-
цѣнный другъ! (Цѣлуетъ ей руки).

ВѢРА. Ахъ, ты злой!.. (Смотритъ на Дынина и опускаетъ
глаза въ землю). И ты, дядя, за-одно съ нимъ?.. Противный!.. Я
не ожидала.

Ниловъ. А что, вѣдь, не дурно? Еслибъ когда-нибудь вправду
разыгралась у насъ съ тобой подобная драма?..

ВѢРА (бросается къ нему и прячется, какъ-бы стыдясь, го-
лову на его груди). Боже сохрани!..

Дынинъ (добродушно). Ну, несчастная женщина, довольна-
ли ты пробой?..

ВѢРА. Слишкомъ, слишкомъ удалась.

Дынинъ. Значить, никогда ужъ не будешь жаловаться... (пере-
дразнивая ее):—«онъ не ревнивъ!»

ВѢРА. Никогда! Никогда!

Дынинъ. Тѣ-то же!.. Признаться и я доволенъ, что (треп-
летъ себя по животу)... по добру по'здорову уберусь отсюда!..
А то съ этими женскими несчастьями, того и смотри самъ въ бѣду
попадешь.

(Занавѣсъ быстро падаетъ).

ПАНТЕОНЪ

выходитъ съ марта мѣсяца, ежемѣсячно, въ первыхъ числахъ. Онъ состоитъ изъ **12** книжекъ, въ **25** печатныхъ листовъ каждая, съ **12** номерами «РЕПЕРТУАРА РУССКОЙ СЦЕНЫ.» Отъ Редакціи прилагаются къ нему литографіи, гравюры, ноты, *фотоли-тографическіе портреты*: русскихъ знаменитыхъ лицъ, писателей, композиторовъ, художниковъ, артистовъ; *новыишая музыка* русскихъ и иностранныхъ композиторовъ: танцевъ, романсовъ, народныхъ пѣсень, арій изъ оперъ, куплетовъ изъ водевилей, переложеній изъ базетовъ и проч.

ЦѢНА ЗА ГODOBое ИЗДАНИЕ:

15 р. съ пересылкою или доставкою на домъ 16 р. 50 к.

**ПОДПИСКА НА 1856 ГОДЪ ПРОДОЛЖАЕТСЯ
исключительно**

Въ С. Петербургѣ: въ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА ПАНТЕОНЪ, въ Большой Морской, въ домѣ Коссицковской.

Въ Москвѣ: въ КОНТОРѢ ПАНТЕОНА, при книжной лавкѣ Н. В. Базунова.

Только за подписку, принятую въ *этихъ мѣстахъ*, Редакція отвѣчаетъ, и въ случаѣ какой-нибудь неакуратности или ошибки въ доставкѣ, немедленно удовлетворяетъ подписчика, по первому справедливому его требованію. За подписку же, принятую гдѣ бы то ни было въ *другихъ мѣстахъ*, она отвѣтственности на себя не принимаетъ.

Все лица подписывающіяся на Пантеонъ текущаго года, непременно получаютъ ВСѢ КНИЖКИ, начиная съ первой, СО ВСѢМИ СЛѢДУЮЩИМИ КЪ НИМЪ ПРИЛОЖЕНІЯМИ, КОГДА-БЫ ОНИ НИ ПОДПИСАЛИСЬ.

Цѣна за полное изданіе Пантеона за 1852, 1853, 1854 и 1855 годы: — съ пересылкою 20 р. сер. за каждый годъ. Для новыхъ подписчиковъ, желающихъ укомплектовать все изданіе, цѣна за каждый годъ остается 16 р. 50 коп. А кто пожелаетъ взять все годы вмѣстѣ — 50 р. с. за все; за пересылку прилагается 10 р. с.

Имѣющіе нужду до Редакціи или желающіе помѣщать свои статьи въ «Пантеонъ», благоволятъ относиться къ издателю Федору Алексѣевичу Коню, адресуя письма на его имя: «въ С. Петербургѣ, у Чернышева моста, въ домѣ Лыткина.»